

К.В. Асмолов

КОРЕЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

ТРАДИЦИИ
И
ТРАНСФОРМАЦИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ЦЕНТР КОРЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К. В. АСМОЛОВ

КОРЕЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:

Традиции и трансформация

МОСКВА

2008

Асмолов К. В.

КОРЕЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: Традиции и трансформация. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, Центр Корейских Исследований, 2005. - 378 с.

Книга посвящена истории и развитию политической культуры современной Кореи. На обширном материале автор прослеживает формирование политической культуры в КНДР и РК, обращая внимание на их общность, продиктованную единым конфуцианским культурным субстратом, и тенденцию национального субъективизма, направленную на преобразование заимствованных извне идеологических установок применительно к местным условиям. Выполнен структурный анализ элементов политической культуры и общественной ментальности двух корейских государств, исследована трансформация традиционной системы под влиянием изменившейся международной обстановки конца XX – начала XXI вв. и прослежено влияние этих процессов на ход межкорейского диалога и стабильность в АТР.

Книга предназначена как для научной аудитории, включая студентов-востоковедов и политологов, так и для широкого круга читателей, интересующихся затронутыми в ней проблемами.

ВСТУПЛЕНИЕ

Если бы это вступление было к докторской диссертации, оно начиналось бы с принятого зачина о том, что «настоящая монография посвящена анализу формирования на Корейском полуострове традиционной политической культуры и ее трансформации в новейшее время под влиянием изменения общественной ментальности». Но жанр книги предполагает большую свободу, и я постараюсь достаточно подробно рассказать, почему я взялся за разработку этой сложной и многослойной темы.

Командно-административными системами я начал интересоваться еще в школьные годы, желая понять, как они формируются, насколько успешно работают и почему складываются именно так. Поскольку, в отличие от некоторых иных моих сверстников, в моей жизни не было «бодания с дубом», когда личное столкновение человека с негативными сторонами советской системы формирует ее активное неприятие, к началу 1990-х годов я оказался в числе тех, кто успел почувствовать величие СССР, был воспитан как патриот и воспринял распад Союза как крушение державы.

В 1985 г. я поступил в Институт Стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ, но так как языковую группу там не выбирают, вместо желанного японского я попал на корейское отделение, вернувшись с вводной лекции слегка удрученным, ибо все, что я знал тогда о Корее, сводилось к знакомству с северокорейскими журналами на русском языке, которые из-за специфической стилистики и слабого знания их переводчиками русского языка воспринимались как определенная альтернатива журналу «Крокодил».

«Мы готовим штучных специалистов», - сказал нам на вводной лекции директор института, и это было правдой. Ситуация, когда маститый профессор читает лекцию двум или трем студентам не потому, что остальные отсутствуют, а потому, что в группе именно столько человек, была не исключением, а нормой. Самое главное, что старались вложить в нас замечательные наши учителя, это любовь к изучаемой стране и способность ее понять. Нельзя профессионально заниматься страной, не сопереживая ей, не стремясь почувствовать ее изнутри. Так нас учили.

И мы в страну эту влюбились, постепенно перестав воспринимать «Корею сегодня» как юмористический журнал и относясь к его переводчикам с сочувствием, а не с ухмылкой. Мы учились есть палочками, играть в корейские шахматы, а на вечерах художественной самодеятельности разыгрывали сцены из северокорейских революционных опер. И хотя главной темой моих исследований вплоть до окончания аспирантуры в 1997 г. была корейская воинская традиция средних веков, «антиутопические студии» оставались приоритетом номер два.

Уйдя в армию в 1987 г. и вернувшись оттуда в 1989 г., я оказался в изменившейся стране. Изменение это коснулось и «корейского вопроса». Мы начали налаживать контакты с Югом, и когда летом 1990 г. после третьего курса нашей группе пришло время ехать на годичную языковую стажировку

в изучаемую страну, трое студентов ИСАА, и среди них Константин Асмолов, оказались первыми студентами, которые вместо Пхеньяна отправились в Сеул.

За десять с половиной месяцев пребывания в университете Ёнсе, невзирая на формальный запрет покидать столицу, я сумел объездить почти всю страну, ежедневно ведя подробные дневниковые записи, сталкиваясь с реалиями РК времен Ро Тхэ У и не чувствуя себя там иностранцем, переживающим культурный шок. Установление дипломатических отношений между нашими странами и первая встреча президентов Ро и Горбачёва на острове Чечжудо наблюдались мною из Кореи, однако многое из того, что я видел на Юге, все больше и больше напоминало мне то, что мне было известно о Севере.

Это весьма важно, так как первые впечатления от страны обычно самые яркие. У нескольких моих старших коллег, отличающихся весьма критическим отношением к Северной Корее, выработалось оно именно при столкновении с пхеньянской действительностью во время их стажировки там. У меня же знакомство с Кореей начиналось не с КНДР, как это было у них, а с РК, и в результате моя негативная оценка некоторых деталей корейской политической жизни получила уже несколько иную направленность. Отношение к Югу стало более взвешенным, а, оставаясь медиевистом, я не уставал замечать в современной мне жизни страны сохранившиеся элементы традиционного прошлого, которые относились не столько к военной культуре Юга или чучхэйской культуре Севера, сколько к конфуцианской культуре старой Кореи, которую я представлял себе достаточно хорошо. Так, интерес к «идеальной антиутопии» на Севере дополнился изучением «тоталитаризма на Юге» - темы, которая тогда была «полузакрытой», ибо на фоне упоения южнокорейским экономическим чудом о сущности режима этой страны как-то перестали говорить.

Через месяц после моего возвращения домой случился августовский путч 1991 г., и многое в России середины 1990-х стало напоминать мне РК времен Второй Республики - кратковременную «вакханалию демократии» между временем свержения Ли Сын Мана и военного переворота Пак Чжон Хи. Я стал задумываться над целой серией вопросов. Что хуже - авторитарный режим или полностью разваленное государство без укрепленной вертикали власти и национальной идеологии? Чем чреват приход демократии в страну, которая до нее не созрела? Какие элементы авторитарной системы обеспечили Южной Корее экономический рост, а Северной – устойчивость режима на фоне краха стран народной демократии?

Мне казалось, что российским ученым, большая часть которых сформировалась в советское время, значительно проще заниматься изучением авторитарных систем, чем представителям Запада. У них есть определенная возможность анализировать эту систему не только снаружи, но и изнутри, отталкиваясь от собственного опыта. Тот, кто хорошо помнит партсобрания, государственное распределение и многие другие реалии

СССР, понимает ситуацию на Севере лучше, чем человек, который не жил при авторитарном режиме и вырос в системе абсолютно иных жизненных ценностей, вообще не представляя себе, «как можно жить в таких ужасных условиях».

В 1997 г. я защитил кандидатскую диссертацию, и стало понятно, что хотя как ученый-медиевист я уже начал зарабатывать себе определенную репутацию, возможность работать, продолжая занятия медиевистикой, была исчезающе мала. И когда год спустя я предложил себя в качестве сотрудника Центру корейских исследований Института Дальнего Востока (ЦКИ ИДВ) РАН, мне объяснили, что Центр занимается современной проблематикой, причем имеющей прикладное значение, и если у меня есть интересующая меня тема, которая отвечает этим требованиям, я смогу разрабатывать ее как сотрудник Центра. Так изучение авторитарной системы на Корейском полуострове превратилось для меня в стержневую тему исследований, которые и легли в основу данной монографии.

Сначала я планировал закончить работу к 2002 г., после того как полгода специально собирал для нее материалы в Сеуле, будучи в Центре Азиатско-Тихоокеанских Исследований университета Ханьян, но чем глубже я погружался в изучение темы, тем шире она становилась. Стало понятно, что необходимо изучать и исторические корни формирования традиционной политической культуры в Корее, и то, как под влиянием требований времени эта культура меняется.

Здесь, пожалуй, стоит сделать некоторое «методологическое отступление». «Политическая культура» - термин достаточно сложноопределимый. В политологических энциклопедиях он занимает место где-то посередине между «культурой» и «политической системой». С его помощью описываются типы поведения, системы ценностей индивидов и социальных групп, формы и процедуры, в рамках которых происходит принятие и реализация политических решений. Социально-экономическая и институциональная жизнедеятельность общества также не остается вне поля внимания.

Начав заниматься этой проблематикой, я исходил из того, что многие элементы политической системы и политической культуры в целом являют собой отражение общественной ментальности. Идеи рождаются в сознании людей, и перестройка системы невозможна без перестройки их сознания. Политическая культура как комплекс правил, факторов и стереотипов поведения в нашем понимании суть проекция менталитета на общественную деятельность и потому определяет как основной набор форм и методов политической деятельности, так и особенности функционирования государственного/бюрократического аппарата или любой иной сложноорганизованной структуры.

Пока я работал над книгой, и на Севере, и на Юге произошли очень важные изменения, не описать и не проанализировать которые я не мог, и

потому продолжал работу над монографией. В сумме на это ушло более пяти лет, и я с радостью представляю свой труд на суд читателей.

Чем важна и интересна эта книга, которую я старался ориентировать не только на специалистов-востоковедов, но и на более широкий круг читателей? Актуальность исследования подтверждают как минимум пять причин, которые я перечислю ниже.

Во-первых, еще никто в нашей стране не рассматривал современную политическую культуру Кореи не с точки зрения противопоставления двух государств, одно из которых – тоталитарный режим, а другое – процветающая демократия, а с точки зрения места конфуцианской традиции в административной системе и политической культуре КНДР и РК и поиска в них общих элементов, базирующихся на конфуцианском субстрате.

Во-вторых, изучение роли, которую сыграла конфуцианская составляющая в формировании корейских государств, важно не только для Кореи, но и для исследования процесса адаптации западной демократии в странах третьего мира вообще. Особенно это касается взаимодействия демократии с традициями АТР, ибо элементы политической культуры данного региона достаточно четко противостоят тем ценностям, которые сейчас принято называть «общечеловеческими». В этом смысле книга должна быть интересна не только востоковедам, но и политологам широкого профиля, ибо Южная Корея является одним из немногих примеров успешного перехода из числа развивающихся стран в развитые. Потому интересно, какие ценности вестернизации присутствуют в современном обществе РК, как именно они сопрягаются с традицией и как они повлияли на «корейское экономическое чудо».

В-третьих, не так много у нас исследований командно-административных систем «со структурной точки зрения», а те работы, которые касались Кореи, затрагивали только КНДР, при этом эмоции (и просеверокорейские, и антисеверокорейские), как правило, преобладали над объективной оценкой фактов. Попытки всерьез рассмотреть то, как и за счет чего Ким Ир Сену удалось создать систему, которая в период своего «расцвета» могла претендовать на звание «идеальной антиутопии», за счет чего она продолжает существовать до сих пор и каковы общие принципы формирования и эволюции систем такого типа вообще, почти не предпринимались не только у нас, но и за рубежом..

В-четвертых, зная основы национального характера и той среды, в которой воспитывался политический деятель, прогнозировать его политическое поведение значительно проще. Ибо нередко то, что кажется нам в поведении корейских политиков проявлением «нелогичности» и «непредсказуемости», на самом деле суть плод наших попыток «поверить ИХ гармонию принятой У НАС алгеброй».

Понимание корейской политической культуры имеет важное значение и при попытках просчитать реакцию КНДР, поведение представителей которой в наибольшей степени отражает старую традицию, и при

рассмотрении вопросов, связанных с грядущим объединением страны: в какие сроки и по какой модели оно возможно; какие проблемы политического и социально-психологического плана с этим связаны и каковы пути их возможного разрешения.

В-пятых, очень многие элементы корейской истории чрезвычайно важны для изучения именно в нашей стране. Сейчас, когда Россия и Республика Корея проходят похожие этапы общественного развития, определенное сходство проблем переходного периода от авторитаризма к демократии в РФ и РК делает этот аспект исследований особенно интересным. Изучение корейского опыта может послужить подспорьем в решении проблем нашей страны и предостеречь от некоторых ошибок, которые уже совершены там. Потому те, кто задумывается о судьбах нашей Родины по служебному ли долгу или по велению сердца, могут найти в этой книге очень много примеров для размышлений.

Пройдемся по структуре книги. Первая глава является своего рода историческим очерком проблемы, все остальные посвящены «поэлементному» анализу отдельных компонентов корейской политической культуры, общественной ментальности или командно-административной системы. Каждый такой элемент системы в рамках одной и той же главы рассматривается параллельно как на Юге, так и на Севере.

Перечень этих компонентов достаточно велик. Это структура государственной власти и элементы организации административной системы (государственная структура и роль руководителя страны, политические партии, репрессивный аппарат и т. п.); административная культура и бюрократическое поведение; социокультурные аспекты (государственная идеология, система образования, пропаганда, административная культура и т. п.). Уделено внимание и формам протеста против режима, и взаимодействию государственной системы с иными традиционными структурами (семья, церковь, преступность и т. д.).

Такая структура лучше позволяет понять, насколько в действительности близки черты, скрывающиеся за различными фасадами северного и южного режимов, насколько современные процессы политической борьбы или образы политических лидеров соответствуют традиционным канонам и насколько внедренные извне ценности или институты пропитались местным содержанием.

Каждая глава завершается анализом перемен - того, в каких направлениях меняются в каждой конкретной области политическая культура и общественная ментальность КНДР и РК под влиянием новых факторов и насколько последствия этого «внутреннего раскола менталитетов» могут повлиять на развитие ситуации на полуострове как в политическом, так и в социальном плане. Собственно социально-психологическим последствиям изменения традиционной политической культуры и связанным с этим проблемам «ментального» плана посвящена специальная глава.

К сожалению, в работе не всегда уделяется равноценное внимание обоим корейским государствам. Хотя в некоторых случаях более подробно описывается ситуация в КНДР, большая часть работы посвящена изучению ситуации в Республике Корея. Это продиктовано тем, что автор имел возможность поработать на Юге, но не был на Севере, и потому, говоря об РК, может опираться на личные впечатления и достоверно известные ему факты, тогда как его представления о КНДР более опосредованы и опираются на книжные знания, их анализ, анализ СМИ и чужой опыт.

Что же касается источников, которые автор использовал помимо личных впечатлений и своих «полевых исследований», то он старался охватить максимум известной и доступной ему литературы и периодики по затронутым и смежным проблемам на русском, английском и корейском языках, особенно за последние годы, - в том числе большое количество малоизвестной у нас зарубежной литературы на данную тему и богатые интернет-ресурсы.

Конечно, лавинообразно растущий поток информации, особенно по темам, затрагивающим текущий момент, не позволяет зафиксировать и переработать абсолютно всё, даже если это всё теоретически доступно автору. С этим связан также фактор неизбежного морального устаревания части того, что пишется. Ведь есть достаточный временной разрыв между написанием любой работы и ее изданием. На это необходимо всегда делать поправки, когда хочется предъявить автору претензии за то, что он что-то не учел или о чем-то не упомянул.

Еще одно замечание касается применяемой в книге транскрипции. За исключением ряда устоявшихся традиций перевода корейских имен, сложившихся начиная с 1950-х гг. (вроде Ким Ир Сена, который в действительности Ким Иль Сон или Ким Чен Ира, имя которого правильнее писать как Ким Чжон Иль), я буду прибегать к транскрипции корейских имен, принятой в ИДВ РАН и предполагающей, в частности, написание их в 3, а не в 2 слога.

Завершить это вступление мне хочется выражением глубокой благодарности всем, у кого я учился. Всем, чьи труды, советы или замечания помогли мне при написании этой книги. Всем моим многочисленным респондентам в разных странах, которые помогали мне осветить эту проблему с разных точек зрения. Персональное спасибо хочется сказать моим преподавателям в ИСАА М. Н. Паку, Ю. Н. Мазуру, Р. Ш. Джарылгасиновой, В. М. Моздыкову, А. А. Хан, моим коллегам из ЦКИ ИДВ РАН, в особенности - В. П. Ткаченко, А. З. Жебину, Р. В. Савельеву, С. С. Суслиной, Ким Ён Уну, а также В. Н. Дмитриевой, А. И. Мацегоре, В. В. Михееву, Г. В. Булычеву, А. Н. Ланькову, С. О. Курбанову, Т. М. Симбирцевой, В. Саблину, Н. Бирюкову, А. Пастухову, Б. Юлину, О. Пироженко, Р. Казарьяну, Д. Кузнецову, Е. Штефану, Д. Самсонову, И. Кацу, Д. Ли, Пак Хун Бэ, Чо Тэ Чжуну, Ким Хон Гыну, Ли Иль Гюну, Чан Гыну (он же М. Монахан), Лю Ён Ику, О Ён Илю, Ю Чхоль Чжону, Ли Чжон

Вону, Ким Сон Доку, коллегам из университета Ханъян Ю Се Хи, Ли Сын Чхолью, Кан Бон Гу, Ом Гу Хо, сотрудникам и преподавателям Центра Исследований Безопасности в АТР, в том числе генералу Х. Стэкпоулу, А. Мансурову, К. Бейкеру, Р. Халлорану, К. Джаспарро и Дж. Миллеру. Отдельная благодарность моей матери В. Л. Асмоловой за моральную поддержку и большую помощь в подготовке этой книги.

Глава первая. Формирование традиционной корейской политической культуры и очерк ее основных особенностей

Ни одно разделение нации в ходе передела мира после Второй мировой войны не было столь сомнительно, ненормально и искусственно, как разделение Кореи.

Грегори Хендерсон

До того, как выполнить поэлементный анализ современной корейской политической культуры и ее трансформации в новейшие времена, рассмотрим историю вопроса с тем, чтобы перед читателем сразу представала бы целостная картина развития ситуации. Для этого вначале мы расскажем о том, как выглядел традиционный, канонический вариант корейской политической культуры и какие изменения происходили в нем под влиянием событий новой и новейшей истории.

Суть конфуцианского государства

Историки и политологи по-разному группируют характерные черты корейской политической системы¹, но они едины в том, что она безусловно складывалась **под влиянием традиции конфуцианского культурного региона**, наиболее характерными чертами которой были следующие.

Представления об идеальном Порядке и Гармонии связаны не с горизонталью всеобщего равенства, а с вертикально организованной системой, выстроенной на каркасе иерархических взаимоотношений квази-семейного типа (начальник - подчиненный, государь - подданные, отец - сын, муж - жена, старший брат - младший брат и просто друзья, из которых только последнее предполагает равенство в общении). Таким образом, лозунг «Все люди – братья!» имеет иное наполнение, поскольку абстрактное понятие «брат» отсутствует: есть братья старшие и братья младшие. Требования полного равенства воспринимались как хаос и анархия, для недопущения которой следует идти на любые жертвы.

Следует отметить, что канон иерархии накладывает обязанности на обе стороны². Младший обязан слушаться старшего, старший обязан заботиться

¹ Так, Ли Ён Хо выделяет следующие основные черты традиционной политической системы: олигархия при отборе лидеров, деспотическое поведение, абсолютная государственная власть, централизованное распределение власти и парохийный тип политической культуры, отличающийся крайней инертностью масс по отношению к политической активности. А Ян Сын Чхоль на с. 13-14 своей книги «The North and South Korean political systems. A comparative analysis» разделяет корейскую политическую культуру на культуру элиты и культуру масс. К культуре элиты он относит такие элементы корейской традиции, как авторитарная структура власти, социально-политическая структура, построенная по классовому принципу; централизованный бюрократизм и политическое долголетие; фракционная борьба и соперничество между военными и гражданскими; структура власти в регионах; государственная религия; внешние связи и определенный пацифизм. Для культуры масс, по Яну, характерны вооруженные мятежи, крестьянские восстания и национализм.

² На последнее мне хочется обратить особое внимание, так как один из штампов неправильного понимания конфуцианского понятия «служения» сводит его к безоговорочному повиновению вышестоящим. Между

о младшем. Государственное устройство тоже воспринимается через призму семьи. С моральной точки зрения отношения между правящими кругами и населением представляют собой взаимоотношения послушных детей и заботящихся об их благе родителей.

Основной ценностью государства считаются стабильность и гармония. Поддержание таковых является более важной целью, чем индивидуальные блага отдельно взятого подданного, и обеспечивается сильной центральной властью. Статус правителя основывается на принципе Небесного мандата. Эта концепция, разработанная еще Мэн-цзы, утверждала, что право на управление Поднебесной тот или иной клан получает по воле Неба в награду за свою мудрость и моральные качества. Император подотчетен непосредственно Небу, которое выражает свое удовольствие или неудовольствие через природные явления или общее социальное положение народа. В отличие от европейской доктрины «божьего помазанника», легитимность правящего дома не вечна, и утративший мандат правитель должен быть низложен и заменен более достойным, но от легитимной и достойной своего места династии Небо не отворачивается по определению, - и принципиальной оппозиции, деятельность которой направлена на изменение существующего миропорядка, у носителя Небесного мандата быть не может.

Правитель как главный распределитель Благодати наделен значительным количеством сакральных функций, но от него требуются решительные действия по ее насаждению. Именно поэтому мягкий и нерешительный правитель пользуется меньшим уважением, чем жесткий и решительный диктатор, так как внимание акцентируется не столько на страданиях народа в его правление, сколько на том, к чему это правление привело страну³.

Вынужденное существование в рамках группы формирует систему ценностей, основанную на превалировании общества над человеком и коллектива над индивидом. Конфуцианская политическая культура исключает такие либеральные элементы политической традиции, как права личности, гражданские свободы, плюрализм и местную автономию и относится к ограничению индивидуальной свободы человека гораздо более спокойно, чем демократия западного толка.

Меритократия тоже является одной из главных составляющих конфуцианской политической культуры. На Дальнем Востоке основным критерием для обретения власти было не аристократическое происхождение, а необходимый уровень духовных заслуг, проявляющийся в эрудиции и образованности. Личные качества были важнее родовитости, и теоретически любой крестьянин мог сдать государственные экзамены и стать чиновником,

тем, если повиновение предполагает слепое подчинение по умолчанию, конфуцианская категория «служение» предполагает взаимную заботу и налагает на начальника моральные обязательства по отношению к подчиненному.

³ Следует помнить, что в условиях «азиатского способа производства», урожай, как правильно подметил Маркс, зависит не только от плохой или хорошей погоды, но и от хорошего или плохого правителя.

из которых и состояла основа господствующего класса. Отсюда повышенное внимание к образованию⁴ как к средству самосовершенствования и способу подняться вверх по политической лестнице, а также - упор на создание человека нового типа не столько через изменение внешних условий, сколько через изменение его ментальности посредством политической индоктринации.

С этим же связано большее внимание к контролю сознания. Если для европейца, и особенно - американца, важно «право на мысль» (вспомним известное изречение Вольтера), то китайский ответ на это – «правильное мышление», отражающее представления совокупного общественного блага, символом которого является «сборник высказываний», будь то труды Мэн-цзы или цитатник Вождя.

Важным моментом конфуцианской концепции государства является и то, что оно основано не на идее главенства закона, а на идее главенства достойных людей, которые управляют страной сообразно со своими высокими моральными принципами. Европейская концепция закона как сочетания прав и обязанностей отсутствует, и судебная функция государства воспринимается как система репрессивных действий. Это очень четко видно даже по этимологии: если латинское слово «юстиция» означает «справедливость» и предполагает, что закон предназначен для установления справедливости или защиты прав личности, то орган, выполнявший сходные с министерством юстиции функции в дальневосточной государственной системе, именовался «министерством наказаний» (кор. *хёнбу*).

Кстати о «справедливости». И. А. Толстокулаков отмечает принципиальную разницу в содержании этого понятия в Европе и на Дальнем Востоке. В конфуцианской парадигме понятия «справедливость» отсутствует идея социального равенства и равных возможностей для всех, а этический аспект преобладает над социальным⁵. То же самое касается понятий «долг», «совесть», «права», «обязанности» и т. п.⁶

При этом значительную роль во взаимоотношениях человека и системы играет моральная заинтересованность. Стремление к получению материальных благ любой ценой воспринимается с пренебрежением (в традиционной системе в табели о рангах торговец стоял ниже крестьянина), а наиболее престижная работа не всегда является наиболее высокооплачиваемой (как, например, партийные должности в Советском Союзе). Оплата труда функционера системы осуществляется не столько в

⁴ И снова уточним. Не следует считать, что в конфуцианстве присутствует культ образования как книжного знания. Конфуций не говорил о том, что каждый должен получить университетское образование. Речь шла о том, что надлежит найти свое место в жизни и это место в жизни, естественно, зависело от социального слоя, к которому принадлежит человек.

⁵ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток, 2003, с. 42.

⁶ Последнее представляется мне чрезвычайно важным, так как внедрение этих понятий в конфуцианскую парадигму без дополнительного разъяснения того, какой смысл в них вкладывается на Западе, может привести к тому, что эти понятия будут автоматически наполнять их традиционным восточным содержанием.

денежной форме, сколько в форме повышения статуса или привилегий, позволяющих ему жить на более высоком уровне, чем тот, кто стоит на ступеньку ниже. Такая регламентация часто встречается в дальневосточном обществе, где в древности вообще устанавливались четкие рамки, указывающие, кто и во что должен одеваться, какого размера иметь дом и так далее.

Особенности национальной эндемики

Безусловно, Чосон династии Ли, особенно в последние годы, историки считают наиболее неоконфуцианским государством. Однако корейская традиция имела несколько только ей одной присущих характерных черт, отличавших ее от китайского канона.

Первой такой характерной чертой является **более слабое, по сравнению с китайским, политическое лидерство корейского правителя**, из-за которого *ван*⁷ был гораздо более стеснен в своих действиях и не имел возможности реализовывать свою абсолютную власть.

Здесь мы сразу отметим одну важную деталь. С формальной точки зрения Корея была абсолютной монархией. Ее отличала более высокая централизация власти, чем в Японии до реставрации Мэйдзи. Но власть *вана* как право «делать все, что угодно» была ограничена целым рядом факторов. Обычно среди них выделяют слабую легитимность, ограничивающие короля нормы социального поведения, слабый контроль над ресурсами и политическое соперничество янбанских фракций. С моей точки зрения, ведущую роль играли первые два.

Под слабой легитимностью, в первую очередь, понимается то, что корейский *ван* сам не имел Небесный мандат. Он считался вассалом китайского императора - единственного владельца этого мандата, и получал от него инвеституру, каковая воспринималась как финальный этап легитимизации корейского правителя, а не как документ, который приводил его к власти.

Отметим, что получение *ваном* инвеституры или лишение ее никогда не было для Китая средством политического давления. С практической точки зрения Корея была абсолютно независимой в своей внутренней политике, и *ван* мог делать на своей территории все, что угодно, при условии, что он контролирует ситуацию внутри страны и не выказывает нелояльности по отношению к императору.

Слабость *вана* как политического лидера заключалась и в том, что, формально считаясь абсолютным монархом, он не был свободен от конфуцианских норм поведения и был связан по рукам и ногам серией обязательных ритуалов и предписаний. Возможность кардинально менять

⁷ Слово «*ван*» в нашей исторической литературе принято переводить как «король», и в дальнейшем это слово будет встречаться в тексте параллельно с «*ваном*», но хочется напомнить, что этот перевод не буквальный и исторический статус *вана* не тождественен королевскому.

что-то в государстве также была ограничена. *Ван* не мог назначить или сместить чиновника без санкции министерства чинов. Цензорат мог критиковать деятельность *вана*, Секретариат – управлять содержанием его указов, и если с точки зрения ретивого конфуцианского чиновника правитель пренебрегал нормами морали, дамоклов меч обвинения мог нависнуть даже над ним. Таким образом, бюрократия не столько проводила в жизнь решения *вана*, сколько превращала его в собственного пленника, хотя при этом формально монарх все же должен был проявлять решительность.

Надо отметить и характерное для корейского конфуцианства⁸ явление, при котором почтительность (кит. *сяо*⁹) стала считаться более важной, чем верность (кит. *чжун*). В результате характерной чертой корейского конфуцианства стал приоритет сыновней почтительности над верностью государю. Даже отношения государя и подданных воспринимались как «*сяо*», при этом слабое политическое лидерство корейского *вана* по сравнению с китайским императором было не единственным следствием этого. Взгляд на страну как на семью не способствовал укреплению вертикали власти, поскольку при сохранении иерархической системы «ближний круг» оказывался важнее, а это провоцировало регионализм, протекционизм, коррупцию и фракционную борьбу.

Слабость двора обуславливала и фракционную борьбу феодальных группировок. Уровень сложности феодальной интриги при этом был невелик и сводился или к террору, или к физическому уничтожению противников, или к писанию доносов, обвиняющих их в моральном разложении или неправильном понимании конфуцианских догм и очерняющих их, таким образом, в глазах правителя. Нередко фракционная борьба сопровождалась своего рода «фракционной близорукостью», при которой на первом месте были не интересы страны, а обеспечение безбедного существования отдельно взятых фракций, ни одна из которых не была, однако, заинтересована в изменении всей структуры власти. Кроме этого, фракционная борьба вынуждала бояться потерять свое место, что провоцировало желание выжать из своей должности максимум власти и доходов для себя.

Некоторые историки, в частности, Г. Хендерсон¹⁰, выделяют в качестве особых обстоятельств не только фракционную борьбу, но и более распространенный, чем в Китае, институт советников, исполнявших при правителе не только совещательную, но и направляющую роль.

⁸ Говоря «конфуцианство», мы вообще должны помнить, что это явление само по себе многогранно и достаточно часто обладало определенной региональной эндемикой, отчасти связанной с традицией комментирования. Это касается и Кореи, где, например, мало известный в Китае трактат «*Сяо цзин*» («Книга о сыновней почтительности») стал одним из краеугольных камней официальной конфуцианской доктрины.

⁹ С. О. Курбанов переводит «*сяо*» как «служение родителям», ибо эта категория распространяется не только на сыновей, но и на дочерей, «почтительность» не всегда означает «служение», а объектом отношений служат не только собственно родители, но предки вообще (как живые, так и умершие), а также – любые «старшие» – от учителя до государя. При этом согласно «*Сяо цзин*» в это понятие входит еще и забота о собственной карьере и месте в жизни, – ведь только так можно прославить своих предков и обеспечить родителям достойную старость.

¹⁰ Henderson, Gregory. Korea. The policy of the vortex. Cambridge, London, 1978

Консультативный орган, состоящий из представителей аристократии, под разными названиями существовал почти всегда. Традиция эта видна со времен Совета Старейшин государства Силла. Продолжение ее Г. Хендерсон видит в институте цензората династии Ли, а также в повышенном значении тех элементов бюрократической системы, чья задача состояла в обучении и наставлении *вана*. Процесс принятия решений в бюрократической системе был коллегиальным и строился на консенсусе. Пожилым сановникам отдавались престижные синекуры, которые позволяли им влиять на выработку решений, усиливая консервативную струю. В результате способность правителя принимать самостоятельные решения была весьма ограниченной, а необходимость дополнительного согласования влекла за собой весь комплекс проблем, который всегда связан с коллективным руководством.

Вторая черта – более высокий уровень корпоративности правящего сословия. Круг людей, имевших доступ к большой политике, был очень ограничен. Ян Сын Чхоль ссылается на статистические данные, которые говорят о том, что правящая элита составляла примерно 1 % от общей численности населения¹¹. Силла и Корё были сословными государствами, и даже введение системы государственных экзаменов ситуацию не изменило. При династии Ли произошло окончательное слияние аристократов и чиновников. *Янбаны* превратились в закрытое сословие и, несмотря на формальный меритократический принцип организации власти, монополизировали право занятия чиновничьих должностей, - даже их незаконнорожденные дети от наложниц (кор. *сооль*) уже не относились к аристократии и не имели права сдавать экзамены на чин.

Для того чтобы пробиться в этот узкий круг, личных связей было недостаточно, а прослойки, способной конкурировать с аристократами, не было. В рамках традиционной политической культуры не существовало ни харизматического лидера, способного подняться «из грязи в князи» только за счет личных качеств, ни такого понятия, как интеллигенция. Сидение в глуши и писание трактатов было времяпрепровождением для тех, кто находился в опале и рассчитывал таким образом привлечь к себе внимание.

О судьбе незаконнорожденных отпрысков знатных фамилий расскажем подробнее. Многие, наверно, помнят фильм «Хон Гиль Дон», повествующий об участии незаконнорожденного сына знатного дворянина. Проблема таких детей была действительно очень важной и очень болезненной, и автор известного широкому читателю «Сказания о Хон Гиль Доне» поплатился головой за это произведение, которое было воспринято наверху как жесткая социальная сатира. Хотя в действительности большинство незаконнорожденных детей *янбанов* уходило не в разбойники или даосские маги, а пополняло ряды так называемых «*чунъин*», что часто переводят как «средний класс», хотя они составляли около 1 % населения. *Чунъин* были

¹¹ Sung Chul Yang. The North and South Korean Political Systems. A Comparative Analysis. Revised Edition. Seoul, 1999, с. 21.

врачами, переводчиками, юристами и в условиях конфуцианской системы играли роль как бы «технических специалистов», характер знаний которых имел меньший приоритет, чем умение цитировать на память конфуцианские трактаты. Однако по сравнению с аристократами они обладали гораздо более полезным для занятий политической деятельностью комплексом знаний. Вследствие этого они понимали значение прогресса лучше, чем чиновники-аристократы. И когда страну, наконец, открыли, основная тяжесть контактов с иностранными дипломатами и знакомства с достижениями иностранной культуры легла на плечи именно *сооль*.

Бюрократический аппарат, структура которого не особенно менялась со времен Корё, был достаточно развит. Ли Ён Хо определяет количество чиновников времен поздней династии Ли в 14 тысяч человек¹². Цифра эта кажется невысокой, но дело в том, что чиновники редко удерживались на своих постах длительный срок. Г. Хендерсон приводит несколько примеров, из которых наиболее ярким является тот, что за 518 лет правления династии Ли губернатор Сеула назначался 1375 раз¹³, 5 сеульских градоначальников были сняты в день назначения, 10 пробыли на этом посту два дня, а 11 – целых три. Примерно такая же министерская чехарда была характерна для всех высших постов. Это было связано как с практикой недоверия, так и с тем, что занявший хотя бы на месяц престижный пост чиновник получал полный набор прав и привилегий, связанных с полученным рангом, в том числе право занимать посты, для которых наличие этого ранга было обязательным. Отсюда – желание властей «пропустить» через высшие должности как можно больше дворян, дав им, таким образом, возможность подтвердить свой привилегированный статус.

Третьей чертой можно назвать внешнюю зависимость, преувеличенную тягу к копированию внешних образцов и определенное упование на помощь сюзерена. В традиционной Корее таким сюзереном, безусловно, был Китай. Однако после воцарения в Китае маньчжуров в стране распространилось мнение, что именно Корея теперь является местом, где сохранилась истинно конфуцианская традиция. В результате Корея стала своего рода заповедником старины. Тем не менее, эта черта будет очень важна для нас при анализе дальнейшего развития событий, когда после открытия страны у нее появились новые «образцы для подражания».

Четвертой чертой я назвал бы ослабленную роль военных, которая была вызвана как конфуцианским отношением к войне (решать проблемы военными методами считалось моветоном), так и невостребованностью армии в условиях той политической стабильности, на фоне которой существовала династия Ли. Так как страна не испытывала постоянной

¹² Korean Politics in Transition. Cpt.1. The Politics of Democratic Experiment: 1948-1974. By Yuong-ho Lee. // Edward Rynolds Wright, Ed. Univ. of Washington press, 1975.

¹³ Henderson. C.237.

военной угрозы, не было необходимости поддерживать и постоянно высокий уровень ее боеготовности.

О предпосылках перемен

Завершим анализ системы рассуждением о предпосылках демократии как способности народных масс активно влиять на выработку политических решений или управление страной. Практически все историки отмечают, что обычные граждане в традиционной Корее выступали в роли пассивных объектов воздействия власти, не имеющих представления о политике или желания участвовать в ней. Участие их в политическом процессе всегда ограничивалось исполнением ими приказов государственных чиновников, массовые, затрагивающие народ политические структуры типа партий отсутствовали, и единственным методом выражения недовольства оставалось крестьянское восстание как периодический выплеск наружу внутреннего недовольства и связанного с этим насилия. Но и здесь обычно народные массы возглавляли совсем не представители народа.

Вооруженные мятежи «местного значения» обычно возникали не в центре, а на периферии, и редко были направлены на кардинальное изменение всей системы. Чаще всего главной мишенью народного недовольства были местные чиновники, которые существовали в основном за счет поборов, а их произвол никак не ограничивался. Как правило, целью мятежа было своего рода привлечение внимания центральных властей к местным проблемам. Правительству такая ситуация была даже удобна, так как в случае восстания гнев масс обрушивался на конкретных лиц, которых обычно сразу же убивали. После этого, соответственно, власти объявляли, что поелику непосредственных виновников притеснений покарали, а на большее мятежники не замахиваются, всем повстанцам, кроме особо отъявленных бунтарей, объявляется прощение. Более массовые крестьянские выступления были обычно связаны с внешними вторжениями или стихийными бедствиями и являлись не столько действиями, направленными на захват власти, сколько служили реакцией на внешний раздражитель.

Сделаем замечание и о «развитии капитализма в Корее». С точки зрения автора, корейская буржуазия не представляла собой какой-либо самостоятельной силы. Хотя марксистские историки периодически поднимали вопрос о зарождении капитализма в феодальной Корее, неоконфуцианская политическая модель, принижающая роль купцов и меркантильные мотивы деятельности, в целом препятствовала скорой модернизации общества без внешнего воздействия.

Не забудем, что в правление династии Ли ряд коммерческих функций, в том числе внешняя торговля, лежали на плечах бюрократического аппарата, что препятствовало созданию буржуазии как класса¹⁴. В конце XIX в. Корея не имела ни больших городов, живущих, в основном, торговлей, ни

¹⁴ Henderson. С. 195.

класса/прослойки коммерсантов. Это не означает, что купцов не было вообще, но зарабатывание денег торговлей было проблемой, и даже сами деньги намеренно изготавливались очень тяжелыми и не удобными для ношения. Стоящая за этим конфуцианская идея заключалась в том, что если бы они были легче, жадным людям было бы удобнее их копить¹⁵.

Влияние иероглифического письма на традиционную ментальность региона и связанные с ним сложности в восприятии заимствованных понятий

Перед тем, как продолжить рассказ и поговорить о том, как в традиционный субстрат начали внедряться элементы политической культуры Запада, отметим, что на пути ее адекватной адаптации в странах дальневосточного региона встает дополнительное препятствие. Дело в том, что особенности иероглифического письма накладывают интересный отпечаток на трансляцию иноязычных терминов, которые не переводятся буквально, а как бы объясняются через комбинацию уже существующих иероглифов. Принцип звуковой транскрипции нового заимствованного понятия вместо перевода его методом подбора похожих по смыслу знаков появился в РК не так давно, и потому стоит задуматься, вкладывают ли европейцы и корейцы одинаковый смысл в одни и те же понятия.

Сделаем в связи с этим отступление и коснемся того, как повлияло на традиционную ментальность региона иероглифическое письмо вообще. Плюсом письма такого типа является то, что текст, написанный иероглифами за тысячу лет до нашей эры, может быть прочитан нашим современником, ибо за это время могли трансформироваться начертания знаков, но не их значение: иероглифы подобны цифрам или математическим символам: « $2+2=4$ » на разных языках звучит по-разному, но стоит написать это арифметическое действие, и его содержание будет ясно всем. Таким образом, передача информации во времени была гораздо более сохранной, ибо в процессе последовательного перевода с одного языка на другой любой текст искажается.

Но тут мы подходим к главному минусу иероглифического письма – рано или поздно число иероглифов стабилизируется, и принципиально новые знаки появляются крайне редко. Там, где в несимвольном языке можно было бы просто дать транскрипцию, в символьном приходится подбирать комбинацию примерно подходящих по смыслу знаков, вынужденно превращая «автомобиль» в «самодвижущуюся телегу». Происходит подстановка смысла, и принципиально новое понятие воспринимается не как что-то кардинально новое, а как новая комбинация старых знаков.

Когда же речь идет о философских понятиях, найти правильный символ для их обозначения еще сложнее. Характерным примером такой подстановки смыслов является слово «демократия» (кор. «минджу»). Два иероглифа,

¹⁵ Cumings, Bruce. Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998, с. 80, 81.

взятых для его обозначения из «Книги песен», в оригинале означали «владыка народа», или «хозяин народа». Если же говорить о сути демократии как форме политического строя, основанного на принципах народовластия, свободы и равенства граждан, то внимательный анализ каждого из этих понятий в иероглифическом преломлении не дает нам точного перевода.

То же касается восприятия ключевого для демократии понятия «народовластие». Идея прямого представительства народных масс во власти в конфуцианском государстве отсутствует, а иероглифы, которые были использованы для обозначения этого понятия, «читаются» не столько как власть народа, сколько как власть во имя народа или от имени народа. Аналогичная проблема возникает и с определением понятия «свобода». Если мы внимательно проанализируем те иероглифы, которыми обозначают на Востоке это слово (кор. *чаю*), мы поймем, что буквально они обозначают «вольность» или «самоопределение».

О том, как в иерархической системе воспринимают идею всеобщего равенства, мы уже говорили и повторяться не будем. Что же до понятия «гражданин», то его иероглифический аналог «*кунмин*» состоит из знаков со смыслом «государство» и «народ» и может обозначать не только граждан в европейском смысле этого слова (ведь в Китае не было вольных городов и их свобод), но и народные массы вообще, а то и просто «подданных» как людей, живущих на территории данного государства. А «республика» (кор. «*конхвагук*») в иероглифическом прочтении превращается в «государство разделенной (или поделенной) гармонии».

В преддверии нового. Изменения в корейской политической культуре до аннексии страны

В процессе открытия страны в конце XIX в. в Корее сформировались три основных идеологических течения. Первыми были консерваторы, идеологической платформой которых стал лозунг «*Вичжон чхокса*» («Установим истину, изгоним ересь»), под которым понималось непреклонное следование конфуцианской традиции, решительное отмежевание от контактов с Западом и курс на самоусиление.

Эта позиция доминировала в правление Тэвонгуна (1864-1873)¹⁶, однако затем к власти пришла клика королевы Мин, которая придерживалась принципа «*Тондо соги*» («Восточный путь, западная техника»). Под влиянием новых веяний корейский двор начал отправлять в Японию и Китай, а затем - в Европу и США, «ознакомительные» миссии, состоящие из молодых дворян, в задачи которых входило изучение процесса модернизации. Способные молодые люди учились западным наукам в европейских школах Китая. Многие из этих юношей впоследствии стали видными политическими

¹⁶ Под данным титулом, который можно перевести как «великий князь», или «князь-регент», в корейской истории известен принц Ли Ха Ын, отец *вана* Кочжона, управлявший страной до его совершеннолетия и оставшийся в числе заметных политических фигур до самой смерти.

деятелями - как традиционалистами, так и сторонниками прогресса. При этом сам король симпатизировал реформаторам, но королева Мин активно использовала противоречия между реформаторами и традиционалистами для того, чтобы расставлять на ключевые посты представителей своего клана.

В результате в Корее появились свои просветители, группировавшиеся сначала вокруг Прогрессивной партии (*Кэхвадан*), которую точнее было бы назвать «партией цивилизаторства»¹⁷, а затем – вокруг Общества Независимости (*Тоннип Хёпхве*), руководимого Со Чжэ Пхилем.

Здесь сразу же стоит отметить один важный момент. Если мы внимательно рассмотрим классовый состав ранних реформаторов, мы обнаружим среди них очень много *сооль*. После открытия страны именно они как технические специалисты чаще других ездили за рубеж, они были более открыты для впитывания внешних знаний и при этом очень хорошо понимали, что в условиях традиционной системы их карьерный рост абсолютно невозможен. Коренное изменение ситуации было для них единственным способом войти во власть. Христианское вероисповедание и обучение за границей тоже наложило на их мировоззрение дополнительный отпечаток, подстегивая их желание превратить Корею в «азиатскую Францию».

К сожалению, именно с этого времени в корейской истории начался очень печальный процесс, в результате которого демократы и патриоты как бы оказались в разных лагерях. Те, для кого на первом месте были патриотизм и национальный суверенитет, под влиянием конфуцианской политической культуры связывали их с безусловным следованием традиции, часто скатываясь на позиции ретроградов. Те же, кто хотел для Кореи цивилизации и прогресса путем форсированной модернизации, не видели возможности самостоятельного развития страны и полагали, что этого можно достичь только с помощью влиятельной сверхдержавы, будь то Россия, Америка или Япония. Это понятно, так как большинство корейских политических деятелей этой группы получало свой опыт за пределами страны. К ним можно отнести как студентов Фукудзавы Рюкити, так и деятелей типа Со Чжэ Пхилия и (впоследствии) Ли Сын Мана, долгое время проживших в Америке. Заметим, что при этом мало кто из них был осознанным «национальным предателем» или «платным агентом вражеского влияния».

Под данным углом зрения нам следует рассматривать и деятельность прояпонской группы прогрессистов Ким Ок Кюна и К, и деятелей более позднего времени, на которых повешен однозначный ярлык коллаборационистов. Г. Тягай очень верно отмечает сходство контактов корейских и японских просветителей с японскими связями Сунь Ятсена¹⁸. Дело в том, что идеи паназиатизма были достаточно привлекательными, и Япония, оказавшаяся примером того, как азиатская страна может сравняться

¹⁷ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983, с. 88.

¹⁸ Тягай. С. 101.

с европейцами, рассматривалась как страна, лишь недавно сбросившая иностранный гнет и как бы помогающая своим младшим братьям развиваться.

Положение осложняется еще и тем, что выбор политиком той или иной фракции или ориентация на ту или иную страну очень часто были следствием не идеологической позиции, а логики фракционной борьбы. Так, политические взгляды королевы Мин всегда являли собой прямую противоположность текущим политическим воззрениям Тэвонгуна, а Ли Ван Ён, вошедший в корейскую историю как главный национальный предатель, какое-то время был активным членом прорусской партии.

Первая попытка прогрессистов взять власть во время так называемого «Мятежа года *Капсин*» в декабре 1884 г. не увенчалась успехом и скорее ослабила их позиции. Ким Ок Кюн и К, пришедшие к власти на чужих штыках и посмеявшие взять монарха в заложники, были восприняты не как реформаторы, а как национальные предатели. Поскольку в традиционной ментальности отсутствовало понимание того, что результаты какой-либо деятельности далеко не всегда демонстрируют ее первоначальную идею, был сделан вывод, что Ким просто хотел захватить власть столь «нетрадиционным» и неприемлемым способом. Кроме того, большинство реформаторов надолго перестало ориентироваться на Японию, так как заговорить о ее благотворном влиянии значило поставить себя в один ряд с изменниками.

В течение десяти последующих лет Корея попала в жесткую зависимость от Китая, и проникновение в нее новых идей было в основном связано с деятельностью протестантских миссионеров, в первую очередь, американских. Влияние, которое они оказали на Корею, действительно можно назвать огромным. Так начала формироваться и укрепляться проамериканская партия.

Политика протестантов в чем-то была близка иезуитским методам культурной адаптации. Они выдвигали на первый план не пропаганду религии, а строительство школ и больниц, знакомство корейцев с достижениями европейской науки и культуры. Престиж христианской цивилизации демонстрировался таким образом. Конгрегаций было много, им не требовалось, как католикам, ожидать «инструкций из центра», и Г. Хендерсон объясняет успех пресвитерианской церкви и ее широкое распространение в Корее тем, что их система организации и управления во многом совпадала с корейской общинной традицией¹⁹.

Протестантизм оказал влияние и на изменения в ментальности. Христианские ценности, построенные на любви к ближнему, внесли в корейскую ментальность определенные идеи, связанные с гуманизмом. Однако яркий национализм протестантских миссионеров и дух фанатизма и дисциплины, который воспитывала их пропаганда, как бы продемонстрировал корейцам отношение граждан к своей стране и стал

¹⁹ Henderson. С. 83.

косвенным источником развития корейского национализма по относительно «жесткому» пути.

Следующий этап перемен был связан с деятельностью *Тонхак*. Это была первая религиозная организация, которая ставила перед собой и политические цели²⁰. В определенном смысле *Тонхак* можно сравнить с китайскими *тайпинами*. Та же пропаганда национальной гордости, ксенофобия, антифеодальные требования равенства, косвенное влияние христианства и значительное внимание к магическим техникам, дающим неуязвимость в бою и т. п. В учении просматриваются параллели и с ересями средневековой Европы, где равенство Бога и человека использовалось для оправдания эгалитаризма на Земле.

В 1894 г. *Тонхак* инспирирует крупнейшее в истории страны крестьянское восстание, которое в советских учебниках именовалось «крестьянской войной». Восставшие требовали признания их религии; наказания недостойных чиновников, включая губернатора и непосредственного виновника восстания; наказания тех, кто заработал свое богатство вымогательством; наказания тех *янбанов*, которые «ведут себя недостойно», вне зависимости от того, занимают они официальные посты или нет; отмену рабства; улучшения обращения с низшими сословиями; разрешения вдовам выходить замуж вторично; запрещения незаконных налогов; отбора чиновников по заслугам и компетентности, а не по семейным связям; наказания прояпонских коллаборационистов; отмены всех долгов государственным служащим или частным лицам; равного распределения земли между владельцами.

Список очень любопытный. Представляя *Тонхак* как революционное крестьянское движение, в советское время у нас выбирали только те пункты этих требований, которые вписывались в такую концепцию. Однако видно, что восставшие не замахиваются на пересмотр всей системы и ставят себе целью только ее очистку и улучшение, в ходе которых они сами могут подняться в статусе или решить свои насущные проблемы – будь то долги, невысокое общественное положение или действия плохого чиновника.

Следствием восстания была японо-китайская война 1894-1895 гг., в результате которой Китай утратил способность оказывать на корейские дела какое-то влияние. А японцы начали готовить базу для превращения Кореи в японский протекторат, используя в качестве пятой колонны старых соратников Ким Ок Кюна.

В ходе так называемых «реформ года *Кабо*» был официально введен корейский государственный флаг с изображением Великого Предела и четырех триграмм (нынешний флаг Республики Корея), созданы новая государственная структура по европейскому образцу, новая армия, введены школы европейского типа. Были отменены дворянские привилегии, конфуцианская практика государственных экзаменов чиновников, пытки, рабство (в конце XVIII в. свыше 35 % населения были рабами), передвижение

²⁰ Тягай. С. 76-77.

чиновников в паланкинах и практика наказания всей семьи за преступление, совершенное одним из ее членов.

Однако честолюбивая королева Мин не желала быть заложницей японцев и бросилась в объятия России, которая была больше обеспокоена усилением Японии и предприняла ряд дипломатических шагов, направленных на ее ослабление. В правительственных кругах начали набирать силу прорусская и проамериканская фракции.

Последовавшее за этим нападение японцев и сторонников прояпонской партии на королевский дворец и убийство королевы стало одним из «культовых» моментов корейской истории, однако нас скорее волнуют его политические последствия. Разогнав прорусскую партию, японцы провели второй блок реформ, который некоторые историки даже специально отделяют от реформ года *Кабо* (называя их «реформами года *Бильми*»), отличавшийся более быстрыми темпами и более силовыми методами. Было введено европейское летосчисление, а 30 декабря 1895 г. был обнародован указ об обязательной стрижке волос и запрещении носить традиционные прически, который наносил очень сильный удар по традиционному корейскому самовосприятию.

11 февраля 1896 г. под влиянием членов прорусской и проамериканской партий Кочжон бежал из дворца и укрылся в российской миссии в Сеуле, где провел почти год, до марта 1897 г. На следующий день после бегства *ван* отменил указ о стрижке волос и издал эдикт о роспуске кабинета министров и назначении премьером члена прорусской партии.

На тему бегства *вана* в русскую миссию существует целый ряд спекуляций, однако исторические документы неопровержимо свидетельствуют о том, что *ван* не находился там на положении униженного заложника, а Россия не строила каких-либо планов относительно аннексии Кореи и включения ее в состав Российской империи. Кочжон продолжал общаться со своими американскими друзьями, являясь больше японофобом, чем русофилом.

Следующий виток реформаторского движения был связан с деятельностью «Общества Независимости» (1896-98 гг.), духовный лидер которого, Со Чжэ Пхиль активно выступал как против низкопоклонства перед Китаем, так и против русского влияния.

Но члены Общества Независимости не были адептами демократии и современного гражданского общества. Б. Камингс приравнивает их к группировке Ким Ок Кюна с единственным исключением: если первая группа находилась под влиянием японского реформизма, то Со Чжэ Пхиль и его последователи «находились в плену американского прогресса, понося и критикуя при этом достижения своего собственного народа»²¹. Просветительство понималось ими как простое копирование западных обычаев. К тому же, несмотря на весь поднимаемый шум, деятельность политических партий и газет ограничивалась, в основном, Сеулом и прочими

²¹ Cumings B. Korea's place... С. 124.

крупными городами и, по мнению южнокорейского историка Ли Чжон Сика, и предпосылок для проведения широкомасштабных реформ не было.

Тем не менее действия Со Чжэ Пхилия и его соратников были очень важны для укоренения в Корее нового типа политической культуры. Это попытки сформировать интеллектуальную элиту, политическая пропаганда через прессу и использование газеты как средства политической борьбы вообще, массовые демонстрации и публичные выступления европейского образца, апеллирование к националистическим чувствам народа через лозунг «Корея для корейцев». Новым элементом политической культуры были и частые дискуссии на тему развития в Корее демократии, в ходе которых корейцы овладевали европейской техникой парламентских дебатов. Общество имело устав и прокламацию (программу), а его члены платили членские взносы. Можно сказать, что это движение впервые в корейской истории выглядело как политическая партия с европейским фасадом, а не придворная группировка, не имеющая формальных признаков.

На фоне русско-японской войны 1904-1905 гг. в Корее снова активизировалась прояпонская фракция, которая практиковала создание массовых обществ, аналогичных «Обществу Независимости», но направленных на привнесение в страну прогресса через потворство деятельности Японии. Эти настроения были усилены тем, что в русско-японской войне «Азия одержала победу над Европой». Интересно, что достаточно большое число представителей этой группы происходило из низших классов, ранее принимавших участие в движении *Тонхак*.

Прояпонская фракция сформировала «Общество Единения и Прогресса» («*Ильчинхве*»), в программу которого входили почитание императорского²² дома, требование административных реформ и улучшения внутреннего управления. Члены «*Ильчинхве*» были сторонниками реформ, в знак чего носили короткую стрижку. «*Ильчинхве*» имело право на внешние сношения, устраивало развернутые демонстрации у стен королевского дворца (в том числе, требующие отречения *вана*) и, правда, по его собственным данным, насчитывало миллион человек. Оно организовывало массовые митинги, имело свою газету и свои собственные отряды самообороны.

Политические методы «*Ильчинхве*» были далеки от чистоты. Члены «*Ильчинхве*» активно практиковали рэкет, шантаж, политическое давление, устраивали аресты и погромы. Впрочем, техники массовых демонстраций, террора и запугивания придерживались представители всех корейских политических организаций, являвшихся помесью политической организации европейского типа с классическим дальневосточным тайным обществом наподобие небезызвестной китайской «Триады».

С точки зрения Г. Хендерсона, это была первая успешно действующая политическая партия, активно использующая такие техники современной политической культуры, как массовые митинги, публичные выступления,

²² В 1897 г. под давлением «Общества Независимости» Кочжон принял императорский титул.

листовки, организация широкомасштабной финансовой поддержки своей деятельности, лоббирование и т. п.

Все это заставляет несколько пересмотреть бытовавший в советской и российской традиционной историографии взгляд на «*Ильчинхве*» как на продажных политиканов и марионеточную организацию, созданную японцами для прикрытия своих планов по захвату страны. Хотя Общество, безусловно, спонсировалось японцами и имело японских советников, его, похоже, следует воспринимать не как небольшую группу предателей или агентов влияния, как считали у нас раньше, а как достаточно массовую организацию, состоящую из сторонников идеи «Азия для азиатов».

17 ноября 1905 г. японцы установили в Корее свой протекторат, что подразумевает сохранение правящей династии и внутренней структуры государства при уничтожении структуры внешней, то есть расформировании армии, отсутствии самостоятельно проводимой внешней политики и т. д.

Борьба против протектората осуществлялась по нескольким направлениям. Первым была вооруженная борьба в форме отрядов «Армии Справедливости» («*Ыйбён*»). Вторым – просветительское движение, направленное на создание частных школ, издание книг, всяческую пропаганду корейского национализма. Третьим – действия по дипломатической линии: Корея рассчитывала на помощь США, однако американские власти оказались глухи к ее просьбам.

Что было причиной такого безразличия Америки к судьбе Кореи? Во-первых, в то время в Америке была принята «Доктрина Монро», согласно которой основным направлением американской экспансии должна была стать не Азия, а Латинская Америка.

Во-вторых, работала японская пропаганда, представлявшая корейцев варварами, не способными к самостоятельному управлению страной и срочно нуждающимися в том, чтобы их цивилизовать. На фоне Японии и пытающегося модернизироваться Китая Корея казалась европейцам чем-то совсем архаичным и срочно нуждающимся в привнесении туда света цивилизации. При этом (Б. Камингс специально это отмечает) такой позиции придерживались как консерваторы, так и представители более прогрессивных организаций вроде Фабианского общества²³.

В-третьих, президент Теодор Рузвельт, который получил Нобелевскую премию мира за посредничество между Россией и Японией при заключении Портсмутского мирного договора, считал, что если корейцы не могут помочь себе сами, Америке нет смысла вступать из-за них в конфликт с Японией, резкий прогресс которой казался Штатам образцом модернизации азиатской страны²⁴.

Однако, анализируя дипломатическое направление борьбы Кореи с протекторатом, можно ясно проследить влияние новых тенденций. Так, в меморандумах протеста против протектората корейский двор ссылался не

²³Cummings B. Korea's place... C. 127-132

²⁴ Cumings B. Korea's place... C. 125.

только на отсутствие в действиях японцев «гуманности», но и на нарушение ими норм международного права. Для традиционной страны это был новый и нетипичный аргумент. Такая же двойственность прослеживается и в отправлении в США и Европу тайных посланников (Ли Сын Мана и др.) с одновременными попытками действовать в рамках системы европейских международных организаций.

После неудачной попытки отправить делегацию «ходоков-жалобщиков» на международную конференцию в Гааге в 1907 г. японцы вынудили Кочжона отречься от престола в пользу его сына Сунчжона, а новый договор 24 июля 1907 г., существенно расширяющий права Генерального Резидента, сделал его фактическим правителем страны.

Заметим, что к немедленной аннексии страны стремились не все японцы. Генеральный Резидент Ито Хиробуми был за постепенное присоединение, считая, что форсированные темпы повлекут за собой большие протесты, и боролся с «ястребами». Однако в 1909 г. Ито Хиробуми был застрелен «генералом армии *Ыйбен*» Ан Чжун Гыном, превращенным затем пропагандой и Севера, и Юга Кореи в культовую фигуру национального сопротивления, после чего судьба страны была решена. В 1910 г. корейский император «отрекся от престола в пользу японского».

Кстати об *Ыйбён* – это движение тоже было гораздо многограннее, чем кажется на первый взгляд, и это видно по убийце Ито. Жизненный путь Ан Чжун Гына хорошо подчеркивает дуализм корейского национально-освободительного движения данной эпохи, в которой традиционная конфуцианская политическая культура смешивалась с европейскими напластованиями. С одной стороны, ревностный католик, пытавшийся заниматься просветительством и принимавший активное участие в подавлении восстания *Тонхак*, считая их одной из разновидностей «*Ильчинхве*»²⁵. С другой – выбор террора как оружия, и обет, давая который он и его соратники отрезали себе безымянные пальцы на левой руке и, написав кровью четыре иероглифа «независимость Кореи», поклялись расправляться с высшими военными чиновниками и прояпонски настроенными лицами.

Хорошим примером такого подхода является и речь Ан Чжун Гына на суде, в которой традиционные конфуцианские сентенции перемешаны с риторикой, характерной для более современной прессы. Ан позиционирует себя не столько как террориста современного образца, сколько как благородного мстителя недостойному чиновнику, который из-за своих мерзких действий является изменником и по отношению к Японии. Главное преступление Ито у Ана – лишение Кочжона власти как покушение на естественный порядок событий.

Подводя итоги развития корейской традиции в период между открытием

²⁵ Ким Чхан Су. Историческое значение подвига Ан Чжун Гына. // Корейско-российская международная конференция, посвященная 92 годовщине подвига Ан Чжун Гына. Владивосток, 2001.

страны и ее аннексией, можно сделать ряд промежуточных наблюдений о трансформации корейской политической культуры к этому времени.

С открытием Кореи страна вошла в сложную, незнакомую игру международных политических интриг. Внешнее вторжение во внутренние дела страны разваливало старую структуру власти и демонстрировало иные, до того неизвестные, методы политической активности. Однако методы эти еще не были определяющими и внедрение нового шло по традиционным паттернам. По-прежнему все попытки что-либо изменить выглядели как стремление воздействовать через *вана*. Отстранение правителя от власти воспринималось как покушение на основы и вызывало неодобрение как в массах, так и на нижних ступенях бюрократической системы.

Это хорошо видно из всех крупных выступлений конца XIX в. В 1882 г. восставшие солдаты намеревались убить королеву и чиновников из ее клана, но не самого Кочжона. Ким Ок Кюн собирался взять короля в заложники и, контролируя его, осуществлять свои реформы под его прикрытием, но смещение короля де-факто не обеспечило ему поддержку масс, чье сознание воспринимало его именно как замыслившего свергнуть династию. *Тонхак* требовали реформ, свободы вероисповедания и наказания погрязших в коррупции чиновников, но не смены династии или «отставки» Кочжона. Даже в период активности Клуба Независимости Со Чжэ Пхиль требовал реформ, засыпая короля меморандумами или привлекая его внимание уличными демонстрациями или статьями в своей газете. Но как только отношение *вана* к *Тоннип Хёнхве* перестало быть толерантным, его активность быстро сошла на нет.

Именно потому требования к монарху оставались высокими, и это также видно по отношению к Кочжону корейских историков. Он не имеет в их глазах того трагического ореола, которым у нас сейчас «украшают» последнего российского самодержца, и не воспринимается как трагическая фигура в отличие от Тэвонгуна или покойной королевы Мин, которая, при всем ее скверном характере (историки часто сравнивают ее с китайской императрицей Цы Си) отличалась большей активностью.

«Служение старшему» тоже не исчезло, но претерпело определенные изменения. Старый миропорядок исключал наличие иных сверхдержав, способных служить предметом для подражания. Но когда престиж Китая как сюзерена стал падать, представители различной политической ориентации начали с не меньшим пафосом и рвением ориентироваться на иные страны, полагая их новой моделью сюзерена и образцом развития для страны. Даже провозглашение *вана* императором было направлено не столько на возрождение национального духа, сколько на переход Кореи под юрисдикцию нового миропорядка, где разница в титулах правителей уже не играла такой роли.

Двору было проще решать проблему, используя внешнюю крышу и не особенно сопротивляясь внешнему воздействию. В 1882 и 1884 гг. *ван* не сопротивлялся китайскому вторжению, считая действия китайцев

легитимной мерой. После окончания японо-китайской войны контроль сменился на японский, а затем, на короткое время, - на российский – Кочжон пытался как бы найти себе нового сюзерена и защитника. Эта тенденция продолжалась и после протектората. Вместо того чтобы активно инспирировать национально-патриотическое движение и партизанскую войну по всей стране, Кочжон предпочитал искать помощь за рубежом.

Дальнейшая трансформация корейской политической культуры в период японского колониального ига

С точки зрения общего развития политической культуры правление японцев только усилило авторитарные черты режима. Японцы привнесли в Корею значительное количество современных методов контроля и бюрократии, которые повысили эффективность системы подавления и контроля, что позволило некоторым историкам квалифицировать японский режим до 1945 г. как фашистский и тоталитарный.

Начиная с 1931 г. и особенно после начала Второй мировой войны корейцев стали пытаться превращать в «японцев второго сорта», причем акцент был сделан не на «второй сорт», а на «японцев». В рамках Великой Восточно-Азиатской Сферы Сопроцветания корейцам отводилась роль промежуточного звена между собственно японцами и всеми остальными. Форсированная ассимиляция корейцев под лозунгом «Япония и Корея в одном теле» справедливо воспринимается многими историками как своего рода «этноцид», целью которого было полное уничтожение корейской этнической культуры и растворение корейского этноса в японском.

Подобная практика дала, однако, свои плоды. За 30 лет японского господства произошла смена поколений, и те, кому в 1945 г. уже исполнилось 30-40 лет, фактически выросли уже при Новом Порядке. Так как во времена аннексии они еще не родились или были слишком малы, базой, на которой сформировалось их мировоззрение, была японская система правления и менталитета, и некоторые из них говорили по-японски лучше, чем на родном языке.

Отмечу – речь идет не столько о прослойке коллаборационистов, значительная часть которых продолжила свою карьеру и после окончания Второй мировой войны, сколько о целом поколении корейцев, учившихся в японских школах по японским правилам.

Жесткая политика японцев по отношению к национально-освободительному движению имела три следствия. Первое - выдавливание вооруженного сопротивления за пределы страны. Второе – отождествление с большевизмом и коммунизмом любой антиправительственной активности, с одной стороны, стимулировало левый уклон, с другой – как бы размывало определение коммуниста, которым называли любого несогласного. Третье – националистическая или просветительская деятельность на территории самой Кореи нередко осуществлялась под иностранным прикрытием, чаще всего –

миссионерским. Таких людей (это хорошо показало так называемое «дело о корейском заговоре», когда лидеры христианского сообщества были схвачены по ложному обвинению в подготовке покушения на генерал-губернатора) уже не могли просто убить или посадить без суда и следствия. По отношению к ним следовало соблюдать нормы международного права.

Последнее стимулировало христианизацию корейской либеральной интеллигенции, причем испытывавшие влияние «протестантской этики» фиксировали внимание не столько на первородном грехе и самоотречении, сколько на упорстве, равенстве всех перед богом и мессианских идеях.

Следующей вехой в формировании политической культуры было Первомартовское движение 1919 г., набравшее мощь под влиянием Октябрьской революции в России и итогов Первой мировой, породивших идею права наций на самоопределение. Его движущими силами были, с одной стороны, христиане-протестанты, а с другой – деятели новой религии *Чхондогё* (Небесный Путь), представлявшей собой модернизированный и более либеральный вариант *Тонхак*. Г. Хендерсон специально подчеркивает это единство и отмечает, что Первомартовское движение было первым опытом объединения «за», а не объединения «против», когда представители разных социальных групп (*янбанов*-традиционалистов, ориентированных на Европу реформаторов, представителей сопротивления масс) были объединены одной идеей и даже не пытались вести внутреннюю борьбу за власть.

Ключевым моментом Первомартовского движения было объявление «Декларации Независимости Кореи», текст которой знаменует собой очередной этап развития политической культуры и является интересным примером синтеза старого и нового. С одной стороны, оформление в духе традиционной прокламации и ссылки на волю Неба, упоминание духов предков, которые идут в ногу с авторами Декларации, ритуальные восклицания типа «Ах!» и «Увы!»²⁶. С другой – название документа и многие элементы содержания позаимствованы у США. Даже с точки зрения лексики в тексте много новых иероглифических слов и терминов, хотя в нем встречаются и новое слово «мир» (кор. *sege*), и старое – «миропорядок» (кор. *чхончжи*, букв. «Небо и Земля»). Ключевым моментом было и то, что руководители Первомартовского движения видели будущую Корею уже не монархией, а республикой.

Текст упоминает гармоничное развитие каждой личности и великий принцип равноправия всего человечества. Кроме того, в нем много обращений к будущему и ссылок на современные мировые тенденции и «волну прилива мировых перемен», что тоже противоречит традиционным

²⁶ Декларация Независимости // Приложение к сборнику статей «Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение». М., 1999, с. 100-103.

конфуцианским документам, где ссылаются обычно на исторические прецеденты прошлого²⁷.

Дальнейшее развитие эти новые веяния получили с созданием Шанхайского Временного правительства (ШВП), каковое обозначили теми же словами «*Тэхан Мингук*», которыми сейчас называют Республику Корея (японцы продолжали использовать для обозначения корейского генерал-губернаторства название «*Чосон*»).

Президентом ШВП стал Ли Сын Ман, который к этому времени защитил докторскую диссертацию на тему «Америка и нейтралитет», обучаясь международной политике у экс-президента США Вудро Вильсона²⁸. Считается, что именно с его подачи в конституции Шанхайского правительства нашли отражение американские концепции свободы вероисповедания, охраны собственности и предпринимательской деятельности.

Однако в целом корейское общество первой половины XX в. в значительной степени оставалось традиционным. Невзирая на отмену наиболее явных пережитков феодализма, общественная ментальность сохраняла многие черты феодальной конфуцианской, ибо японцы закономерно поддерживали те элементы традиционной структуры («*пятиворки*», круговая порука, письма узников с клятвами верности императору, без которых их просто не выпускали на свободу даже по истечении определенного законом срока заключения и т. п.), которые были направлены на сохранение иерархической структуры и облегчение контроля за народом. Европеизация затронула только небольшую прослойку либеральной интеллигенции, которая после аннексии оказалась или среди коллаборационистов, или вытесненной за пределы страны.

Эта ситуация привела и к тому, что вытесненные за пределы Кореи представители национально-освободительного движения опирались на предоставленные третьей стороной силы и ресурсы. В итоге они становились осознанными или неосознанными агентами этой третьей стороны, будучи ориентированными на ее вариант развития так же, как старые конфуцианцы - на традиционный Китай. Это касается как националистов, так и коммунистов.

При этом оба лагеря были поражены фракционизмом, и я присоединяюсь к мнению Г. Хендерсона, который считает, что к 1945 г. ни коммунисты, ни националисты не смогли создать единую руководящую силу.

Скорее важно то, что после 1919 г. на смену первому поколению реформаторов пришло второе, всерьез начавшее свою революционную деятельность на волне событий 1919 г. Хотя такие люди, как Ли Сын Ман, Ким Гу и в определенной степени Ким Ир Сен участвовали в патриотической деятельности и раньше, именно в это время они

²⁷ Курбанов С. О. Первоапрельское движение и буржуазно-демократическая революция в Кореи. // Первоапрельское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение. Сборник статей. М., 1999, с. 96-97.

²⁸ Henderson. С. 399.

превратились в относительно известных лидеров. С другой стороны, фактор времени работал и на японцев, и с проявлением в политике тех, кто привык существовать в условиях созданного ими «орднунга», нам также предстоит столкнуться.

Освобождение страны и последующее развитие ситуации

На то, как развивались события после окончания Второй Мировой войны, повлияла крайне интересная ситуация, когда большая часть корейской территории, в том числе вся южная часть Кореи, освободилась «самостоятельно», без помощи иностранных войск. Однако ни одно из вооруженных формирований кого-либо из корейских правителей или партизан тоже не принимало в этом участия. После подписания капитуляции японцы сами «вывесили белый флаг» и, за вычетом операций советской армии на северо-востоке страны, никто не сбрасывал их власть с применением военной силы.. Поэтому, когда корейские историки пишут, что они освободились от японцев сами, то под этим «сами» надо понимать не столько «благодаря собственным действиям», сколько «без чьей-либо помощи». Это, с одной стороны, усилило национализм, с другой - создало важный прецедент, связанный с деятельностью Корейской Народной Республики во главе с Ё Ун Хёном: в течение двух недель на территории Южной Кореи существовало правительство, обладающее определенной легитимностью и успевшее провести комплекс мероприятий, усиливших левый уклон.

Делить страну на зоны оккупации изначально никто не собирался, но напомним, что тогда и для СССР, и для Соединенных Штатов Корея была в определенном смысле «терра инкогнита». В США ею никто особенно не занимался (специалистов по ней в правительстве просто не было), а в Советском Союзе старшее поколение ученых-корееведов на тот момент было по преимуществу репрессировано, а новое только-только начало формироваться.

Возможно, именно это незнание того, что сейчас кажется историкам элементарным, и послужило причиной ошибок, которые привели к современному положению вещей. Стремительное наступление советских войск на Дальнем Востоке застало американцев врасплох, требовалось срочно предпринять какие-то меры, и решение «провести черту на карте» показалось самым простым, - тем более что на американской половине страны оставались столица, две трети населения, большая часть аграрных и значительная часть индустриальных ресурсов.

В политике великих держав на Корейском полуострове стоит выделить два этапа. На первом, достаточно коротком, когда холодная война между США и СССР еще не была настолько острой, обе стороны не занимались форсированным внедрением своей идеологии в ущерб сотрудничеству и делали ставку на умеренных центристов.

Изначально раздел на зоны считался временной мерой, превалировала идея совместной опеки, хотя каждая из сторон втайне рассчитывала на то, что она сумеет противостоять амбициям партнера в рамках совместно управляемой страны и повлиять на ситуацию внутри страны так, что корейский народ выберет «нужный» и выгодный именно этой стороне путь развития. Американцы рассчитывали развернуть к себе ситуацию в Корее при помощи «прошедшей миссионерское обучение» и воспитанной на европейских ценностях либеральной интеллигенции, Советский Союз собирался действовать на волне естественного после освобождения уклона страны влево и использовать командированных туда советских корейцев.

Но примерно с начала 1946 г. неприятие корейцами опеки становится очевидным, а тенденция совместных конструктивных действий двух сверхдержав на фоне противостояния двух систем быстро сходит на нет. США окончательно отказываются от решения корейского вопроса совместно с Советским Союзом, и начинается активное возведение «бастиона против коммунизма» на юге и «форпоста революции» на Севере. Расставшись с надеждами на совместную опеку Кореи и вытекавшей из этого ставки на центристские группы, обе стороны перешли к политике поддержки наиболее лояльного кандидата на пост главы государства, который гарантированно обеспечит «правильную» политическую линию, особенно – после вывода своих войск²⁹. Естественно, каждая сторона использовала для легитимизации «своего» режима подконтрольные ей структуры.

Дальнейший анализ произошедшего на полуострове позволяет сделать несколько важных наблюдений и выводов и о предпосылках раскола Кореи на два государства, и о тех переменах в политической культуре и общественной ментальности, которые были связаны с этим периодом.

Первое наблюдение касается **сравнения действий советской и американской администраций** по созданию на своей половине Кореи действенной административной системы. Можно с уверенностью сказать, что советский подход и советские методы руководства были гораздо более правильными.

В отличие от Советского Союза, который с самого начала холодной войны поставил перед собой задачу построения сильного и лояльного к СССР государства и начал целенаправленно внедрять туда элементы своей политической культуры, Соединенные Штаты не имели четкого плана обустройства Кореи и не определились с тем, какую политику они будут там проводить.

Если советские власти воспринимали Корею как колонию Японии, чей народ героически боролся с захватчиками и освободился благодаря доблестной Красной Армии, американцы считали Корею частью страны Восходящего Солнца. Этим можно объяснить сохранение ими на местах японского аппарата подавления и их последующую зависимость от

²⁹ Ванин Ю. В. Некоторые вопросы предыстории и начала Корейской войны // Доклад на конференции «Война в Корее 1950-1953 гг.» М., Институт военной истории, 23.06.2000 г. Рукопись.

переводчиков, которые часто оказывались в роли «серых кардиналов» и могли манипулировать своими хозяевами, интерпретируя события так, как считали нужным и преследуя собственные цели.

Если американцы пытались переломить левый уклон, то советские власти постепенно придавали ему выгодное СССР направление. В итоге государственная структура быстро приобрела характер авторитарной системы сталинского типа, укрепленной прикомандированными назначенцами из числа советских корейцев, однако внешне выглядела естественным продолжением предшествовавших ей органов власти, появившихся без советской помощи.

Если американцы стремились управлять сами, советская администрация с самого начала прибегла к системе косвенного управления, каковое проявлялось как в создании местных органов власти, так и в активном использовании представителей корейской диаспоры внутри СССР. Такая модель не отнимала у советских военных много времени и провоцировала их на проявление своей некомпетентности. Они могли сосредоточить в своих руках решение ключевых вопросов, предоставив повседневные и более связанные с корейской реальностью местным властям.

Что же касается стабильности, то если советская администрация старалась всячески подавлять фракционную борьбу, американцы где-то смотрели на нее сквозь пальцы, а где-то даже поощряли ее, опираясь на военизированные полукриминальные структуры наподобие «Молодежных корпусов», в результате чего террор и политические убийства были нормой до 1950-х гг.

В итоге Ким Ир Сен получил работоспособное государство, в то время как Юг оставался погруженным в коррупцию и нестабильность.

Рассказывая о создании северокорейского государства, хочется отметить еще две важные детали. Во-первых, название «КНДР» было предложено представителями советской администрации. Сами корейцы хотели назвать страну Корейской Народной Республикой по аналогии с тем названием, которое использовало правительство Ё Ун Хёна. Во-вторых, герб и флаг КНДР изначально были аналогичны государственным символам РК, и только после того, как традиционные эмблемы уже оказались использованными «той стороной», Ким Ду Бон разработал новый дизайн герба и флага.

Второе наблюдение касается **вопроса о том, было ли возможно сохранить единство страны.** Конечно, многие считают, что такая возможность существовала, и что правительство, состоящее из умеренных представителей правых и левых сил, было бы признано всеми. Однако против объединения страны после Второй мировой войны работало несколько факторов.

Первый. Хотя на территории страны, особенно ее южной части, практически не велись военные действия, освобождение Кореи в 1945 г. не было следствием борьбы самих корейцев. Страна была освобождена без

активного участия собственно корейцев, и освободители, естественно, принесли с собой свои порядки и свои креатуры, игнорируя иных претендентов на власть. Из-за этого политические силы в Корее рано или поздно были бы вынуждены подстраиваться под идеологическую борьбу России и США, однако представление о том, что Ли Сын Ман с самого начала был послушной американской марионеткой, так же неправильно, как и рассуждения о советской марионетке по имени Ким Ир Сен. В обоих случаях ситуация изначально сложнее.

Второй. Даже без учета внешнего давления корейские политические лидеры сами по себе были сильно идеологически разделены. Представители разных фракций отличались исходной ориентацией и региональными корнями, а некоторые фракции изначально были друг с другом на ножах. Г. Хендерсон достаточно объективно отмечает, что даже не будь холодной войны, серьезное внутреннее напряжение все равно бы возникло. Соперничество лидеров лишь наложилось на соперничество двух сверхдержав, чем только усугубило тенденцию, ведущую к расколу.

Третий. «Коммунизмом» при японцах считались любые попытки активного сопротивления. В результате, с одной стороны, коммунистическое движение приобрело определенную националистическую окраску, а с другой – легальные христианские организации, действовавшие под европейской крышей и проводившие умеренную политику, должны были принимать участие в кампании против коммунизма. Тем не менее, хотя южнокорейское левое движение во многом действовало независимо от Пхеньяна и тем более - Москвы, американцами оно воспринималось как организованное коммунистами и являющееся частью советского плана по захвату всей Кореи³⁰.

Четвертый. Даже если не учитывать обстановку холодной войны и фракционной борьбы, сильному демократическому Центру в Корее просто неоткуда было взяться. В Корее не было многочисленного среднего класса – обычной опоры центристов, а близкие к среднему классу элементы в страхе перед коммунизмом сдвинулись вправо. Попытки умеренных быть толерантными не совпадали с корейской политической традицией. Наконец, у них не было ни популярной в массах философской идеи (они не опирались ни на Конфуция, ни на Маркса), ни внутреннего единства³¹. Б. Камингс отмечает, что какая бы то ни было центристская сила отсутствовала в Корее до 1980-х гг.³²

Существует мнение, что хорошей базой для группы умеренных могла стать Демократическая партия (ДП), однако, так как ДП состояла в основном из процветающих при японцах землевладельцев, массы их не поддерживали.

Третье наблюдение касается того, что **готовность к свободе и готовность к адаптации демократии – «две большие разницы»**. После

³⁰ Cumings B. Korea's place... С. 190.

³¹ Henderson. С. 133.

³² Cumings B. Korea's place... С. 194.

освобождения политическая система была слабой, наследие внедренной японцами бюрократической модели и традиционалистских тенденций было велико.

После освобождения американцы практически заимствовали эту модель, и хотя в ноябре 1946 г. они провели выборы в местные органы власти, эти местные органы отчитывались не перед электоратом, а перед центром. Как японская, так и американская администрации были достаточно жестко централизованными системами, и на фоне общей нестабильности военной администрации было не до обучения корейцев парламентской демократии.

Г. Хендерсон неоднократно замечает, что, несмотря на то, что формально законодательная структура была достаточно демократической, уровень централизма и концентрации власти в руках президента был весьма высок, и вскоре власть закона стала перетекать в руки конкретных людей – Ли Сын Мана и его клики.

Основные этапы трансформации политической культуры КНДР и РК

Корейская Война 1950-1953 гг. окончательно закрепила разделение полуострова, причем благодаря условности демаркационной линии еще до начала военных действий все приверженцы той или иной политической модели пересекли эту границу и обосновались там, где им хотелось, - ультралевые националисты и либеральная интеллигенция оказались на Севере, а те, кто не принимает коммунизм, - на Юге.

При этом каждое из корейских государств формально осуществляло свою юрисдикцию на территории всего полуострова и страстно жаждало «воссоединения» любой ценой: страну разделили по живому, и ситуация казалась абсолютно неестественной.

Однако объединение не было достигнуто, созданная Демаркационная линия, быстро превратившаяся в «великую корейскую стену», только подчеркнула раскол полуострова, а в умах нескольких поколений, переживших войну, осталась психологическая установка на противостояние - между двумя частями одной нации выросла стена вражды и недоверия. Политическая и идеологическая конфронтация была лишь закреплена.

Разделение страны и «синдром огненного кольца» в значительной степени помогли укреплению авторитарных тенденций по обе стороны 38 параллели, ибо постоянная близость врага, необходимость действовать военными методами и приносить в жертву личное благосостояние во имя процветания страны немало способствовали развитию тоталитаризма: «реалии времени» требовали структур управления, естественно предполагающих ограничение свободы.

С этого времени политическая культура двух корейских государств начала двигаться в различных направлениях, формально обусловленных тем,

что после раздела страны на две оккупационные зоны, СССР и США попытались внедрить в своей зоне влияния собственную идеологию и связанные с ней социально-политические институты. Однако процесс адаптации такой идеологии оказался достаточно сложным, и в обоих случаях «классические» социализм или либеральная демократия под воздействием местной специфики постепенно трансформировались и приобретали «корейское лицо».

Можно выделить три этапа развития политической культуры, характерные как для КНДР, так и для РК. Первый включал в себя внедрение идей «сюзеренов» (коммунизм - на Севере, антикоммунизм/ западная демократия по типу США – на Юге) и попытку «натянуть их на» традиционный/конфуцианский каркас. Кроме того, само «внедрение демократии» (точнее, ее институциональной составляющей) в Южной Корее 1960-х осуществлялось все теми же командно-административными методами. А это не только подчеркивало разрыв между декларируемой целью и средствами ее достижения, но и укрепляло в массовом сознании представление, что «настоящая демократия» выглядит именно так. Вместо содержания был заимствован только фасад, за которым скрывались беспорядок и хаос, наступившие в результате разрушения традиций и авторитетов. Говоря о свободе и демократии, большинство не понимало значения этих слов или, наоборот, преувеличивало их содержание.

В этом контексте нам очень важен первый «демократический» эксперимент, проведенный в период кратковременной Второй Республики (1960-1961). Попытка в кратчайшие сроки привести Корею к европейским стандартам (как их понимала власть) закончилась глубоким структурным кризисом и захватом власти военной хунтой во главе с Пак Чжон Хи.

Второй этап характеризовался формированием системы с фасадом, отвечавшим требованиям времени, но традиционной по содержанию. При сохранении общей коммунистической или антикоммунистической риторики по обе стороны 38 параллели больше внимания стали уделять идеологии национализма, опоре на собственные силы и определенному лавированию между двумя сверхдержавами, курирующими корейские государства. Превратности понимания и осознанная политика руководителей страны (на Севере - Ким Ир Сена, на Юге - Пак Чжон Хи) привели к тому, что за внешне диаметрально различным фасадом скрывались структуры, имеющие много общего.

Высокий уровень политической индоктринации населения, повышенная роль армии и органов безопасности, контроль информации и передвижения, государственная система, в большей или меньшей степени подстроенная под харизматического лидера, выработка соответствующей требованиям времени «идеологии национального субъективизма» (*чучхэ* на Севере, *чучхэсон* на Юге) – далеко не полный перечень того, что объединяло режимы Ким Ир Сена и Пак Чжон Хи.

Различия между режимами носили тактический характер и были продиктованы внешними заимствованиями из политической культуры СССР и США того времени, хотя влияние коммунистической идеологии и применявшихся в СССР методов создания системы и воздействия на личность испытал на себе не только Север. Можно заметить, что, не заимствуя коммунистические идеологические установки, Пак сумел перенять те элементы советской командно-административной системы, которые, будучи внедренными на южнокорейскую почву, продолжали эффективно действовать.

Получившийся в результате вариант социализма/демократии с корейской спецификой оказался достаточно жизнеспособным и обеспечил обоим корейским государствам определенную стабильность. Представляется, что именно синтез традиционного наследия с новыми идеями обеспечил и южнокорейское экономическое чудо, и ту живучесть, которую демонстрирует режим Севера.

Окончательное формирование «образцового режима» произошло на Севере и на Юге примерно одновременно – в первой половине 1970-х годов. Как раз тогда в КНДР в полной мере сформировался и укрепился культ Ким Ир Сена, а на Юге был проведен новый виток усиления авторитарной структуры, известный под названием *Юсин*.

Период авторитарного апогея в обоих случаях закончился в конце 1980-х, когда в обоих корейских государствах появились первые признаки системного кризиса. Несмотря на то, что первые намеки на перемены начались в конце 1980-х – начале 1990-х (Юг продемонстрировал большую готовность меняться, чем Север), серьезное изменение традиций, задевающее не их внешнюю оболочку, а коренные элементы структуры, началось только в середине 1990-х.

На Юге это было вызвано приходом к власти Ро Тхэ У и проведенной им относительной либерализацией, на Севере было связано с распадом Восточного блока и перестройкой в СССР. При этом пусковым моментом во многом послужило «агрессивное воздействие внешней среды», которое на Севере проявилось в форме катаклизмов 1995-1997 гг., а на Юге – в форме финансового кризиса 1997 г. Как бы то ни было, после этого обе страны оказались в таком положении, что не меняться было нельзя.

Так начался третий этап эволюции, в ходе которой под влиянием изменившегося миропорядка трансформируется уже не надстройка, а базис. Модернизация эта отличается от подхода «*тондо согги*» («восточные Пути – западная техника»), поскольку в данном случае речь идет уже не о наполнении старой формы новым содержанием, а об изменении самой формы и поиске «новых Путей».

Движение это идет в трех направлениях. Во-первых, под влиянием новой ситуации многие элементы традиционной системы начинают изменяться сами, без инициативы сверху. Во-вторых, некоторые явления, которые ранее воспринимались общественным сознанием как нечто само

собой разумеющееся, становятся темой для дискуссии. В-третьих, подвижки идут и на официальном уровне, так как администрация пытается устранить элементы традиции, которые она считает морально устаревшими.

Вышеуказанные процессы едины и для РК, и для КНДР, но на разрушение традиции по обе стороны 38 параллели повлияли различные факторы, вследствие чего процесс структурной перестройки Севера и Юга пошел разными путями благодаря различному набору условий внешнего давления.

На Юге, в первую очередь, это была **общая демократизация**, которая постепенно превращается не только в демократические цели, но и в демократические средства их достижения. Особенно это стало очевидным с приходом к власти правительства Ким Ён Сама, когда в массовом сознании клише авторитарной системы стал заменять принцип «что не запрещено, то разрешено».

Не менее важна **глобализация** как открытость корейского общества для восприятия иных традиций. После относительно демократических преобразований, начавшихся с начала 1990-х гг., РК стала более проницаемой для западной культуры и на этой волне - для европейской/американской ментальности.

Катализировал ситуацию **кризис 1997 г.** Он, с одной стороны, продемонстрировал крах традиционной системы, с другой – вынудил правительство Ким Дэ Чжуна более активно заниматься демонтажом традиции. Валютный кризис и заем МВФ, фактически выкупивший страну из долговой ямы, оказались очень сильным ударом не только по экономическому благополучию большинства корейцев, но и по национальному престижу, - победное шествие страны вверх внезапно и резко оборвалось, что заставило многих задаться вопросом о том, «в правильном ли направлении мы шли».

Среди причин изменения ситуации на Севере, безусловно, можно назвать перемены в мире вокруг КНДР, ибо воздействие внешней среды продолжает оказывать влияние на внутреннюю ситуацию вне зависимости от попыток исключить или ограничить его. Тем более что благодаря ряду событий, произошедших после смерти Ким Ир Сена, резко ухудшившееся экономическое положение страны вынудило Пхеньян хотя бы в какой-то мере ослабить железный занавес.

Наконец, следует учитывать некие общие закономерности изменения авторитарной системы, характерные для подобных режимов вообще. Дело в том, что рано или поздно внутри системы развивается и приобретает массовый характер так называемое двоемыслие – люди прекрасно понимают, что и как надо говорить в официальных ситуациях (на партсобраниях или при разговоре с руководством компании), имитируя полную преданность режиму/фирме и держа свои истинные мысли при себе. Это не значит, что они недовольны строем настолько, что собираются строить планы по его

изменению и тем более, противостоять ему на уровне действий, но они и не поддерживают его всем сердцем, относясь к нему как к неизбежности.

Однако здесь мы уже подошли к тому, чему будет посвящена основная часть нашей монографии – к сравнительной характеристике различных элементов авторитарной составляющей корейской политической культуры, во многом сходных на Юге и на Севере, и их трансформации под влиянием требований времени.

Глава вторая. Государственный строй, вопросы легитимности власти и роль вождя

В жизни не видела, чтобы сто тысяч человек танцевали в ногу. Думаю, для таких достижений просто необходим диктатор.

М. Олбрайт¹

Сравнение двух систем мы начнём с государственного устройства и проблемы легитимности власти. Мы помним, что конфуцианское государство основано не на власти закона, а на личном авторитете правителя, и попробуем проследить, насколько эта тенденция проявляется на Корейском полуострове сейчас.

Государственный строй РК

До начала демократических преобразований взаимоотношения власти и закона в Южной Корее имели следующие особенности. Закон находился в подчиненном положении, и меняющаяся власть каждый раз подстраивала его под себя, легитимизируя свои инновации. Иными словами, не президент руководил страной согласно существующей конституции, а конституция переделывалась под президента. Большинство изменений касалось, в основном, формы правления, системы выборов президента, меры его власти и сроков его полномочий². За время существования Республики Корея было принято шесть конституций³, по числу которых и ведется счет республикам (не забудем, что на правление Пак Чжон Хи приходилось две конституции). Вплоть до Шестой Республики каждый президент переиначивал этот Основной Закон для обеспечения собственной легитимности, и даже в правление Ким Дэ Чжуна ходили упорные слухи о том, что в конце своего президентского срока он изменит систему правления с президентской на парламентскую.

Конституция **Шанхайского Временного Правительства** наделяла президента значительной властью, хотя из-за статуса правительства в изгнании способность его главы действовать, опираясь на реальные структуры власти, была снижена, и на деле все по-прежнему зависело от соотношения сил между отдельными лидерами.

Создатели **Корейской Народной Республики** придерживались ориентации на британский тип организации власти, при котором функции президента были главным образом церемониальными. Именно потому, хотя руководство республикой осуществляли левые, из уважения к его заслугам пост президента был предложен Ли Сын Ману.

¹ Госпожа Госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. При участии Билла Вудварда. (Madeleine Albright. Madam Secretary). М., 2004, с. 601

² Иванов А. М., Князев С. Д. Создание, развитие и современное состояние конституционного права Республики Корея. // Материалы Международной научной конференции «100 лет корееведения в ДВГУ». Тезисы и доклады. Владивосток, 2000, с. 24.

³ Все Конституции РК позиционированы не как новые конституции, а как новые редакции одного и того же Основного Закона.

Согласно Конституции **Первой Республики** президент и Национальная Ассамблея были наделены равными полномочиями, но затем различные поправки усилили власть президента. Первые из них были приняты в 1952 г. (введение прямых выборов, освобождение президента от прямой ответственности перед парламентом), а затем - в 1954 г. (отмена ограничений на число президентских сроков и право президента лично контролировать деятельность всех министров и государственных учреждений)⁴.

Редакция Конституции 1960 г. создала основу для **Второй Республики**, которая установила парламентское правление по типу Западной Германии, сведя роль президента к церемониальной. Он считался главой государства, но исполнительной властью не обладал. Парламент должен был состоять из двух палат – Нижней и Верхней.

После военного переворота 1961 г. в стране правил Закон о чрезвычайном положении, а затем в 1962 г. была принята новая конституция, известная как Конституция **Третьей Республики**. Согласно ей президент наделялся самыми широкими полномочиями, избирался прямым голосованием сроком на четыре года, но не более чем на два срока подряд. Законодательная и исполнительная ветви делили власть поровну, а Национальная Ассамблея снова стала однопалатной.

Победив на выборах президента 15 октября 1963 г. и 3 мая 1967 г., Пак Чжон Хи сначала стал добиваться права на третий срок правления, а 17 октября 1972 г. совершил конституционный переворот *Юсин* и предложил ввести в Конституцию поправки, которые предусматривали, в частности, увеличения срока президентства до шести лет, косвенную систему его избрания при помощи выборщиков, наделение главы государства правом распускать парламент, назначать кандидатов в Национальную Ассамблею через так называемое собрание выборщиков *Юджонхве*. Таким образом, Конституцию **Четвертой Республики** 1972 г. можно считать неопрезидентской (Г. Б. Булычев даже использует термин «суперпрезидентской»⁵).

Конституция **Пятой Республики** 1980 г. создавалась для того, чтобы, с одной стороны, не допустить прихода к власти второго диктатора типа Пак Чжон Хи, но, с другой, несмотря на демократические формулировки и заявленные права и свободы, власть действующего президента была существенно усилена, - он избирался Коллегией выборщиков на семь лет без права продления этого срока. В случае если в конституцию все-таки нужно было внести изменения, касающиеся продления срока полномочий президента, они не могли применяться по отношению к действующему президенту, а только – к последующим. Президент мог распустить парламент, но парламент мог отправить в отставку Кабинет министров. Однако пока парламент не приступил к выполнению своих обязанностей,

⁴ Толстоулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 94.

⁵ Булычев Г. Б. Политические системы государств Корейского полуострова. МГИМО МИД России. Кафедра востоковедения. М., 2002, с. 16.

законы принимал специальный Совет по Национальной Безопасности, возглавляемый президентом. В результате президент имел возможность менять политическое положение в стране в любую выгодную ему сторону.

После победы на выборах Ро Тхэ У в 1987 г. вступила в действие Конституция **Шестой Республики**, которая впервые не была ориентирована на продление срока полномочий действующего президента. Президент избирался прямым голосованием на один пятилетний срок и не имел права распускать парламент, власть которого значительно усилилась. Было устранено или изменено значительное количество одиозных поправок к конституции, сделанных в 1972 г.

В 1990 г. оппозиция очень сильно боялась, что объединенная правящая партия, имея необходимые 2/3 голосов, в очередной раз изменит конституцию, продлив полномочия Ро Тхэ У и назначив Ким Ён Сама первым министром при нем, однако этого уже не произошло, и с означенного времени кардинальные изменения в Основном Закон не вводили.

Попытка изменить законы предпринималась в 2002 г., когда Ли Ин Чжэ – соперник Ро Му Хёна по внутрипартийной борьбе, призвал к изменению государственной системы по французскому образцу, при котором президент занимался бы внешней политикой и национальной безопасностью, а премьер-министр – внутренними делами, тогда как нынешняя конституция дает президенту практически неограниченную власть. Он также предложил заменить один пятилетний президентский срок двумя четырехлетними⁶.

Таким образом, за исключением конституции Шанхайского Временного Правительства, Корейской Народной Республики Ё Ун Хёна и Второй Республики РК, все прочие конституции РК – конституции президентской республики, наделяющие главу государства большим комплексом полномочий.

Даже согласно относительно либеральной по сравнению с предшествующими Конституции 1987 г. президент – символ и представитель нации, глава администрации и руководитель Государственного Совета, главнокомандующий вооруженными силами страны и, как правило, лидер ведущей общенациональной политической партии. Он непосредственно отвечает за внешнюю и внутреннюю политику, может накладывать вето на принятые Национальной Ассамблеей законы и распускать ее.

То, что после избрания президент обладает широкими полномочиями, но при этом никому не подотчетен и не может быть переизбран, является, по мнению нескольких исследователей, своего рода структурной миной, заложенной в Конституцию РК: получается, что президенту незачем выполнять предвыборные обещания и заботиться о мнении электората⁷. Более того, ограниченный срок пребывания у власти стимулирует окружение президента «хватать, пока можно», и не заботиться о будущем, так как все

⁶ Korea Herald, 06.07.2002.

⁷ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 349.

порожденные ими проблемы будут решать уже не они. Это не уничтожает, а усиливает коррупцию и безответственность.

Национальная Ассамблея практически не имеет возможности выступать против президента, а ее способность объявить ему импичмент существенно снижена. Она может выражать вотум недоверия правительству или объявить импичмент президенту (ст. 61 Основного Закона) за нарушение им конституции и законов при исполнении служебных обязанностей. Но принятие решения об импичменте не распространяется дальше отрешения президента от должности и не может освобождать его от гражданской или уголовной ответственности. Поправки в Конституцию могут быть внесены, только если за них проголосует 2/3 депутатов.

Депутатам запрещается занимать посты в государственных учреждениях. Они обладают неприкосновенностью, но иммунитет распространяется на них лишь во время парламентских слушаний, и то за исключением особо тяжких преступлений. Арестовать депутата во время сессии можно только с одобрения парламента, причем на сессии должно присутствовать больше половины членов Ассамблеи.

Следует специально отметить противоречие между президентом и парламентом, возникающее из-за того, что срок президентских полномочий составляет 5 лет, а парламентских 4. Такая ситуация мешает президенту эффективно проводить в жизнь свою политику, ибо одновременное обновление обеих ветвей власти происходит редко, и президенту очень часто приходится работать с парламентом, раскладка сил в котором на момент его прихода к власти уже морально устарела. Из-за этого президент не всегда может своевременно обеспечить проведение своей политической линии⁸.

В сочетании с отсутствием права на второй срок это существенно подрезает способность президента к крупномасштабным реформам, проведение которых требует значительного времени.

Главным исполнительным органом страны является Госсовет. В него входят президент (его председатель), премьер-министр (вице-председатель) и руководители других общенациональных министерств и ведомств. Премьер назначается президентом с одобрения Национальной Ассамблеи, а члены Госсовета – президентом по рекомендации премьера. Они несут ответственность только перед президентом, хотя Национальная Ассамблея вправе выразить кому-то из них вотум недоверия. Функции премьер-министра, таким образом, сводятся к организации общего планирования и координации действий членов Госсовета. При неизменной роли президента премьер часто выступает «мальчиком для битья», и люди на этой должности меняются достаточно часто. Парламент может принимать решения по кадровым вопросам, однако де-юре они носят только рекомендательный характер, и формально президент не обязан к ним прислушиваться. Иное

⁸ С другой стороны, результаты парламентских выборов, если они проходят в середине или в конце президентского срока, оказываются хорошим индикатором того, насколько оправдались ожидания избирателей, и насколько они продолжают доверять нынешней власти.

дело, что действия наперекор парламенту могут быть восприняты как противодействие воле народа и его избранников⁹.

Существует несколько Управлений и Комитетов, имеющих права министерств, том числе – Комитет Контроля и Инспекции (при Ким Ён Саме преобразован в Палату Аудита и Инспекции), занимающийся надзором за деятельностью государственных структур, инспекцией компетентности и правильности поведения госслужащих. По своему месту в системе он является не столько «второй прокуратурой», сколько аналогом Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС или традиционных конфуцианских учреждений, призванных надзирать за моральными качествами чиновников. Хотя Палата формально не является силовой структурой, ее расследования (например, по фактам коррупции или злоупотребления властью) становятся основанием для возбуждения уголовных дел.

Особо отметим такой элемент системы, как практика назначения чиновников на «виртуальные» должности губернаторов провинций, «временно оккупированных Севером», зарплата которых, заметим, не сильно отличается от зарплаты действующих губернаторов. В основном, они принимают участие в пропагандистских мероприятиях или работе с диаспорой из данной провинции, но теоретически в случае внезапного объединения страны они займут свои посты и немедленно приступят к работе по полной программе, так же как число депутатов Национальной Ассамблеи увеличится на треть за счет избранных от Севера¹⁰. По сообщению В. Ткаченко, назначенцы такого рода существовали не только на уровне губернаторов, но и на уровне иных чиновников руководящего звена, вплоть до ректоров университетов.

Важную роль играют и структуры власти или при власти, связанные с главой страны. В правление Пак Чжон Хи аппарат президента, роль и функции которого были скопированы с Белого дома США, играл роль второго Кабинета Министров¹¹.

Президент возглавляет Совет Национальной Безопасности (СНБ), который состоит из восьми членов¹² и координирует все виды деятельности, связанные с национальными интересами¹³. Однако ведущую роль в обсуждении проблем на заседаниях СНБ играют не руководители ведомств, а три советника президента по международным отношениям, обороне и национальной безопасности, лично преданные действующему президенту.

Обратим внимание на практику создания при президенте различных научных фондов или частных НИИ, руководители которых являются близкими друзьями президента и имеют достаточное влияние на политику, не занимая официальных постов во властных структурах. Это явление,

⁹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 313.

¹⁰ Cumings B. Korea's place... С. 488.

¹¹ Прошин А. А., Тимонин А. А. Неоколониализм США и Южная Корея. М., 1985, с. 126.

¹² В состав этого совещательного органа при главе государства входят премьер-министр, министр обороны, министр по делам национального объединения, глава внешнеполитического ведомства и несколько членов Совета, назначенных лично президентом.

¹³ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 130.

которое существовало и при Чон Ду Хване (фонд *Ильхэ*), и при Ким Дэ Чжунге (фонд его имени), можно трактовать как наследие конфуцианской политической системы, когда *ван* в обязательном порядке должен был иметь советников из числа конфуцианских ученых, рекомендации которых были показаны к исполнению.

Рассмотрим и ситуацию с формальной риторикой. В тексте конституции появлялись и исчезали ссылки на «военную революцию». В нынешней подчеркивается приверженность корейского народа демократическим идеалам Апрельского восстания 1960 г. Правда, заметим, что в конституции РК, также как в советской, есть не только глава, посвященная правам граждан, но и глава об их обязанностях. Это важно, так как в государствах с «развитой демократией» такого раздела в Основном Законе страны нет.

Согласно статье 3 Конституции РК «территория Республики Корея состоит из Корейского полуострова и прилегающих к нему островов». В Конституции КНДР этот анахронизм был исправлен в 1972 г., когда территорией страны провозгласили только северную часть полуострова, а столицей был объявлен Пхеньян, а не Сеул¹⁴.

Государственный строй КНДР

Как в Советском Союзе эпохи Сталина, в КНДР следует отличать демократически выглядящий фасад от скрывающейся за ним жесткой авторитарной структуры. Южнокорейские авторы очень любят повторять догмат о том, что «в отличие от РК, конституция КНДР не является конституцией в европейском понимании этого слова», а ее истинное назначение – претворение в жизнь указаний вождя¹⁵.

Тем не менее, изменения происходили и здесь. В этом смысле очень поучительно рассмотреть закрепившую установление режима *чучхэ* Конституцию КНДР 1972 г., которая заменила Конституцию 1948 г., написанную во многом в подражание советской Конституции 1936 г. и составленную в стиле международных документов такого типа.

Основное направление изменений в области государственного строя заключалось в укреплении власти президента. По сравнению с 1948 г. конституционные функции Постоянного Комитета Верховного Народного Собрания были сокращены и переданы Президенту КНДР и Центральному Народному Комитету. Помимо этого, Ким Ир Сен был Генеральным секретарем ЦК ТПК и Верховным главнокомандующим.

Президент избирался на четыре года, но прописанного механизма подотчетности президента Верховному Народному Собранию не было, а вице-президент не являлся автоматическим наследником президента в случае

¹⁴ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 300.

¹⁵ Chin-Wee Ching. Evolution of political institutions in North Korea. // Сборник Asian politic institutionalization (хрестоматия для студентов-политологов университета Ёнсе). Сеул, 1990.

его смерти или отставки и просто помогал ему в работе. Не оговаривалась и процедура смены президента.

Следует отметить и то, что в КНДР термин «президент» записывается не так, как в РК. Южнокорейский термин «*тэтхоннён*», который у нас принято переводить как «президент», можно условно перевести как «большой/главный, отдающий /формулирующий приказы». Этот термин указывает на роль президента как главы административной системы, и им называют президентов европейских государств. Между тем, для обозначения поста Ким Ир Сена использовался термин «*чусок*» (кит. *чжуси*), тождественный титулу Председателя Мао и руководителя Шанхайского Временного правительства Ким Гу. Этимологически этот титул гораздо ближе к термину «председатель» или латинскому значению слова «президент», которое, по сути, означает «председательствующий» или «восседающий на главном месте»¹⁶. Понятно, что в этом значении подчеркивается функция президента как носителя не административной, а традиционной власти в силу его высокого положения.

Высшим законодательным органом являлось Верховное Народное Собрание (ВНС), формировавшееся примерно по тем же критериям, что и советский Верховный Совет, и являвшееся, по крайней мере, формально, как бы слепком северокорейского общества. Начиная со Второго созыва, Собрание больше не включало в себя представителей Юга. Повестка дня заседаний Верховного Народного Собрания обнародовалась, а повестка дня заседаний Постоянного Комитета, который, в основном, контролировал законодательную линию, не публиковалась.

Функции правительства были разделены между Центральным Народным Комитетом (ЦНК), который формировал политику и контролировал ее проведение в жизнь, и Государственным Административным Советом (ГАС), который непосредственно проводил эту политику в жизнь. ЦНК не присутствует ни в советской, ни в китайской организации власти, подчиненные ему структуры имелись на каждом локальном уровне, он состоял, в основном, из членов Политбюро ЦК ТПК и контролировал судебные органы. Административный Совет унаследовал функции Кабинета Министров образца 1948 г., но полномочия его главы были значительно скромнее, чем полномочия премьера. Он являлся просто главой административной власти, которая проводит в жизнь утвержденные решения. В назначениях на этот пост не было никаких резких изменений. Новый премьер всегда назначался из числа вице-премьеров. Постепенный рост числа министерств и их перечень демонстрировали большее внимание режима к промышленности, технологии и науке.

Отметим и такую особенность авторитарной системы, как сочетание высших партийных и государственных постов¹⁷. Поначалу Ким Ир Сен занимал только пост премьера, затем партийная власть сочеталась с

¹⁶ Интересно, что северокорейцы настойчиво требовали, чтобы в русскоязычной переводной литературе Ким Ир Сена называли не Председателем, а Президентом.

¹⁷ Sung Chul Yang. С. 283.

законодательной (совмещение постов генсека и президента), а не с исполнительной, однако контроль всегда был абсолютным.

Таким образом, конституцию КНДР 1972 г., по которой президент обладал всей полнотой власти, можно назвать «сделанной под Ким Ир Сена». При этом она не являлась прямым аналогом ни советской, ни китайской.

Если же рассматривать ситуацию де-факто, то организационная структура страны выглядела так. Во главе ее стояли Президиум Политбюро, Политбюро и Секретариат ТПК. Ниже шли Верховное Народное Собрание и Центральный Народный Комитет. Эти два уровня осуществляли общее и идеологическое руководство страной, выдавали решения. Затем шли уровни, отвечавшие за их практическое выполнение — отделы ЦК, Административный Совет и ведомства, не входившие в его состав — министерства народных вооруженных сил, охраны государственной безопасности и др. Завершала пирамиду государственной власти КНДР система местных органов партийной и исполнительной властей, которая имела непосредственный выход на предприятия, кооперативы, народные группы (*инминбаны*) и т. д.

Руководство народным хозяйством на местах было возложено на ответственных секретарей парткомов, являвшихся одновременно председателями народных комитетов. Секретарям по партийной линии подчинялись председатели местных административных комитетов, не имевшие реальных рычагов управления. Проводниками текущей генеральной линии в политике во все времена были группы молодежи — бригады *Чхоллима* в 1960-е годы, отряды «скоростного боя» — в 1970-е, группы «трех революций» — в 1980-е.

Вторым важным моментом новой конституции стало то, что столицей страны был объявлен не Сеул, как это было ранее, а Пхеньян. Это достаточно важно, так как пока РК считает сферой своей юрисдикции весь полуостров, и с точки зрения Конституции и Закона о национальной безопасности юга КНДР является не самостоятельной страной, а «антигосударственной организацией».

Критики Севера обращают внимание и на то, что если Конституция 1948 г. давала гражданам право критиковать все вышестоящие инстанции, включая самые высшие, из Конституции 1972 г. это право было исключено. Сейчас оно сохранилось только в уставе ТПК, которая по сравнению с государством играет роль менее формальной структуры.

Следующий блок дополнений к Конституции и изменений в ней был сделан в 1992 г. Главным среди них было создание Государственного Комитета Оборона с весьма широкими функциями. Статья 111 конституции КНДР определяла их как «руководство и командование всеми военными силами страны». Многим представлялось, что Конституция 1992 г. отражала ухудшение здоровья Ким Ир Сена и передачу в связи с этим части его полномочий другим функционерам. А некоторое ослабление власти президента трактовали как подготовку к тому, что любой следующий за Ким Ир Сеном руководитель уже не будет обладать такой полнотой власти.

Этот постулат был закреплён дополнениями к Конституции, сделанными в 1998 г., которые формально сохранили за умершим Ким Ир Сеном ведущие руководящие должности: «КНДР и корейский народ под руководством Трудовой партии Кореи почитают великого вождя товарища Ким Ир Сена как вечного Президента республики», а посты Ким Чен Ира названы иначе.

Вообще, новая Конституция (комплекс принятых дополнений был так велик, что то, что получилось в результате, уже нельзя назвать просто дополнением к старой) весьма интересна. Если строго следовать её тексту, высшим государственным органом является Президиум Верховного Народного Собрания, а его Председатель — высшим должностным лицом республики.

На деле высшим государственным органом является Комитет обороны (КО) КНДР (который формально решает только военные вопросы или, если считать шире, вопросы, связанные с обеспечением безопасности страны, причем из десяти членов КО только двое являются гражданскими лицами), а руководителем страны является его Председатель Ким Чен Ир. Интересно, что хотя в конституции этого нет, первые информационные сообщения об итогах сессии ВНС говорили о том, что теперь за КО будет «руководство и командование всеми политическими, военными и экономическими силами страны в целом». Для сравнения - до 1992 г., КО во многом оставался номинальным органом, осуществлявшим согласно статье 111 предыдущей конституции КНДР «руководство и командование всеми военными силами страны».

Де-факто Комитет Обороны встал и над Верховным Народным Собранием с его постоянными органами, и над Кабинетом Министров (в который переименовали Административный Совет), подчинив себе высшую законодательную, исполнительную и представительную власть. Здесь напрашивается аналогия с Государственным Комитетом Обороны СССР времен Великой Отечественной войны.

На Западе такое могут воспринять как попытку Ким Чен Ира скрыть свою роль, формально выдвигая на пост главы государства председателя ВНС Ким Ен Нама, - так же, как Сталин в свое время имел при себе формально обладающего более высокой, чем он, государственной властью, но реально безвластного, «всесоюзного старосту» Калинина. Может даже показаться, что Ким Чен Ир сознательно оставил брешь в своей обороне, ибо теоретически его можно отрешить от власти, оперируя положениями конституции, согласно которой его должность дает ему право курировать исключительно военные вопросы. С другой стороны, авторы книги «Korean Public Administration. Managing the uneven development» (By Bun Woong Kim & Pan Suk Kim. Seoul, 1997), отмечая некоторую тенденцию усиления собственно закона в отличие от руководящих указаний вождя в последние годы правления Ким Ир Сена, полагали, что это служило подготовкой к национальной модернизации. Похожего мнения придерживался и Б. Камингс, который в своей написанной в 1997 г. книге считал, что на тот

момент руководство Северной Кореей было коллективным. Элита по-прежнему группировалась вокруг Ким Чен Ира, но смена титула «Великий вождь» на «Великий руководитель» указывала на то, что власть наследника не так всеобъемлюща¹⁸.

Представляется, что эти точки зрения не совсем верны. Г. Б. Булычев отмечает, что, начиная с 1990-х годов, официальный аппарат управления был фактически парализован: съезд ТПК не созывался с 1980 г., хотя по уставу он должен проводиться раз в пять лет; пленумы ЦК ТПК не созываются с декабря 1993 г. (по крайней мере, о них не сообщается в прессе), и даже сессии Верховного Народного Собрания не созывались с весны 1994 г. по 1998 г.¹⁹

Автор этой монографии согласен с точкой зрения А. Мацегоры, полагающего, что Великий Руководитель считает себя вождем харизматически легендарного типа и принятие формального властного титула как бы спускает его с небес на землю. Обладая властью не согласно конституции, а согласно более высшему праву, он становится как бы небожителем, осуществляющим в этом мире волю отца.

Вопрос о легитимности и преемственности власти

Ян Сын Чхоль считает, что в Корее наблюдается определенный кризис легитимности. Изначально режимы Ли Сын Мана и Ким Ир Сена были как бы экспортированы извне и не являлись естественным продолжением тех структур, которые возникли в Корее после освобождения или уже существовали за ее пределами, хотя опыт включения в свою систему уже сложившихся структур на Севере был осуществлен гораздо успешнее, чем на Юге.

То же самое касалось и обстоятельств их образования. Ни одно из государств не было юридически безупречным, а наличие двух «единственно законных» правительств ослабляло каждое из них. Вследствие этого как Север, так и Юг, занимались активным обеспечением безопасности правящего режима «внеюридическими» методами, что тоже не придавало их режимам формальной легитимности.

При этом Ли Сын Ман действовал гораздо более грубо и менее этично. Практически все критические моменты при принятии решений сопровождались чрезвычайным положением, резким подавлением оппозиции, обстановкой постоянного психологического давления и т. п. Бывало, что полиция даже силой приводила депутатов в здание Национальной Ассамблеи, чтобы заставить их таким образом голосовать за предложения Ли. Подмена бюллетеней, их порча или похищение были чрезвычайно распространены.

Правительство Второй Республики тоже обладало слабой легитимностью, получив власть из рук студентов и не решаясь упрочить свое

¹⁸ Cumings B. Korea's place... С. 486.

¹⁹ Булычев Г. Б. С. 128-129.

положение, что отчасти облегчило ее свержение. Впрочем, Пак Чжон Хи пришел к власти в результате военного переворота, что тоже само по себе было нелегитимным. Однако еще в качестве главы хунты он активно пытался добиваться поддержки масс, и в 1963 г. взял власть уже легальным путем, победив Юн По Сона с незначительным отрывом и не за счет столь грубого использования административного ресурса. Тем не менее, когда в конце своего второго президентского срока Пак должен был каким-то образом обеспечить дальнейшее существование своего курса, легитимность была принесена в жертву легализации режима. Однако, не остановившись на этом, Пак и его окружение решили максимально усилить власть президента, следствием чего стало введение системы *Юсин*, которую по «уровню тоталитарности» закономерно сравнивают с КНДР.

Все военные режимы четко продемонстрировали то, что ради продления сроков своей власти их лидеры готовы менять принятые правила игры, тем самым снижая свою легитимность. Чон Ду Хван тоже сначала пришел к власти нелегитимным путем, затем пытался добиться легитимизации получением официального титула президента, но на фоне формирования в РК гражданского общества его попытки продлить сроки своего правления уже успеха не имели.

Ким Ён Сам добился власти не как лидер оппозиции, получивший ее в результате выборов, а как оппозиционный деятель, перешедший в правительственный лагерь и победивший - по сути, как кандидат правительства. Первый случай, когда лидер оппозиции действительно пришел к власти «сам по себе», был связан с приходом к власти Ким Дэ Чжуна.

Отсутствие легитимности власти приводит и к тому, что каждый из новых руководителей стремится очернить курс предыдущего или избавиться от него. Все вошедшие в историю экс-президенты в той или иной мере «плохо кончили», став жертвой чрезвычайных обстоятельств. Пак Чжон Хи погиб, Чон Ду Хван и Ро Тхэ У были осуждены, Ким Ён Сам ушел в обстановке финансового кризиса страны и связанных с ним скандалов, и при Ким Дэ Чжуне его вызывали на парламентские слушания, где тоже требовали осудить его как виновника кризиса.

Ким Дэ Чжун, похоже, действительно может стать первым экс-президентом, доживающим свои дни относительно спокойно, однако Ро Му Хён практически уничтожил во власти прослойку близких ему людей, отмежевавшись от них даже на уровне создания новой партии.

Что же до ситуации на Севере, то Скалапино и некоторые другие исследователи КНДР не случайно называют северокорейский режим монархией, поскольку стандартное определение культа личности подразумевает лишь персонализацию власти государства в одном человеке. Здесь же ситуация как бы вывернута наизнанку, ибо именно Ким является источником легитимности режима.

А. Н. Ланьков упоминает о курсе «вождеведения» в учебных заведениях КНДР, в котором рассматривается суть явления и место вождя в истории. Народу внушается, что интересы вождя и народа всегда совпадают, и само существование народа и страны без вождя невозможно²⁰. Ян Сын Чхоль приводит северокорейский догмат о том, что у человека есть «два тела» - физическое, которое он получает от родителей, и социально-политическое, которое он получает от вождя²¹.

Такое положение дел создало уникальный опыт передачи власти по наследству в условиях немонархического государства. Передав власть сыну, Ким Ир Сен решил очень важную для тоталитарной системы проблему преемника, ибо в обычном авторитарном государстве, где правитель является де-факто несменяемым лицом, в процессе передачи власти заложена мина. Пока правитель жив, он, безусловно, убирает с политической арены всех тех, кто мог бы стать ему альтернативой. В результате такого «естественного отбора» после его смерти остается несколько Равных, среди которых нет Первого. Не имея в своей среде явного лидера, эти «равные» начинают борьбу за власть, которая нередко приводит к полному или частичному развенчанию культа личности по советскому или китайскому образцу и снижению легитимности власти.

Поэтому Ким Чен Ира долго вводили во власть, постепенно создавая культ не только Кима-отца, но и Кима-сына, с тем, чтобы переход власти к нему воспринимался как логически закономерный (не забудем, что процесс возведения Ким Чен Ира в статус Любимого Руководителя начался еще в середине 1980-х). Б. Камингс даже сравнивает постепенное возвышение Ким Чен Ира в качестве наследника с не менее длительным процессом подготовки «кронпринца» в феодальной Корее²².

С другой стороны, конфуцианский принцип о праве народа отказаться от служения несправедливому правителю был вынесен Ким Ир Сеном в эпитафию к своим мемуарам о временах антияпонской борьбы: «Для революционера святым девизом его борьбы должна быть истина: веришь в народ и опираешься на его силу - сто раз победишь, будешь отвергнут народом – сто раз потерпишь поражение».

Кстати, если присмотреться к ситуации на Юге, то традиция «наследственной» передачи власти существует и там (в том случае если смена власти осуществлялась не путем переворота). Преемником оказывается или доверенное лицо президента (как это происходило с Чон Ду Хваном и Ро Тхэ У, или Ким Дэ Чжуном и Ро Му Хёном), или руководитель другой, второй по значению, фракции внутри партии (как это было при передаче власти Ким Ён Саму). Хотя можно вспомнить и более прямые аналогии с КНДР: Ли Сын Ман при живых родителях усыновил сына своего ближайшего сподвижника Ли Ги Буна, из которого планировалось

²⁰ Булычев Г. Б. С. 129.

²¹ Sung Chul Yang. С. 184

²² Cumings B. Korea's place... С. 415.

сделать наследника его власти, но режим рухнул, и приемный сын Ли Сын Мана застрелил своего кровного отца и покончил с собой.

Что же до смены власти на менее высоком уровне, то для Севера в большей степени типичны смены руководства в форме чисток, принцип постепенного движения по иерархической лестнице и обязательного формального представительства в органах власти женщин, членов разных партий и т. п. Для Юга же характерны ротация властных кадров внутри узкого круга элиты (передача власти от одной группировки к другой), политический симбиоз собственно политиков, бюрократов, масс-медиа и научных кругов.

Образ руководителя страны/вождя и культ его личности

Раздел, посвященный вождю, занимает своего рода промежуточное положение, так как ряд моментов, связанных с его ролью, относится к вопросам государственного устройства, а анализ самого культа как явления смыкается с разделами, относящимися к идеологии режима или его пропагандистской кампании. Тем не менее, мы выделим повествование о нем в отдельный раздел.

Конечно, основным объектом нашего исследования в данной сфере становится Северная Корея, которая стала покрываться портретами Ким Ир Сена и полниться рассказами о его мудрости, начиная с февраля 1946 г., хотя окончательное формирование культа следует отнести к 1972-1974 гг.

Централизация страны вокруг образа вождя сочетается в Северной Корее с его мифологизацией как наделением сверхчеловеческими способностями. Это связано с тем, что Ким Ир Сен является как бы основателем новой династии, фигурой, которая в корейской истории всегда была окружена ореолом мифов.

Большая часть подобных историй официально называется легендами, которые жители угнетенной Кореи рассказывали о великом и могучем партизанском командире, однако подвергать их скептическому анализу не рекомендуется. Ким Ир Сен наделяется в них сверхъестественными способностями, отчасти похожими на способности буддийских монахов или даосских мудрецов, описанные в корейских исторических хрониках типа «*Самгук Юса*». Он одновременно присутствует в нескольких местах, устрашает противника одним своим видом, летает на облаках, добывает из ничего 4000 комплектов военной формы и даже может, написав нечто на листке бумаги и бросив этот листок в реку, превратить его в мост, по которому партизаны переправляются через бурный поток. Когда же по мосту пытаются пройти японцы, он превращается снова в листок бумаги, а враги тонут.

К этому же блоку относятся рассказы о различных чудесных знамениях (небывалая радуга и т. п.), которые случились в дни принятия Ким Чен Иром официальной власти и продолжают периодически происходить, обычно совпадая по времени с его днями рождения и демонстрируя благоволение

небесных светил. Эти знамения как бы легитимизируют статус Ким Чен Ира на мистическом уровне, хотя он сам пока не наделяется никакими паранормальными способностями.

Представляется, что это – попытка использовать традицию для того, чтобы уравновесить иные ее «указания/подсказки» – преследующие страну стихийные бедствия традиционно воспринимаются как указание Неба на то, что правитель утратил Мандат, и рассказы о благоволении Неба к Великому Руководителю направлены на преодоление такого восприятия.

Менее фантастическим по сравнению с явными проявлениями волшебства является миф о всеведении вождя, обладающего абсолютной компетентностью в любом вопросе – от плавки стали до методики создания выдающихся произведений искусства. Все успехи страны суть проявление его мудрого руководства, и северокорейская пресса часто описывает то, как Ким старший или Ким младший решает неразрешимые проблемы и дает мудрые советы. Внимание, таким образом, акцентируется именно на деятельности самого вождя, а не государства как возглавляемой им системы.

Отсюда же – еще более сильный, чем был у нас, культ «цитаты из классика». Для человека, выросшего в Советском Союзе, начало любого текста с цитаты из Маркса, Энгельса или Ленина, порой весьма относительно привязанной к его содержанию, было привычным. Однако для Кореи цитата из Ким Ир Сена имеет большее значение, так как традиционная форма конфуцианской научной работы суть комментарий, развивающий и интерпретирующий цитату из классика.

Естественно, цитаты вырываются из контекста и заучиваются наизусть, подобно цитатам из конфуцианских классиков. При этом, в отличие от единого цитатника из Мао в Китае, в КНДР существует серия «специализированных».

Любое слово вождя тщательно фиксируется, а каждая тема должна быть освящена его авторитетом. Такая практика записи высказываний правителя тоже имеет давнюю традицию: при корейском дворе существовала специальная должность историка (так называемый *сагван*), который должен был записывать все высказывания правителя (даже фразы типа «Ты что, и это записываешь?») как основу для составления династийной истории. Комбинация этого принципа с пришедшей из Советского Союза культурой лозунга привела к ситуации, когда вплоть до начала 1990-х все имена вождей и цитаты из них выделялись в письменных текстах жирным шрифтом, а фразы, которые Ким ронял по какому-то поводу (включая реплики типа «Ах, какие красивые горы!» или «Здесь надо бы построить коровник»), высекались на мраморных стелах, устанавливаемых там, где это произошло, с указанием даты и обстоятельств.

Это всеведение сочетается со всеприсутствием. Согласно конфуцианским догматам, Небо ведает всё, и вождь, ассоциирующийся с Небом, как бы присутствует во всех уголках страны. Ким Ир Сен и Ким Чен Ир очень часто занимаются «руководством на месте», и не пытаются «изолировать себя от народа и вести роскошную жизнь». Кроме этого, такие

выезды в народ демонстрируют единство вождя и народа, ибо такой стиль руководства формально позволяет ему более точно судить о положении дел внутри страны.

Мифологизируется и повседневная работа вождя, дни и ночи проводящего в неустанной заботе о народе. Конфуцианский правитель должен «рано вставать и поздно ложиться». И легенда о том, как Ким Ир Сен трижды проезжал мимо родной деревни, но был так занят государственными делами, что не смог заехать туда и проведать родственников, тоже имеет очень четкий аналог с жизнеописаниями конфуцианских ученых (в Китае эта модель относится к Юю, в Корее – к Ким Ю Сину).

Интересно, что многочисленные рассказы о вожде подчеркивали не только и не столько его мудрость, сколько выдающуюся харизму, умение привлекать к себе людей и способность наладить в своем партизанском отряде такой микроклимат, при котором моральный дух отряда был нестигаемым, а Ким Ир Сен был одновременно центром, сердцем и опорой этого коллектива.

При всех своих необыкновенных способностях вождь не отделяет себя от народа, и манифестация им «человеческой составляющей своей природы» постоянно подчеркивается. Это проявляется и в историях о том, как вождь выслушивает мнение представителя народа и принимает решение сообразно ему, и в намеренной демонстрации им поведения, присущего не руководителю страны, а рядовому ее гражданину.

Стремясь подчеркнуть эту черту характера, северокорейские биографы обоих Кимов часто доходили до смешного. То Ким Ир Сен, подобно обыкновенному человеку, пробирается по трясине, чтобы осмотреть новый способ посадки риса. То Ким Чен Ир, во время инспекции завода по производству промышленных холодильных камер входит в одну из таких камер, и, «невзирая на лютый мороз, продолжает давать бесценные руководящие указания прямо из холодильника».

Кроме Ким Чен Ира было канонизировано достаточно большое число старших родственников Ким Ир Сена. Почти все они были объявлены пламенными революционерами, участниками антияпонской борьбы и видными деятелями национально-освободительного движения. Такая канонизация, на порядок превосходящая «истории о воспитании детей в семье Ульяновых», связана с тем, что в дальневосточной традиции славные предки всегда являются носителями легитимности, так как предполагается, что у достойного человека были не менее достойные, с точки зрения морали, родители.

Культ личности Ким Ир Сена продолжается и после его смерти. Тело его покоем в мавзолее, в который преобразовали его резиденцию²³, один из самых распространенных лозунгов Северной Кореи сегодня гласит: «Великий Вождь товарищ Ким Ир Сен пребывает вместе с нами», а на

²³ Breen, Michael. Kim Jong-Il: North Korea's Dear Leader. Who He is, What He Wants, What to Do about Him. New York, 2004, с. 2.

праздновании 50-й годовщины ТПК в 1995 г. Ким Чен Ир сказал: «Как я могу стать преемником Вождя, когда он еще жив?»²⁴.

Мавзолей Ким Ир Сена превращен в аналог мавзолея Ленина, и при входе в него посетители проходят серьезную «санобработку», включая специальное обдувание. Представляется, что помимо утилитарного назначения эти «ритуалы» носят еще и «очистительный» характер, готовя человека к встрече с духом Вождя. Внутренний церемониал обхода вокруг саркофага включает в себя три поклона с разных сторон, что тоже в определенном смысле соотносится с конфуцианским обрядом почитания предков.

С 8 июля 1997 г. было объявлено о введении нового летоисчисления *чучхэ*, которое начиналось с года рождения Ким Ир Сена. Таким образом, 2003 г. является 91-м годом *чучхэ*. День рождения Ким Ир Сена остался государственным праздником под названием «Праздник Солнца», по всей стране были поставлены мемориальные стелы, на которых высекли вышеупомянутую фразу «Великий вождь товарищ Ким Ир Сен вечно пребывает с нами», а тост на торжественных мероприятиях, переводимый обычно на иностранные языки как «За светлую память товарища Ким Ир Сена», в действительности звучит как «За вечную жизнь товарища Ким Ир Сена»²⁵. С 1997 г. была даже сделана попытка использовать вместо этнонима «корейская нация» слова «нация Ким Ир Сена», однако термин не получил особенного распространения, так как в его применении углядели попытку этнически отделить корейцев Севера от корейцев Юга.

Для Юга вышеописанные процессы характерны в меньшей степени, однако, и здесь до сих пор многие биографические издания, посвященные лидерам партий, выполнены в откровенно верноподданнической манере и несут на себе ясный отпечаток культа личности означенного лидера. Это касается и переведенных на русский язык книг о Ким Дэ Чжуне, написанных его «придворным биографом» Ким Бён Гуком, и еще более тенденциозных изданий о Ким Ён Саме вроде книги «Крестоносец демократии» (Сеул, 1993), очень напоминающей иллюстрированные биографии Ким Ир Сена. Знакомо выглядят красочные буклеты, и посвященные пропаганде личности Ро Му Хёна.

Особенно следует отметить определенную мифологизацию образов Ли Сын Мана и Пак Чжон Хи. Хотя мифологическое представление о них куда меньше соответствует образу великого конфуцианского правителя, чем миф о Ким Ир Сене, в некоторых корейских публикациях или написанных доброжелателями Ли Сын Мана зарубежных изданиях Ли отводится роль отца нации и мессии, каковым он себя и считал. Достаточно посмотреть под этим углом зрения книгу Р. Оливера с говорящим названием «Ли Сын Ман. Человек-легенда».

²⁴ Breen M. Kim Jong-il... С. 76.

²⁵ Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. СПб., 2002, с. 598.

Харизма же Пака была связана с образом вождя сурового, но справедливого, что в сочетании с личной скромностью делало его образ вполне конфуцианским. Известный «исторический анекдот» повествует о том, что когда на какой-то официальный прием жены то ли олигархов, то ли правительственных чиновников явились в бриллиантовых колье, Пак устроил их мужьям жесточайший разнос, обвинив их в воровстве и растратах. Откуда еще можно взять в бедной стране деньги на бриллианты?

Другой миф рассказывает о том, как в первый месяц своего правления Пак собрал в своем кабинете 30 тогдашних корейских олигархов, каждый из которых при Первой-Второй республике создал свои капиталы не совсем честным путем, и сказал им примерно следующее:

«Из этого кабинета у вас есть два выхода – один из них в тюрьму, а потом на чрезвычайный суд по обвинению в нанесении государству ущерба в особо крупных размерах. Другой – назад, но с этого времени вы платите свои долги стране, а впредь будете действовать в смычке с государством и развивать те отрасли, какие вам скажут. При этом власти помогут вам решить проблемы с профсоюзами, обеспечат послабления в области налогов и будут выдавать беспроцентные кредиты. Обе двери открыты – вопросы есть?».

Так, по преданию, началось корейское экономическое чудо и окончательно сформировались пресловутые *чеболь*. Понятно, что в действительности все было не так, но легенда, на мой взгляд, весьма характеризующая.

Не избежал попыток мифологизировать себя и Чон Ду Хван. Согласно книге Чон Гым Сана «Чон Ду Хван – человек-предназначение», переведенной на английский в 1982 г., его рождение сопровождалось мистическими обстоятельствами, включая видение, которое было у его матери перед родами²⁶.

Любопытными показались мне и попытки Ро Му Хёна объявить себя тринадцатым президентом (считая президентские сроки, а не «по головам»), для того, чтобы в корейской истории порядковый номер Ро был таким же, как у его кумира Авраама Линкольна.

Почитание мертвых руководителей тоже встречается не только на Севере. В январе 2003 г. руководители компании «Хёндэ» торжественно посетили могилу ее основателя Чон Чжу Ёна для того, чтобы доложить ему об открытии первого совместного туристического проекта с Севером. Мероприятие было назначено на 5.50 утра – в тот самый час, когда покойный обычно проводил планерки, и носило характер утренней летучки, на которой руководители подразделений как бы отчитывались перед «духом предка» о достигнутых успехах²⁷.

Внешние проявления культа. Титулатура вождя и ее семантический анализ

²⁶ Breen, Michael. The Koreans. Who They Are, What They Want, Where Their Future Lies. New York, 1998, 2004, с. 207.

²⁷ Breen M. Kim Jong-il... С. 4.

Естественно, обладающий такими признаками вождь требует соответствующих **форм обращения**. В корейском языке существуют специализированные грамматические формы для обращения к лицу высшему по рангу, большая часть которых была воскрешена и употребляется в КНДР только применительно к Ким Ир Сёну и Ким Чен Иру. Каждый из них имеет набор почетных титулов, слишком многочисленных, чтобы перечислять их все. Например, Ким Ир Сён – Великий Вождь, Легендарный герой-Солнце нации, Непобедимый стальной полководец, Солнце нашего народа, Маршал-отец (Папа-маршал – для детской аудитории), Величайший герой XX столетия, Выдающийся руководитель международного коммунистического революционного движения, Светоч объединения, Политический деятель мирового масштаба, Гений идей, теории и практики руководства. После 60-летия Ким Ир Сёна из «Вождя-отца» он превратился в «Нашего отца»²⁸. Ким Чен Ир – дорогой руководитель, продолжатель великого чучхэйского революционного дела, Центр партии, Солнце коммунистического будущего, великий герой человечества и Любимый Руководитель. Последний титул употреблялся, когда Ким Ир Сён был еще жив. После его смерти Ким Чен Ира стали называть Великим Руководителем, оставив звание «Великого Вождя» его отцу, но система именовании не стоит на месте, в последние годы добавились «Выдающийся государственный деятель современности» и «Солнце XXI века».

Впрочем, такие громкие титулы характерны для дальневосточной культуры вообще. Хотя термины «Солнце нации» или «Новая красная звезда в облаках» стали употребляться уже с конца 1940-х, Б. Камингс отмечает, что первый из них употреблялся в Корее и по отношению к умершему Ё Ун Хёну²⁹.

Внимательный анализ этой титулатуры указывает на традиционные корни культа личности. Начнем с такого выражения, как «Солнце нации» (кор. *инминый тхэян*). Во-первых, точный перевод не «Солнце нации», а «Солнце народа». Во-вторых, само слово «Солнце» (иероглифы *тхэян*) означает не столько солнечный диск или даже объект, источающий свет, сколько «Великий Ян», то есть «Великая положительная энергия», или «Великое положительное начало». Таким образом, речь идет как бы о другой семантике образа Солнца.

Если перевести более точно корейское выражение «*обои сурён*», которое обычно переводят как «Вождь-отец», то следует обратить внимание на то, что слово «*обои*» может означать «родитель» вообще, отражая конфуцианский характер взаимодействия правителя, подчиненных и государства как одной большой семьи во главе с правителем³⁰.

²⁸ Cumings B. Korea's place... С. 412.

²⁹ Cumings B. Korea's place... С. 407.

³⁰ Cumings B. Korea's place... С. 408.

Что же до слова «сурён» («вождь»), то Б. Камингс специально указывает, что «сурён» считался титулом основателя Когурё Ко Чжу Мона³¹ и был выбран в качестве титула именно потому. Однако в этом значении он используется исключительно на Севере. Словари Юга наделяют это слово значением «босс» или «главарь», причем есть ощущение, что такая трактовка появилась не так давно и в рамках «контрпропаганды».

Вообще же титул «вождь» появился в Северной Корее только в 1946 г. и далеко не сразу стал главным титулом Ким Ир Сена. До того его именовали, в основном, маршалом (*вонсу*) или премьером (*сусан*). К этим титулам добавлялся уважительный суффикс «ним». Переход «от маршала к вождю» отражает, таким образом, определенную тенденцию сакрализации образа руководителя. Более того, до 1948 г. титул «вождь» был зарезервирован за Сталиным, который был вождем мирового коммунистического движения. Национальные вожди (Димитров или Мао) были «руководителями» («*чидочжа*»), и назваться вождем при живом Сталине было своеобразной формой ереси³².

Очень интересен анализ термина «чангун», который принято переводить как «генерал», или «полководец». Но это корейское слово обозначало нечто большее, чем просто высокое воинское звание. Точно теми же иероглифами пишется японское слово «сёгун», то есть слово это можно перевести как «военный вождь» или «военный правитель», который выполняет не только чисто военные, но и административные функции, хотя военный аспект все-таки играет ведущую роль. Кстати, командир партизанского отряда, действующего на территории «освобожденного района» (а официальная биография Ким Ир Сена выставляет его именно таким типом командира) является как раз таким типом правителя.

Естественно, каждый из титулов вождя употребляется в определенных ситуациях. Так, в информации в прессе о визите Ким Чен Ира в воинские части его называют не великим руководителем, а официальным титулом главковерха.

Изображение вождя встречается очень часто. По всей стране поставлены разного рода памятники, среди них 70 бронзовых статуй Ким Ир Сена, 40000 гипсовых бюстов Вождя, 250 монументов, восхваляющих достижения Ким Ир Сена, и 350 памятных зданий³³. Можно вспомнить и значки с портретом Ким Ир Сена. Их существует несколько типов, каждый соответствует определенному рангу, а его потеря влечет за собой комплекс наказаний, примерно равнозначный потере партбилета членом КПСС.

Портрет вождя висит в каждом доме, в каждой квартире, на каждом рабочем месте. Причем на ту стену, где висит портрет, запрещено вешать что-либо еще. На Севере хватает историй про героев, которые, рискуя

³¹ Cumings B. Korea's place... С. 30.

³² Cumings, Bruce. North Korea. Another Country. New York, London, 2004, с. 125.

³³ Положение с правами человека в Северной Корее. // Из доклада Корейской Международной Лиги защиты прав человека (IHRLK). Internet-журнал «Карта», <http://www.karta.org>, № 28-29.

жизнью, спасали портрет вождя при пожаре в доме или с борта тонущего судна³⁴. Неумышленное повреждение портрета лишь недавно было переведено из разряда политических преступлений в общеуголовные (при условии, что отсутствие злого умысла удалось доказать). Кон Тхак Хо – бывший начальник отдела северокорейской службы безопасности г. Кэсона, один из самых известных перебежчиков 1970-х и автор «наиболее шокирующих разоблачений», бежал на Юг после того, как случайно испортил портрет Ким Ир Сена и был обнаружен коллегами «на месте преступления»³⁵.

Детали иконографии разнились. На фото и картинах 1950-х гг. внешний вид Ким Ир Сена напоминал Хрущева – он носил шляпу и пальто. В начале 1960-х он был похож на Мао и носил кепку и френч. В последние годы жизни Ким Ир Сен перешел на костюм с галстуком, как бы подчеркивая этим готовность страны повернуться к Западу³⁶.

Объектами поклонения служат и многочисленные стелы и статуи Ким Ир Сена. В день рождения вождя каждому следует положить к такой статуе букет цветов и совершить несколько поясных поклонов. Похожий принцип распространяется на музеи, где в числе экспонатов часто фигурируют вещи великого вождя, связанные с тем или иным событием: пистолет, которым он пользовался во время такой-то битвы; ручка, которой он подписал историческое распоряжение; и даже половник, которым Ким Чен Ир, будучи студентом, разливал суп на военных сборах. Любая новостройка посещается Великим вождем, который как бы освящает её фактом «руководства на месте»³⁷.

Но то же самое, в урезанном сообразно статусу вождя виде, существует и на Юге, где члены той или иной корпорации обязаны демонстрировать уважение к своему руководителю не только стилем речи, но и поясными поклонами. А если проанализировать содержание почти любого торжественного мероприятия в РК, будь то литературный вечер или буддийская церемония, можно обратить внимание на ту большую роль, которую играет на нем зачитывание приветствий от «вышестоящих» особ и организаций, как представленных на празднике, так и отсутствующих. Почти каждый присутствующий на мероприятии «начальник» обязательно должен «отметиться» выступлением, и порой выступления эти могут занимать большую часть времени мероприятия. Присутствие «начальников» или их «благословений» как бы обеспечивает мероприятию необходимую ему легитимность.

Такую же роль играет подарок вождя как знак внимания за заслуги – прямой аналог с личным пожалованием подарка правителем. Например, для стариков в возрасте 70-ти и старше периодически устраиваются праздничные

³⁴ Панин А., Альтов В. Северная Корея. Эпоха Ким Чен Ира на закате. М., 2004, с. 55.

³⁵ Ланьков А. Н. Северная Корея: вчера и сегодня. М., 1995.

³⁶ Cumings B. North... С. 148.

³⁷ Cumings B. Korea's place... С. 408.

обеда с вручением подарков от имени Ким Чен Ира³⁸. Одариваться могут как люди, так и организации.

О «преемнике» Ким Чен Ира и возможности дальнейших изменений политической системы КНДР

Явного комплекса мероприятий, направленных на подготовку «Кима Третьего» пока не видно. Это нередко объясняют тем, что Ким Чжон Нам, старший сын Ким Чен Ира, находится в немилости, причем впал в нее задолго до инцидента с ним в Японии, а другие его дети Ким Чжон Чхоль или Ким Чжон Ун еще слишком молоды и не прошли подготовку, необходимую для занятия руководящих должностей в стране.

Однако отсутствие подготовки преемника можно объяснить не только отсутствием у Ким Чен Ира достойной кандидатуры из числа представителей его клана, но и возможной неуверенностью Кима в том, что возглавляемая им система надолго его переживет.

У неподготовленной аудитории может возникнуть вопрос: «Возможно ли, что при определенных обстоятельствах Ким Чен Ир сам уйдет в отставку?». С моей точки зрения, пока этих «определенных обстоятельств» нет, и некоторые из них вообще возникнуть не могут. Корейская политическая традиция, включая как конфуцианский, так и социалистический ее компоненты, воспринимает добровольный уход в отставку не как благородный отказ от власти, а как окончательное признание собственной некомпетентности или даже более того – «бегство с поля боя».

Те, кто ставит такой вопрос, видимо, имеют в виду возможность, при которой, получив гарантии своей безопасности и безопасности членов своего клана, Ким Чен Ир сможет инициировать процесс демократических перемен.

С нашей точки зрения, пока этот вариант маловероятен по целому ряду причин. Во-первых, я не уверен, что шкурный интерес преобладает в Ким Чен Ире над комплексами, связанными с его ролью лидера страны и долгом по отношению к наследию отца.

Во-вторых, непонятно ни то, кто и в каком виде будет давать эти гарантии, ни то, как должен выглядеть этот документ с юридической точки зрения. В-третьих, в условиях современного состояния международного права реальной силы подобные гарантии, скорее всего, иметь не будут. Новый американский или южнокорейский президент вполне может отменить то, что обещал его предшественник. В-четвертых, клан Ким Чен Ира достаточно велик, и обеспечение безопасности всех его представителей может встретить ряд сложностей чисто технического характера. В-пятых, в условиях большой заидеологизированности северокорейского режима реакция на отступление лидера страны от идей кимирсенизма может быть гораздо более острой.

³⁸ Панин А., Альтов В. С. 201.

Более интересен вариант, при котором Ким Чен Иру предлагают превратиться из реального руководителя страны в сакральную фигуру, являющуюся живым государственным символом (своего рода «брэндом» КНДР как «династии Кимов») и потому свободную от посягательств на «его трон». Такая ситуация позволит ему сохранить формальные атрибуты власти и прилагающиеся к ним привилегии, но при этом не выглядеть непосредственным виновником тех или иных ошибок власти, вина за которые будет возлагаться на решающих технические вопросы сменяемых «соправителей».

Более конкретные рекомендации на эту тему предполагают расширение полномочий премьер-министра, а в перспективе – изменение конституции и превращение КНДР в республику премьерского типа. Ким Чен Ир же будет пожизненно занимать пост председателя Комитета Обороны, что позволит ему контролировать армию, оставаясь ее главковерхом, или, если влияние этого органа станет слабеть, станет вице-президентом страны (то есть заместителем покойного Ким Ир Сена).

Однако на текущий момент превращение Ким Чен Ира в аналог английской королевы или президента Израиля кажется маловероятным. Во-первых, Ким Чен Ир слишком деятелен, чтобы оставаться лишь номинальным правителем. Во-вторых, вопрос упирается в отсутствие претендента на роль соправителя (чем это отличается от выбора преемника?) и вероятное противодействие старых бюрократов новому витку институциональных инноваций.

Конечно, эта ситуация не аксиоматична. А. Жебин считает, что визиты Ким Чен Ира в Россию и КНР убедили северокорейское руководство в том, что экономические преобразования и политические перемены необязательно ведут к замене прежней элиты или ее устранению³⁹, но это потребует времени, существенно изменившейся международной обстановки и очень больших вложений.

Кроме того, говоря о возможном реформировании системы, мы должны помнить, что в чистом виде для реалий КНДР не подходит ни советский, ни китайский, ни тем более восточноевропейский путь. Последний предполагает наличие развитого гражданского общества и соответствующей политической культуры. Советский/российский вариант по понятным причинам подвергается в СМИ КНДР заслуженной критике, но даже китайский путь не соответствует полностью реалиям страны.

Во-первых, Китай начал проводить свои реформы в обстановке «симпатии со стороны Запада», желавшего на фоне расхождений между СССР и КНР подкармливать Китай и науськивать его на Советы, превратив его из своего врага в союзника. Так был создан благоприятный климат с политической и информационной точки зрения, в рамках которого Китай смог модернизироваться. Северная же Корея продолжает существовать в политическом и информационном вакууме.

³⁹ Жебин А. КНДР – Итоги 2003 г. и вызовы 2004 года. // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22), с. 35.

Во-вторых, несмотря на последствия «большого скачка» и «культурной революции», Китай обладал достаточными человеческими и природными ресурсами и по сравнению с КНДР мог залатать дыры в своей экономике самостоятельно. Катаклизмы 1995-1997 гг. подрезали ресурсы государства и его распределительные возможности.

В-третьих, на тот момент Китай уже был региональной державой, не опасавшейся внешней агрессии и достаточно мощной, чтобы позволить себе некоторое ослабление структуры, неизбежное на этапе начала преобразований, когда старое разрушается, а новое еще не сформировано. Северная Корея же сейчас «под боем», и один из аргументов традиционалистов заключается как раз в том, что если страна реформы, американские империалисты и их южнокорейские пособники не дадут довести их до конца, нанеся удар именно тогда, когда страна будет к этому наименее готова.

Не принимая за основу ни один из вышеперечисленных вариантов, северокорейское руководство, тем не менее, внимательно изучает опыт соседей. В России северокорейцев интересует деятельность Путина по реорганизации вертикали власти, в Китае – опыт экономического развития в сочетании с сохранением идеологической настройки⁴⁰.

Выводы

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что во главе корейских государств новейшего времени стоит не власть, а человек во власти. Закон играет подчиненную роль, а на первом месте остаются требования времени в понимании лидера страны.

Классического культа личности на Юге, естественно, не было, однако концентрация власти в руках Президента почти всегда была весьма велика, и там, где Основной Закон страны становился препятствием на пути укрепления этой власти, его поправляли в нужную сторону. Вплоть до правления Ким Ён Сама каждый новый президент РК обязательно хотя бы раз менял Конституцию, и излишняя концентрация власти в его руках была лишь способом компенсировать недостаток легитимной базы. Эта тенденция в несколько ином виде продолжалась и при Ким Ён Саме, когда под знаменем ликвидации тоталитарного наследия был принят пакет законов, имеющих обратную силу.

Взгляд на главу государства как на опору страны присутствовал не только у военных. Очень сходной позиции придерживался, например, и Ким Ён Сам: «Президент - центр страны. Если этот центр неустойчив, то политика, общество, все государство выходят из состояния равновесия»⁴¹.

Подчеркивая антипарламентаризм и концентрацию власти в руках президента, Ян Сын Чхоль обращает внимание на то, что власть в РК по-прежнему передается не от партии к партии, а внутри одной, отдельно

⁴⁰ Жебин А. КНДР... С. 35.

⁴¹ Ким Док Чу. Новая Корея. Президент Ким Ён Сам. СПб., 1993.

взятой, партии. Единственным исключением был приход к власти Ким Дэ Чжуна, во многом вызванный чрезвычайными обстоятельствами кризиса 1997 г.

Тенденция подгонки структуры власти под личность правителя присутствует в КНДР, однако на Севере она была значительно меньше выражена ввиду несменяемости высшего руководства и того, что в КНДР источником власти являются не столько Закон, сколько традиции и, в особенности, харизма лидера.

Безусловно, в Северной Корее существует культ личности, причем я очень рекомендую воспринимать это словосочетание не только как клише. Культ Ким Ир Сена, а затем – Ким Чен Ира действительно гораздо более близок к религиозному культу, чем культ личности Сталина, имея и свой набор мифов, и свою «обрядность».

Многие элементы этого культа повторяют то отношение, которое было к средневековому правителю, что, с точки зрения политолога, является «вливанием старого вина в новые мехи». В традиционном дальневосточном обществе, где отсутствуют предпосылки для благоприятного переноса на местную почву демократических ценностей западного образца, введение институтов, характерных для более современного общества, приводит только к тому, что новая форма наполняется старым содержанием, и многие элементы прошлого, в том числе и традиция возвеличивания лидера, продолжают цвести пышным цветом.

Однако под действием требований времени культ пытается трансформироваться. Когда Ким Чен Ир окончательно встал у рычагов власти, и он начал менять систему «под себя». Это можно наблюдать по комплексу изменений 1998 г., а начиная с 2000 г., когда Ким Чен Ир предпринял первую попытку интегрироваться в международное сообщество, встречаясь с Путиным или Ким Дэ Чжуном, он активно пытался выйти за рамки образа конфуцианского вождя и создать свой образ лидера методами, более соответствующими международным стандартам.

Заметим, что отличие КНДР от классического социализма (если принимать за классику советский вариант) подмечалось нашими учеными еще в советское время. Невзирая на коммунистическую риторику, общественный строй КНДР был гораздо более близок к традиционному обществу.

В этом смысле интересно то, как пытаются замаскировать это сходство политологи РК, включая Ян Сын Чхоля. Они обращают внимание на то, что в отличие от Основного Закона КНДР, на Юге нет конституционной концентрации власти в одних руках. То, что существует де-факто, не легитимизировано де-юре и, следовательно, подразумевает возможность и демократического развития. Положение де-факто объясняется как временная мера, вызванная угрозой с Севера, или как проявление неготовности корейцев к демократии европейского типа (что можно трактовать, как то, что рано или поздно корейцы будут к ней готовы).

Из этого делается вывод, что если для авторитарного Юга характерен *недостаток* свободы, индивидуальной автономии, политической оппозиции и т. п., то для Севера характерно их полное *отсутствие*. В связи с этим, если южнокорейскую систему можно назвать антилиберальной и антипарламентарной, северная просто нелиберальна и непарламентарна. Конечно, попытки противопоставить «мало» и «вовсе нет» выглядят очень демагогично, однако для Яна важно наличие хотя бы какой-то возможности альтернативного развития, и его противопоставление идет по линии «есть такая возможность» - «нет такой возможности».

Между тем к югу от 38 параллели, тенденция превращения личности руководителя в его культ распространена меньше из-за большего проникновения западной политической культуры, но не уничтожена полностью. Вместо одного великого вождя страны существует некоторое количество вождей региональных или корпоративных. Те же закономерности проявляются в иных, более низких, эшелонах власти, но об этом мы поговорим в следующих главах, посвященных структуре корейских политических партий или особенностям традиционной административной культуры.

Глава третья. Административная культура и бюрократическое поведение

Ни политические, ни административные особенности страны не могут быть поняты в полной мере до тех пор, пока не будет понято ее культурное прошлое и то, как оно влияет на повседневную жизнь страны.

Пэк Ван Ги

Задача данной главы – выявить то, как проявляются элементы традиционной корейской ментальности или национального характера в сфере административной культуры, под которой подразумевается совокупность принципов действия командно-административной системы и норм бюрократического поведения в Корее. Эти принципы и нормы влияют как на процесс принятия решений, так и на психологический рисунок личности отдельного бюрократа или климат служебных взаимоотношений. Даже реформы задумываются и проводятся в жизнь небольшой группой бюрократической элиты, а основным двигателем перемен является пока, как ни странно, именно администрация.

В современной Корее, как на Юге, так и на Севере, бюрократия, по сути, превратилась в пресловутый «новый класс» по М. Джиласу¹, изучать систему ценностей которого среди российских исследователей пока не пытался никто.

В корейской же науке этой теме уделялось достаточно много внимания. Среди основных ее исследователей следует выделить Ли Гю Тхэ, Ян Сын Чхоля, Ким Хи Мина и, в особенности, Пэк Ван Ги, чья работа «Korean administrative culture» произвела на меня очень глубокое впечатление.

Каждый такой исследователь предлагает свою собственную классификацию основных элементов корейской административной культуры и выделяет от трех до семи ее элементов². С нашей же точки зрения,

¹ Хотя южнокорейскую номенклатуру, в отличие от советской или северокорейской, никто в отдельную социальную группу не выделяет, это невыделение продиктовано скорее политическими причинами.

² Разные специалисты по корейскому Public Administration так характеризуют основные черты корейской бюрократической традиции (административной системы):

Ким Бон Сик: авторитарность, протекционизм, благоразумие (на первом месте – собственная безопасность), формализм и подверженность настроению.

Пэк Ван Ги: фатализм, семейственность, авторитарность, персонализм («эмоциональный гуманизм»), ритуализация и антиматериализм.

Чо Сок Чжун: семейственность, отношения между чиновниками и гражданами, построенные на авторитете, сильная подверженность эмоциям при принятии решений, идеи честной бедности, материальные искушения, чувство закона и статуса личности внутри организации.

Ким Ман Ги: семейственность, авторитарность, ритуализация, формализм, чувство закона и ощущение своего места в иерархии.

Ким Хи Мин и авторы книги «Korean Public Administration. Managing the uneven development»: Подчинение авторитетам (даже протест имеет определенную ритуализированную форму, будь то меморандум чиновника или студенческая демонстрация); иерархический взгляд на жизнь; коллективность (точнее, ориентация не на себя); пассивность (точнее, неучастие); централизация администрации; ориентация на традиции и на прошлое; ориентация на ритуал (внешнюю форму); верность/лояльность по отношению к отдельной личности и определенный идеализм в вопросах принятия решений.

Ян Сын Чхоль: политическая коррупция как система торговли одолжениями, ритуализация, непредсказуемость как отсутствие логичной программы действий, пассивное участие масс в выработке

основными чертами корейской административной культуры являются следующие.

Авторитарность. В ее рамках интересы государства /начальства /властей ставятся выше интересов личности. Этот момент хорошо проявляется в армейском принципе единоначалия, который характеризуется большей жесткостью управления по сравнению с гражданским обществом и большим ограничением свободы подчиненных.

Иерархичность. Этот компонент очень часто не отделяют от авторитарности, с которой он действительно «идет рука об руку». Но если авторитарность рассматривается нами как мера жесткости управления, то под иерархичностью мы подразумеваем преобладание вертикальных связей над горизонтальными.

Корпоративность/семейственность. По нашему мнению, именно этим словом следует перевести корейское «*чиптанджуый*», традиционно переводящееся как «коллективизм», но означающее не столько стремление к объединению в единое целое, сколько к обособлению небольшой группы от остального общества и разделению по формуле «свои - чужие».

От корпоративности следует отделить **персонализм** как стремление предпочитать формальным отношениям неформальные, или квази-семейные, окрашенные личными симпатиями или привязанностями.

Ритуализация как приверженность традиции и стремление делать все в соответствии с ней, придавая повышенное значение внешней форме. Это явление можно было бы назвать формализмом, но термин «формализм» охватывает лишь часть его аспектов.

Нематериализм как тенденция придавать меньшее значение материальным благам, стремление предпочитать социальный престиж материальным ценностям, а моральные стимулы – материальным.

Безучастность или то, что Пэк Ван Ги называет фатализмом, а политологи – парохиальным типом политической культуры, проявляющимся в определенной пассивности масс и тенденции игнорировать риск, полагаясь больше на фортуна и «авось», чем на активное планирование будущего.

В рамках данной работы мы рассмотрим каждый из этих компонентов, проанализировав его главные черты и выделив те элементы административного поведения, которые сформировались под его влиянием.

Немного истории

В правление Ли Сын Мана к 1953 г. общее число чиновников в Южной Корее составляло более 300 тыс. человек – в три с лишним раза больше, чем

решений, слабая репрезентативность, «синдром партийных боссов» и ориентация на власть как способ приобретения могущества. (Sung Chul Yang. С.86.)

требовалось японцам в 1938 г. для того, чтобы управлять всей Кореей (всего 95385 чиновников)³.

По данным 1970 г., количество чиновников в центральном и провинциальных бюрократических аппаратах в Южной Корее составляло 393419 человек⁴. На 31 декабря 1994 г. госслужащих в РК было 907598 человек, из них 567465 входили в общенациональные структуры, 325028 – в региональные, 3040 – в систему законодательной власти и 10028 – судебной⁵. И это с учетом того, что в течение 1994 г. Ким Ён Сам провел существенное (более чем на 10%) сокращение аппарата, в ходе которого было упразднено 2 министерских поста и 115 государственных подразделений или агентств⁶.

К сожалению, автор не располагает сведениями о том, сколько чиновников в РК сейчас, но согласно данным сборника «Республика Корея. Цифры и факты» от 2001 г., в начале своего правления Ким Дэ Чжун провел сокращение штатов (сократив число министерских постов с 43 до 31), в результате которого в центральном и местных аппаратах осталось «всего» 829816 человек при общей численности населения страны на тот момент около 47 млн. человек. Даже если принять во внимание, что авторы этого статистического сборника могли отнести к «госслужащим» не только собственно чиновников, но и всех тех, кто вообще работает в государственных организациях (включая уборщиц), можно заметить, что процент чиновников остается весьма высоким⁷.

Корпус госслужащих носит кастовый характер, хотя руководящая номенклатура обычно не относится к числу «карьерных должностей». Должности ранжированы. Первый ранг (наивысший) соответствует должности заместителя министра, второй – начальника департамента и т. д. Прием на должности, соответствующие низшим рангам, осуществляется на конкурсной основе по результатам экзаменов. Чиновники высших рангов назначаются указом президента по представлению ведомств. Продвижение по службе предполагает сдачу экзаменов, однако главным критерием внесения в список кандидатов на повышение является срок службы в данной должности. Существуют система ротаций кадров и разнообразные методики оценки⁸.

Многие считают, что существенный прогресс в сфере эффективности управления был достигнут стараниями Пак Чжон Хи. Паку удалось создать новый тип бюрократа, который уже отличается неплохой профессиональной компетентностью, но по-прежнему видит основной смысл жизни в пунктуальном исполнении инструкций сверху и является стойким

³ Henderson. С. 161,216.

⁴ Wanki Paik. Korean administrative culture. Seoul, 1990, с. 16.

⁵ Korean Public Administration. Managing the uneven development. By Bun Woong Kim & Pan Suk Kim. Seoul, 1997, с. 110.

⁶ Korean Public Administration. С. 109.

⁷ Для сравнения: в Российской Федерации сейчас насчитывается примерно 4 миллиона чиновников, то есть по одному на 40 россиян.

⁸ Булычев Г. Б. С. 54-58.

антикоммунистом, сохраняя традиционные черты, оставшиеся со времен династии Ли⁹. В правление Пака политику в основном делали именно такие бюрократы, хотя наблюдалось определенное слияние элиты чиновников и властной элиты вообще.

Уважение к «труженикам кисти» существует и на Севере. Термин «самувон», который у нас обычно переводят как «интеллигенция» и символом которого в эмблеме ТПК является кисть, обозначает не только интеллигенцию как прослойку, но и клерков, и мелких торговцев, и госслужащих и т. п. Эта социальная группа в КНДР формально равноценна рабочим и крестьянам¹⁰. Более того, в эмблеме кисть занимает центральное положение, так что эту символику можно пытаться трактовать так: серп и молот тружеников группируются вокруг кисти чиновника.

Авторитарность как единоначалие

Основная черта авторитаризма - то, что в рамках военной культуры принято называть единоначалием. «Приказы не обсуждаются», и задачи подчиненных (особенно, промежуточного звена) – выбрать наиболее оптимальный путь исполнения приказа; компетентность же отдавшего приказ не подлежит обсуждению. Чиновник обязан автоматически соглашаться с указаниями вышестоящих, ожидая того, что подчиненные автоматически подчинятся его указаниям.

Вторая черта авторитаризма - определенный элемент принуждения. При этом решающим моментом при подчинении являются не моральные качества начальника или его заслуги, а его статус сам по себе. С другой стороны, высокий ранг означает не столько высокую власть, сколько высокую ответственность, не гарантируя чиновнику защиту от репрессий или чисток. Насколько это действительно так, зависит от соотношения авторитаризма и других элементов административной культуры, но даже в КНДР близость к вождю не защищает от возможных репрессий.

Третья черта авторитаризма - жесткое подавление любой формы оппозиции, как на уровне противодействия, так и на уровне критики провозглашаемой концепции. Поскольку считается, что начальник абсолютно прав и знает, что делает, о каком-либо сопротивлении принятию решения и его реализации не может быть и речи. Отсюда – отсутствие гласности и конструктивной критики, а самостоятельные решения подчиненных (и тем более – несогласие их с указаниями начальства) вызывают большую нетерпимость. Проявление инициативы, как правило, считается неуместным и часто наказуемо.

Здесь, конечно, в первую очередь, вспоминается КНДР, где руководящие указания вождя касаются всех сфер деятельности или всех

⁹ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 147.

¹⁰ Cumings B. Korea's place... С. 397.

сторон общественной и культурной жизни. Прочим кадрам, которые вождями не являются, рекомендуется время от времени выступать перед трудящимися с самокритикой. Этот и целый ряд иных элементов системы направлены на то, чтобы руководители среднего и высшего звена не пытались думать и действовать самостоятельно.

Проблема заключается в том, что до тех пор, пока товарищ Ким Ир Сен не высказал новую точку зрения по данному вопросу, старая автоматически является обязательной для исполнения вне зависимости от того, что за это время ситуация могла несколько раз измениться.

По мнению Пэка, результаты его опросов хорошо показывают пронизанность корейской бюрократии авторитарностью. В ответ на вопрос, какой подчиненный вам больше нравится, 2/3 предпочли «честного и искреннего»¹¹. «Умный и компетентный» оказался на втором месте. Интересен и такой его вопрос: «Чувствуете ли вы, что у вас достаточно власти, чтобы решать те вопросы, которые находятся в вашей компетенции?». 68 % ответили, что недостаточно.

Главным плюсом авторитаризма является высокое быстроедействие системы, под которым мы понимаем минимизацию времени между принятием решения и его практической реализацией. Эффект достигается за счет отсутствия многочисленных согласований и обсуждений, на которые в других системах уходит масса времени. В условиях инициативы сверху время на координацию и согласования минимизировано.

Второй положительной характеристикой авторитарной системы является то, что она обеспечивает очень быструю мобилизацию ресурсов в критической ситуации - ресурсов как человеческих, так и материальных или интеллектуальных. Корейские бюрократы в состоянии долго, целенаправленно и энергично работать ради достижения поставленной цели, поддерживая высокий уровень трудовой дисциплины не только за счет голого принуждения.

Этот плюс системы как нельзя лучше проявляется в чрезвычайных ситуациях, требующих быстрого реагирования на уровне всего аппарата (будь то война или общегосударственный кризис, из которого страну нужно выводить в максимально короткие сроки).

Но если на войне быстрая реакция жизненно важна, в гражданском обществе, время, как правило, терпит. Поэтому одной из слабых сторон единоначалия является волюнтаризм, при котором принятие решения зависит от субъективного мнения одного человека – начальника, который «всегда прав», но не всегда имеет возможность изучить проблему полностью и со всех точек зрения. Идея совета специалистов, помогающего главе государства принимать решения, появилась только при Пак Чжон Хи, но в последние годы его правления такой совет занимался только подготовкой справочных материалов.

¹¹ Учтем, что под «искренностью» в дальневосточной культуре очень часто понимают не столько открытое выражение своего мнения, сколько открытость и отсутствие тайных мыслей.

Пак старался прислушиваться к мнению советников и экспертов, но даже в его случае Пэк Ван Ги отмечает, что во время его «руководства на месте», которому он посвящал хотя бы один день в неделю, его волюнтаристские указания часто противоречили той политике, которая проводилась по данному вопросу чиновниками региона¹².

Так как у типичного представителя авторитарной системы подход к решению любой проблемы достаточно черно-белый («есть два мнения – мое и неправильное...»), это создает проблемы как при исправлении ошибок, так и при постепенной корректировке курса, когда изменения происходят не в диаметрально противоположную сторону. В связи с этим проявление волюнтаризма очень часто связывается с резкой сменой ответственных лиц.

Министры в РК меняются достаточно часто - в период между августом 1948 г. и апрелем 1969 г. сменилось 19 министров образования, причем только 4 из них продолжали линию своего предшественника¹³. Такая практика существовала при Ли Сын Мане, который менял в среднем по 10 министров в год, и при Второй Республике, когда кадровые проблемы пытались решать простым перебором назначенцев. То же самое происходит в РК и сейчас на фоне очень частых смен премьер-министра или отставок кабинета. Нередко начальника снимают или переводят на другую работу по истечении такого короткого срока, за который он даже не успевает всерьез вникнуть в дела.

Еще одна черта единоначалия – это вынужденная персонализация власти. Принятие решений узурпировано узкой группой верхушки, в результате чего те, кому дозволено принимать решения, оказываются буквально заваленными большим количеством проблем. Вследствие этого они или сгорают на работе, стремясь серьезно заниматься каждым делом, или из-за нехватки времени или желания работают спустя рукава.

Второе негативное проявление авторитарности – отсутствие ответственности чиновников перед народом. Статус госслужащего всегда был достаточно высоким и предполагал изначальный пиетет со стороны окружающих. И поскольку авторитарность предполагает делегирование ответственности вверх, решение барины, который приедет и рассудит, является абсолютным. О его несправедности можно сожалеть, но не оспаривать ее. Такой административный централизм способствует превращению чиновников в бюрократическую элиту, неподотчетную никому кроме самой себя. Это, в свою очередь, стимулирует целый комплекс негативных явлений - коррупцию, протекционизм и т. п.

Важно и то, что высокое быстрое действие авторитарной системы работает только в одном направлении – сверху вниз. Подавление инициативы снизу формирует значительную пассивность чиновников: нижестоящие ожидают инструкций сверху, опасаясь проявлять инициативу. Негативным следствием этого является то, что в чрезвычайной ситуации локального

¹² Wanki Paik. С. 52.

¹³ Wanki Paik. С. 55.

уровня, когда многое приходится оперативно решать на месте, реакция системы на нее оказывается замедленной, так как требуется время на получение одобрения сверху.

То, что корейские производственные конфликты нередко решаются силой, и что умение орать на подчиненных входит в базовый набор способностей корейского менеджера, тоже можно назвать следствием авторитарности. М. Брин отмечает, что ситуация, когда начальник орет на сотрудников, воспринимается ими гораздо менее эмоционально, чем подобная ситуация на Западе¹⁴.

Подобное поведение характерно и для Севера, и для Юга. М. Брин по этому поводу даже вспоминает, как один из министров кабинета Ким Ён Сама в присутствии президента покидал помещение, пятась к двери спиной и непрестанно кланяясь присутствующим¹⁵.

Наконец, иногда авторитарность становится причиной отсутствия логичной программы действий. Авторитарный режим стремится подавить все формы лидерства и авторитета кроме своего собственного, и в результате принимается не то решение, которое диктуется «требованиями времени» а то, которое угодно главе авторитарной структуры.

Авторитарность системы сыграла с ней очень забавную шутку. Корейские бюрократы могут искренне желать модернизации, но их система ценностей несовместима с таковой¹⁶. Именно поэтому большинство инноваций, особенно в менеджменте, лишь номинальные, а новые цели, включая изменение традиционной структуры, достигаются старыми методами. Это очень хорошо видно из деятельности президента Ким Дэ Чжуна. Человек, безусловно, являвшийся диссидентом и демократом, отличался авторитарным стилем руководства и проводил свои реформы весьма жесткими методами.

Иерархичность как предпочтение вертикальных связей горизонтальным

Безусловной особенностью корейской бюрократической системы, равно как и всего корейского общества, является его иерархичность, основанная на традиционной конфуцианской системе межличностных отношений. Отношения эти построены по вертикальному принципу и разделяются на пять типов: государь-подданный (иными словами, начальник-подчиненный), отец-сын, муж-жена, старший брат-младший брат, друзья.

В отличие от сугубо авторитарной структуры и ее давления сверху вниз, иерархическая система взаимоотношений накладывает обязанности на обе стороны. Младший в паре обязан слушаться старшего потому, что это положено. Старший, теоретически обладающий более высокими

¹⁴ Breen M. The Koreans... С. 142.

¹⁵ Breen M. Kim Jong-il... С. 93-94.

¹⁶ Wanki Paik. С. 107.

моральными качествами, обязан заботиться о младших из соображений внутреннего долга. Он не присваивает себе ответственность младшего, а берет на себя ответственность за него, и человек, находящийся у подножия системы, воспринимает ограничение своих прав относительно спокойно, понимая, что это – детали первого этапа, и что потом, когда его статус поднимется, он также сможет рассчитывать на помощь, уважение и услуги со стороны «младших».

Следствием иерархичности является очень четкое поддержание дистанции в отношениях между старшими и младшими. Корейца с детства приучают осознавать свое место в паре и обучают правилам поведения в ней в каждом случае. Потому общение двух незнакомых людей всегда начинается с выяснения их позиции относительно друг друга. Возраст, престижность работы и даже семейное положение (не забудем и превалирование мужчин над женщинами) выясняются практически сразу же с тем, чтобы затем знать, как вести себя друг с другом. До этого момента, если разница в статусе неявная, обе стороны занимают в разговоре относительно самоуничижительную позицию, таким способом демонстрируя свое уважение к собеседнику.

Проявлением иерархичности в бюрократическом поведении является, в первую очередь, преобладание вертикальных связей над горизонтальными и моделирование отношений по типу «патрон – клиент». Организовывать связи на горизонтальном уровне между представителями разных ветвей власти, которые, занимаясь одним делом, могут воспринимать друг друга как конкурентов, сложнее. Наиболее явно это может проявляться при взаимодействии силовых структур или сложной координации действий, когда проблема лежит на стыке интересов разных ведомств.

Помноженная на авторитарный метод принятия решений, иерархическая структура общества не только очень сильно сковывает инициативу нижестоящих инстанций, но также практически убирает возможность конструктивной критики, поскольку пойти против точки зрения старшего все равно, что начать критиковать собственного отца. Потому заметная часть крупнейших корейских ученых и деятелей искусства (особенно - художников и музыкантов) предпочитает работать за границей¹⁷.

Эта невозможность оспорить действия «отцов» хорошо проявляется и в корейской мелодраме, где, как пишет Т. Габрусенко, «родители - инстанция высшая и последняя, некая сила природы, действия и решения которой сомнению не подвергаются»¹⁸.

Еще одним следствием иерархичности является чинопочитание, когда человека уважают уже не за его личные качества, а потому, что он занимает ту или иную должность. Не случайно офисные работники обращаются друг к

¹⁷ Ланьков А. Н. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина. // Журнал «Восток», 1996, № 1. Интернет-версия статьи на личном сайте автора по адресу <http://www.okoree.narod.ru>.

¹⁸ Габрусенко Т. Корейский сериал глазами западного зрителя // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, рубрика «Статьи».

другу не по имени, а по должности (не «Ён Сун», а «господин начальник» или «менеджер Ким» и т. п.) - принадлежность к клану и должность оказываются важнее всего остального¹⁹.

Кроме этого, иерархичность сдерживает карьерный рост. В западном обществе умный и способный менеджер может сделать карьеру достаточно быстро, обгоняя менее компетентных лиц более старшего возраста. Ситуацию в корейском обществе очень хорошо демонстрируют ответы на заданный Пэк Ван Ги вопрос: «Как вы отнеслись бы к ситуации, когда вашим непосредственным начальником оказался бы ваш младший однокашник?» Дискомфорт по этому поводу испытали бы 76 % опрошенных, а 15 % проявили бы активное недовольство. Вспоминается случай, когда кандидат на должность министра обороны не прошел потому, что руководитель Комитета начальников штабов был из предшествующего выпуска Военной Академии и не мог оказаться в подчинении у человека с меньшим сроком службы²⁰.

Между тем медленное, но верное продвижение по иерархической лестнице, способствует обретению житейского и руководящего опыта, но формирует консерватизм и определенную замедленность или пассивность. Зачем делать больше, чем тебе положено, если это не приносит тебе пользы, а повышение ты все равно высидишь?

Корпоративность (*чиптанджуый*) как ориентация на сообщество

Напомним, что слово «корпорация» означает не только «промышленно-финансовая группа», но и «общество, союз, группа лиц, объединяемая общностью профессиональных или сословных интересов». В Корее корпорациями бывают как собственно фирмы, так и организации, построенные по региональному или профессиональному признаку - пресловутые «академические клики», объединяющие однокашников того или иного университета, либо выпускники Военной Академии определенного года выпуска.

Корпоративность очень часто называют семейственностью потому, что основным примером для организации отношений внутри корпорации является патриархальная семья (если угодно, семейный клан). Таковая характеризуется, с одной стороны, неформальными взаимоотношениями между ее членами и высокой взаимопомощью, а с другой – жестким управлением семьей со стороны ее главы и глубоким контролем им личной жизни домочадцев. В корейских фирмах распространена практика принятия присяги как торжественной клятвы трудиться на благо организации и отдавать ей все силы, и не один политолог отмечал ее сходство с семейными ритуалами.

Руководитель корпорации как бы замещает отца. С одной стороны,

¹⁹ Breen M. The Koreans... С. 176.

²⁰ Булычев Г. Б. С. 76.

подчиняются ему беспрекословно, с другой – он гарантирует подчиненным работу и, подобно отцу, заботится об их благополучии, обеспечивая им социальную защиту и различные льготы, что очень важно в стране с почти полностью отсутствующей системой государственного страхования и социального обеспечения. Поэтому то, что он может более глубоко внедряться в личное пространство своих подчиненных, принимается без возмущения, – что нельзя просто начальнику как человеку со стороны, отцу разрешается, и корейский босс (даже такой, как Чон Чжу Ён) имеет полное право орать на подчиненных, давать им пощечины и кидаться в них пепельницами²¹.

Основная цель корпорации – обеспечение благосостояния ее членов. Любой может рассчитывать на помощь со стороны однокашников, которые будут стараться помочь «своему» не только в надежде на будущее ответное одолжение, но и из чувства корпоративной солидарности. А при анализе полезности человека или в кадровых вопросах вообще в первую очередь интересуются не действительными достижениями человека, а тем, откуда он родом и какое учебное заведение он окончил. Этот момент проявляется и в политической борьбе, когда рекламные листовки кандидатов содержат, в основном, такие их биографические данные, которые помогают ясно представить себе, интересы каких корпораций кандидат будет защищать.

Выход из корпорации – явление крайне редкое. В большинстве фирм действует система пожизненного найма, и при переходе на новую работу служащий как бы снова начинает с нуля. Потому увольнение является крайней репрессивной мерой и повлечь его за собой могут только вопиющие ошибки или неправильное поведение, и чем дольше человек проработал в той или иной структуре, тем меньше вероятность его увольнения²². Добровольный уход, нелояльность по отношению к клану воспринимаются в традиционном обществе как предательство.

Позитивной стороной корпоративности являются более тесные связи между членами корпорации, высокая лояльность членов корпорации друг к другу, более высокая взаимовыручка и возможность рассчитывать на помощь влиятельного лица просто потому, что вы с ним из одного университета. Это проявляется и в поведении внутри коллектива, где отношения чиновников равного ранга друг к другу, как правило, лишены конкуренции и подсиживания. Корпоративность развивает межличностное общение: человек существует не сам по себе, а в рамках группы, интересы которой он вынужден учитывать.

Главный недостаток корпоративности – это то, что обособление корпорации от остального мира вызывает ситуацию, при которой интересы «семьи» оказываются выше интересов нации или государства. В результате

²¹ Breen M. Kim Jong-il... С. 4.

²² Именно поэтому массированное сокращение штатов после кризиса 1997 г. стало очень болезненным ударом для общества, поскольку тех, кто был сокращен, как бы приравняли к злостным нарушителям, поставив пятно на их репутации.

корпоративность нередко воспринимают как контроль власти несколькими группировками или «специальные отношения» между государственным аппаратом и такими группами, их поддержку и даже слияние²³.

Второй минус корпоративности состоит в том, что интересы корпорации довлеют над интересами отдельной личности внутри нее. Вспоминается и традиционный обычай пения по кругу, без которого не обходится ни одна вечеринка, и невозможность пропустить тост, и относительно нередкая практика бойкота, к которому члены коллектива могут прибегать в отношении «не вписавшегося» сотрудника. По данным опроса он-лайн-агентства по трудоустройству «Job-link», 64 % знают о существовании практики бойкота сослуживцев на работе, а более 36 % сами присутствовали при подобной ситуации²⁴.

Опрос Пэк Ван Ги показал, что, осуждая явные проявления этого явления, чиновники придерживаются принципа семейственности в кадровой политике, распространяя принципы лояльности семье на лояльность фирме. В ответ на вопрос: «Кому вы или ваш начальник отдадите предпочтение при наборе на работу?», 52 % высказались за подход, отказывающийся от семейственности. Но при выборе из двух сыновей эгоисту, делавшему гораздо более успешную карьеру, предпочли того, кто обладал большей сыновней почтительностью (соотношение примерно 2:1). Еще больше опрошенных (3:1) предпочло человека, который не добился высокого материального уровня из-за того, что тратил средства на помощь бедным родственникам.

Главным примером бюрократического поведения, вытекающего из корпоративности, конечно, является протекционизм, когда семейный клан защищает, в первую очередь, свои личные интересы, а его представитель помещается на выгодный пост для того, чтобы обеспечить благополучие остальных. Из этого вытекают регионализм и «рекрутский набор чиновников», когда получивший должность начальника ставит на ключевые посты в своем аппарате представителей своего клана вне зависимости от уровня их компетентности в данной сфере. При этом для него важно даже не столько укрепление своих собственных позиций по вертикали за счет укрепления аппарата своими подопечными, сколько проявление заботы о земляках, которым было оказано данное благодеяние.

Заметим, что такая ситуация поощряет напряжение между регионами или иными социальными группами вследствие более жесткой конкуренции за распределение благ или мест во власти, а в Корее идеально накладывается на такое политическое явление, как регионализм, о котором мы более подробно поговорим позднее.

Понятно, что эта практика не способствует профессионализму управленцев и часто критикуется как объективными, так и субъективными аналитиками. Полагают, что это дает слишком большие возможности для

²³ Sung Chul Yang. С. 419.

²⁴ Сеульский вестник, № 85, май 2004 г., с. 7.

злоупотребления властью. Особенно вспоминают Ким Ён Сама, чье президентство закончилось достаточно печально в значительной степени из-за ошибок в кадровой политике, выразившихся в оказании предпочтения лицам из его региона (Пусана). Ким Дэ Чжуна в конце его правления также упрекали в том, что, назначая людей на важные посты, он выбирал верных, а не более компетентных, не понимая того, что ошибки этих некомпетентных сделают его более удобной мишенью для критики²⁵.

Корпоративность вообще стимулирует тенденцию предпочтения более компетентным подчиненным более преданных. А это не только вредит успешному функционированию системы, возвышая лояльность над эффективностью работы, но и уничтожает принцип состязательности при отборе кандидатов на более высокую должность, и желание активно работать. Если твои заслуги не имеют значения, какой смысл выкладываться?

Благодаря корпоративности корейская бюрократия более персонифицирована. Чиновник является не столько безликим винтиком системы, сколько человеком со своими пристрастиями и антипатиями. Также и проситель воспринимается не как отдельный человек с какой-то проблемой, а как представитель определенной группы, которому надо уделить большее или меньшее внимание.

Корпоративность, как и авторитарность, способствует подавлению интересов рядовой личности, которые как бы растворяются в интересах группы. Один человек, не являющийся спикером группы, лишен права на самостоятельное мнение. При этом, не поощряя конструктивную критику, корпоративность поощряет ее неконструктивный вариант, ибо логика фракционной борьбы как соперничества между различными «заинтересованными группами» предполагает безусловное проталкивание своих идей и подавление чужих инициатив вне зависимости от их реальной ценности.

Понятие корпоративности существует и в КНДР, но там «одной большой семьей» является все государство, и ведущей корпорацией формально является ТПК, которая контролирует прочие группы. Анализируя под этим углом зрения северокорейское общество, Камингс находит аналогии с корпоративным государством по Муссолини и японской идеей государства как одной большой семьи. Ким Ир Сен – отец, подданные – его дети. Правительство должно заботиться о своих подопечных как о своих собственных детях, а наивысшим моральным долгом каждого члена общества является беспредельная верность вождю.

В связи с этим южнокорейские критики Пхеньяна обращают внимание на то, что хотя в РК структура государства более корпоративна, эти корпорации не были созданы как деталь структуры государства, хотя и контролируются им.

²⁵ Korea Herald, 08.09.2002.

Персонализм как стремление предпочитать неофициальные отношения официальным и заменять чисто служебные отношения квази-дружескими

Пэк Ван Ги называет этот элемент административной культуры эмоциональным гуманизмом или эмоциональной человечностью. Речь скорее идет о преобладании такого подхода, при котором человек воспринимает себя как существо, постоянно вовлеченное в какие-то межличностные отношения. Он подмечает, что корейцы, будучи оторванными от группы, чувствуют себя не в своей тарелке, а при описании дома, семьи или работы предпочитают слово «наш» слову «мой».

И корпоративность, и персонализм обращаются к образу семьи, но если корпоративности она интересна как ячейка общества, персонализм обращает внимание именно на эмоциональный внутрисемейный климат, стараясь перенести его на отношения между служащими. Отсюда упор на поддержание хороших и добросердечных отношений в том коллективе, в котором ты находишься, и тенденция предпочитать более эмоционально тесный способ общения.

Персонализм как бы компенсирует вызванное иерархичностью неравенство руководителя и подчиненных. Методов поддержания этих отношений (как внутри коллектива, так и вне его) достаточно. Это и стремление решать деловые проблемы в неделовой обстановке, когда окончательное решение принимается не на официальном мероприятии, а на посиделках в ресторане после него, и корпоративные пьянки после работы, и пение по кругу во время них, где важны не твои вокальные данные, а твое участие. Неформальный характер корейских ужинов и навязчивый стиль выпивки, характеризующийся «почти неумолкаемыми тостами» и бесконечным наполнением стаканов, отмечает даже М. Олбрайт, причем применительно к Северу²⁶.

Под этим углом зрения повышается и значение «взятки», цель которой не столько соблазнить чиновника выгодой, сколько вовлечь его в процесс более неформальных отношений и предстать перед ним не в роли обычного просителя, а в роли своего человека.

Пэк Ван Ги полагает, что корейцы считают поддержание хороших отношений с окружающими одним из главных признаков хорошей жизни. Будучи достаточно эмоциональными, они стараются не показывать гнев и обходить конфронтацию, которая может нарушить эмоциональную связь. И если разногласия все-таки приводят к открытому столкновению, окружающие склонны считать виновными не столько тех, кто виновен по сути дела, сколько тех, кто придал конфликту открытую форму, вынес, так сказать, «сор из избы».

²⁶ Госпожа Госсекретарь. С. 595, 601 .

К проявлению персонализма относится и повышенная чувствительность к тому, что о корейце говорят люди. М. Брин отмечает, что корейцы достаточно критичны по отношению к себе (основными мишенями критики служат жадность, неуживчивость и индивидуализм), однако критику тех же своих черт устами иностранцев они воспринимают очень болезненно²⁷.

В опросе Пэк Ван Ги персонализм занимал интересную нишу, влияя на административную культуру менее явно, чем иные компоненты. В ответах на вопрос: «Какой тип начальника вы бы предпочли?», на первом месте оказался опытный администратор, на втором – лидер, способный контролировать подчиненных, на третьем – толерантный человек, способный вас понять. Но при ответе на вопрос: «Какие качества более всего нужны для того, чтобы сделать карьеру?», на первом месте оказались честность и искренность (то есть, как минимум, нежелание существовать за счет коллектива или идти вперед по трупам), на втором – способности и интеллект, на третьем – толерантность и умение ладить с людьми.

Еще пример. Более всего для карьеры нужна комбинация высокой квалификации и хороших отношений с коллегами, однако только за хорошие отношения проголосовало 29 %, а только за квалификацию – 6 %. Подобный результат был получен в ответ на вопрос: «На что служащие обращают больше внимания – на улучшение качества работы или психологический климат в коллективе?». На первом месте оказалось сочетание того и другого, но на втором - психологический климат.

Главная позитивная черта персонализма состоит в том, что он действительно делает коллектив коллективом, а не группой людей, которые работают в одно и то же время в одном и том же месте. Персонализм мешает бюрократии полностью превратиться в бездушную машину и является своего рода смазкой, позволяющей ей работать лучше или, во всяком случае, быть лучше воспринимаемой массами. Он поощряет дух взаимопомощи и коллективизма. Правда, логическим продолжением этого становится привычка засиживаться на работе, а после нее отправляться куда-то вместе с коллегами. В результате стирается грань между личной жизнью, личными интересами и службой.

Проявлением эмоциональности в бюрократическом поведении Пэк считает сниженную рациональность принимаемых решений. Чиновник больше руководствуется эмоцией, чем логикой, а принятие решения с холодной головой воспринимается как нечто нечеловеческое, негуманное. Сюда же можно отнести и преувеличенную непреклонность корейской политической оппозиции, а также тягу корейских политиков к ярким лозунгам и жестам на публику.

Вторым следствием персонализма является то, что чиновники определяют свою работу в терминах личных отношений, а личные отношения между друзьями могут превалировать над отношениями между

²⁷ Breen M. The Koreans... С. 20.

коллегами. Это порождает фаворитизм и решение проблем через нужного человека.

С другой стороны, при служебной ошибке или неудачной стратегии предложенного курса бюрократическая система предпочитает объяснять причины случившегося не столько недостатками самой стратегии действий, сколько виной за это отдельной личности. На чиновника возлагают ответственность за любой сбой в работе его ведомства, и «поиск козла отпущения» часто встречается в корейской политической жизни²⁸.

Данный момент хорошо проявился в том, как в правление Ким Дэ Чжуна все пытались найти какого-то одного виновника кризиса 1997 г. и наступления эры МВФ, будь то правительство Ким Ён Сама, *чеболи* или внешние козни, и никто не (хотел подумать) думал о том, что причины этого явления комплексные²⁹.

Третье следствие – то, что любой конфликт между людьми или организациями стараются погасить хотя бы в рамках церемониальной вежливости. В результате персонализм тоже является одним из факторов, препятствующих развитию дискуссии, так как открытая критика своих расценивается как подрыв благоприятного психологического климата. Эта традиция «сохранения лица» имеет еще одну, не столь приятную сторону. Если вы в чем-то провинились, то в Корее никто ничего не скажет вам прямо. Санкции нагрянут неожиданно, как гром среди ясного неба.

Определенным следствием персонализма можно считать и представление о том, что человек, обладающий высокими моральными качествами, может равно успешно руководить чем угодно. Уважение к инженеру и технократу как мастеру профессиональных навыков появилось в стране в период японской оккупации, а затем активно пропагандировалось при Пак Чжон Хи. В этом, кстати, существенное отличие его кадровой политики от северокорейской, где предпочитался принцип перебрасывания доказавших свою верность партийных чиновников с одного важного участка на другой. «Для проведения правильной линии» выдающийся деятель ТПК мог руководить сначала текстильной промышленностью, потом – обкомом партии, а потом – резидентурой в Южной Корее.

Кроме того, в сочетании с иерархичностью, персонализм замедляет сменяемость кадров и темп карьерного роста молодежи, так как снять кого-то с должности или уволить означает нанести ему эмоциональную травму, а слишком быстрый карьерный рост молодого как бы обижает тех, кто рассчитывал «честно отработать» свое повышение. Человека можно перевести на равноценную должность или дать ему почетный пост, но не сместить на ступеньку ниже, а увольнение, как мы уже говорили, является чрезвычайной мерой, вызванной или экстраординарной ошибкой увольняемого, или внешними форс-мажорными обстоятельствами типа форсированных реорганизаций государственного аппарата. Именно поэтому

²⁸ Булычев Г. Б. С. 76.

²⁹ Breen Michael. The Koreans... С. 159.

в рамках корейской бюрократической системы очень часто встречаются должности, на которые как бы сдвигают работников, исчерпавших свою способность к росту уровня компетентности, но являющихся честными и добросовестными служаками, выбрасывать которых из структуры было бы проявлением нелояльности со стороны руководства.

Ритуализация как ориентация на традиции и внешнюю форму

Понятно, что каждое общество имеет свои ритуалы и формализованные нормы. В бюрократической культуре роль традиции часто играет должностная инструкция. Но, по мнению Пэка, в корейском обществе сила традиции или ритуала настолько велика, что человек становится его рабом. В результате форма часто замещает содержание, а буква вытесняет дух.

Опрос, проведенный Пэк Ван Ги, выявил очень сильный традиционалистский элемент в сознании корейцев, особенно в повседневных, бытовых ситуациях или вопросах, связанных с оценкой таких элементов традиционной культуры, как обряды почитания предков. 2/3 опрошенных показали, что практикуют их с поправкой на нынешние реалии, но оставшаяся 1/3 придерживалась традиций в классической форме.

Деталью традиционализма можно считать и преувеличенное внимание к приметам, которое демонстрировали даже такие внешне прагматичные люди, как Пак Чжон Хи. Отмечая выбор дат для проведения важнейших мероприятий периода его правления, С. Курбанов замечает, что все они проходили или 17-го, или 27-го числа. Возможно, это было связано с тем, что Пак родился в 1917 г.³⁰

Позитивной стороной приверженности традициям и ритуалам является то, что общение посредством ритуала быстрее и точнее, чем вербальное, поскольку существует целая система принятых кодов поведения. Кроме этого, система ритуала, безусловно, является хорошей гарантией поддержания стабильности и порядка, поскольку политический порядок становится как бы социальным или этическим, ибо ритуал есть часть не политической, а общественной жизни. Ритуал также позволяет более четко формировать социальные роли.

Главным негативным проявлением традиционализма в административной культуре является то, что у нас принято называть формализмом. Такая практика, естественно, способствует процветанию косности и консерватизма и отягощена тем, что действовать по инструкциям – не обязательно значит действовать по закону.

Второй эффект ритуализации – придание большого внимания внешним, «протокольным» аспектам ритуала. Понятно, что «торжественная часть» не является элементом именно корейской культуры, однако можно сказать, что корейцы уделяют этому аспекту гораздо большее внимание. Практически

³⁰ Курбанов С. О. Курс лекций... С. 498.

каждое официальное мероприятие начинается с поклона флагу и хорового исполнения гимна, стоя по стойке «смирно».

В бюрократии это внимание к протоколу превращается во внимание к оформлению документа или идеи, из чего вытекает достаточно много бумажной работы. Все должно быть досконально и ритуально оформлено. Например, научная статья объемом в 8 страниц обязательно должна иметь 30 научных ссылок. Это проявляется и в корейской системе аудита, который обращает гораздо больше внимания на правильность оформления документов, чем на отрицательный результат деятельности, ответственность за который может быть ниже, чем за несоблюдение ритуала.

Сочетание иерархичности и формализма порождает достаточно развитую систему многочисленных условных символов, обозначающих принадлежность человека к той или иной системе и его статус в ней. Для корейских учебных заведений, учреждений и даже частных фирм типично наличие форменной одежды – как специальной формы, так и одежды единого стиля, имеющего, правда, некую отличительную особенность.

Сочетание формализма и авторитарности выставляет очень жесткие требования и к внешнему виду подчиненных. Вплоть до второй половины 1990-х гг. длинные волосы у мужчины были «привилегией» исключительно студенческой молодежи. А привычка корейцев носить костюмы с галстуками вне работы нередко шокировала европейцев-шестидесятников³¹. Ситуация когда начальство прощает неформалу неклассический внешний вид, манеры или поведение, отдавая должное его высоким профессиональным качествам, в современной Корее еще редкость.

Третий эффект ритуализации заключается в том, что стремление действовать строго по инструкции мешает эффективно мобилизовать энергию чиновников, ибо соблюдение всех, даже незначительных, формальностей не способствует скорости решения проблемы. К тому же за стенку инструкции всегда можно спрятаться.

Ориентация на традицию усиливает и инерцию мышления, поскольку каноническому способу решения проблемы отдается приоритет. Новые идеи воспринимаются с трудом, а отсутствие единомыслия – как беспорядок.

Нематериализм как демонстрируемое пренебрежение к материальным ценностям и преобладание моральных методов стимулирования над материальными

Несмотря на сильное влияние западной/американской культуры «капиталистического предпринимательства», тенденция не ставить материальные блага на первое место по-прежнему сильна. Стремление к получению богатства любой ценой вызывает пренебрежение. Значительная часть профессуры при первой возможности старается перейти из менее престижных частных в более престижные государственные университеты,

³¹ Breen M. The Koreans... С. 189.

хотя зарплата там на 25-35 % ниже, а многие преуспевающие сотрудники частных фирм тратят немало сил для подготовки к экзаменам на чиновничью должность, удачная сдача которых позволит им стать государственными служащими.

А. Н. Ланьков в своей статье о влиянии традиционных ценностей на менталитет корейского горожанина³² приводил очень интересные данные, относящиеся к 1978 г. и касающиеся того, как сочетались в корейском массовом сознании шкала престижности той или иной профессии и шкала ее доходности. Опрос показал очень явную тенденцию «непрестижности» бизнеса и торговли и престижности положения государственных служащих или представителей интеллигенции, особенно вузовской профессуры. Во всех случаях разница в положении на шкале составляла от 3-х до 7-ми пунктов.

Конечно, это не значит, что корейцы не желают жить хорошо и обеспеченно. Но они не хотят организовывать свою жизнь так, чтобы их главной целью было (или выглядело) приобретение материальных благ. «Когда экономика отделяется от морали, она становится не слугой человека, а его хозяином. От этого моральные принципы разрушаются, а человечность падает»³³.

В правление Пак Чжон Хи в рамках «политики экономии» школьникам запрещалось приносить с собой из дома на обед «дорогую» рисовую кашу. В школе они должны были есть бобовую или ячменную, при этом ежедневно проводилась проверка принесенного. Такое «поощрение нематериализма» специально ограничивало представителей более зажиточных слоев и как бы не давало им права демонстрировать свои финансовые возможности³⁴.

Отсюда же отчасти растут корни тяги корейцев к «униформе». Понятно, что многие ходят в одном и том же костюме потому, что не имеют иной одежды, но тем, у кого она есть, как бы рекомендовано ходить так же, чтобы не демонстрировать остальным свою оторванность от коллектива.

Фактор неприятия богатства связан с тем, как и за счет чего обреталось это богатство после 1945 г. Богатство быстро поднявшихся миллионеров неизбежно было связано с коррупцией или, во всяком случае, с чем-то постыдным³⁵.

Посмотрим, как выглядит ситуация в опросе Пэк Ван Ги. На первом месте везде промежуточные ответы, а на вопрос, является ли материальное положение индикатором способностей человека, мнения разделились поровну. Однако при ответе на вопрос «Какую работы вы бы выбрали – более денежную или более престижную?», деньги были на втором месте, а на первом – возможность познакомиться с важными людьми. В ответ на то, стоит ли придерживаться конфуцианского высказывания «воспринимать

³² www.Okoree.narod.ru

³³ Чон Бёнджэ. Проблема традиции и модернизации в современной Корее. // Материалы конференции «100 лет петербургскому корееведению». СПб., декабрь 1998 г.

³⁴ Курбанов С. О. Курс лекций... С. 506.

³⁵ Wanki Paik. С. 85.

золото как камни» (то есть не привязываться к деньгам и драгоценностям), только 8 % сочли эту инструкцию неправильной, а 36 % заявили, что это наставление по-прежнему верно и не устарело морально.

Пэк ссылается на результаты еще одного социологического опроса от 1969 г., изложенного в книге Хон Сын Джика «Анализ корейских ценностей»³⁶, согласно которому более престижную работу предпочитают денежной 72 % крестьян, 65 % бизнесменов и 67 % профессоров.

Стремление к роскоши или ее демонстрация не поощряются, и неоднократно подмечалось, что из нескольких машин, припарковавшихся в неположенном месте, полицейские штрафовали самую богатую на вид. С корейской точки зрения, честный человек – это, в первую очередь, тот, кто воздерживается от стремления обладать материальными благами. Важна не бедность, а скромность – не недостаток средств, а отсутствие высоких запросов или явной демонстрации принципа «Что хочу, то и ворочу».

Этот фактор, однако, проявляется в бюрократической культуре меньше, чем другие, так как в определенном смысле перекрывается остальными факторами (благородная бедность не очень согласуется с коррупцией и нормативами взяток). Но сочетание подобных ценностей и далекой от них реальности создают базу для психологической нестабильности, ибо здесь присутствует определенное лицемерие: говоря о благородной бедности, все понимают, что честности от политика ожидать не стоит, однако тех, кто «засветился», примерно наказывают³⁷.

Следствием нематериализма можно назвать и жажду власти в ее чистом виде. 38 % опрошенных Пэк Ван Ги на вопрос «Что заставило вас стать госслужащим?» ответили: «Потому что моя роль или принятые мною решения смогут изменить общество и государство». В ответ на вопрос «Где бы вы хотели работать больше всего?», первое место (20 %) занял Голубой дом, а второе (12 %) – министерство внутренних дел как орган, занимающийся надзором за деятельностью прочих инстанций, а также – поддержанием порядка³⁸.

Наконец, нематериализм проявляется и в предпочтительных типах поощрения, где значительную роль играет моральная заинтересованность (знаки внимания, почетные сувениры, грамоты, благодарности и т. п.), и в некоторой нерациональности трат. Так, М. Олбрайт в своих мемуарах отмечает, что затраченное на праздник в ее честь количество электроэнергии могло бы освещать Пхеньян целую неделю, но с точки зрения Пхеньяна, проведение такого массового мероприятия имело большее значение³⁹.

Вообще, в КНДР роль нематериализма в административной культуре гораздо выше. Именно из него вытекают и государственное распределение материальных благ, и методы руководства экономикой. Карточную систему вводят обычно в условиях нехватки жизненно необходимых товаров с тем,

³⁶ Wanki Paik. С. 83.

³⁷ Булычев Г. Б. С. 76.

³⁸ Wanki Paik. С. 114.

³⁹ Госпожа Госсекретарь. С. 604-605.

чтобы гарантированно обеспечить население хотя бы их минимумом, однако ряд авторов видит в ее сохранении и иные причины. Пропаганда аскетизма в личной жизни была связана с тем, что, как утверждал Ким Ир Сен, «по мере осуществления социалистической революции и устранения забот о пище, жилье и одежде революционный энтузиазм людей падает»⁴⁰. Поэтому нематериализм как элемент административной культуры пытались внедрять законодательно, ограничивая рост материальных благ при помощи системы распределения или отводя специальный день (пятницу) на то, чтобы госслужащие занимались физическим трудом на стройках, при благоустройстве городов или на картошке⁴¹.

Распределение по карточкам и выдачу предметов роскоши в соответствии с рангом можно соотнести не только с нематериализмом, но и с ритуализацией - в старой Корее ранг чиновника мог определять не только его внешний вид, но и то, какие украшения и какую посуду он имел право использовать.

Безучастность как отсутствие активного желания действовать и стремление полагаться на «авось»

Пэк Ван Ги называет этот компонент фатализмом, понимая под ним утверждение, что хотя планирование событий в руках людей, реализация этих планов – в руках Неба. Результат того или иного события является не столько порождением созданных человеком причинно-следственных связей, сколько порождением судьбы или удачи. Следствием такого отношения к результату являются пассивность, преобладание пессимизма по отношению к будущему и стремление сваливать вину за собственные ошибки на внешние обстоятельства. Не случайно исследователи корейского национального характера любят описывать присущее корейцам чувство «хан», что можно перевести как «печаль», хотя в действительности это смесь ярости и бессилия, продиктованная жаждой индивидуальной свободы⁴².

Сюда же можно отнести повышенную роль суеверий и повышенное доверие к шаманам и прочим оккультистам, деятельность которых заключается не в планировании событий, а в предсказании реакции на них. Следует помнить, что в традиционном конфуцианском мировоззрении коммерческий успех считался не личной заслугой коммерсанта, а исключительно проявлением удачи. Упование на магическое разрешение проблемы опирается на веру в судьбу и помощь неких внешних сил, в том числе представителей властей. Иными словами, уповают как на судьбу, так и на «дядю».

Иногда к безучастности пытаются отнести внешне пассивный стиль корейского руководителя, который не проявляет себя в постоянных

⁴⁰ Панин А., Альтов В. С. 42-43.

⁴¹ Панин А., Альтов В. С. 48.

⁴² Breen M. The Koreans... С. 38.

указаниях, но корейская немногословность имеет несколько иные корни - считается, что уважающий себя человек, особенно если он занимает высокий пост, должен быть скуп на слова. «Большой человек» говорит мало, тихим и несколько монотонным голосом, двигается неспешно и внешне не проявляет своих чувств. Склонность к многословию, привычку открыто выражать свое мнение и свои эмоции корейцы воспринимают как признак несерьезности и легкомыслия⁴³.

Иногда безучастность не пытаются выделить в отдельный подраздел, относя пассивность и безынициативность к следствиям авторитаризма, а предпочтение харизматического лидера рациональному – к проявлению персонализма. Однако в данном случае из вида выпускается такой достаточно любопытный элемент корейского административного поведения, как непонимание риска и неумение прогнозировать грядущие проблемы. «Пока гром не грянул», кореец не принимает каких-либо мер по «предотвращению грозы».

Проявилось это и при кризисе 1997 г. Пока система работала хорошо и не давала явных сбоев, о негативных тенденциях не задумывались, а в ответ на попытки со стороны привлечь к ним внимание, часто звучало: «Но ведь пока же ничего не случилось!», а раз не случилось, то чего же суетиться. Манеру откладывать решение сложного вопроса до последнего момента, а потом делать все авральными темпами и не всегда удачно, наблюдал и я лично в 2000-2001 г.

Пассивный аспект безучастности хорошо прослеживается и в сюжетах корейских телесериалов. Снова цитирую Т. Габрусенко: «Конфликт в корейской драме разрешается всегда «сверху» и практически никогда не является следствием действий самих героев. Их дело - не действовать, а пассивно и разнообразно страдать. А дело зрителей - оплакивать эти страдания»⁴⁴.

Теперь посмотрим опросы Пэк Ван Ги. С формулировкой, прямо говорящей, что достижение планов находится в руках Неба, согласились только 26 %, однако мнение, что достижение результата зависит от множества факторов, которые находятся вне сферы контроля человека, поддержали 42 % (это меньше половины, но демонстрирует заметное влияние традиционного фактора). Вопрос о том, зависит ли успех человека от его природных способностей или от игры судьбы, был, в основном, решен в пользу и того, и другого (63 %), однако сторонников влияния только судьбы было несравненно больше, чем сторонников только способностей (34 % против 3 %). 74 % опрошенных предпочли знакомый, но более длинный путь домой, чем использование возможность срезать угол с риском заблудиться.

Безучастность формирует так называемый уже упоминавшийся нами парохияльный тип политической культуры, который предполагает не только невмешательство масс в политическую жизнь и пассивное выполнение ими

⁴³ Ланьков А.Н. Корея. Будни и праздники. М., 2000, с.304.

⁴⁴ Габрусенко Т. Корейский сериал...

воли начальства, но и предпочтение статуса - кво рискованному проекту, который может представить золотую возможность возвыситься; пассивное ожидание инструкций от начальства и сочувствие к жертве обстоятельств как к человеку, от которого ничего не зависело, при одновременном нежелании проявлять боевой дух и бороться за лучшее завтра.

Становление бюрократа

По мнению Пэк Ван Ги, процесс социализации бюрократа как изучения и осознания им системы ценностей административной культуры делится на три этапа. Первый – воспитание, полученное в семье и в школе до поступления в колледж (вуз). Оно закладывает нормы уважения к старшим как на внутреннем, так и на внешнем, церемониальном, уровне во время традиционных ритуалов. Формируются не только персонализм и иерархичность, но и безучастность и авторитаризм.

Затем нормы ритуала и иерархии дополнительно закрепляются в школе на уровне как формальной дисциплины, так и неформально – посредством системы отношений «сонбэ-хубэ». В школе будущий бюрократ окончательно привыкает и к групповой психологии, и к внутренней иерархии *сонбэ-хубэ*. На этом же этапе складывается концепция государства, стоящего над отдельным человеком. В ответ на предложение назвать человека, которого вы более всего уважаете, 40 % опрошенных школьников назвали политического деятеля или героя войны.

Однако на этом этапе в социализацию чиновника закладывается первая структурная «мина». Сочетание заботы и жесткости, которым подвергаются корейские дети и подростки, может вызывать у них серьезный комплекс неполноценности. Последствиями такого воспитания могут быть и неуверенность в себе, откуда следует стремление спрятаться за указания начальства или букву закона/инструкции, и желание компенсировать этот комплекс авторитарным отношением к подчиненным и младшим по возрасту.

Второй этап социализации бюрократа проходит в студенческие годы и заканчивается сдачей гражданских экзаменов, после которых он становится полноправным чиновником. Студенческое существование отчасти подавляет авторитарность и семейственность, но поощряет нематериализм за счет пропаганды «духа интеллигенции». Тем не менее, студенческий период – это время, когда молодой кореец не столько учится, сколько предоставлен самому себе. Единственное, что играет роль в процессе его социализации – это выработка определенных социальных норм.

Третий этап связан с началом работы и характеризуется не только необходимостью начинать с самой нижней ступени социальной лестницы, но и рядом новых конфликтов между представлениями о предстоящей службе и тем, как она выглядит в действительности. Во всяком случае, на этом этапе чиновник усваивает внутренние правила игры и основные принципы выживания в джунглях чиновничьей структуры.

Истоки корейской административной культуры

Как правило, корейское «политическое сознание» «выводится» из азиатского восприятия пространства и времени, определяемого традиционной дальневосточной философией, однородной национальной культуры, централизованной бюрократии и авторитарного отношения к личности. Однако с нашей точки зрения набор истоков более многочислен и многогранен.

Первым и главным его источником является **традиционное конфуцианское наследие**. Хотя сейчас от основных постулатов традиционной конфуцианской политической культуры остались не столько ритуальная часть, сколько поведенческие нормы или набор этических ценностей, конфуцианское наследие оказало заметное влияние почти на каждый элемент системы, но это влияние можно сравнить с фундаментом, на котором строились другие влияния.

Следует, однако, отличать конфуцианство вообще от его корейского варианта, в котором, напомним, на первое место выдвигались не взаимоотношения государя и подданных, а отношения отца и детей, и сыновняя почтительность ценилась выше верности государю. Отсюда и определенная патриархальность власти, при которой политическое лидерство правителя было невысоким, и фракционная борьба как самое яркое проявление «групповщины». Поэтому корейская эндемика несколько ослабляет авторитарность, но дополнительно стимулирует корпоративность и персонализм.

Постановка верности на первое место обычно связывалась либеральными корейскими историками с внедрением японской модели бюрократической системы, отличающейся куда большей централизацией и авторитарностью (после реставрации Мэйдзи Япония строила свою бюрократию по прусскому, а не по французскому, образцу).

Вообще же **японское влияние** осуществлялось как бы в два этапа. Первый был связан с колониальным периодом и способствовал укреплению авторитарности и, в меньшей степени, ритуализации, второй – с заимствованием японского опыта экономического прорыва в период Третьей и Четвертой республик, когда дополнительную стимуляцию получали скорее персонализм и нематериализм.

Очень важным и заметным формирующим фактором современной корейской административной системы и административного поведения является то, что в начале 1990-х гг. корейские исследователи активно именовали **«военной культурой»**. Это те специфические стороны армейского менталитета и вытекающие из них особенности государственного подхода и управленческих моделей, которые пытались распространить на гражданское общество представители армии, управлявшие РК в период с

1961 по 1992 гг., или творцы северокорейской политики *сонгун* («армия прежде всего»).

Военная культура имеет несколько ярких черт, сходных с рассматриваемым вариантом административной. Боевая обстановка требует высокого быстродействия системы и безупречного подчинения – отсюда авторитарность. Армейская субординация наложилась на внутреннюю ранжированность традиционного общества, стимулировав иерархичность, а власть Устава наложила отпечаток на ритуализацию. Военные привыкли действовать по инструкции и по плану, а не полагаться на изменчивые рыночные отношения или успех, не предусмотренный в тактическом плане, предпочитают экономической системе стимулирования работников идеологические методы их поощрения, а комплекс поведения, связанный с понятием чести мундира, делает корпоративность характерной чертой армейского менталитета.

Следующим по важности фактором можно назвать **влияние СССР**, более прямое на Севере и более опосредованное на Юге, где многие методы управления северокорейской командно-административной системы активно заимствовались военными властями РК.

Помимо ярко заметного авторитаризма, советское/северокорейское влияние яснее всего проявляется в формах ритуализации: анализ терминологии показывает, что стиль лозунгов и докладных записок, употребляемые слова достаточно сильно напоминают по стилистике СССР, а желание поддержать свое реноме проявляется в излишней показухе и гигантизме мероприятий. Такие черты можно увидеть не только в пышных военных парадах или пропагандистских мероприятиях, но и в экономической политике Пак Чжон Хи.

На административную культуру как процесс организации труда и принятия решения наложил свой отпечаток и господствующий на Дальнем Востоке **хозяйственно-культурный тип** и вытекающие из него особенности деревенского быта. Поливное рисоводство – очень сложный технологический процесс, который требует не только координации усилий всех в масштабе государства и подчеркивает необходимость сильной центральной власти, способной поддерживать в порядке ирригационную систему, но и формирует групповую психологию. Кроме того, в корейском сельскохозяйственном цикле, где из-за резких перемен климата получение хорошего урожая было ненадежным, можно искать и корни безучастности. Высокий уровень корейской культурной и этнической однородности тоже не способствует развитию идей плюрализма⁴⁵.

Среди прочих формообразующих факторов можно отметить влияние господствующих религиозных систем: как буддизма, так и христианства, с которым, правда, стараются связать появление в Корее элементов западной идеологии. Представляется, однако, что принятие модернизации связано не с

⁴⁵ Korean Public Administration. С. 47.

христианской этикой самой по себе, а с тем, что сама принадлежность к данной конфессии является чертой новой культуры.

Наконец, учтем, что под конфуцианским слоем воспитания находится корейский национальный характер. Многие отмечают, что по сравнению с китайцами или японцами корейцы менее интравертны, более эмоциональны и даже истероидны. Ряд специалистов-политологов, чье восприятие мира уже достаточно европеизировано, рассматривает корейцев как нацию эгоистов и считает, что в отличие от Японии, где коллективизм действительно развит, кореец помогает другим, только если уверен, что потом помогут ему.

Другие политологи объясняют такие черты национального характера тем, что на него оказали влияние внешние факторы последних лет, когда в результате активного внедрения элементов культуры глобализации конфуцианские догмы стали восприниматься более формально и с точки зрения выгоды. Так, если раньше каждый из участников совместного обеда стремился заплатить за всех, сейчас молодежь платит «по-голландски», каждый за себя. Система взаимных моральных обязательств превратилась в систему оказания друг другу взаимных услуг, извращающих и разъедающих традиционную модель⁴⁶, а под влиянием привнесенной с Запада философии индивидуализма и с ослаблением истинно конфуцианской доминанты модель взаимоотношений старшего и младшего скатывается в сторону «дедовщины».

Заметим, что все названные нами основные характеристики корейской административной культуры в равной мере встречаются и на Севере, и на Юге, хотя сочетание «удельного веса» сформировавших ее факторов несколько разнится. Так, на Севере больше «неочищенного» советского наследия и наложившегося на него традиционного воспитания, а на Юге - военной культуры более европейского образца.

Что же до оценки работоспособности/действенности системы такого типа, то ее стоит провести, исходя из общего набора критериев, способствующих эффективности бюрократической системы. По сравнению с так называемой демократической, корейская авторитарная, или, как ее еще принято называть в России, командно-административная система имеет как ряд достоинств, так и ряд недостатков.

Бюрократическая машина работает достаточно быстро, так как строгая вертикаль власти не оставляет времени для обсуждения или согласования. При этом властные полномочия, которыми обладает чиновник, есть лишь необходимая приставка к его деятельности, а главным фактором, определяющим его действия, является (теоретически) высокая ответственность и честность. К тому же, ранг или высокий пост не являются гарантией безопасности – любой министр или работник спецслужб может быть репрессирован в случае нелояльности или профнепригодности.

Командно-административная система более устойчива к внешнему

⁴⁶ Korea's Self-Identity. By Hong Yi-Sup. Seoul, 1973, с. 110.

воздействию. Можно сказать, что только особенности тоталитарной системы в сочетании с нормированным распределением продуктов удержали Северную Корею от того социального взрыва, который мог бы случиться в ситуации голода и стихийных бедствий в любой другой стране. Однако желание отгородиться от враждебной среды оборачивается и отказом от курса на интеграцию в международное сообщество и доступ к его совокупным достижениям.

Из-за пренебрежения к гражданским правам личности командно-административная система позволяет быстро манипулировать человеческим ресурсом, однако чем больше в обществе распространяются «общечеловеческие ценности» и «человеческий фактор» начинает осознавать свою самоценность и требовать лучшего обращения, тем ниже становится эффективность системы данного типа.

Главным минусом командно-административной системы является ее слабая способность оперативно реагировать на нестандартные изменения ситуации, связанные с необходимостью проявить индивидуальную инициативу. Система действует быстро только сверху вниз. Темп карьерного роста в ней ограничен, вследствие чего на руководящих постах оказываются люди старшего возраста, привыкшие мыслить шаблонами прошлого. Если общество не подвержено резким переменам, такая система усиливает его стабильность, однако современный темп развития общества как бы «опередил» скорость смены поколений управленцев, что в сочетании с закрытой моделью системы может спровоцировать стратегическое отставание.

С командно-административной системой нередко связывают развитие протекционизма и коррупции, однако они не являются ее структурным следствием. Более того, развитие этих социальных зол нередко происходит на фоне ослабления хватки системы, когда идея о приоритете интересов государства над приоритетами отдельного человека уходит на второй план и наблюдается определенное перерождение кадров.

Можно сказать, что корейский вариант административной системы рассчитан или на спокойное функционирование в рамках традиционного общества с доминирующей конфуцианской системой ценностей, или на форсированный вывод страны из кризиса, с которым связано вынужденное ограничение свободы.

Поясним. Модернизация отсталой страны - весьма противоречивый процесс. Там, где этот процесс завершен, общество обретает относительную стабильность и благополучие, однако начальные стадии модернизации характеризуются ростом кризисных явлений и конфликтов. К тому же большинство народа по природе консервативно и не хочет перемен – их относительно устраивает сытое спокойствие без необходимости отдавать что-то на нужды страны. Авторитаризм и нематериализм позволяют преодолеть эту тенденцию.

Однако при изменении господствующего типа общественной

ментальности и темпов развития общества работоспособность системы снижается, и она нуждается в перестройке: модель не рассчитана на более быстрый бег времени и смену обстановки, характерную для «эпохи глобализации» и постоянно появляющихся инноваций, на которые надо быстро и оперативно реагировать. Кроме того, после стремительного рывка, когда они уже не необходимы, авторитарные методы руководства должны быть отброшены или смягчены, ибо с ростом гласности и расширением информации о правах человека в людях укрепляется представление о неверности такого пути: идея приоритета прав личности над государственной машиной звучит для масс очень привлекательно.

Компоненты, образующие эту систему (авторитарность, корпоративность, персонализм и т. п.) находятся в своего рода динамическом равновесии и не столько противоречат один другому, сколько один другой компенсируют. Как пишет по этому поводу профессор университета Ёнсэ Ли Хак Чон, «авторитарное лидерство представляется естественным ... однако присутствие элемента гармонии смещает авторитарные акценты и заставляет руководителей внимательно следить и заботиться о нуждах и просьбах подчиненных»⁴⁷. Поэтому критика или попытки искоренить один из элементов традиционной структуры могут привести к более серьезным перекосам, чем кажется.

Немного о корнях коррупции и ее распространении на современном этапе

И корейцы, и иностранцы в частных разговорах жалуются на весьма высокую, по их мнению, степень коррумпированности государственного аппарата. В «Индексе коррупции», который составляется известной международной организацией «Transparency International», Корея занимает 42 место (для сравнения - Россия находится на 79-м)⁴⁸.

Для Современной Южной Кореи наиболее типичным видом коррупционной деятельности является использование влияния того или иного политического деятеля в обмен на финансовые вливания. По данным доклада, который сделал на проходившем в Сеуле 24-29 августа 1998 г. Международном Криминологическом конгрессе⁴⁹ старший научный сотрудник Корейского Института Криминологии Ён Сон Чжин, каждый третий кореец в течение своей жизни прибегал к подкупу гражданского чиновника хотя бы раз в году. Согласно его исследованиям, 349 из опрошенных 970 рядовых граждан и 1266 гражданских чиновников предлагали гражданским чиновникам деньги или ценные подарки, или выставляли им угощение, причем 48 % опрошенных давали взятки в сфере

⁴⁷ Корейский полуостров. Мифы, ожидания, реальность. Часть 1, М., 2001, с.121.

⁴⁸ Ён Сон Чжин. Современное состояние коррупции в РК и меры по ее предотвращению. // Доклад на Международном Криминологическом конгрессе 24-29 августа 1998 г., Сеул. Русский текст рукописи предоставлен автору Ким Сон Доком.

⁴⁹ Ён Сон Чжин.

производства, 46 % - в сфере развлечений, 37 % - в строительном бизнесе. Взятки давали 28 % «белых воротничков», существующих на жалование, и 27 % владельцев ресторанов. При этом почти 70 % предпринимателей считает, что предложение взятки как выражение благодарности государственному чиновнику должно быть воспринято правоохранительными органами «с терпимостью». Бизнесмены утверждали, что они в соответствии с принятой практикой добровольно продолжали систематически подкармливать «своих чиновников». Как правило, наиболее типичные суммы взятки колеблются в пределах от 60 до 100 тыс. вон либо от 100 до 500 тыс. вон. И только в 27 % случаев дача взяток касалась мелких случаев нарушения закона вроде нарушения правил уличного движения.

Сразу следует отметить, что подобные отчисления, приглашения в ресторан нужных людей или периодическое вручение им подарков не являются взяткой в и европейском понимании, так как юридическое определение взятки предполагает конкретную сумму денег или подарок в обмен на конкретную же услугу. Пересмотр отношения к «благотворительности» подобного рода наступил в правление Ким Ён Сама, когда в ходе антикоррупционных процессов над бывшими президентами страны следователи заявили, что, невзирая на «протесты взяткодателей и взяткополучателей», они будут видеть преступный умысел в каждом таком подарке. Ведь добровольные пожертвования законодательством разрешены, а вот взятки – нет⁵⁰.

В отличие от иных граждан, только 10 % чиновников признались в том, что они были вовлечены в незаконные отношения с предпринимателями, включая принятие подарков и денежных взяток. Тем не менее, даже эта цифра значительно выше официальной, согласно которой только 1 % чиновников был замечен в подобных нарушениях и наказан за них. 38,6 % чиновников, которых просили об оказании тех или иных услуг, ссылались на свое непосредственное начальство как основной источник внешнего давления. 24 % назвали источником такого давления политиков или других чиновников высокого ранга, в то время как 22,4 % - своих однокашников или земляков. Отмечается, что если раньше чиновники брали взятки для того, чтобы выжить, то теперь основной мотивацией является желание обеспечить себе спокойную старость после ухода на пенсию⁵¹.

Определенная «продажность» чиновников является элементом национальной политической традиции. Коррупционность режима Ли Сын Мана была притчей во языцех. Вторая Республика, невзирая на широкомасштабные антикоррупционные лозунги, тоже не оправдала надежд, так как ослабление жесткой системы естественно вызвало новую волну коррупции.

Режим Пак Чжон Хи многие считают временем, свободным от

⁵⁰ Казарьян Р. Л. Роль и место крупного капитала в политической системе Республики Корея 1961-1997 гг. // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2001.

⁵¹ Ён Сон Чжин.

коррупции, хотя над сторонниками такой точки зрения довлеет образ самого Пака, который действительно отличался большой личной скромностью. Однако значительное количество деятелей из его ближнего окружения, в том числе Ким Чжон Пхиль, было замешано в серьезных скандалах, и на президентских выборах 1967 г. тема коррупции занимала достаточно значительное место⁵². М. Брин иронизирует, что в то время передача конверта стала такой же частью корейского делового этикета, как в Англии - предложение чашки чая.

В КНДР коррупция появилась довольно давно. Соответствующие жалобы высказывались северокорейцами еще в кимирсеновские времена, где-то с начала 1980-х⁵³, а повышение внимания к выработке правильных методов партийной работы, борьбе с чванством и бюрократизмом относится к началу 1990-х⁵⁴. В мемуарах Кан Чхоль Хвана, посвященных КНДР после кризиса 1995-1997 гг., мы часто читаем о взятках представителям власти как принятой форме общения с ними.

Интересную пищу для анализа дает и извещение Министерства общественной безопасности от 1 августа 1992 г «о строгом наказании лиц, занимающихся изъятием продовольствия у населения». В нем указывалось, что «плохие люди» изымают у населения продукты или продовольственные талоны под предлогом помощи добровольцам, формирования государственных фондов и т. п. Извещение приравнивает подобную деятельность к вредительству, но выход специально посвященного этой проблеме нормативного акта отражает тот факт, что мошенничества подобного рода приняли относительно распространенный характер еще при Киме-отце⁵⁵.

А. Ланьков связывает появление этой проблемы со сменой поколения среди чиновников. Лиц, вступивших в партию в 1945-1950 гг. и помнящих времена Корейской войны, сменило поколение конформистов, не прошедших военных испытаний, но более образованных и более пронизанных двоемыслием.

Масштабы перерождения системы и размаха коррупции косвенно видны и из беседы Ким Чен Ира с представителями *Чхонрёна* в 1998 г. Ким Чен Ир признает факт введения войск на металлургический комбинат в Хванхэ и рассказывает, что на фоне вызванного наводнениями кризиса комбинат пришлось временно остановить. Воспользовавшись этим, «некоторые негодяи» сговорились с руководством завода и, подкупив партработников и госбезопасность, стали демонтировать оборудование и продавать его как металлолом в Китай. Для кардинального решения ситуации завод был окружен военными, и там был наведен порядок⁵⁶.

⁵² Henderson. С. 190.

⁵³ Ланьков А.. Эпитафия обществу контроля. К 55-летию образования КНДР. // Русский журнал, <http://www.russ.ru>, 09.09. 2003.

⁵⁴ Булычев Г. Б. С. 128.

⁵⁵ Панин А., Альтов В. С. 31-32.

⁵⁶ Сеульский вестник, № 78, сентябрь 2003 г., с. 16-17.

Для того чтобы создать преступную группировку такого масштаба, требуются не только значительное количество сил и ресурсов. И если подобное случилось еще в 1997-1998 гг., то можно себе представить, насколько могла развиться ситуация за прошедшие годы.

Теперь о том, как конкретно проходит процесс борьбы с коррупцией и что делает государство для того, чтобы изменить ситуацию. На Севере эти меры осуществляются в рамках общей репрессивной стратегии с учетом того, что любой коррупционер немедленно объявляется вредителем, саботажником и шпионом, после чего получает по всей строгости закона.

На Юге это выглядит как бурные кампании по уничтожению этого социального зла, имеющие ярко выраженную политическую окраску, благодаря чему каждый конкретный случай расследования очередного дела неизменно сопровождается обвинениями в политической подоплеке.

Многие детали процесса борьбы существенно отличаются от того, как это делается у нас. Так, борцов с коррупцией интересуют, в первую очередь, не взятки, сунутые в конверте, а деньги, переведенные со счета на счет. Поэтому у корейцев почти не присутствует информация о том, что некоего взяточника взяли в момент получения денег, подсунув ему меченые купюры. Возможно, это связано с тем, что, по сравнению с российской ситуацией, вариант, когда чиновник сам активно вымогает взятку, встречается значительно реже.

Почти всегда в деле присутствует «список подкупленных» или тех, кто давал взятки, хотя тот факт, что взяточник вел подробные дневники, в которых фиксировал, кто, когда и сколько ему заплатил за услуги, человеку с российской ментальностью кажется странным. Факт наличия списка с (обычно) трехзначным числом людей, замешанных в коррупции, широко обсуждается в СМИ, однако конкретные имена называются редко.

Поскольку «прикармливание чиновников» не воспринимается людьми как тяжкое преступление, процесс борьбы с коррупцией не встречает серьезного сопротивления. Фигуранты не пытаются скрываться или запутывать следствие. Задержанные за дачу взяток достаточно активно сотрудничают со следствием, выдавая свои контакты. Это можно объяснить как воздействием на них со стороны органов следствия, так и тем, что следствию интересны не столько взяткодатели, сколько получатели этих взяток из числа чиновников или депутатов Национальной Ассамблеи. Поэтому и репрессивные меры по отношению к взяткодателям относительно мягкие - заключение под стражу применяется не всегда и не сразу.

Решение кадрового вопроса и мероприятия по оздоровлению административной системы на Севере

Для противостояния коррупции и перерождению аппарата Ким Ир Сен достаточно часто совершал ротацию руководящих кадров, в рамках которой

многие члены высшего руководства периодически отправлялись в провинцию «учиться у народных масс». Не всегда понятно, была ли это форма ссылки или принятая практика смычки высшего руководящего звена с народом. Кроме того, перемещение кадров препятствовало образованию фракций во власти⁵⁷.

Более подробно мы остановимся на том, какие меры предпринимал по данному вопросу Ким Чен Ир. Авторы работы «Korean Public Administration» упоминают его статью начала 1990-х, в которой, с одной стороны, подчеркивается необходимость централизованного планирования экономики и партийного контроля, с другой – критикуется «командно-административная система» как пережиток прошлого⁵⁸.

В декабре 1996 г. Ким Чен Ир, с одной стороны, признавал бедственное положение страны, а с другой – был против частной торговли и «распространения эгоизма, который размывает классовую базу партии, когда партия утрачивает поддержку народа и рассыпается, как это произошло в Польше»⁵⁹.

В том же году, по словам Хван Чжан Ёпа, Ким Чен Ир устроил очень жесткую выволочку высшему руководству страны за «тошнотворные сцены, связанные с голодом» (попрошайничество, бродяжничество и т.п.): «Хотя такое случается повсеместно, те, кто должен решать эти проблемы, предлагают народу решать их самостоятельно. Вместо того чтобы пытаться найти выход, они взваливают его на плечи народа»⁶⁰. К этому же времени относится и другое его высказывание: «Ни один из функционеров не помогает мне достаточно эффективно. Я работаю один»⁶¹.

Но особенно интересна в этом контексте беседа Ким Чен Ира с представителями *Чхонрёна* 25 апреля 1998 г., которая была тайно записана на магнитофон. В 2003 г. расшифровка этой записи появилась сначала в японских СМИ, в потом и в южнокорейских – сначала в «*Вольган Чосон*», а в 2003 г. – в русскоязычном «*Сеульском вестнике*»⁶².

Из текста ясно, что Ким Чен Ир хорошо знает ситуацию внутри страны и понимает, что эта страна меняется, причем многие высказывания Ким Чен Ира шокирующе откровенны. По сути, Ким Чен Ир признал, что в стране существует развитая коррупция, на руководящих постах хватает некомпетентных работников, в руководстве экономикой был совершен ряд ошибок, а для подъема сельского хозяйства нужен качественный семенной фонд, которого нет. Затрагивая проблему кадров, Ким Чен Ир критиковал их некомпетентность и слабую подготовку: «...выпускников, хотя у них почти нет практического опыта, назначают в партийные органы и министерства... У нас хватает дураков на руководящих постах, которые не имеют ни

⁵⁷ Панин А., Альтов В. С. 125.

⁵⁸ Korean Public Administration. С. 276.

⁵⁹ Oberdorfer, Don. The Two Koreas. A contemporary History. New York, 1997, с. 395.

⁶⁰ Cumings B. North... С. 169.

⁶¹ Cumings B. North... С. 169.

⁶² Сеульский вестник, № 78, сентябрь 2003 г., с. 16-17.

малейшего понятия о том, как заставить нашу экономику работать...». Противоядие от этого Ким Чен Ир видел во введении системы квалификационных экзаменов, подготовке кадров за границей (здесь он с похвалой отзывался о Дэн Сяопине, который посылал молодых китайцев учиться за рубежом) и привлечении представителей корейской диаспоры, обладающих соответствующими навыками.

Однако перед тем как анализировать конкретные шаги власти по изменению системы, особенно – по перестройке бюрократии, нам следует задаться несколькими очень важными вопросами. Первый заключается в том, насколько КНДР эпохи Ким Чен Ира отстоит от страны эпохи Ким Ир Сена с точки зрения состояния административной культуры и качества административной системы.

Второй можно сформулировать так: «Насколько серьезные структурные перемены сможет провести Ким Чен Ир, если он того захочет?», ибо для перемен такого масштаба нужна не только политическая воля, но и наличие силы, способной осуществить перемены – хотя бы команды единомышленников. Кроме того, сопротивление бюрократической системы кардинальным новшествам всегда достаточно велико, и представление о том, что руководитель государства, разработавший новый план структурной перестройки, может в достаточно короткий срок претворить свои идеи в жизнь, является ошибкой.

Представляется, что способность Ким Чен Ира существенно изменить систему ослаблена как минимум еще по трем весьма значительным причинам.

Во-первых, статус наследника Ким Ир Сена вынуждает его существовать в тени отца. Более чем кто-либо, он обязан продолжать дело Великого Вождя и не может позволить себе сделать нечто, абсолютно противоречащее его воле: любая инновация должна выглядеть как продолжение старой генеральной линии.

Во-вторых, Ким Чен Ир, безусловно, является хорошим управленцем, однако у него нет той способности мобилизовать массы, которой обладал его отец и которая могла бы помочь в обеспечении всенародной поддержки его новым начинаниям. Между тем, для того, чтобы стать полноправным вождем и выйти из тени своего отца, Ким Чен Ир должен сравняться с ним в свершениях⁶³. В этом смысле его проблемы сродни тем, которые сейчас испытывают южнокорейские президенты «демократической поры», пытающиеся «равнять себя по Пак Чжон Хи», «при котором были порядок и процветание».

В-третьих, ситуация, когда младший по возрасту и опыту руководит группой заслуженных сановников, остается источником противоречия. Старой гвардии Ким Ир Сена тяжело подчиняться человеку, который вырос у них на глазах, и непринятие Ким Чен Иром официальных титулов отца может рассматриваться и как указание на то, что соратники Ким Ир Сена не

⁶³ Breen M. Kim Jong-il... С. 98.

воспринимают Кима-сына как равную замену отцу.

В результате среди специалистов распространяется мнение, что Северная Корея не управляется Ким Чен Иром так, как она управлялась Ким Ир Сеном. В отличие от Великого Вождя, Великий Руководитель может корректировать действия системы, но не направлять ее: государственная бюрократия существует в значительной степени сама по себе - указания руководителя интерпретируются так, чтобы обеспечить существование режима⁶⁴.

Первым этапом действий Ким Чен Ира было предпринятое в рамках политики *сонгун* («приоритета военного») «преобразование всего общества по образцу армии» как стремление распространить военные методы управления на все сферы экономической и общественной жизни, установив жесткий порядок, повысив трудовую дисциплину и улучшив систему мобилизации людских ресурсов.

Почему ставка была сделана на армию? Во-первых, северокорейские военные, особенно офицерский корпус, относятся к элите. При всей нехватке материальных ресурсов, их значительная часть направлялась на нужды армии. Представители армейских кадров в целом лучше осведомлены о положении дел в мире и потому более остро понимают возросшую опасность поражения в противостоянии с потенциальным противником и настоятельную необходимость срочного вывода страны из кризиса.

Во-вторых, в условиях ухудшения экономической ситуации армию все чаще использовали для затыкания дыр в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Это не способствовало повышению боеготовности армии, однако это же значит, что ее представители имеют опыт «гражданской» управленческой деятельности и потому теоретически у них меньше шансов оказаться некомпетентными на новых должностях.

А. Воронцов стремится связать политику Ким Чен Ира с позитивным опытом пребывания военных у власти на Юге, где они показали себя неплохими антикризисными менеджерами. Ким Чен Ир вообще не раз положительно оценивал деятельность Пак Чжон Хи, особенно – движение за новую деревню, экономические преобразования и режим *Юсин*.

В-третьих, в отличие от «зараженной двоемыслием и материализмом» гражданской партийной элиты, армия смогла если не полностью избежать всех этих пороков, то, во всяком случае, оказалась поражена ими в гораздо меньшей степени. Военные менее отягощены личным имуществом, они в большей степени живут, выражаясь северокорейской терминологией, общественной, а не личной жизнью.

В-четвертых, управлять военной структурой проще, чем гражданской. В Корейской Народной Армии (КНА) отсутствует одновременное подчинение нескольким одноуровневым инстанциям, зачастую выдающим взаимоисключающие распоряжения, действует жесткая система персональной ответственности, налицо конкретность задач и безусловность

⁶⁴ Breen M. Kim Jong-il... С. 110.

исполнения приказа вышестоящего начальника.

К тому же замена партийной диктатуры введением во власть представителей армии в определенном смысле меняла внешний облик режима: организационной и направляющей силой в КНДР сейчас является не рабочий класс и его авангард в лице партии, а армия как некая надклассовая сила. Более того, переход власти в руки военных размывает представление о Северной Корее и как о чисто конфуцианском государстве.

Что же касается собственно кадровых подвижек, то они достаточно осторожны. Ким Чен Ир не может покуситься на авторитет людей, назначенных на свои посты еще Ким Ир Сеном.

Антикоррупционная кампания южнокорейского масштаба по понятным причинам не годится. Решить вопрос методом формирования «антипартийной группы», проводя затем ее политическую чистку, тоже нельзя, ибо факт признания неверности кадровых решений отца подорвет авторитет вождя.

Потому пока репрессии коснулись только нескольких человек, причем, по косвенным данным, в этом сыграла свою роль не только их принадлежность к оппозиции, но и чрезмерная, по мнению режима, коррумпированность. Вместе с тем пример расстрелянного секретаря ЦК ТПК по сельскому хозяйству Со Гван Хи доказывает, что никто или почти никто в старой партийной номенклатуре не может чувствовать себя в абсолютной безопасности.

Расчистка кадрового пространства в основном проводится в рамках стратегии «выталкивания наверх», - на более высокие, но менее значимые посты. Это сочетается с сокращением высшего кадрового звена естественным путем: умершим или ушедшим на покой функционерам высокого уровня просто не назначали замену, фактически упраздняя их должности.

Другая сторона проблемы - кем замещать освобождающиеся места, которые сохраняются. С начала 1990-х в КНДР была инициирована пропагандистская кампания, призванная обеспечить пропорциональное представительство «старых, средних и молодых работников» в партийных и государственных органах в соотношении 3:4:3. Считается, что эта кампания была направлена на укрепление позиций Ким Чен Ира и представителей его поколения⁶⁵.

То, какие плоды дала эта стратегия, видно по новому этапу изменений в структуре кадров, который произошел в сентябре 2003 г. на следующей сессии ВНС, то есть через пять лет после конституционной реформы 1998 г.

Состав КО был обновлен на треть. Ким Чен Ир остался на посту Председателя КО. Однако старые соратники Ким Ир Сена были отправлены в отставку с постов членов КО, оставаясь «церемониальными фигурами» партийной иерархии⁶⁶. ВНС нового созыва на 52 % состоит из новых людей. Все они моложе 50, а число депутатов, имеющих научные степени или

⁶⁵ Панин А., Альтов В. С. 28.

⁶⁶ Панин А., Альтов В. С. 307.

научные звания, выросло с 48 до 89,5 %. Лишь 20 % депутатов были избраны туда еще при жизни Ким Ир Сена. Хватает новых лиц и в последнем Кабинете – 8 из 31, включая нового премьера. Для КНДР такой процент обновления достаточно значителен.

Такие перемены в составе депутатского корпуса говорят о том, что в КНДР произошло существенное обновление второго и третьего эшелона номенклатуры. К власти пришли люди, чья карьера была связана с правлением нынешнего руководителя, более молодые и теоретически лучше понимающие требования времени.

Также похоже на правду то, что попытка укрепить гражданские кадры армейскими удалась не до конца. В гражданские структуры проникло достаточно много представителей высшего офицерства, отличавшихся определенной косностью, а мобилизовать нацию чисто идеологическими методами, похоже, не удалось.

Предложения по модернизации административной культуры РК в правление военных

О необходимости перемен в административной системе Юга стали говорить достаточно давно, ибо ее слабые места или проистекающие из нее пороки были видны весьма отчетливо, но в основном эта борьба имела политические цели, а не была направлена на действительную перестройку системы. Между тем еще Пэк Ван Ги в конце своей монографии дал ряд рекомендаций по изменению административной культуры.

Во-первых, наряду с изменением административной культуры надо менять и общую культуру за счет восприятия иных культурных элементов. Важным средством изменения общей культуры является и образование, ориентированное не на развитие памяти, а на умение решать проблемы.

Во-вторых, требуются определенная трансформация существующей элиты через введение в нее новых лиц и упрощение бюрократической процедуры вообще, что даст чиновнику меньше возможностей использовать бюрократические рогадки для личной выгоды, а равно сократит дистанцию между администрацией и народом.

В-третьих, должна вестись работа по изменению уровня жизни чиновника и внедрению новой деловой этики. Бюрократ должен воспринимать себя не столько как абстрактного исполнителя законов, сколько как человека, главная задача которого - служение народу. Он должен быть достаточно обеспечен, чтобы у него не было соблазна поправлять свое материальное положение за счет злоупотребления служебным. Внимание должно акцентироваться не на строгом следовании канонам, а на продуктивности и эффективности работы. Вопросы взаимоотношений в коллективе и эмоционального климата в нем должны отойти на второй план.

Важной составляющей этого направления является

рациональный/научный подход как мышление, опирающееся на факты, а не на предубеждения или интуицию, и отход от фракционного сознания. Администратор должен быть человеком, не привязанным к клану или социальной группе.

Курс либерализации, проводимый Ро Тхэ У, преобразовал эти тенденции перемен из слов в дела. 24-25 августа 1988 г. состоялся международный симпозиум «Корейская республиканская администрация для демократического общества», посвященный тому, как реформировать корейскую бюрократическую систему в соответствии с требованиями времени. Итогами его стали тезисы, во многом совпадающие с мнением и рекомендациями Пэк Ван Ги: демократизация требует трансформации административной системы, но введение демократизации в бюрократической системе требует сначала демократизации политической.

Перестройка бюрократической системы должна осуществляться применительно к международным стандартам с учетом опыта Европейского сообщества и перестройки в СССР. Администраторы должны воспринимать себя как слуг народа, а не как привилегированный класс, как нейтральных профессионалов, а не как проводников воли партии, клана или клики.

Требуются новый уровень доверия между правительственными службами и народом, ориентация чиновников на народ, пересмотр административной централизации, усиление статуса гражданских служб с одновременным отделением бюрократов от политиков и запретом чиновникам на участие в деятельности политических партий, развитие плюрализма, уничтожение неравноправия между представителями различных регионов или социальных групп, пересмотр этических норм и правил для гражданских служащих, направленный на борьбу с коррупцией и злоупотреблением властью.

В рамках Шестой Республики существовал Комитет по административной реформе, представивший в июле 1989 г. президенту подробный отчет. В отчете также рекомендовалось повысить инициативу частного сектора, провести административную децентрализацию и реорганизацию центрального правительства (в том числе, рассредоточение административной власти из Сеула).

Административные реформы и борьба с коррупцией при Ким Ён Саме

Кадровая революция была первым шагом в реализации курса Ким Ён Сама на демократизацию. В декабре 1994 г. было упразднено 115 государственных подразделений или агентств, 2 министерских поста, а чиновничий аппарат сократился на 10000 служащих.

6 января 1995 г. на своей новогодней пресс-конференции президент РК подчеркнул, что глобализация распространится и на бюрократию. Это дало

толчок новой волне чисток, которые окончательно приняли антикоррупционную форму.

Представляется, что это было связано со следующими причинами. Возможность решать кадровый вопрос чисто административными методами была исчерпана. Создание новых структур потребовало бы изменения конституции, что крайне нежелательно: изменение Основного Закона страны навешивает на президента ярлык авторитарного правителя, меняющего закон в угоду требованиям времени из желания обеспечить легитимность своему курсу.

Кампания по борьбе с коррупцией, которую начал Ким Ён Сам, изначально носила этический характер. Президент сначала сам обнародовал данные о доходах и имуществе своей семьи, а затем в июне 1993 г. провел Закон об этике государственных служащих, согласно которому они должны были регулярно заполнять декларацию о доходах, а данные об их банковских счетах подлежали обнародованию.

12 августа 1993 г. был принят Чрезвычайный Декрет, который обязывал проводить финансовые операции только под настоящими именами⁶⁷. Он представлял собой специальный юридический акт, предусмотренный тем параграфом Конституции, согласно которому в форс-мажорной ситуации президент имеет право принимать меры, отнимающие у населения гарантированные Конституцией права и свободы⁶⁸.

В рамках этой же кампании власти вернулись к традиционной для Кореи практике отправки в регионы тайных финансовых инспекторов, которые должны были проверять жалобы местных жителей. Были сформированы специальные группы следователей, решительная деятельность которых утихомирила многих критиков правительства, демонстрируя его рвение в желании проводить реформы⁶⁹.

Практически сразу же после принятия Закона об этике более полутора тысяч чиновников, включая мэра Сеула и министров строительства, юстиции и здравоохранения, были либо уволены либо вынуждены уйти в отставку. А в течение 1995-1996 гг., по данным прокуратуры РК, в коррупции было изобличено почти пять тыс. человек и более двух тысяч из них были подвергнуты судебному преследованию⁷⁰.

Даже две крупнейшие техногенные катастрофы, случившиеся в РК в период правления Ким Ён Сама, были объявлены следствием коррупции, хотя оба случая умещаются в это определение с некоторым трудом. Когда в 1994 г. обрушилась секция одного из мостов Сеула, расследование показало, что причинами трагедии стали недочеты конструкции и высокая интенсивность движения, значительно превышающая расчетные нагрузки моста⁷¹. Обрушение пятиэтажного здания супермаркета «Сампхун» 29 июня

⁶⁷ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 189-191.

⁶⁸ Казарьян Р. Л.

⁶⁹ Breen M. The Koreans... С. 238-239.

⁷⁰ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 190.

⁷¹ Breen M. The Koreans... С. 236-239.

1995 г. также «было изначально решено» объявить не ошибками проекта, а злой волей осужденных коррупционеров, причем режим Ким Ён Сама превратил некачественное строительство в символ некачественности предыдущей власти⁷².

Однако именно с этого времени, отношение к кампании по борьбе с коррупцией становилось все более и более циничным, и ее окончательно стали воспринимать как формальный предлог для расправы с неугодными чиновниками - особенно на фоне того, что все репрессии касались получателей взяток, а не бизнесменов-взяткодателей, арест которых нанес бы ущерб экономике страны⁷³.

В связи с этим рассмотрим вопрос о коррумпированности самого Ким Ён Сама и его окружения. Выступая против данной практики, Ким Ён Сам стремился подрезать существовавшую систему связей между бизнесом и политикой, в то время как он сам на том этапе подобных связей не имел. Ким Ён Сам понимал, что когда слабый политик берет деньги у олигархов, он становится от них зависим. Поэтому он старался создавать новые олигархические структуры, которые своим восхождением были бы обязаны ему. Не встречаясь с представителями большого бизнеса до середины 1995 г.⁷⁴, Ким не столько пытался показать, что прежние отношения бизнеса и власти неприемлемы, сколько придерживался популистской стратегии, одновременно как бы «набивая себе цену».

Одновременно с этим режим выкормил и начал постепенно вводить во власть некоторые финансово-промышленные группы (в первую очередь пресловутую «Ханбо»), которые стали источником его собственных секретных фондов.

Во всяком случае, ближе к концу президентского срока Ким Ён Сама демонстративное обнародование доходов больше не практиковалось, - зато журналисты насчитали 17 крупных коррупционных скандалов, из которых 4 были непосредственно связаны с руководством страны. Наиболее сильно страна была потрясена делом сына президента. Хотя Ким Хён Чхоль оказался за решеткой всего на полгода, пикантность ситуации заключалась в том, что именно он указывал взяткодателям, кому и сколько надо давать, завышая при этом сумму взятки для того, чтобы часть ее прикарманить⁷⁵.

Подводя итоги кадровой/антикоррупционной деятельности Ким Ён Сама, можно обратить внимание на то, что изначально кадровые изменения шли по линии вытеснения военных, в то время как антикоррупционная кампания, особенно на ее поздних этапах, была направлена не столько против коррупции вообще, сколько против такого связанного с ней явления, как секретные фонды. Попытка использовать ее как оружие в политической борьбе не оказалась достаточно мощным оружием. Чон Ду Хвана и Ро Тхэ У пришлось сажать не за коррупцию, а по политическому обвинению, к

⁷² Курбанов С. О. Курс лекций... С. 551.

⁷³ Казарьян Р. Л.

⁷⁴ Казарьян Р. Л.

⁷⁵ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 240-24.

которому коррупция стала лишь весомым довеском. С другой стороны, в конце своего правления сам Ким Ён Сам стал жертвой джинна, выпущенного им из бутылки, ибо объявление общенациональной борьбы с коррупцией достаточно быстро выпускает этот процесс из-под контроля властей и позволяет им находиться на коне лишь до тех пор, пока их собственные руки относительно чисты.

Кадровые изменения и борьба с коррупцией в правление Ким Дэ Чжуна

В период правления Ким Дэ Чжуна борьба с коррупцией стала главным способом кадровой чистки⁷⁶. Как сказал Ким Дэ Чжун 18 сентября 1998 г. в своей речи в столице провинции Канвон г. Чхунчхон, «там, где есть коррупция и несправедливость, никогда не будет ни демократии, ни экономического прогресса». Поэтому кадровая кампания Ким Дэ Чжуна выглядела как программа поднятия дисциплины нации посредством реформирования социальной структуры, построенной на традиционном, пронизанном коррупцией, фундаменте экономических взаимоотношений.

Представляется, что у такой широкомасштабной кампании было несколько причин. Во-первых, Ким Дэ Чжун в своих выступлениях неоднократно проводил мысль о том, что причина финансового кризиса - в сращивании верхушки бизнеса с верхушкой политических партий, которые своими действиями, направленными на обеспечение узких интересов той или иной промышленной группы, подрывали благосостояние страны. Именно эта мысль звучала во время встречи Ким Дэ Чжуна с российской общественностью в МГУ 28 мая 1999 г. Во-вторых, борьба с коррупцией входила в список требований МВФ. В-третьих, Ким Дэ Чжун был вынужден начать рекрутский набор чиновников, освобождая места во власти для представителей своего региона, а с учетом того, что до этого момента хонамцев во власти практически не было, расчистка должна была быть большой.

По данным от 16 октября 1998 г., за взятки были наказаны 300 чиновников. Памятна отставка министра окружающей среды - известной актрисы. После окончания премьерного спектакля группа бизнесменов поднесла ей конверт с 20 тыс. долларов. Это не было «целевой» взяткой, но Ким Дэ Чжун немедленно ее снял, ибо принятие подарка уже было достаточно компрометирующим фактом.

В отличие от времен Ким Ён Сама, партия власти не указывала направления поиска врагов, а задействовала легальные каналы и полагалась на данные предварительных расследований, проводимых спецслужбами или Палатой Аудита и Инспекций⁷⁷, но основными мишенями кампании были

⁷⁶ Более подробно о борьбе с коррупцией в РК в правление Ким Дэ Чжуна см.: Асмолов К.. Борьба с коррупцией в Южной Корее // Проблемы Дальнего Востока, 6/2002, с. 84-97.

⁷⁷ Korea Times, 13.04.1998.

чеболь, связанные с правящей партией и способные претендовать на звание «главных виновников финансового кризиса» (*Ханбо, Киа, Хайтай* и т. п.).

Однако говорить о том, что антикоррупционная кампания имела только тактические цели, не совсем верно. Государство пыталось пересмотреть ряд законов, в том числе - о конфиденциальности финансовых счетов, однако из-за противодействия контролировавшей парламент оппозиции пакет законов был принят только частично и не возымел должного эффекта.

Пытались власти заниматься и внедрением новой деловой этики. Еще в 1999 г. правительство пробовало ввести набор правил для чиновников, но эти правила не имели официального статуса и потому игнорировались.

Затем инициативу проявила уже оппозиция. Независимый Комитет по борьбе с коррупцией предложил ввести жесткий кодекс поведения служащих, имеющий статус закона. Согласно их проекту, чиновник мог быть наказан, если он или члены его семьи получали деньги или ценные подарки от лиц, связанных с ними деловыми отношениями. Запрещалось манипулировать акциями или недвижимостью, используя служебную информацию, вступать в политическую партию или финансово поддерживать того или иного политического деятеля, а равно – снабжать его служебной информацией⁷⁸.

На первый взгляд проект выглядел набором разумных рекомендаций по «отделению бюрократии от политики», но на деле он был демагогическим шагом оппозиции: такой кодекс подрывал *всю* традиционную систему деловых связей. Более того, принятие такого закона позволило бы карать почти любого чиновника, получившего подарок вне зависимости от его стоимости и намерений дарителя, ибо оговорка относительно деловых отношений весьма условна – сегодня их нет, а завтра они есть или могут возникнуть.

Однако против идеи кодекса выступили не только сторонники более мягкой его трактовки во власти, но и ассоциации служащих, занимающих в государственных учреждениях нишу профсоюзов. Принятие такого кодекса закрепляет впечатление о чиновниках как о сплошь продажных тварях, которым нужны специальные напоминания о том, как должно себя вести. К тому же, он бьет не по высшему, а по среднему и низшему эшелону чиновников, не говоря уже о том, что попытка создать такие кодексы поведения предпринималась в корейской истории 6 раз.

Под влиянием критики комиссия убрала из кодекса такие наиболее одиозные элементы, как ценовой потолок для подарков, которые разрешено принимать (максимум 200 тыс. вон в год и не более 50 тыс. вон за один предмет); запрет на любые подарки со стороны лиц, связанных с чиновником деловыми отношениями; приработок, превышающий 30 % годового жалования (теперь это возможно, но по-прежнему с одобрения начальства). В таком варианте кодекс получил одобрение и поддержку широких масс и, по данным опроса, предоставленным, правда, все той же комиссией, 75 %

⁷⁸ Korea Times, 22.07.2002.

опрошенных поддержали его принятие⁷⁹, и в течение 2002-2003 гг. каждое учреждение должно было принять кодекс поведения своих работников.

В 1999-2000 гг. интенсивность борьбы с коррупцией несколько стихла. Это было связано и с тем, что вчерашние борцы с коррупцией почувствовали вкус власти и начали пользоваться ее плодами сами, и с тем, что со временем энтузиазма поубавилось, и с тем, что у режима появились более важные проблемы. В результате стратегическая инициатива перешла к оппозиции, и в роли главного обвинителя стала выступать она.

Канун выборов 2002 г. естественно вызвал очередное «сезонное обострение», причем, в отличие от событий 1998 г., основной мишенью кампании стали дети и ближайшие сторонники руководителей властных структур администрации Ким Дэ Чжуна. По данным Генеральной прокуратуры, количество подозреваемых в должностных преступлениях в 2002 г. составило 150 человек, что в 2,38 раза больше, чем за тот же период предыдущего года. Из этого числа арестованных 79 человек относились к ближайшему окружению Ким Дэ Чжуна, в том числе многие деятели прокуратуры и адвокатуры⁸⁰.

Общее же число подозреваемых в должностных преступлениях в 1998 – 2001 гг. составило 737 человек, из них в 1998 г. – 184, в 1999 – 186, в 2000 – 199 и в 2001 – 168. Эта цифра в 1,5 раза больше, чем число подозреваемых в том же в первые четыре года правления Ким Ён Сама (в 1993-1996 гг. – всего 491 человек)⁸¹.

Антикоррупционные действия в правление Ро Му Хёна и его кадровая политика

Ро Му Хён пришел к власти как человек Ким Дэ Чжуна, с которым до президентских выборов 2002 г. его связывали очень тесные отношения. Однако масштаб кадровой перестройки структур власти был достаточно значителен и отражал переход власти от старых кадров, непосредственно связанных с Ким Дэ Чжуном и старой партийной гвардией, к молодежи, менее повязанной региональными или академическими связями. Средний возраст члена первого правительства Ро Му Хёна составил 54,5 года (при Ким Дэ Чжуне – 58)⁸².

Региональные клики сменяла новая - возрастная, большинство представителей которой относится или к среднему звену управленцев, во время ушедших в политику, или к представителям вузовской интеллигенции,

⁷⁹ Korea Times, 29.07.2002.

⁸⁰ Korea Herald, 27.07.2002.

⁸¹ Оппозиция использовала эти данные как доказательство того, что по уровню коррупции во власти Ким Дэ Чжун оставил своего предшественника далеко позади. Правда, из этой статистики почему-то выпали данные за последний год президентства Ким Ён Сама, который как раз и был характерен всплеском дел о злоупотреблении властью, выплывших на поверхность в результате кризиса. Кроме того, в вышеуказанную статистику входят не только деятели нынешнего режима, но и те, кто был осужден за преступления, совершенные при Ким Ён Саме.

⁸² Сеульский Вестник, № 75, с. 3.

традиционно говорившей о необходимости реформ и получившей, наконец, возможность проверить свои теории на практике. Их система ценностей в большей степени сложилась под влиянием культуры глобализации и в меньшей – под влиянием национальной традиции и ее корней.

Многие назначенцы Ро Му Хёна напоминали завлабов ранней перестройки у нас сочетанием отсутствия серьезного опыта практического руководства какими бы то ни было структурами, набора креативных идей с непонятным практическим воплощением и яростного задора в желании разрушить старые традиции без четко сформулированной позитивной программы того, что должно быть на их месте.

Можно хорошо представить себе, какие настроения в среде силовиков вызвало назначение на пост главы службы разведки Ко Ён Гу – бывшего адвоката, специализировавшегося на правозащитных делах. Хотя парламентский комитет по разведке отверг его кандидатуру из-за неопытности и идеологической предвзятости, президент настоял на его назначении⁸³.

Интересная ситуация сложилась и в министерствах обороны и юстиции, где первая волна президентских назначенцев настолько не отвечала необходимым требованиям к образу начальника, что бюрократия просто отказывалась относиться к ним с должным почтением⁸⁴. Так, министр обороны Чо Ён Гиль не закончил ни одну из корейских военных академий, а назначенная на пост министра юстиции мадам Кан Гым Силь никогда не работала в прокуратуре, хотя по традиции в министерство юстиции назначаются выходцы из среды прокуроров. Власти пришлось заменить их на более подходящих кандидатов.

Похожие проблемы поразили министерство иностранных дел, где между кадровыми дипломатами, придерживающимися традиционных взглядов, и не занимавшимися когда-либо дипломатической деятельностью назначенцами Ро Му Хёна разгорелся почти открытый конфликт⁸⁵.

Как бы то ни было, если в начале своего правления президент Ро Му Хён обещал, что если министр на своем посту не допустит серьезные ошибки, он будет занимать его минимум два года, в августе 2004 г. из 19 министров Кабинета, сформированного в феврале 2003 г., на своих постах остались только 3⁸⁶.

В области борьбы с коррупцией острое нападение властей оказалось направлено не столько на традиционную оппозицию в лице «Ханнара», сколько на старую гвардию Ким Дэ Чжуна.

Под данным углом зрения стоит рассмотреть процесс Пак Чи Вона. Бывший руководитель администрации Ким Дэ Чжуна обвинялся в том, что

⁸³ Сеульский Вестник, № 76, с. 3.

⁸⁴ Сеульский вестник, № 87, август 2004 г., с. 3.

⁸⁵ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 15.01.04.

⁸⁶ Сеульский вестник, № 87, август 2004 г., с. 3.

вымогал у компании «Хёндэ» 15 млрд. вон, которые затем были направлены в КНДР в качестве тайной оплаты за проведение Пхеньянского саммита 2000 г.

Этот процесс был начат еще в правление Ким Дэ Чжуна представителями оппозиции, которые рассчитывали на то, что «дело о купленном саммите» сыграет свою роль на президентских выборах. Этого не произошло, но, придя к власти, Ро Му Хён не стал помогать бывшим соратникам. Это позволило ему убить двух зайцев: с одной стороны, он избавился от внутрипартийной оппозиции, с другой – кинул кость противникам, сыграв роль честного и объективного президента, для которого справедливость важнее личных пристрастий.

Обвинение Пака проходило достаточно интересно. Суд признал, что его действия совершены из государственных интересов. Тем не менее, хотя с точки зрения адвокатов обвинение было построено на косвенных уликах и показаниях ненадежных свидетелей, Пак был приговорен к 12 годам лишения свободы: мягкий приговор был невозможен, поскольку подсудимый не проявил признаков раскаяния и отрицал свою вину⁸⁷.

Оппозиция, однако, не сидела сложа руки, и нам стоит отметить кризис осени 2002- зимы 2003 гг., связанный с попыткой оппозиции утопить Ро Му Хёна с помощью обвинения в коррупции двух его помощников, которым были предъявлены обвинения в получении незаконных финансовых пожертвований от деловых кругов на сумму 1,1 млрд. вон⁸⁸.

Информация о миллионной взятке чуть не вызвала полномасштабный кризис. Ро Му Хён занервничал и даже предложил провести референдум о доверии президенту, но затем, начав контррасследование в отношении «Ханнара», не без ехидства заявил, что уйдет в отставку в случае, если незаконные пожертвования его предвыборному штабу превысят 10 % от суммы, которую таким же образом получили его оппоненты.

С точки зрения корейской внутренней политики это был достаточно смелый ход, однако на тот момент администрация Ро Му Хёна еще не обросла необходимыми контактами в бизнесе. Власти могли играть в открытость, поскольку по замаранности в коррупционных скандалах они действительно не могли соперничать с «Ханнара», которая, как оказалось, брала гораздо больше⁸⁹.

Представляя себя выдающимся борцом с коррупцией и позиционируя все попытки сопротивления курсу президента как желание ретроградов и взяточников отстоять старый порядок, Ро Му Хён бравировал своей некоррупционностью, однако многие детали такого его поведения были, как мне кажется, «на грани фола». Примером тому история Нам Сон Гука, руководителя одного из предприятий, входящих в состав корпорации «Хёндэ». Незадолго до президентских выборов 2002 г. Нам обратился к старшему брату Ро Му Хёна с незначительной взяткой и просьбой о том,

⁸⁷ Сеульский вестник, № 81, январь 2004 г., с. 7.

⁸⁸ Тебя посодют, а ты не воруй... // Сеульский вестник, vestnik.tripod.com, 15.12.2003.

⁸⁹ Тебя посодют, а ты не воруй...

чтобы Ро Му Хён похвалил его фирму, обеспечив ей этим скрытую рекламу. Ро, однако, велел брату деньги вернуть, уголовного дела возбуждать не стали, и инцидент тихо замяли.

Однако на очередной пресс-конференции Ро Му Хён привел в качестве примера эту историю, закончив разговор на эту тему разъяснением: «Мы не просто примем все меры к тому, чтобы этот человек никогда не получил должность, но чтобы подобные ему люди, получившие хорошее образование в престижных вузах и до сих пор жившие припеваючи, вообще никогда не приходили бы к нам, простым парням из деревни, пытаясь вручить свои грязные деньги».

Потерявший лицо бизнесмен понял, что на фоне политических интриг ему уготована роль козла отпущения, и бросился с моста в Ханган, но перед прыжком он позвонил в прокуратуру, рассказал свою версию произошедшего и сказал, что поскольку у него нет возможности обелить себя иным способом, он решил уйти из жизни⁹⁰.

В подобных ситуациях должно или сразу осудить человека за такой проступок, или, если уж решено замять инцидент, больше не возвращаться к нему хотя бы потому, что моральный урок бизнесмен уже получил. Здесь же президент республики из желания покрасоваться перед аудиторией сознательно подставил человека, уже наказанного морально, спровоцировав его на самоубийство.

Осенью 2004 г., когда стало понятно, что одних президентских назначений на ключевые посты недостаточно, а борьба с коррупцией не столь эффективна, власти начали подготовку к новому витку чисток, более «ударному», чем антикоррупционная борьба: Ро Му Хён и его окружение решили перейти к чисткам по политическим мотивам.

Вначале правящая партия «Ёллин ури» внесла на обсуждение депутатов парламента пересмотренный вариант Закона о прояпонских элементах, который распространялся не только на самих коллаборационистов, но и их потомков. Аналитики немедленно отметили, что в последнем случае в виду явно имелись как руководительница оппозиционной партии Пак Кын Хе (дочь Пак Чжон Хи), так и руководители ряда *чеболь*, чье благосостояние начало складываться еще до 1945 г.

Документ направлен на экспертизу в министерство внутренних дел, однако «члены семей врагов народа» оказались не только с рядах оппозиции, но и в правящей партии, и даже ее председатель Син Ги Нам был вынужден уйти в отставку после того, как стало известно, что его покойный отец служил в японской военной полиции⁹¹.

Поэтому власть начала готовить новый проект Закона, касающийся дополнительного расследования преступлений, совершенных во время

⁹⁰ Former Daewoo Head Kills Himself Following Roh's Comments // Choson Ilbo, 11.03.2004.

⁹¹ «Ёллин ури» внесла в Национальное собрание новый вариант Закона о прояпонских элементах. // Международное радио Кореи, Сайт русской редакции <http://rki.kbs.co.kr/Russian/index.asp>, 09.09.2004.

«военного режима» (от Пак Чжон Хи до Ро Тхэ У), и наказания всех причастных к подавлению инакомыслящих. Теоретически, закон должен был иметь обратную силу по аналогии с законами, принятыми в правление Ким Ён Сама и послужившими основой для осуждения Чон Ду Хвана и Ро Тхэ У.

При такой постановке вопроса и с учетом особенностей корейской бюрократической системы «участие в преступлениях военного режима», как и «коррупцию», можно будет инкриминировать любому члену южнокорейской номенклатуры, занимавшему при генералах высокие посты.

Некоторые выводы относительно процесса трансформации административной культуры на Севере и Юге Кореи и его перспективах

Административная культура представляет собой достаточно сложную структуру, и ее перестройка - процесс не менее сложный и длительный, связанный и с тем, что внедрение новых институтов, как и понимание демократии, должно сочетаться с их правильным восприятием массами. Понятно также, что любая административная реформа преследует две цели – собственно административную и политическую, при которой изменения административной структуры естественно меняют и структуру власти либо расстановку сил внутри нее. И очень часто выполнение политической цели реформы резко снижает активность властей в исполнении ее административной, институциональной части.

Южнокорейское общество находится в процессе перемен, но традиционные ценности по-прежнему играют в нем высокую роль, а масштаб заявленных инноваций встречает сопротивление со стороны большинства государственных служащих, которые не только и не столько видят в этом угрозу своему личному благополучию, сколько опасаются за судьбу государства.

Подводя итоги оценке кадровой политики новых властей РК, можно сделать вывод, что она не претерпела особых изменений. Чистка по разным поводам остается основным способом избавления от старых кадров, причем по своей «заказанности» процессы по обвинению в коррупции не очень отличаются от политических. Однако «правила игры» истеблишмента, в рамках которых коррупция – это зло, бороться с которым надо всеми способами, позволяют игнорировать нарушения законодательства, которые борьбу сопровождают. Если же таких методов оказывается недостаточно, власть преспокойно прибегает к политическим репрессиям, лишь слегка маскируя их требованиями времени.

Сильного правового государства (под этим термином мы понимаем эффективно работающий государственный аппарат в сочетании с властью закона) в современной Южной Корее все еще нет, и более того,

эффективность административной системы сейчас очень сильно подточена внутренними конфликтами.

Механического и полного замещения одной системы другой в ближайшее время не произойдет. Будет выработан какой-то местный вариант адаптации, позволяющий сохранить часть традиционного менталитета, и насколько Корею удастся сохранить свою самобытность, зависит от того, с каким успехом государство сможет контролировать и направлять изменения в обществе, а власть – не злоупотреблять политическим аспектом реформ и доводить их до конца.

Что же касается коррупции как структурного недостатка административной системы, то комплекс административных взаимоотношений, который у нас принято связывать с этим понятием, для Кореи является не столько безусловным социальным злом, сколько глубоко укоренившимся элементом бюрократической культуры. Элементы коррупции как обмена услугами, выражения благодарности за услуги и стремления превратить деловые отношения в неформальные глубоко проникли во все сферы общества, и уличить в коррупции можно практически любого, нацеливаясь не на реальный объем его прегрешений в этой области, а на последствия, которые это обвинение принесет в политической игре.

Потому представляется, что процесс изменения политической культуры все-таки пойдет не так быстро, как хотелось бы, - точнее, при быстрых темпах он будет поверхностным. Государству необходимо выработать механизм компенсации имеющихся недостатков новой системы.

Северная Корея тоже находится в процессе перемен. Если не привязываться к внешней мишуре и риторике, которая всегда меняется не в первую очередь, то можно сказать что с точки зрения структуры командно-административной системы (насколько она монолитна, как в ее рамках принимаются решения, насколько поражена коррупцией и двоемыслием, насколько волю вождя можно видеть в каждом поступке отдельного функционера) КНДР представляет собой не «СССР времен Сталина», а «СССР времен Черненко (если не раннего Горбачева)».

Перерождение системы началось не при Ким Чен Ире и не было непосредственно связано с ним. Вынужденный отход от старых принципов продиктовали условия существования и общие законы бюрократического развития. Ким Чен Ир понимал и понимает опасность этой тенденции, но, как и иные политические деятели в данной ситуации, он сталкивается с инертностью системы и недостатком новых кадров.

Методы руководства Ким Чен Ира в значительной мере отличаются от практиковавшихся Ким Ир Сеном, который сформировал подчиненную ему бюрократическую систему «под себя».

Первый виток его преобразований, пришедшийся на 1997-1999 гг., был направлен на оздоровление власти и укрепление функционирования командно-административной системы за счет «преобразования общества по образцу армии» и введения политики *сонгун*. Стратегию Ким Чен Ира в это

время можно сравнить с деятельностью Ю. В. Андропова, который собирался остановить перерождение командно-административной системы и решать структурные задачи за счет ограниченного развития экономики, сопряженного с укреплением трудовой дисциплины и контролем в идеологической сфере. Однако если бывший Председатель КГБ СССР пытался опираться в первую очередь на кадры КГБ, то Верховный Главнокомандующий КНА Ким Чен Ир решил полагаться на военных.

С точки зрения политического прагматизма Ким Чен Ир выбрал единственно правильный путь и делает то, что можно. Он, несомненно, учел все внешние и внутренние факторы, влияющие сейчас на выработку политических решений в Северной Корее. В их числе - сложно реформируемая авторитарная система, продолжающееся жесткое политическое противостояние Севера и Юга, фактическая экономическая блокада страны.

Лучше других понимая необходимость перемен, Ким Чен Ир менее свободен в выборе политического курса, будучи обязанным действовать как сын своего отца. В определенном смысле Ким Чен Ира можно с большой натяжкой сравнить с Ро Тхэ У, курс которого также был либерализацией режима при стремлении сохранить неизменными основные элементы политики и идеологии. Ким Чен Ир понимает, что для того чтобы провести реформы, в ходе которых на переломном этапе государство всегда слабее, надлежит сначала укрепить и оздоровить структуру власти, как бы подготовив себе инструменты.

Глава четвертая. Политические партии и их структура. Приемы и методы политической борьбы

Два корейца на необитаемом острове немедленно сформируют три политические партии.

Шутка, распространенная среди корейских политологов¹

Эта часть исследования посвящена корейским политическим партиям как значительному элементу традиционной политической культуры. Проследив историческую динамику формирования партийных группировок, мы рассмотрим их внутреннюю структуру и ту роль, которую играют в ней пережитки традиционной политической культуры, а также проанализируем основные приемы и методы политической борьбы.

Общие положения

Если в сознании европейца политическая партия есть группировка людей, объединенных какой-то идеологией, то в Корее самые различные источники - от философского словаря до текста по иероглифике для студентов - трактуют понятие «политическая партия» как «группировка, нацеленная на захват власти», а не как объединение людей, желающих политическими методами установить в стране влияние той или иной идеологии.

В Корее, как и в России, традиция демократии развита не была. Зато, начиная с XVI века, для нее было типично наличие фракционной борьбы между феодальными кликами. Кроме того, основная масса корейцев была политически инертна. В националистическом движении или иных формах оппозиции японским властям активное участие постоянно принимало лишь примерно 5 % населения. Несколько меньше было коллаборационистов, которыми считались все те, кто занимал при японцах какие-либо должности. Такое положение дел, с одной стороны, заморозило политическую культуру масс на традиционном уровне, а с другой – стимулировало тенденцию, при которой на первом месте стояли интересы не государства, а меньшей социальной группы – семьи, клана, банды и т. п.²

Элементы современной политической культуры и партийной деятельности были привнесены в страну сначала «Обществом Независимости» («Тоннип Хёпхве»), а затем «Обществом единения и прогресса» («Ильчинхве»).

¹ Breen M. The Koreans... С. 194.

² Henderson. С. 110.

Структура партийной системы в РК

Многopартийность политической системы РК гарантируется Конституцией³. Согласно Статье 8 юридические санкции в отношении политических партий могут иметь место лишь тогда, когда их цели и деятельность противоречат основам демократического строя, и то роспуск партии происходит только по решению суда.

Анализируя характер корейской политической и партийной системы, южнокорейский политолог Ян Сын Чхоль заявляет, что она не является ни классической двухпартийной системой (хотя формально ситуация часто выглядела именно так), ни многopартийной системой, ни системой с единственной доминирующей партией⁴.

Уместно напомнить, что формально партийная структура Севера и Юга совпадают, ибо северокорейское государство является многopартийным. Кроме несколькомиллионной Трудовой Партии Кореи в КНДР существует партия, ориентированная на религию *чхондогё* (10 тыс. членов), и Демократическая партия (30 тыс. членов)⁵, изначально созданная Чо Ман Сиком и переданная после его ухода с политической арены под руководство старым соратникам Ким Ир Сена (Чхве Ён Гону, а затем Ким Чхэку). Эти партии называются «братскими» (кор. *удан*).

Новые политические партии РК, как правило, создаются перед выборами и четко группируются не вокруг той или иной политической платформы, а вокруг того или иного лидера.

При этом названия партий часто меняются, обычно по двум причинам. В первом случае новое наименование может быть рассмотрено как «выбор нового девиза правления», знаменующего тот или иной его этап. Например, переименование Национального Конгресса За Новую Политику (НКНП), правящей партии Ким Дэ Чжуна, в Демократическую Партию Нового Тысячелетия (ДПНТ) – суть лозунг, цель которого –обеспечить наступление в новом тысячелетии демократии от Ким Дэ Чжуна. Другой пример - переименование Демократической либеральной партии (ДЛП), образовавшейся в результате «слияния трех партий», в Партию Новой Кореи, которое должно было окончательно подчеркнуть главенство одноименной идеологии Ким Ён Сама⁶.

Во втором случае смена названия партии связана со сменой баланса между составляющими ее фракциями или является способом удовлетворения честолюбия лидеров мелких групп, которые как бы не примыкают к группировке очередного «большого босса», а объединяются с ней, образуя нечто новое, самостоятельное.

Партия и ее лидер

³ Булычев Г. Б. С. 59.

⁴ Sung Chul Yang . С. 490.

⁵ Панин А., Альтов В. С. 34.

⁶ Толстоулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 229.

Как хорошо заметил Ян Сын Чхоль, не партия создает лидера, а лидер создает партию, и смерть политической партии не всегда означает смерть политического лидера. В случае роспуска своей партии лидер в состоянии организовать новую под несколько измененным названием, после чего рядовые члены партии и политики рангом поменьше как бы автоматически переходят туда.

С другой стороны, после ухода лидера с политической сцены функционирование партии становится невозможным. Она или рассыпается полностью, или раскалывается на несколько фракций. Так было с Либеральной партией Ли Сын Мана и Демократической партией Чан Мёна, так было с Демократической Республиканской партией Пак Чжон Хи, а правящая партия Чон Ду Хвана – Демократическая Партия Справедливости – прекратила свое существование после передачи власти Ро Тхэ У.

Там, где лидер не может более стоять у кормила власти, он начинает готовить себе замену. Обычно такая ситуация бывает с лидером, достигшим потолка своей карьеры и занявшим президентское кресло, – экс-президент официально уходит на покой и сохраняет какое-то влияние на партию, но власть принадлежит уже не ему.

Мобильность партийных лидеров достаточно велика. Ян Сын Чхоль анализирует политическую биографию Ким Ён Сама, который в течение сорока лет своей политической карьеры был членом девяти различных партий⁷.

Такие переходы тоже уходят корнями в традиционную фракционную борьбу, когда основным «профессиональным качеством» политиков того времени было умение предчувствовать перемены в международной обстановке и вовремя выбирать правильную сторону. Г. Хендерсон отмечает, что Ли Сын Ман был одним из немногих, кто на рубеже XIX - XX вв. сохранил политические убеждения, оставаясь проамериканцем и антикоммунистом. «Национальный предатель» Ли Ван Ён, известный как один из главных пособников аннексии страны в 1910 г., в 1880-х гг. был среди проамерикански настроенных сторонников королевы Мин, в 1896 г. был активным сторонником прорусской фракции, затем некоторое время был членом Клуба Независимости, а в 1901 г. переметнулся к японцам, заслужил доверие Ито Хиробуми и закончил свою карьеру как ярый сторонник Японии, каким мы его и запомнили. «Великий патриот» и один из инициаторов Первомартовского движения Сон Бён Хи был *тонхаком*, потом стал прояпонцем, а потом вернулся к националистам и умер в 1921 г. после того, как был освобожден из японской тюрьмы по состоянию здоровья⁸.

Коалиции и рокировки

⁷ Sung Chul Yang. С. 489.

⁸ Henderson. С. 400.

Ориентация на лидера делает характерной особенностью структуры корейских политических партий их неустойчивость, наличие большого числа фракций, каждая из которых представляет собой отдельного лидера и его клиентелу. Именно фракции объединяются, распадаются, перемещаются из одной партии в другую, будучи заинтересованы не столько в поддержании и сохранении своих идеологических установок, сколько в выдвижении перспективного кандидата во власть⁹. Это особенно наглядно демонстрирует практика широких коалиций, продиктованных исключительно тактическими, а не идеологическими, целями.

Показателен в этом смысле альянс 1997 г. между Ким Дэ Чжуном и Ким Чжон Пхилем, в ту пору лидером Объединения Либеральных Демократов (ОЛД), который в свое время был вынужден покинуть ряды правящей партии из-за разногласий с Ким Ён Самом. С точки зрения большой игры Ким Чжон Пхиль был аутсайдером, не имеющим шансов занять пост президента из-за репутации серого кардинала в правительстве Пак Чжон Хи. Однако альянс с ним обеспечил победу, и Ким Дэ Чжун на него пошел. Более того, для укрепления коалиции и усиления фракции несколько депутатов от ДПНТ перешло в ОЛД¹⁰.

В свое время для борьбы с подобным явлением Статья 38 Конституции 1962 г. устанавливала, что член Национальной Ассамблеи теряет свое место в ней, если он покидает политическую партию, к которой принадлежит, переходит из одной партии в другую или его партия оказывается распущенной. Причиной этого было то, что даже во время лисынмановской «двухпартийной системы» переход из либералов в демократы и наоборот встречался относительно часто¹¹.

Впрочем, и сегодня законодатели перебегают из ослабевшей партии в ту, которая на текущий момент считается набирающей политический вес¹².

Как тактическую коалицию стоит рассматривать и «слияние трех партий» 1990г. Хотя ряд специалистов считает достижение договоренности о слиянии партий Ро Тхэ У, Ким Ён Сама и Ким Чжон Пхилиа не тактическим маневром, а этапом дальнейшего развития политической системы¹³, такая точка зрения верна лишь отчасти: дальнейшие события и обретенный властью контроль над Национальной Ассамблеей,

⁹ Кстати, переговоры между представителями двух разных партий, особенно между президентом и лидером оппозиции, оформляются по протоколу, более соответствующему саммиту лидеров двух государств, - с предварительным оговариванием списка обсуждаемых вопросов и публикацией результатов встречи в форме коммюнике.

¹⁰ Дело в том, что если партийная группа в парламенте насчитывает более 20 депутатов, они могут сформировать парламентский клуб, что дает им право на дополнительные субсидии со стороны государства, статус равного партнера по отношению к прочим и т. п. До престижного числа партии Ким Чжон Пхилиа не хватало как раз трех мандатов, хотя с идеологической точки зрения, этот переход можно сравнить с переходом группы депутатов от СПС в ряды крайне левого крыла КПРФ.

¹¹ Henderson. С. 289.

¹² Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 349.

¹³ Толстокулаков И. А.. Начальный этап демократического процесса в Южной Корее. // Вестник Центра корейских исследований Дальневосточного государственного университета. № 1. 2000. Спецвыпуск. Материалы Международной научной конференции «100 лет корееведения в ДВГУ» 4-6 октября 2000 г. Тезисы и доклады. Владивосток, 2000.

способствовавший полному игнорированию точки зрения оставшейся оппозиции, указывают на то, что же на самом деле ставилось во главу угла.

В 2000 г. активно распускался слух о тайных переговорах о слиянии ОЛД и ДПНТ и создании таким образом единого блока с четким парламентским большинством – подобно тому, что было при слиянии партий Ро Дэ У, Ким Чжон Пхия и Ким Ен Сама. С точки зрения сочетаемости идеологий слияние партий выглядело бы очень странно, но, судя по бурной негативной реакции оппозиции на такие слухи, она воспринимала возможность такого блока как вполне реальную.

Иногда коалиция может рассыпаться, не дожив до того результата, ради достижения которого она создавалась, и, пережив неожиданный разрыв, как это было между Ро Му Хёном и Чон Мон Чжуном. Тогда за несколько дней до выборов Чон разорвал альянс и отказал Ро в поддержке. Понятно, что Чон пошел на альянс с Ро в надежде на то, что на следующих президентских выборах кандидатом от правящей партии будет он. Однако его излишняя настырность (включая плакаты типа «Чон – наш следующий президент») заставила Ро намекнуть, что вопрос о преемнике находится все же в стадии рассмотрения, и безусловное решение по нему еще не принято. Видимо, после этого Чон посчитал, что его предали, и альянс надо разорвать. Однако, такой неожиданный шаг Чон Мон Чжуна не нашел поддержки среди его соратников, которые проголосовали за Ро¹⁴.

Кстати – Корея такой маневр не в новинку. Впервые его применил Ли Сын Ман, который за день до выборов призвал своих сторонников не голосовать за Ли Бом Сока как за вице-президента¹⁵.

Стратегические решения тоже достаточно часто принимаются не на внутрипартийных мероприятиях или в ходе дискуссии в Национальной Ассамблее, а на личных встречах руководителей партий. Напомним, что в 1990 г. объединение трех партий в одну произошло фактически после однодневной встречи их лидеров. Политические партии европейского типа не затратили бы на такой важный шаг столь малое время.

Внутренняя структура партии

Как правило, партия организована по следующему принципу. Существует политбюро, которое называется Центральным Исполнительным Советом или Верховным Советом партии. Его возглавляет Президент партии, а ведущими членами являются Председатель партии (заместитель Президента), Генеральный Секретарь, Спикер и Главный Политический Советник. Важное место в иерархии занимает пост главы фракции в Национальной Ассамблее.

Разграничение между перечисленными должностями не очень понятно, хотя ясно видно, что председатель партии и ее генеральный секретарь, в

¹⁴ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 357.

¹⁵ Breen M. The Koreans... С. 200.

основном, занимаются внутривнутрипартийными вопросами, а не политической деятельностью. Более того, фактический лидер партии далеко не всегда занимает эти посты, а Президент страны обычно не совмещает этот пост с рангом партийного руководителя.

Для корейской политической системы типична «власть стариков». Как правило, молодой политик делает карьеру только если стоящий на его пути представитель старшего поколения умер, достиг своей вершины, оказался вне закона, или вынужден уйти. И именно введенный Пак Чжон Хи запрет на политическую деятельность «старых зубров» 1960-х открыл дорогу тем, кто потом в течение долгих лет определял лицо корейской оппозиции и выбился во власть в 1990-е гг.

Корейская политическая система не оставляет для «чужака» возможности внедриться в нее. Неудачей закончилась попытка сформировать свою партию даже у такого властного лидера, как Чон Чжу Ён. Его партия не превратилась в «третью силу», а он сам, потратив кучу средств и сил, стал мишенью судебного преследования. Чона обвиняли в использовании властных связей, а также - финансовых и иных ресурсов руководимой им корпорации¹⁶, и осудили на три года, освободив от отбывания срока в связи с преклонным возрастом¹⁷.

Поэтому молодые политики, как правило, выбирают иной путь построения карьеры в рамках той или иной группировки, постепенно формируя внутри нее собственную фракцию, влияние которой может возрасти в процессе очередной предвыборной «перетасовки» партий.

То, что сегодня депутаты даже от правящей партии уже не голосуют синхронно, можно воспринимать и как результат демократизации, и как следствие фракционной борьбы внутри партии, из-за которой состав партии менее монолитен. «При старом режиме» власти очень тщательно следили за «единством партии», и рядовые депутаты играли роль «фишек», которые надо было набрать, чтобы получить необходимые 2/3 голосов. В правление Ли Сын Мана примерно треть депутатов Национальной Ассамблеи от правящей партии играла роль «живых машин для голосования», которые в течение своего депутатского срока ни разу не просили слова¹⁸.

Финансирование политических партий регулируется Законом о политических фондах. Согласно ему, деятельность партий может финансироваться за счет пожертвований, членских взносов (эта часть обычно невелика) и, согласно гарантирующей многопартийность статье 8 Конституции, субсидий из госбюджета. Формально общий объем допустимых субсидий рассчитывается исходя из суммы в 800 вон (менее одного доллара США) на каждый голос, который партия получила на последних выборах. Центральная избирательная комиссия регистрирует комитеты поддержки партий, которые также могут собирать пожертвования, однако максимальная сумма, которую может получить комитет в течение

¹⁶ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 175.

¹⁷ Breen M. The Koreans... С. 269.

¹⁸ Henderson. С. 298

года, составляет 20 млрд. вон (в годы выборов эта сумма удваивается). Тем не менее, для ведения полномасштабной кампании этих легальных источников финансирования обычно не хватает¹⁹. Это и порождает так называемые секретные фонды, основной источник которых - «полудобровольные» политические пожертвования региональных предпринимателей, которые рассматриваются ими как своего рода инвестиции, не говоря уже об использовании административного ресурса вплоть до принудительной продажи облигаций (подобный тип финансирования Ли Сын Ман практиковал еще в 1920-е гг.²⁰).

Выявление и разоблачение таких фондов является неременной чертой корейских предвыборных баталий и «разборок» победителей с побежденными, а бороться с этой порочной практикой торжественно обещал каждый последующий президент, однако наиболее успешно это получилось у Ким Дэ Чжуна - внесение изменений в Закон о политических фондах 14 ноября 1997 г. фактически запретило создание секретных фондов²¹.

Фракционность и регионализм

Мера внутрипартийной борьбы естественно зависит от характера партии, и Г. Хендерсон выделяет три варианта построения политической партии с точки зрения фракционности.

Первый - массовая проправительственная партия, где фракционная борьба тщательно подавляется «сверху» или идет не за кресло вождя, а за посты второго эшелона. Можно обратить внимание на то, что по подобной модели партия власти строилась и в РК, и в КНДР.

Второй - оппозиционная партия, созданная в основном из «объединившихся против» и потому имеющая достаточно высокий уровень внутреннего напряжения. С ростом демократизации, точнее, ослаблением государственного давления, такая модель становится характерной и для правящей партии.

Третий - мелкие самостоятельные группы, объединенные общей идеологией (по последней схеме организованы в основном радикалы)²².

Анализируя тему корейских фракций, стоит обратить внимание на то, что в условиях мобильности корейских политических лидеров и отсутствия у властей желания согнать всех в одну внутреннюю партию именно фракция является основной единицей политической борьбы. Об этом свидетельствует и практика сопредседателей, когда при объединении двух или трех партий отсутствует четкое верховенство одного главы, и лидеры каждой группировки имеют равный статус независимо от ее численности внутри партии, и внутрипартийные противоречия, очень часто связанные с тем, что амбиции лидеров меньших фракций оказываются неудовлетворенными. Так,

¹⁹ Булычев Г. Б. С. 67.

²⁰ Мазуров В. М. Южная Корея и США (1950 – 1970 годы). М. 1971, с. 106.

²¹ Казарьян Р. Л.

²² Henderson. С. 308-309.

в свое время Пак Кын Хе объясняла свой уход из *Ханнара* тем, что Ли Хве Чхан «создал в партии недопустимую атмосферу личной власти»²³.

Разделение на фракции иногда закрепляется даже на административном уровне, когда помимо штаб-квартиры правящей партии каждая фракция внутри нее имеет нечто вроде собственной резиденции.

Фракция строится по системе патрон-клиент и имеет обычно четкую привязку к региону, в котором политический деятель всегда может рассчитывать на успех. Этот успех должен быть оплачен поощрениями при распределении государственных средств или расстановкой своих на доходные места. Обратной стороной этих отношений является откровенное выбивание денег на избирательную кампанию и подготовку к выборам. Подобная практика приводит к отношениям между избирателями и политиками, напоминающим отношения инвестора и его клиента. В политика вкладывают деньги или услуги, которые он отрабатывает за счет образующихся у него после выборов властных ресурсов.

У Пак Чжон Хи, хотя его можно было бы скорее назвать выразителем интересов определенных армейских кругов, такой территориальной базой и источником кадров была провинция Северная Кёнсан, у Ким Чжон Пхия – Чхунчхон, у Чон Ду Хвана – Южная Кёнсан, у Ро Тхэ У – Тэгу и Северная Кёнсан, у Ким Ён Сама – Пусан и Южная Кёнсан, у Ким Дэ Чжуна – Южная Чолла (в особенности, город Кванджу). Некоторым исключением из этого правила можно считать Ли Сын Мана, который родился в провинции Хванхэ, на территории нынешней КНДР, и провел многие годы вне страны, набирая свои кадры в Сеуле или в столичной провинции Кёнги.

В 1980 г. те, кто был рожден в Сеуле, составляли только 6 % чиновников. Подавляющее большинство было родом из Ённама (кёнсанцы)²⁴, в то время как хонамцам (чолланцам) доступ в политику был фактически закрыт, а говорить на их диалекте по радио и на телевидении считалось признаком провинциализма. Эта тенденция продолжалась и при Ким Ён Саме, когда процент ённамцев во власти был даже выше (40 %), чем при военных (30,1 % в правление Пак Чжон Хи)²⁵.

Однако после выборов 1997 г. властные элиты из Хонама и Чхунчхона практически монополизировали посты в правительстве: из 10-ти наиболее важных руководящих государственных постов 5 занимали представители Хонама, 2 - Чхунчхона, 2 - Ённама и 1 - Сеула. При этом все руководящие посты в силовых структурах - руководителя Палаты аудита и Инспекции, министра юстиции, министра обороны, генерального прокурора, директора АПНБ - занимали представители Хонама. В середине июня 2003 г. соотношение между хонамцами и ённамцами на государственных должностях составляло 26,5 и 31,3 %, а численность их населения -

²³ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 327.

²⁴ Wanki Paik. С. 113.

²⁵ Саблин В. Корейский регионализм: взгляд из Москвы. // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22), с. 62.

соответственно 11,6 и 27,9 %²⁶. Естественно, после этого и хонамский диалект стал звучать значительно чаще, не подвергаясь больше осмеянию.

Поэтому то, что отличает программу одной партии от другой, в основном относится к поддержке своего региона. При внимательном рассмотрении программы Ким Дэ Чжуна в бытность его лидером оппозиции в начале 1990-х гг., из нее можно выделить три основных момента: более быстрая и демократическая по сравнению с официальной программа объединения страны (дань имиджу диссидента); требование реализации прав и свобод, декларированных во «Всеобщей Декларации прав Человека» (стандартное требование оппозиции); прорегиональная политика, куда входит как переориентация экономической структуры провинции Чолла и развитие в ней промышленных отраслей (или иные формы режима благоприятствования провинции), так и наказание виновников преступления в Кванчжу.

Регионализм стоял и за событиями 1990 г. С точки зрения общности баз между Ро Тхэ У и Ким Ён Самом, происходящими из одной провинции, было больше общего, чем между Ким Ён Самом и Ким Дэ Чжуном, и профессор Ли Ман У замечает, что антагонизм между различными регионами был тем фактором, который не дал бы возможности победить любому из двух кандидатов от оппозиции, даже если бы они выступали по одиночке²⁷.

Тенденции создания внутренней партии

В отдельный блок стоит выделить попытки авторитарного режима решить проблему политической борьбы путем создания «внутренней партии», которая была бы не столько политической партией в европейском смысле этого слова, сколько составной частью государственной структуры - элитной прослойкой наиболее достойных представителей общества, кузницей кадров государственного аппарата и моральным авангардом, призванным служить образцом поведения и прилежания для всех остальных.

Главным препятствием на пути создания внутренней партии являются традиционная для Кореи фракционность и тенденция к появлению властных клик, которые, оказавшись у власти, начинают использовать свое высокое положение в собственных интересах, особенно с учетом того, что свои корыстные цели властные клики обычно прикрывают идеологическими разногласиями. Именно поэтому Ким Ир Сен уделял так много внимания «монолитности» партии, хорошо осознавая всю опасность фракционной борьбы. То, что человеку демократической политической культуры кажется борьбой с проявлениями плюрализма и свободы мнений, в действительности нередко оказывается укреплением рядов.

Противостояние этих тенденций можно заметить и на Севере, и на Юге, однако ТПК оказалась гораздо ближе к желанному идеалу.

²⁶ Саблин В. С. 63.

²⁷ Oberdorfer. С. 178.

Структура партии во многом повторяет структуру КПСС, однако процентное соотношение коммунистов и беспартийных в КНДР больше, чем в Китае или СССР. По данным Ян Сын Чхоля²⁸, количество членов ТПК составляет 17 % от общей численности населения. Это наиболее высокий показатель. По иным данным, в 1980-1981 гг. число членов ТПК составляло более 12 % общей численности населения по сравнению с 3,9 % у КПК и 6,7 % у КПСС, а в 1987 г. процент членов ТПК в общей численности населения составлял уже более 14,8 % (более 3-х млн. при общей численности населения 20,3 млн. чел.). Такой же высокий процент членов ведущей партии был только в социалистической Румынии и в ГДР (для сравнения: на то же время в КНР - 4,3 %, во Вьетнаме - 3,0 %, на Кубе - 5,1 %) ²⁹. Сейчас эта тенденция сохраняется.

Массовый характер партии заставляет думать и о том, что она, с одной стороны, превращается в социальную прослойку, а с другой – что партийная дисциплина как дополнительный метод принуждения и контроля охватывает практически всю элиту.

Массовость, однако, сопровождается (теоретически) пристрастной оценкой кандидатов. Система отбора в ТПК напоминает систему отбора в КПСС – членом партии можно стать с 18-ти лет, но до того необходимо год побыть кандидатом и иметь рекомендации двух членов партии, имеющих партийный стаж более 2 лет.

Хотя южнокорейские историки проводят прямую аналогию между структурой КПСС и ТПК, нам заметны отличия, характеризующиеся меньшей ролью коллективного руководства. ЦК не собирается часто и не является постоянным органом принятия решений внутри партии. Более эффективным координационным центром был Секретариат, руководимый Ким Ир Сеном.

Все функциональные группы контролируются ТПК по иерархическому принципу. В основе пирамиды – народные массы, над ними стоит коллектив, над коллективом – партия, наверху – вождь.

Понятно, что сейчас ТПК не едина. Еще Д. Обердорфер отмечал определенное разделение внутри северокорейской номенклатуры, выделяя старую гвардию и деятелей из непосредственного окружения Ким Чен Ира. Например, Ким Ён Сун (1934 г. рождения) в середине 1980-х гг. был снят со своего поста и «разжалован в шахтеры» за декадентское поведение, выразившееся в том, что он устроил в здании ЦК ТПК вечеринку с европейскими танцами³⁰. Возвращен во власть благодаря заступничеству младшей дочери Ким Ир Сена.

Ряд изменений был связан и с возрастанием роли Ким Чен Ира. На VI съезде ТПК в 1980 г. 175 из 248 членов ЦК были избраны впервые. Был вновь создан Президиум ЦК из пяти членов как структура, направленная на усиление позиции Ким Чен Ира.

²⁸ Sung Chul Yang. С. 278.

²⁹ Korean Public Administration. С. 306.

³⁰ Oberdorfer. С. 238-239.

С начала 1990-х гг. происходит повышение внимания к выработке правильных методов партийной работы, борьбе с чванством и бюрократизмом. Это говорит как о стремлении учитывать опыт событий в Восточной Европе (где крах коммунистических режимов объяснялся тем, что партийная верхушка потеряла связь с массами), так и очевидно возросшим уровнем двоемыслия, который начал оказывать негативное влияние на работу административной системы³¹. Начало кампании по борьбе с бюрократизмом, таким образом, признает наличие его как проблемы.

Попытка количественного анализа состава членов ЦК ТПК и социальных характеристик северокорейской элиты (на 1989 г.) выглядит так: средний возраст партийного руководителя – 68,5 лет (при этом он был бы выше, если не считать «молодого» Ким Чен Ира); место рождения – на первом месте Северная Хамгён (29 %), затем идут Южная Хамгён (14 %) и Северная Пхёнъян (13 %), причем географический фактор не играет определяющей роли по сравнению с лояльностью по отношению к вождю, а о региональных противоречиях наподобие противоречия Кёнсан – Чолла в Южной Корее вообще говорить не приходится; образование - 42 % закончили Университет имени Ким Ир Сена, 25 % - Революционное Училище Мангёндэ, которое формально было организовано как суворовское училище для детей павших революционеров, но затем превратилось в элитное учебное заведение с высоким уровнем профессиональной подготовки. Большая часть членов ЦК получала высшее образование в СССР – из тех, кто учился за рубежом, лишь 10 % делали это вне Советского Союза, а основным местом учебы были МГУ или технические вузы по прикладным специальностям³². За границей, кроме КНР и СССР, тоже не был почти никто.

Эти данные говорят о том, что подавляющее большинство северокорейского руководства – люди, родившиеся при японцах, чье взросление пришлось на период сопротивления, но проходило под существенным влиянием традиционной культуры. По сравнению с ВКП (б) процентный состав крестьян и неграмотных среди членов ТПК был гораздо выше³³.

Теперь посмотрим, как выглядит аналогичная тенденция в РК, где противостояние монолитности и фракционизма было куда острее. Концепция Ли Сын Мана заключалась в том, чтобы создать единую общенациональную партию как структуру, поддерживающую правительство на основе принципа «единонародности» (кор. *ильминчжуый*)³⁴, призывах ко всем корейцам слиться в единую национальную организацию, которая была бы выше всех классовых или личных интересов. Слабость нации при этом объяснялась тем,

³¹ Булычев Г. Б. С. 128.

³² Korean Public Administration. С. 310.

³³ Cumings B. North... С. 131.

³⁴ Название было взято у Сунь Ятсена, но означало не просто популизм, а объединение воли нации и воли народа.

что отдельные личности стремятся добиться особой выгоды, в то время как долг народа – сплотиться в одно целое, отбросив эгоистичные интересы³⁵. Мобилизацию народа, однако, лозунг не вызвал и альтернативой коммунизму и стал.

Либеральная Партия обростала серией вассальных структур по аналогии с КПСС. Были созданы Женская Ассоциация, Федерация Корейских Профсоюзов, Корейский Молодежный Корпус, причем две последние организации – за счет принудительного укрупнения прочих проправительственных организаций данного типа³⁶, но единства в партии не было. Хотя авторитет Ли Сын Мана был непререкаем, борьба за посты второго эшелона проходила достаточно серьезно.

Демократическая партия, взявшая власть в период Второй Республики, создавалась из нескольких групп, которые достаточно быстро разошлись, как только партия стала правящей³⁷.

Переворот 1961 г. не улучшил ситуацию, так как фракции действовали и внутри армии, до официального установления Третьей Республики. Наиболее явным примером этого был арест Ким Чжон Пхилем генерал-лейтенанта Чан До Ёна, направленный на то, чтобы на ключевых постах в армии оказались офицеры «восьмого выпуска». Другие разгромленные Ким Чжон Пхилем армейские фракции под предлогом подготовки контр-переворота состояли из выходцев из провинции Хамгён, офицеров-летчиков и т. д.³⁸

Когда Пак Чжон Хи непосредственно занялся строительством своей партии, он, безусловно, рассматривал ее не как политическую группировку для захвата власти, а как некую структуру, позволяющую осуществлять связь между правительством и народом и играющую роль офицерского корпуса в армии³⁹. Концепция предусматривала, что только член этой новой партии может рассчитывать на получение места в центральных правительственных органах.

На первом этапе, в 1961-1963 гг., целенаправленно формировалась структура, на базе которой можно было бы затем создать «внутреннюю партию» как аналог ТПК. Для идеологической обработки населения в стране развернули «Движение за национальную реконструкцию», формальной целью которого было «обеспечение идеологической победы над коммунизмом путем освобождения людей от устаревших средневековых обычаев и поднятия морали»⁴⁰. Отделения и ячейки Движения создавались во всех деревнях и городах, учреждениях и на предприятиях. При нем были созданы специальные женские и молодежные подразделения. Каждый член этой организации должен был прослушать недельный курс лекций,

³⁵ Henderson. С. 284.

³⁶ Henderson. С. 292-293.

³⁷ Henderson. С. 299-300.

³⁸ Henderson. С. 268.

³⁹ Именно потому ряд политологов рассматривают ЦРУ Южной Кореи как аналог «внутренней партии» в период, предшествующий возвращению режима Пак Чжон Хи к системе политических партий.

⁴⁰ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 106.

разъясняющих идеологию нового режима. Такими курсами было охвачено свыше 6 млн. человек.

Затем началось непосредственное кадровое строительство партии нового типа, которым занимался Ким Чжон Пхиль, специально переброшенный туда из ЦРУ. В начале января 1963 г. он специально ушел с военной службы на партийную работу. Партийное ядро Ким начал формировать из числа молодых профессоров, журналистов и гражданских чиновников. В обстановке секретности (прежде чем политические партии были официально разрешены) был создан специальный тренировочный центр, где будущим функционерам читали лекции.

Партию стремились насытить специалистами вплоть до того, что несколько преподавателей политологии были задержаны, и их «убедили» принять участие в организации партийного строительства. Рядовые же члены партии вступали в нее примерно по той же причине, по которой в Германии многие становились нацистами: «Нам не нравится идеология, но это единственный способ сделать карьеру»⁴¹.

Организационный съезд новой партии, получившей название Демократическая Республиканская Партия (ДРП), состоялся 26 февраля 1963 г. Программа ее отражала основные положения теории административной демократии, причем идеалы нового режима связывали с духом Первомайского движения 1919 г. и Апрельской Революции 1960 г.

Структура ДРП была создана по образцу коммунистической партии. Создатели партии, правда, предпочитали утверждать, что они ориентировались на Гоминьдан, однако на момент, когда он создавался, китайские националисты активно пользовались советской помощью, в том числе и в строительстве партии на ленинских принципах партийной организации⁴². Партия власти была организована сверху вниз, возглавлялась Президентом, которому подчинялся Председатель партии, политический вес которого мог быть разным. Далее шла административная структура, во многом созданная при помощи ЦРУ, которое привнесло в партию жесткие элементы контроля и отбора по профессиональному признаку и дало ей возможность быть более организованной на выборах 1963 г.

Считая государство неким регулятором, способным перераспределять доходы для ослабления разрыва между богатыми и бедными, Пак уделял значительное внимание созданию государственного аппарата, но при этом препятствовал тенденции образования правящей фракции, считая, что власть должна оставаться прерогативой бюрократов. По данному поводу он много и часто конфликтовал со своим ближайшим сподвижником Ким Чжон Пхилем, который был сторонником формирования клики на базе партии власти. Из-за этого Ким Чжон Пхиль, которого периодически называют серым кардиналом режима, неоднократно снимали со всех постов, не раз

⁴¹ Henderson. С. 305.

⁴² Cumings B. Korea's place... С. 353.

отправляли в ссылку, а потом возвращали на руководящие государственные и партийные должности⁴³.

Складывается впечатление, что Пак Чжон Хи не только не пытался сформировать вокруг себя клику, построенную не на государственных интересах, а на личной преданности ему, но и не заботился о том, чтобы подготовить себе компетентного преемника. Отдалив Ким Чжон Пхилья от власти в 1975 г., он заменил его на Чхве Гю Ха, который был хорошим профессиональным бюрократом, но не имел политических амбиций.

Борьба клик продолжалась и в 1970-е гг., и ее отголосками стали и убийство Пак Чжон Хи и переворот Чон Ду Хвана, когда «одиннадцатый выпуск» Военной Академии (первый, обученный по американским, а не по японским, уставам), к которому принадлежали Чон Ду Хван и Ро Тхэ У, разделался с «восьмым», в который входили Ким Чжон Пхиль и большинство офицеров, организовавших переворот 1961 г.

Во время Пятой республики «внутреннюю партию» создать не удалось, хотя вплоть до начала 1990-х все гражданские чиновники, вплоть до деревенских, назначались из Центра и, естественно, работали на правящую партию. Кроме того, в этот период общество стало более разнородным, и поэтому от концепции внутренней партии советского типа ДПС была вынуждена перейти к концепции партии власти ближе к европейскому пониманию.

Как общенациональную пыталась позиционировать себя партия Ким Дэ Чжуна, однако ДПНТ также была не лишена фракций. Помимо группировок, связанных с пришлыми лидерами вроде Ли Ин Чжэ, можно выделить две фракции и внутри партийного ядра, ориентированного непосредственно на Ким Дэ Чжуна.

Первая – старая гвардия, или так называемая фракция *Тонгё*, названная так по месту расположения ее штаб-квартиры, состояла из уроженцев Чолла и старых соратников Ким Дэ Чжуна еще по 1970 – 1980 гг., естественно занимавших львиную долю руководящих постов. Вторая группа – молодежь, привлеченная образом Кима как последовательного оппозиционера и необязательно связанная с его родным регионом. Выразителем ее взглядов был Ро Му Хён, и некоторые газеты даже сравнивали отношения Кима и Ро с отношениями отца и сына. «Korea Times» утверждала, что эта дружба даже теснее, чем дружба между Чон Ду Хваном и Ро Тхэ У⁴⁴.

Напряженные отношения между этими группами были связаны главным образом с тем, что представители фракции *Тонгё* воспринимали партию как свою собственность, в то время как их вклад в победу Ким Дэ Чжуна на выборах был невелик. Молодежь, напротив, хотела видеть ДПНТ партией левой оппозиции, и Ким Дэ Чжун привлекал ее как воплощение этой идеи, а не как региональный лидер. Тем более, что после перехода Ким Ён

⁴³ Мазуров В. М. С. 239.

⁴⁴ Korea Times, 01.03.2003.

Сама в правящий лагерь и его дальнейшего поведения на посту президента, вокруг Ким Дэ Чжуна сгруппировалась вся «принципиальная» оппозиция.

Технология политической борьбы и перечень наиболее часто используемых вариантов компромата

Так как каждый политический деятель может рассчитывать на стабильный успех в «своем» регионе или социальной группе, процент голосов, за которые действительно надо бороться, не так уж велик. Обычно – это голоса избирателей Сеула и столичной провинции. Именно поэтому для южнокорейской политической системы не характерно наличие института профессиональных политтехнологов, призванных привлечь внимание к той или иной партии на фоне практической идентичности их программ.

Основным оружием борьбы властных группировок на Юге является не полемика вокруг кардинальных путей развития страны, а банальный компромат. Работа по дискредитации кандидата критикуется, но воспринимается как нечто обычное. Когда перед выборами 2002 г. «Ханнара» объявила о том, что ДПНТ будто бы разработала секретный план дискредитации Ли Хве Чхана⁴⁵, анализирующий личные слабости характера Ли и то, как их можно использовать в президентской гонке, существование данного документа никто не опровергал, и тогдашний председатель ДПНТ только заметил в прениях, что документ был написан членом ДПНТ по собственной инициативе, а не являлся инструкцией или заказной аналитической запиской.

Обвинения выдвигаются с большим шумом и давлением, из-за чего даже невинному человеку достаточно сложно доказать перед публикой свою чистоту. В результате этого рейтинг того или иного кандидата может очень сильно колебаться (в пределах 30 – 40 %). Так, например, в начале 2002 г. Ли Хве Чжан обгонял более, чем на 10 %, и Ро Му Хёна, и Ли Ин Чжэ, но уже через два месяца его рейтинг стремительно упал в связи с серией скандалов, уличавших его в роскоши и жизни не по средствам.

В апреле на предварительных выборах внутри ДПНТ Ро Му Хён одержал сокрушительную победу над Ли Ин Чжэ благодаря своей репутации реформатора и более демократической процедуре голосования. На этом этапе его рейтинг достигал 60 %. Однако когда начались скандалы, связанные с детьми Ким Дэ Чжуна, репутация Ро как человека Ким Дэ Чжуна, способного вести страну в третье тысячелетие, значительно упала. Потом последовал еще один удар – поражение ДПНТ на местных выборах 13 июня, на которых Ли отобрал у Ро около 15 % голосов.

К началу августа 2002 г. Ли имел около 40 % голосов, а Ро находился фактически на самом низу. Высокий рейтинг был и у Чон Мон Чжуна благодаря успеху организованного и проведенного им Кубка Мира по

⁴⁵ Korea Herald, 26.07.2002.

футболу, хотя до весенних результатов Ро он все-таки не дотягивал. Объединение Чона и Ро значительно подняло рейтинг кандидата от правящей партии, и почти до выборов Ро и Ли шли относительно на равных.

Такая подвижность популярности говорит о многом и, в первую очередь, о том, что корейскими массами достаточно легко манипулировать, что они очень эмоциональны и не критичны, каждый раз бросаясь на очередную приманку. Таким образом, чаще всего побеждает тот, у кого хватает терпения придержать самый вкусный кусок напоследок, вбрасывая последнюю порцию «топлива» в свою борьбу непосредственно перед самым решающим моментом.

Рассмотрим в связи с этим то, из чего же делаются эти «куски» и в чем, как правило, кандидаты обвиняют друг друга. Ранее на первом месте стояли **«связи с Севером»**. В условиях доминирующего антикоммунизма обвинение противников или оппонентов в контактах с Севером или даже в сговоре с КНДР для какой-то своей цели было очень серьезным, гарантированно выбивавшим противника из седла.

Главным объектом обвинений такого типа всегда был Ким Дэ Чжун. Тут можно вспомнить и все те репрессии, которым он подвергался в правление военных, и планы Агентства Планирования Национальной Безопасности (АПНБ) по его дискредитации перед выборами 1997 г., когда Ким Дэ Чжуна пытались представить как северокорейского агента влияния, получающего из Пхеньяна финансовую поддержку. В 1992 г. Ким Ён Сам обошел Ким Дэ Чжуна в значительной степени и за счет того, что обвинял его в действиях по указке Пхеньяна, а Квон Ён Хэ, бывший руководитель АПНБ, использовал неофициальные каналы для насыщения масс-медиа антикимдэджунской дезинформацией.

В последующее время обвинения Ким Дэ Чжуна в «низкопоклонстве перед Севером» стали встречаться реже, но их основная суть была достаточно неприятна: президент пришел к власти на деньги Севера, и его «солнечная политика» направлена не столько на то, чтобы растопить лед взаимного непонимания, сколько на то, чтобы обеспечить таким образом северокорейскому режиму экономическую и политическую помощь.

Тем не менее, обвинения такого рода выдвигали не только против него одного. В начале правления Ким Дэ Чжуна активно раскручивали так называемый «сговор о перестрелке», согласно которому накануне выборов группа подозреваемых, близких к младшему брату Ли Хве Чхана, Ли Хве Сону, пыталась установить контакты с КНДР, дабы устроить в Пханмунджоме перестрелку, что должно было бы изменить соотношение голосов в пользу Ли Хве Чхана, кандидата на президентское кресло от тогдашней партии власти. В течение всего октября и начала ноября 1998 г. в Национальной Ассамблее шли жаркие дебаты по этому поводу⁴⁶.

Начиная со времени правления Ким Ён Сама, к обвинениям в связях с Севером добавилось **«участие в преступлениях тоталитарного режима»**.

⁴⁶ Korea Times, 28.10.1998.

Это позволило новому президенту, который всячески подчеркивал свой статус первого гражданского президента, пришедшего после долгих лет правления военных, затушевать свою связь с правящей партией, которая ввела его во власть, и осуществить целый ряд репрессий по отношению не только к Чон Ду Хвану и Ро Тхэ У, но и к их политическому окружению. Тем более что с точки зрения общечеловеческих ценностей наказание преступников выглядело вполне легитимной мерой.

При Ким Дэ Чжуне некоторое время искали виновников кризиса 1997 г. Конечно, Ким Дэ Чжун заявил, что причиной кризиса была «плохая» государственная система, но в рамках традиционной политической культуры виновник проблемы всегда персонифицируется в образе преступной клики или недостойного чиновника, который из-за своей некомпетентности, корысти или халатности губит страну.

Борьбу с коррупцией во власти тоже можно отчасти отнести к средствам политической борьбы, которые внешне выглядят абсолютно легальными. Напомним, что условиях корейской бюрократической системы, где личные связи часто играют определяющую роль, обвинить в коррупции (как оказании услуг в обмен на услуги) можно практически любого. В этом случае торжественные мероприятия с угощением и выпивкой, устраиваемые кандидатом, можно представить не как деталь политической традиции, а как способ подкупа.

Потому война с политической коррупцией, затрагивающей структуры власти, идет как бы всплесками. Первый происходит перед выборами, когда встречные обвинения в коррупции и обещания покончить с ней являются обязательным элементом политической борьбы конкурентов. Второй случается через некоторое время после взятия власти, когда, выждав необходимое время, победитель начинает ее передел, используя коррупцию как повод для смещения неугодных.

В правление Ким Дэ Чжуна обвинения в коррупции вышли на первое место по «убойности». Это понятно, так как меньшее количество дел о злоупотреблениях властью в эпоху Ким Ён Сама можно объяснить как меньшей необходимостью в переделе власти, так и тем, что для снятия неугодных существовало более удобное средство – чиновника можно было снять за те прегрешения, которые он совершил при военном тоталитарном режиме, а в год прихода к власти Ким Дэ Чжуна РК переживала экономический кризис, который было соблазнительно объяснить не только общими недостатками в структуре экономического развития страны, но и алчностью отдельных чиновников, которые своими личными амбициями и жаждой обогащения чуть не погубили страну.

Однако в конце своего правления оба президента «погорели на детях». И потомки Ким Ён Сама, и потомки Ким Дэ Чжуна были обвинены в злоупотреблениях властью и заключены под стражу, - как раз в конце президентского срока и накануне выборов. Насколько правомерны были эти обвинения, ясно не всегда, хотя если сравнить «дела» сыновей Ким Дэ Чжуна и сыновей Ким Ён Сама, можно заметить, что невзирая на примерно

одинаковый уровень шума, в первом случае прямые доказательства коррупции слабее, а логическая связь между подарками и действиями просматривается меньше. Тем не менее, Ким Дэ Чжун принес извинения и под этим соусом сначала вышел из руководства правящей партии, а потом – и вовсе оставил ДПНТ.

Чем объяснить такой политический успех этого компромата? Возможно, дело в том, что на фоне сформировавшегося образа Ким Дэ Чжуна и развернутой им в первый период своего правления тотальной борьбы с коррупцией любая соринка в его собственном глазу кажется окружающим бревном.

Интересно, что сторонники Ким Дэ Чжуна пытались обратить негатив в позитив, обращая внимание на то, что такая атмосфера критики правящего режима стала возможной благодаря действиям нынешней партии власти по развитию гласности, демократизации и глобализации. Дескать, даже сын президента подсуден, и мы не боимся об этом говорить.

Не следует думать, что президентов не обвиняли в коррупции и ранее. Когда Пак Чжон Хи начал подготовку к установлению дипломатических отношений с Японией, оппозиция обвиняла его и Ким Чжон Пхия в получении взяток от японских властей.

Заключение под стражу и осуждение Ро Тхэ У и Чон Ду Хвана тоже планировалось в рамках борьбы с коррупцией. Удар по бывшим президентам, по мнению многих, был вызван тем, что в июне 1995 г. правящая партия потерпела поражение на местных выборах, и ее положение зашаталось. Власть сочла, что сторонники Чона и Ро могли использовать свои секретные фонды для раскола правящего блока и финансирования новой политической партии⁴⁷ и попыталась нанести упреждающий удар. Общественное мнение было развернуто так, что между созданием секретных фондов, деньги из которых шли на политические цели, и сбором средств с целью личного обогащения был поставлен знак равенства.

Однако возможностей для формирования чисто «экономического» дела оказалось недостаточно. К тому же процесс как бы «разрушил муравейник», и стало выясняться, что Ким Дэ Чжун и Ким Ён Сам также получали деньги от Ро Тхэ У и, безусловно, пользовались секретными фондами⁴⁸. Именно поэтому из дела о секретных фондах процесс превратился в политическое судилище над бывшими военными правителями страны.

Упреки в регионализме, в постановке своих людей на ключевые посты или «создание придворной клики» являются не менее расхожими обвинениями, чем борьба с коррупцией. В этом можно смело обвинить любую из властных группировок, но тот, кто критикует подобную практику, находясь в оппозиции, войдя во власть, скорее всего, будет делать то же самое. И дело здесь не в личных качествах человека, а в особенностях системы, подводящих ее функционеров к такому поведению.

⁴⁷ Breen M. The Koreans... С. 240.

⁴⁸ В своей диссертации Р. Казарьян приводит крайне интересную таблицу, показывающую, насколько все кандидаты в президенты превышали затраты, разрешенные законом на проведение предвыборной кампании.

Следующие по частоте - **обвинения в недостойном поведении**. Чаще всего это упрек в том, что имярек ведет неоправданно роскошный образ жизни. При этом внимание заостряется скорее на наличии вилл или на устраиваемых кутежах, нежели на том, что на это были потрачены украденные деньги. Такой тип обвинения гораздо ближе к обвинению в аморальности, поскольку конфуцианская традиция не любит демонстрацию богатства и не поощряет тягу к материальным благам, хотя классической «аморалки» я в корейской политической борьбе пока не встречал, - визит высокого чиновника в увеселительное заведение не воспринимается как повод для компромата.

Значительно более сильно **обвинение в непатриотизме**. Так, перед выборами 1997 г. возымело значительный эффект «вскрывшееся дело» о том, что около десяти лет назад жена Ли Хве Чхана подкупила членов медкомиссии, чтобы они освободили ее детей от военной службы. Сумма взятки предположительно составила 20 млн. вон⁴⁹.

ДПНТ использует и **«более современные варианты» очернения**, упрекая, например, одного из членов «Ханнара», ранее работавшего журналистом в США, в двойном гражданстве⁵⁰. Это тоже непатриотично.

Обвинения политических лидеров сопровождаются **обвинениями второго порядка**, когда одна сторона обвиняет другую в препятствовании проведению объективного расследования. Так, например, в разгар скандала вокруг детей Ли Хве Чжана ДПНТ потребовала отставки депутата от партии «Ханнара», председателя парламентского комитета по законодательству и судебным делам, указав на факт посещения им и еще десятью представителями этого комитета генеральной прокуратуры для того, чтобы надавить на следствие.

Как типичный пример работы нескольких техник интриги можно рассмотреть отклонение Национальной Ассамблеей кандидатуры госпожи Чхан Сан, которую Ким Дэ Чжун пытался протолкнуть на пост премьер-министра. Выдвижение женщины на столь высокий пост содержало в себе определенную долю провокации, но отказ поддержать ее кандидатуру выглядел бы как проявление сексизма и нежелание идти в ногу со временем.

Однако обвинения против госпожи Чхан были выдвинуты совсем с другой стороны. Во-первых, ее обвинили в спекуляциях недвижимостью и подделке своих дипломов о высшем образовании, во-вторых, выяснилось, что ее родившийся в США сын имеет американское гражданство. Таким образом, оппозиция упрекнула ее в непатриотичности и перевела конфликт в привычное русло скандала, связанного с коррупцией, роскошью и т. п. В итоге против Чхан Сан голосовала не только оппозиция, но и некоторое число депутатов от ДПНТ.

Интересно и то, **как обвиняемые парируют вылитый на них компромат**. Есть два основных способа: или объявлять все провокацией, или

⁴⁹ Korea Herald, 09.08.2002.

⁵⁰ Korea Herald, 17.07.1998.

пытаться перевести стрелки и, не отвечая на чужое обвинение, выдвинуть свое встречное по принципу «сам дурак». В первом случае контратака сопровождается заявлениями о том, что материалы сфабрикованы, свидетели являются криминальными фигурами, которых за сотрудничество с властями обещали не трогать, а признания обвиняемых были сделаны под пытками. Учитывая предшествующую практику тоталитарного режима, и то, до какой степени были шиты белыми нитками дела многих оппозиционеров, такой вариант воспринимается массами как вполне достоверный.

Иногда такие разговоры носят характер предварительной защиты. Например, при входе во власть нового президента окружение старого часто начинает обвинять новую власть в сведении счетов с политическими противниками, тем самым пытаясь защитить себя от «чистки кадров», сопутствующей «рекрутскому набору чиновников», который проводит новый клан. Поскольку такая чистка обычно оформляется как борьба с коррумпированными или некомпетентными чиновниками, выглядеть жертвой политических репрессий гораздо удобнее и престижнее.

Тактические приемы, формы и методы политической борьбы

Разобравшись с набором обвинений и типовыми реакциями на них, перейдем к наиболее частым приемам борьбы - того, что в китайской классической литературе фигурирует под названием «стратагемы».

Например, в традиционном дальневосточном обществе такой прием политической борьбы, как **разворачивание скандалов вокруг членов семьи противника или его подчиненных** имеет заметно более высокую результативность, ибо считается, что глава клана несет за действия своих подопечных, по крайней мере, моральную ответственность. Как может оказывать благотворное влияние на государство тот, кто не сумел воспитать собственного сына?

В связи с этим интересна сделанная по поводу скандала вокруг близких родственников Ким Дэ Чжуна ремарка председателя ДПНТ Хан Хва Гапа: «Администрация президента должна нести ответственность за то, что не сумела предотвратить вовлечение членов семьи президента в коррупционные скандалы». Для сравнения, в европейской политической культуре, где дети достаточно рано отрываются от отцов, разрушающее действие этого приема проявляется только тогда, когда отец сознательно действует через детей.

Можно обратить внимание и на такой, в разное время использованный почти каждым известным политическим деятелем РК политический ход, как **уход в отставку** со всех постов с демонстрацией желания оставить большую политику и более к ней не возвращаться. Часто он используется для взятия тайм-аута, по истечении которого политический деятель возвращается обратно, заявляя, что нынешняя политическая ситуация вынуждает его к этому. Такое возвращение вполне соответствует конфуцианскому штампу преданного чиновника, занимающегося политикой во имя благосостояния страны, а не для достижения личной власти.

Так, дважды проиграв выборы в 1997 и 2002 гг., Ли Хве Чхан объявил, что считает себя недостойным политической деятельности и потому уходит. В своем заявлении Ли не скрывал слез и сказал, что он твердо верил в свою миссию установить в стране власть закона и человеческого достоинства, но снова не смог это сделать «из-за недостатка добродетельности».

Разновидностью этого же приема является «тактика демонстративного хлопания дверью», - вплоть до ухода той или иной фракции с заседания Национальной Ассамблеи.

Г. Б. Булычев отмечает также **насильственные методы** ведения политической борьбы, которые распространяются не только на студенческие демонстрации, но и на действия внутри парламента. Это как собственно потасовки между членами разных фракций, так и бойкот заседания оппозицией, обструкция выступления кандидата от партии противника или иные методы недопущения депутатов «вражеской» партии к работе парламента либо изоляция руководства парламента для срыва его заседания. При этом такие методы используются особенно часто тогда, когда оппозиция оказывается в заведомом меньшинстве. В этих условиях правящая партия, несмотря на формальное большинство, вынуждена искать компромисс⁵¹.

Так действовала оппозиция при Ли Сын Мане, а во время Второй Республики ставшая оппозицией Либеральная партия использовала те же методы, устраивая многочасовую обструкцию или бойкотируя Национальную Ассамблею во время принятия ключевого законопроекта. В период правления Пак Чжон Хи бойкоты случались в 1965 (тогда на заседании Национальной Ассамблеи даже произошла групповая драка), 1967, и 1969 – 1970 гг. Из событий более позднего времени можно вспомнить 14 июля 1990 г., когда 79 парламентариев от оппозиции подали в отставку в знак протеста и начали собирать подписи за перевыборы в Национальную Ассамблею, или ситуацию середины 2002 г., когда острое противоборство двух группировок почти парализовало работу парламента.

Впрочем, такие насильственные методы можно расценить как продолжение фракционной борьбы, исключаящей возможность компромисса. Отсутствие логики в политике и то, что корейская оппозиция, как правило, всегда против любого правительственного проекта, отмечалось не раз⁵². Даже в середине 1980-х гг. любая идея диалога с властями трактовалась оппозицией как соглашательство⁵³.

Другой вариант привлечения к себе внимания в критической ситуации можно условно назвать «**членовредительством**». Хотя в Корее не было традиции кодифицированного способа сведения счетов с жизнью, идея самоубийства ради сохранения чести или в знак протеста присутствовала.

Такая практика была, например, очень сильно распространена среди студенческих радикалов, «любимым» способом самоубийства среди которых

⁵¹ Булычев Г. Б. С. 76.

⁵² Breen M. The Koreans... С. 192.

⁵³ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 119.

было облиться бензином, поджечь себя и выпрыгнуть из окна на стоящую внизу полицию⁵⁴. Последствия такого броска автор видел лично.

Делал попытку покончить с собой и Квон Ён Хэ, заключенный в тюрьму в 1998 г. за упомянутую выше провокацию против Ким Дэ Чжуна в его бытность кандидатом в президенты, но я хотел бы обратить внимание на серию самоубийств уже Ро Му Хене. Вспомним смерти Нам Сон Гука, который в предсмертном послании фактически обвинил в своей смерти Ро, опозорившего его честное имя, руководителя «Хёндэ» Чон Мон Хуна, мэра Пусана Ан Сан Ёна и др. Все они стали катализатором, ускорившим принятие парламентом решения об импичменте Ро Му Хёну при почти полном отсутствии голосов «против»⁵⁵.

Достаточно часто встречается и отрезание пальца или его фаланги, знакомое нам по истории Ан Чжун Гына: в 1987 г. европейские журналисты были шокированы, когда кто-то из сторонников Ким Дэ Чжуна. прилюдно отрубил себе фалангу пальца на руке и написал имя своего кандидата в президенты на своей куртке собственной кровью⁵⁶.

В качестве более мягкого способа привлечения к себе внимания и формирования образа борцов с оппозицией политические деятели Кореи достаточно часто прибегают к голодовке. Двухнедельная голодовка Ким Дэ Чжуна в 1990 г. для того, чтобы привлечь внимание к реформе, широко освещалась в СМИ. В 1965 г. в знак протеста против установления дипломатических отношений с Японией голодал экс-президент Юн По Сон. К голодовке прибегали и Ким Ён Сам, голодавший 23 дня в начале 1980-х гг., выступая против режима Чон Ду Хвана, и сам Чон Ду Хван, неудачно пытавшийся голодать в тюрьме после своего ареста.

Вообще, публичные **оскорбления** вызывают у общественного мнения и средств массовой информации гораздо больший резонанс, чем в России. Одним из примеров этого было резкое высказывание депутата «Ханнара» Ким Хон Сина, который обвинил Ким Дэ Чжуна во лжи в сочетании с достаточно грубой шуткой. Это вызвало бурю в Национальной Ассамблее. Правящая партия потребовала, чтобы Ким Хон Син ушел в отставку с поста депутата Ассамблеи и обратилась к руководству его партии с просьбой исключить его из своих рядов⁵⁷.

Требование личного извинения, заметим, тоже характерно, причем не обязательно от корейского политика. Например, члены проходящих антиамериканских демонстраций в связи с гибелью двух детей во время военных маневров требовали, чтобы свои извинения корейскому народу принес лично Джордж Буш. Учитывая конфуцианскую политическую культуру, в которой практика публичного признания своих ошибок означает крайнюю степень виновности, и ее стараются избегать, заставить

⁵⁴ Breen M. The Koreans... С. 46.

⁵⁵ Объективности ради следует отметить, что попытки самосожжения среди сторонников Ро Му Хёна тоже имели место – в знак протеста против объявления импичмента.

⁵⁶ Breen M. The Koreans... С. 15.

⁵⁷ Korea Herald, 29.05.1998.

противника извиниться – куда более серьезная мина под него, чем в традиции европейской. К тому же такие публичные извинения оформляются как покаяние или признание своей некомпетентности, что очень сильно разрушает харизму человека как лидера.

Характерен для корейской политической культуры и такой прием, как **ведение переговоров с заранее известным отрицательным результатом** или предложение чего-то внешне заманчивого, но абсолютно неприемлемого. В этом случае переговорный процесс не столько в действительности ведется, сколько демонстрируется. Обе стороны повышают на этом свой внутренний и внешний рейтинг, как бы подкрепляя результат своих действий договоренностями по второстепенным направлениям (которые, однако, создают хороший информационный повод для привлечения внимания к процессу диалога). При этом каждая сторона имеет в своем распоряжении набор тем, затрагивание которых неминуемо сводит конечный результат переговоров на нет.

Один из организаторов предвыборной кампании Ким Дэ Чжуна рассказывал М. Брину о том, как они использовали в своих целях практику раздачи избирателям «подарков от кандидата»: представители его штаба ходили по домам, выдавая себя за представителей правящей партии, были повышенно назойливы и раздавали достаточно дешевые сувениры. Затем другие люди приходили туда же уже как представители Ким Дэ Чжуна, отличаясь лучшими манерами и вручая более дорогие подарки⁵⁸.

Зато политик, прибегающий к клоунаде, для Кореи не характерен. Это связано, во-первых, с тем, что корейский политик должен быть образцом во всем, и потому феномен отрицательного обаяния, которым пользуется политик-клоун, в Корее не работает. Во-вторых, в Корее политический деятель должен следовать определенным моделям поведения, которые практически исключают шутки, неформальное общение и т. п.

Редко встречается в Корее и тактика, когда политик старательно педалирует репрессии, которым он подвергался, пытаясь играть на сочувствии к нему людей как к человеку, обиженному властями. Репутацию гонимого эксплуатировал только Ли Сын Ман, личный биограф которого Роберт Оливер пафосно писал о том, что «мало кто из деятелей международной политики подвергался испытаниям более долгим и более тяжким»⁵⁹. А в последнее время - и Ро Му Хён, спекулировавший своим импичментом. Диссидентские биографии Ким Дэ Чжуна и Ким Ён Сама были ориентированы скорее на внешний мир, и они оба не пытались дополнительно идти по пути сознательных провокаций.

На выборах 1997 г. в борьбе за голоса избирателей начали проявляться **новые тенденции**, более характерные для Америки, чем для РК⁶⁰. Они выражались в отказе от массовых митингов в пользу уличных встреч с небольшими группами избирателей, неформализацией общения, и прочими

⁵⁸ Breen M. The Koreans... С. 272.

⁵⁹ Breen M. The Koreans... С. 199.

⁶⁰ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 173.

элементами политической культуры Запада. Это минимизировало расходы и создавало иллюзию более тесного общения. Кроме того, на протяжении всей избирательной кампании претенденты активно участвовали в теледебатах.

К новым методам политической борьбы относится и публикация мемуаров. Для традиционной политической системы, конечно, было характерно то, что ушедший в отставку чиновник пишет трактаты о том, как надлежит управлять страной, но тексты, которые, являлись самооправданием в сочетании с поливанием компроматом своих политических противников, ранее не встречались. Наиболее ярким примером последних были мемуары Ким Ён Сама, вызвавшие у властей такую острую реакцию, что они даже собирались их запретить.

Еще один признак нового времени - обвинения в мошенничестве с помощью компьютерных технологий, используемых при подсчете голосов. Ким Дэ Чжун обвинял в этом Ро Тхэ У, указывая на то, что тот как президент страны мог использовать свое влияние.

Действительно, если главным оружием оппозиции служит критика, правящая партия всегда может рассчитывать на **административный ресурс**, который при Ли Сын Мане вообще был ее главным оружием: вмешательство в выборный процесс со стороны полиции и правительственных чиновников (официально запрещенные законом), шантаж, угрозы, физическое насилие, покупка голосов, взятки и коррупция⁶¹.

В более позднее время прямое давление встречалось реже. Так, при Пак Чжон Хи с технической точки зрения выборы 1963 г. были свободными. Столь характерных для периода Ли Сын Мана государственного вмешательства, подделки бюллетеней или силового давления не было. Их заменили хорошая организация и умелое планирование, которые и обеспечили победу Паку и его партии⁶². Незначительные нарушения законодательства были, были признаны, и оппозиция даже объявляла Ассамблее бойкот, однако это не оказало серьезного влияния на ход событий.

Не очень большой процентный разрыв в числе голосов, полученных кандидатами, тоже говорит о том, что авторитарный режим не стремился активно вмешиваться в избирательный процесс. Голосование «северокорейского типа» с монолитным волеизъявлением избирателей встречалось на Юге разве что в «юсинский» период правления Пак Чжон Хи, но тогда это были не прямые выборы с назначенцами в качестве выборщиков. К этому же времени относится и последняя явная попытка грубо давить, имевшая место в мае 1979 г. - Ким Ён Сама пытались лишить полномочий президента партии решением суда, а за три недели до смерти Пак Чжон Хи правящий блок лишил Кима депутатского мандата, при этом депутаты от НДП на сессию допущены не были.

Определенным использованием административного ресурса можно считать изменения в законе о выборах, предпринятые в правление Ро Му

⁶¹ Korean Politics in Transition.

⁶² Henderson. С. 188.

Хена. Кандидаты, баллотирующиеся в Национальную Ассамблею, не смогут организовывать предвыборные митинги. На период избирательной кампании будут закрыты местные отделения политических партий, и более 50 % кандидатов от политических партий, которые хотят баллотироваться в парламент на пропорциональной системе, должны составить женщины.

Изменение роли ТПК в современной КНДР

Новый статус Комитета Оборона поставил его не только над формальными структурами законодательной и исполнительной власти, но и над партийным аппаратом. При этом очень трудно избавиться от ощущения, что партия была устранена от принятия решений, которые определили ее сегодняшнее положение.

За 50 лет безраздельного правления ТПК во многом превратилась в несменяемую касту, статус и состав которой определялся решениями покойного вождя. Ким Ир Сен нередко лично назначал даже секретарей парткомов заводов и кооперативов, не говоря уже о кандидатах на более высокие партийные должности.

Отчасти из-за этого партийный аппарат подвергся не меньшему перерождению, чем государственные, что негативно отразилось на эффективности системы управления и трудовой дисциплине и стало одной из причин ослабления существовавшей системы вертикальных связей, так как помощь вышестоящих организаций нижестоящим, подтягивание отстающих звеньев и т. п. в основном строились на партийной инфраструктуре.

В результате в условиях *сонгун* роль авангарда перешла от ТПК к армии. В информационном сообщении, посвященном утверждению Ким Чен Ира Председателем КО, говорится о «единодушном решении армии и народа», партия не упоминается как участник принятия этого решения. Только во второй половине этого документа содержится тезис о том, что избрание Ким Чен Ира стало фактором, «укрепляющим единство партии, армии и народа».

То же касается и кадровых перестановок. После сессии ВНС сентября 1998 г. большой коллектив ветеранов, участвовавших в управлении страной в течение нескольких десятилетий, оказался фактически отстраненным от власти. Члены Политбюро, секретари ЦК, заведующие отделами ЦК и другие высокопоставленные партийные функционеры в центре и на местах, сохранив номинально свои посты или получив новые почетные назначения, утратили властные рычаги.

Об ослаблении влияния партийных органов свидетельствуют и факты принципиальной важности, — все решения Сессии ВНС были проведены без предварительного одобрения Пленумом ЦК ТПК. Не была соблюдена установленная процедура и при утверждении Ким Чен Ира на высшей партийной должности в октябре 1997 г.: ЦК ТПК провозгласил, что Ким Чен Ир был «избран общепризнанным Генеральным секретарем нашей

партии», а не Центрального Комитета партии, как записано в партийном уставе.

В 2003 г. уже второй раз высшие органы государственной власти были сформированы без формального одобрения высших партийных органов, о деятельности которых в последнее время по-прежнему ничего не известно⁶³. А. Жебин в связи с этим предполагает, что главная задача партии теперь – работа с кадрами на местах и организационное/идеологическое обеспечение решений Ким Чен Ира и ГКО. Аппарат ЦК превратился в личный аппарат Ким Чен Ира, сотрудники которого занимаются согласованием интересов основных группировок партийной элиты и помогают руководству ГКО в подготовке решений⁶⁴.

Слухи о том, что Устав ТПК может подвергнуться серьезным изменениям, были достаточно активными (многие формулировки по отношению к Югу станут мягче, а функция руководства экономикой если не будет убрана совсем, то, вероятно, значительно урезана), но Ким Чен Ир дал понять, что изменений не предвидится. «Платформа партии была принята в 1945 г. и содержит достаточно воинственных выражений, уходящих корнями в период японского ига. Внести в нее изменения очень сложно, так как многие члены партийного руководства работали еще с Ким Ир Сенем, и если в программу будут внесены изменения, они будут вынуждены уйти со своих постов. Из-за этого могут сказать, что, иницируя пересмотр программы, я пытаюсь провести чистку»⁶⁵.

Тезис о направляющей и руководящей роли ТПК не исчез и вряд ли исчезнет из текста Конституции КНДР в обозримом будущем. Однако роль ТПК в гражданском обществе, скорее всего, будет видоизменена по китайскому образцу или по примеру армейских политорганов, где, в отличие от гражданского общества, статус командира выше, чем политработника, и задача замполита – воспитание личного состава в соответствии с нормами идеологии, оказание помощи в решении бытовых и социальных проблем.

Вопрос о «внутрипартийных кликах» и оппозиции Ким Чен Иру

Большинство западных авторов исследует этот вопрос с точки зрения поисков либеральной оппозиции, ставящей своей целью проведение в КНДР более демократических реформ. Таких не находят, но пытаются выдать за них ряд представителей номенклатуры, которые сначала «засветились» на ниве руководства экономикой, а затем ушли в тень или были репрессированы. К такому «либеральному крылу» относят, например, сосланного в провинцию председателя Госплана Ким Даль Хёна и (особенно) казненного по обвинению в коррупции секретаря ЦК ТПК по сельскому хозяйству Со Гван Хи⁶⁶.

⁶³ Последний Пленум ЦК ТПК состоялся еще при Ким Ир Сене в 1993 г.

⁶⁴ Жебин А. КНДР... С. 32.

⁶⁵ Breen. Kim Jong-il... С. 107.

⁶⁶ Панин А., Альтов В. С. 298.

Д. Обердорфер выставляет лидером реформистов бежавшего на Юг Хван Чжан Ёпа, считая, что разработанная им «философия красного флага» задумывалась как своего рода альтернатива *чучхэ*⁶⁷. С этим не согласен Б. Камингс, отмечающий, что, хотя бегство Хван Чжан Ёпа больно ударило по престижу режима, Хван никогда не относился к числу людей, обладавших реальной властью, а растиражированная прессой версия о том, что Хван был главным разработчиком государственной идеологии и «отцом *чучхэ*» в его традиционном виде, несколько не соответствует истине⁶⁸.

По сути дела, перед тем как ставить вопрос о существовании «реформистов», следовало бы подумать о том, есть ли основа для их возникновения.

Даже такой специалист по поискам демократической оппозиции, как М. Олбрайт, сделала в своих мемуарах вывод о том, что наличие в КНДР людей, которые «лелеют надежду на обретение свободы и только и ждут возможности выразить свое стремление к демократической форме правления» - это фантазия. Северокорейцы «настолько озабочены элементарным выживанием, что им не до сомнений в правильности устройства, которое, как им кажется, они не могут изменить»⁶⁹.

Между тем, наличие определенной оппозиции правительственному курсу признавал даже сам Великий Руководитель. В разговоре с М. Олбрайт Ким Чен Ир отметил, что «армия разделилась на две равные части, и раскол касается вопроса о том, стоит ли улучшать отношения с США». Ким Чен Ир пояснил, что хотя в его стране нет такой оппозиции, как в Америке, люди, чья точка зрения не совпадает с точкой зрения Ким Чен Ира, есть, и они даже советовали ему не встречаться с Олбрайт⁷⁰.

На мой взгляд, на Севере, как, в общем-то, и на Юге, речь идет не столько об объединении людей вокруг какой-то идеи, сколько о кликах, защищающих корпоративные интересы и не имеющих знаковых лидеров, способных быть альтернативой Великому Руководителю. Кроме того, неустанная деятельность Ким Ир Сена по искоренению фракций привела к тому, что борьба между подобными кликами протекает, в основном, под ковром, на уровне аппаратных интриг или соперничества во влиянии на вождя.

Точных источников информации по этому вопросу немного, и занимающиеся этой темой по преимуществу просто тасуют известные имена. Так, авторы книги о «закате эпохи Ким Чен Ира» пытаются говорить о борьбе между блоком военных и «престарелыми соратниками Ким Ир Сена» (Чо Мён Рок, Ким Ён Чхун, Ким Иль Чхоль) с одной стороны, и чиновниками

⁶⁷ Д. Обердорфер утверждает, что Хван давно вступил в контакт с южнокорейцами и даже пытался давать советы, как Югу вести себя по отношению к Северу, однако не все письма, которые ему приписывают, считаются подлинными.

⁶⁸ Cumings B. North... С. 188.

⁶⁹ Госпожа Госсекретарь. С. 605-606.

⁷⁰ Госпожа Госсекретарь. С. 602.

- технократами, к которым они причисляют Ким Ён Нама, который не моложе 74-летнего Чо Мён Рока, и 75-летнего Хон Сон Нама, с другой⁷¹.

Мы попробуем действовать немного по-иному и выделить вероятные «заинтересованные группы», проанализировав их «раскладку» как по «профессиональным корням», так и по отношению к нынешнему курсу с учетом того, что для образования влиятельной фракции требуются политический вес и определенные ресурсы, которые на должном уровне есть только у партийных, армейских или силовых структур. Получается следующее.

Ближний круг. Этот термин обозначает тех представителей номенклатуры, чье влияние на вождя происходит как бы в обход официальной иерархии и является не столько институциональным, сколько неформальным. Мы хорошо помним, что и в нашей стране (и не только в ней) стратегические решения нередко принимаются не на официальных заседаниях, а в неформальной обстановке.

Ближнее окружение Ким Чен Ира теоретически состоит из людей, близких ему по духу. Значит, можно допустить, что, как и он, они тоже понимают необходимость реформ, тем более что у них уже выработался вкус к европейским стандартам поведения и развлечений. Это не значит, что они поддерживают реформы из идейных соображений, но необходимость внешне соблюдать рамки старых традиций должна их тяготить, и они выступают за перемены хотя бы потому, что в «новой стране» им будет проще жить по потребностям.

Ближний круг нередко отождествляется с семейным кланом, куда входят как собственно представители «рода Мангёндэ», так и их некровные (через брак) родственники. Но принадлежность к клану не является определяющей характеристикой.

Наиболее заметным представителем этой группы в окружении Ким Чен Ира был покойный секретарь ЦК ТПК Ким Ён Сун, которого считали одним из отцов межкорейского диалога.

Партработники старой школы. Можно предполагать, что они не хотят перемен, так как изменение ситуации лишает их привычных статуса и привилегий, но следует помнить и то, что особенности корейской административной культуры, воспитывающей определенную косность, в сочетании со слабой осведомленностью о внешнем мире не дают чиновникам возможности хорошо понимать нынешнее положение дел. Так что они не столько не хотят меняться, сколько не могут понять, что надо меняться.

Именно эта прослойка стала, как кажется, основной мишенью кадровых перестановок и пострадала от нового курса, однако теоретическая возможность вернуться во власть через некоторое время у нее есть. Это случится, когда Ким Чен Иру может потребоваться для противовеса «новая гиря», чтобы компенсировать, например, чрезмерное усиление военных.

⁷¹ Панин А., Альтов В. С. 238.

Кроме того, сокращение влияния партийного аппарата еще не означает сокращение влияния партии как таковой. КНДР пока не доросла до введения во власть поколения беспартийных руководителей. Все без исключения члены КО являются членами ТПК.

Технократы (младокимченировцы-условнореформаторы). Сам факт проведения конституционной реформы есть косвенное подтверждение того, что в КНДР есть некая не известная пока группировка разработчиков нового курса, которая постепенно входит во власть. А. Жебин выделяет несколько новых групп номенклатуры из числа новоизбранных депутатов: оргработников из аппарата Ким Чен Ира, помогавших ему в повседневной работе; лиц, отвечавших за контакты с Южной Кореей и дипломатов, работающих на американском и китайском направлениях.

Представляется, что, как и ближний круг, эти аппаратчики и дипломаты также поддерживают новый курс и являются сторонниками расширения международных связей, но не из корыстных, а из прагматических соображений. По долгу службы они лучше других знают международную ситуацию и, скорее всего, понимают, что ресурс командно-административной системы выработан, а попытка законсервировать ситуацию в условиях глобализации обречена на неудачу⁷².

Выразителем точки зрения технократов во власти условно считался покойный Ён Хён Мук, однако, повторимся, попытки четко определить, кто из северокорейского руководства к какому лагерю принадлежит, в достаточной мере есть гадание на кофейной гуще. Увеличение числа депутатов, имеющих научные степени или научные звания, также воспринимается как признак усиления влияния технократов или того, что новая власть отдает предпочтение практикам. Тем не менее, судя по ограниченности реформ и отсутствию ярких представителей этой группы в высшем эшелоне власти, их сравнительные позиции все равно пока достаточно слабы.

Армия. Точнее, военные кадры. Для нанесения удара по гражданской номенклатуре Ким Чен Ир воспользовался недовольством военных в целом и военных политработников, в частности, вызванным безраздельным хозяйничаньем в армии партийной бюрократии и ее привычкой использовать армию как универсальную затычку для хозяйственных дыр.

Хотя, в отличие от партаппарата, где почти все функционеры были возвышены Ким Ир Сеном, генералы получили свои генеральские погоны и новые назначения из рук Ким Чен Ира, их военная доктрина и стратегическое отношение к миру сформировались давно. Они привыкли жить в обстановке осажденной крепости, и ослабление конфронтации, возможно, воспринимается ими как пораженческие настроения.

Серия армейских реформ, проведенная Пхеньяном (сокращение числа армии и попытка вывода за ее штат «стройбатов», уменьшение сроков

⁷² Cumings B. North... С. 167.

службы и т. п.)⁷³, и последние перестановки в КО говорят о том, что влияние генералитета сокращается.. Представительство военных в последнем составе ВНС тоже значительно уменьшилось.

Насколько армия является политической силой и насколько возможен военный переворот? Повышение благосостояния армии, возможно, связано с тем, что Ким Чен Ир видит в ней угрозу власти⁷⁴, но вероятность переворота кажется автору малореалистичной. Традиционно армия не лезла в политику, тем более в коммунистической системе.

Известно и то, что в аппарате и в армии периодически проводятся чистки **прокитайских элементов**⁷⁵. Дело в том, что на Китай были традиционно ориентированы военные кадры, с Китаем ведут бизнес представители прилегающих к нему регионов, да и китайский путь, наверняка, кажется многим достаточно соблазнительным.

К тому же Китай действительно является единственной страной, обладающей должным влиянием и, возможно, политической волей для того, чтобы осуществить смену режима в КНДР. Добавим к этому, что в китайском руководстве, особенно в среде его более молодых представителей, недовольство нежеланием идти в их кильватере Ким Чен Иром достаточно велико, и поймем обоснованность его опасений.

Очень важно проанализировать позицию клики, возникающей на базе **силовых структур**, так как корпоративные интересы органов государственной безопасности кардинально противоположны процессу реформ: любая демократизация означает сокращение полномочий ГБ и удар по их привилегиям. А с внешнеполитической точки зрения им гораздо выгоднее ситуация жесткого противостояния и огненного кольца, при которой их власть не падает, а растет.

Вопрос в том, **насколько острым является противостояние между кликами сейчас**, очень сложный и единой точки зрения по нему нет. Ряд ученых считает, что оно не вышло за рамки аппаратных интриг и борьбы за доступ к телу вождя и влияние на него, в то время как другие полагают, что фракционная борьба в руководстве КНДР уже переросла рамки «чистой интриги» и ведется куда более жестко. И если Ким Ир Сен в последние годы своего правления не вступал в схватку с группировками, нацеленными на отстранение его от власти, и поэтому не прибегал к физическому уничтожению их представителей, Ким Чен Ир, возможно, сталкивается с большим уровнем угрозы.

Может возникнуть вопрос, насколько сегодня вероятно покушение на самого Ким Чен Ира. Это кажется мне крайне маловероятным как потому, что «особа государя священна», так и потому, что ни один из представителей клик/фракций не обладает должной легитимностью, чтобы, сменив его, удержаться у власти. Именно потому Б. Камингс воспринимает поездки Ким Чен Ира в Россию или КНР как признак того, что глава государства может на

⁷³ По сообщению А. Мансурова.

⁷⁴ Госпожа Госсекретарь. С. 604-605.

⁷⁵ Мансуров А. С. 20.

долгое время покинуть страну, не опасаясь того, что в его отсутствие там что-то может случиться⁷⁶.

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что структура политических партий Республики Корея сохранила много общего со структурой феодальных группировок, построенных на системе региональных связей патрон-клиент и сформированных не вокруг идеологии, а вокруг партийного лидера. Можно согласиться с мнением американского исследователя Дж. Кана. Характеризуя особенности политической жизни в РК, он указывает, что «цели политических сторон не особенно важны, зато персональные особенности политических лидеров – это все»⁷⁷. Заявления в духе «Высший государственный служащий в моем лице станет менеджером компании под названием «Корея» (цитата из выступления Ли Ин Чжэ), отражающие «менеджерский» подход к власти, встречаются редко, и даже в описанном случае были сказаны для красного словца⁷⁸.

Основным элементом политического движения является не противостояние идейных платформ и линий различных партий, а соперничество и конкуренция их лидеров в борьбе за власть как влияние в политической жизни общества. Другие характерные явления - отсутствие подлинной демократии во внутрипартийной деятельности, а также высокая подвижность политических сил, их постоянные переходы из одной партии в другую.

Политика воспринимается как игра, направленная, в первую очередь, на захват власти, а не на благополучие всей страны, и потому в предвыборной гонке основное место занимает не соперничество предлагаемых предвыборных программ, а создание выгодной коалиции, где принципиальность приносится в жертву моменту, или деятельность, направленная против прочих кандидатов. Компромат, использование административного ресурса, воздействие на эмоции вместо логики - характерные приемы этой борьбы, не сильно изменившиеся со времени образования Республики Корея.

Влияние позитивных аспектов глобализации, демонстрирующих корейцам альтернативные и более демократичные варианты сражения за президентское кресло, сказывается, но новые веяния еще не перебороли традицию. Хотя народ устал от традиционных методов политической борьбы наподобие компромата или громких обвинений в коррупции и стремится к более цивилизованным ее способам, не стоит строить иллюзий.

Если на Юге тенденции создания «внутренней партии» не получили должного развития даже при Пак Чжон Хи, приложившем к этому максимум

⁷⁶ Cumings B. North... С. 188.

⁷⁷ Кан Джордж. Неформальное эссе о корейской культуре. Внутри и снаружи. // Интернет-публикация по адресу http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ad.shtml.

⁷⁸ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 326.

сил, то на Севере стараниями Ким Ир Сена, уничтожившего фракционность, ТПК превратилась в полноценную «внутреннюю партию»: чучхейские рассуждения о партии и вожде скорее напоминают рассуждения о *ване* и чиновниках, задача которых - претворять в жизнь руководящие указания начальства.

И на Севере, и на Юге мы наблюдаем складывание партии не столько вокруг идеологии, сколько вокруг ее вождя, и именно потому следующие главы нашей работы будут посвящены идеологической составляющей корейских режимов.

Глава пятая. Государственная идеология. Эволюция и основные элементы. Антикоммунизм и модернизация

Чхорын - Куннёк («Наша сила – в нашей стали»).

Пак Чжон Хи

Понятно, что носителем основной идеи в авторитарном государстве, как правило, является его глава. Поскольку в РК партия группируется не вокруг идеологии, а вокруг лидера, идеологическое наполнение не играет решающей роли в определении лица партии: до недавнего времени антикоммунизм, национализм и консерватизм в РК были характерны и для правящей партии, и для оппозиции. Однако это не отменяет наличия государственной идеологии, которая оправдывает нынешнее положение вещей, в том числе – политическую власть; определяет этические принципы управления страной; обеспечивает гармонию и единство государства и народа; выполняет образовательную и индоктринирующую функцию.

Основные элементы государственной идеологии РК и КНДР «от режима к режиму»

Каждый руководитель РК стремился выделить свой набор коренных установок государственной идеологии, и потому нам стоит кратко рассмотреть ее эволюцию как бы «порежимно».

У **Ли Сын Мана** такими установками были антикоммунизм, силовая формула объединения Кореи («превентивная атака» для предотвращения неминуемой агрессии), антияпонизм, проамериканизм и «демократия», причем обсуждаемым был только последний пункт. В целом режим Ли Сын Мана даже **Ян Сын Чхоль** называет консервативным и отмечает, что, учитывая последствия Корейской войны и колониального периода, негативные чувства по отношению к Северной Корее и Японии вполне можно понять.

Вторая республика сделала своим главным лозунгом демократию, однако **Ян Сын Чхоль** отмечает, что сутью режима была не столько демократия, сколько демократизм, направленный на ликвидацию основных установок предшествующей генеральной линии и в определенном смысле извращающий суть понятия «демократия».

Если режим Ли Сын Мана **Ян** и другие авторы называли политическим консерватизмом, то режим **Пак Чжон Хи** можно назвать прагматическим консерватизмом, при котором модернизация в экономике осуществляется при сохранении авторитарного политического строя. Шесть основных идеологических установок, объявленных Пак Чжон Хи в начале его правления, включали антикоммунизм, внешнюю политику, ориентированную на Запад, США и ООН, объединение страны через силу (обретение государством мощи), уничтожение коррупции в правительстве и прочих

социальных зол, создание «свежей морали» и установление экономики, способной самой себя поддерживать.

Антикоммунизм и силовая формула объединения снова не подлежали обсуждению, но отношение к США стало более взвешенным, а Япония из врага превратилась в союзника. Кроме того, добавился новый и очень важный лозунг – «модернизация». Хотя экономическое планирование и система общественных работ появились еще при Второй Республике, именно Пак сделал это основным направлением и экономики, и идеологии. Лозунги модернизации родины, национальной реконструкции, экономического роста, национальной мобилизации были заметным новым элементом в корейской политической культуре того времени.

Особенно следует отметить превалирование национализма над антикоммунизмом, сложившееся во второй половине его правления. Разработке государственной идеологии Пак уделял особое внимание и в 1960-х гг. организовал целую серию научных конференций, круглых столов, посвященных вопросам модернизации и идеологической платформе режима. В дальнейшем эти идеологические изыскания переросли в создание концепции национального субъективизма как синтеза «заимствованных политических институтов и элементов традиционной культуры».

Режим **Чон Ду Хвана** Ян именует прогрессивным консерватизмом, подразумевая под этим, что режим более адекватно реагировал на изменение ситуации и провел определенную либерализацию (хотя в конце своего правления пытался неудачно «отыграть назад»). Антикоммунизм по-прежнему сохранялся в качестве государственной идеологии, но при этом полный антагонизм и неприятие оппонента уступили место более взвешенной политике. Формула объединения стала более реалистичной.

Идеологическая программа его правящей партии ДПС была окрашена в псевдолиберальные тона, составлена с учетом заимствованных концепций западной политологии и выдвигала пять главных программных целей: необходимость установления корейизированной демократии, благосостояние, справедливость, национализм и объединение¹.

Правительство **Ро Тхэ У** начало первые эксперименты в области либерализма. Хотя процесс передачи власти шел не от партии к партии, а внутри одной партии, для корейской политической традиции это был шаг вперед. Кроме того, в условиях изменившегося миропорядка многие элементы южнокорейской политической идеологии снова стали открытыми для обсуждения. Особенно это касалось антикоммунизма. С другой стороны, оборонительная стратегия борьбы с коммунизмом и предотвращения коммунистического влияния превратилась в наступательную стратегию «распространения идей свободы на посткоммунистическом пространстве». Претерпела изменение и формула объединения, которая стала менее силовой, а отношение к США или Японии сделалось более рационалистичным и прагматичным.

¹ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 164.

Режим **Ким Ён Сама** окончательно преодолел кризис легитимности, но уровень развития демократии оставался низким. Ким Ён Сам добился власти не как лидер оппозиции, получивший ее в результате выборов, а как оппозиционный деятель, перешедший в правительственный лагерь и победивший, - по сути, как кандидат правительства. Передача власти произошла демократическим путем, но еще внутри правящей партии: уходящий на покой политический лидер назначил себе преемника, но, в отличие от предыдущего случая передачи власти от Чон Ду Хвана к Ро Тхэ У, этим преемником стал экс-оппозиционер.

Общество продолжало движение от военного к гражданскому, и режим пытался закрепить этот процесс как концепцией «новой Кореи» и излечения от «корейской болезни», так и идеями глобализации, представляющими собой, по сути, новый вариант ориентации на США.

Режим **Ким Дэ Чжуна** был действительно первым случаем, когда лидер оппозиции действительно пришел к власти «сам по себе». В идеологический пакет окончательно вошли идеи глобализации и либерализации, подхлестнутые необходимостью выполнять требования МВФ и стремительно меняющимся миропорядком. Основными принципами идеологии правящей ДПНТ были построение передового государства, соответствующего мировым стандартам демократии, рыночной экономики и благосостояния, умеренный реформизм, глобализм и интеграция. Избрание **Ро Му Хёна** окончательно подчеркнуло закрепление этих новых идей, поскольку парламентская борьба уже не выглядела как отлаженная система передачи власти заранее подготовленному преемнику.

Что же до основных идеологических постулатов **КНДР**, то здесь проще последовать методу Ян Сын Чхоля, который старался отделить элементы северокорейской системы, которые роднили ее с остальными коммунистическими режимами, от элементов, эндемичных для Северной Кореи.

К общим элементам Ян относил использование в качестве фундамента марксистско-ленинской идеологии, социалистические правила поведения как комплекс прав и обязанностей граждан, социалистическую систему экономики как отсутствие частной собственности, лозунг диктатуры пролетариата, направляющую роль партии, принцип демократического централизма как подчинение меньшинства большинству и нижестоящих органов вышестоящим и пролетарский интернационализм.

Особыми элементами считались идеи *чучхэ* как самостоятельная идеология, передача власти от отца к сыну, небольшая площадь страны, позволяющая более эффективно контролировать территорию, но создающая некоторые проблемы из-за недостатка ресурсов, и ее мононациональный состав, возможность учиться на ошибках соседей и заимствовать их удачные нововведения, синдром «огненного кольца», провоцирующий как соответствующую ментальность, так и комплекс мер по укреплению авторитарной структуры управления; карточная система, которую он

понимает как систему государственного распределения и номенклатурных привилегий, где доступ к информации - тоже привилегия, и культ личности, превосходящий по масштабам другие аналогичные образцы.

Конечно, с Ян Сын Чхолем можно спорить, так как, например, диктатуру пролетариата в КНДР практически сразу сменила диктатура партии, которая рассматривалась как союз четырех равноправных социальных слоев: собственно пролетариата, роль которого не выпячивалась, как у нас, крестьянства, армии и интеллигенции. Рациональное зерно здесь заключается в том, что внутри северокорейской идеологии можно выделить такие блоки, как ортодоксальный марксизм-ленинизм, достаточно быстро утративший господствующее положение, национализм, стремление к самостоятельности, нашедшее свое воплощение в идеях *чучхэ*, и тот комплекс представлений о мире, который можно условно назвать «партизанским сознанием».

Поскольку идеологический блок состоит из нескольких важных структурных компонентов, каждому из них мы посвятим отдельную главу. Ниже рассмотрим элементы идеологии, связанные со «сверхдержавой - сюзереном» каждого из корейских государств (антикоммунизм на Юге и, отчасти, марксистско-ленинский фундамент на Севере), которые как бы подчеркивали противостояние «двух миров», а также связанное с этим понятие модернизации как декларированного стремления равняться на мировые образцы. В следующей главе будет рассмотрен «дух опоры на собственные силы» и поиски национального пути, вершиной которых является комплекс идей, связанных с понятием «чучхэ» (и «чучхэсон») как концепции национального самосознания, и национализм как его закономерное преломление. И отдельную главу мы посвятим идеям демократии и ее восприятию на корейской почве.

Антикоммунизм

При Ли Сын Мане именно антикоммунизм был основным элементом идеологии. При этом термин «прокоммунистический» использовался настолько широко, что как бы стер разницу между коммунистами и политической оппозицией. Представители любой оппозиции режиму рассматривались как враги государства и агенты влияния КНДР.

В первые годы правления Пак Чжон Хи антикоммунизм также играл в идеологии доминирующую роль. Это было важно и для подавления распространившихся в годы Второй Республики левацких настроений, и для того, чтобы лишний раз показать Америке, что с увлечениями юности Пак покончил навсегда. Знак равенства между коммунизмом (под которым понимали просеверокорейскую активность) и принципиальной оппозицией существующему режиму по-прежнему ставился.

Главная особенность антикоммунизма заключалась в том, что он позволял четко отделить Юг от Севера. Стена и иные мощные оборонительные сооружения на демаркационной линии подчеркивают эту

границу, что было очень хорошо видно в начале 1990-х гг., когда я был с экскурсией в Пханмунджоме. Панорама «корейской стены» и разоблачение коварных планов врагов, копающих под нее тоннели, подчеркивает образ Южной Кореи как страны-крепости и передового плацдарма демократии, переднего края борьбы с империей зла.

Впрочем, роль РК как регионального гегемона антикоммунистической борьбы проявлялась не только в этом. 15 мая 1962 г. в тесной связи с ЦРУ Южной Кореи в Сеуле был создан Азиатский антикоммунистический центр свободы как своего рода ответ на открытие в 1960 г. в Москве Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Правда, в задачи Центра входили не только разработка антикоммунистических теорий или обучение кадров, но и подготовка диверсионных групп².

15 июня 1964 г. Пак Чжон Хи основал Антикоммунистическую лигу народов Азии, членами которой были также Южный Вьетнам, Тайвань, Таиланд и Филиппины. И хотя Лига была скорее формальным блоком, для режима РК было очень важно ощущать себя застрельщиком в борьбе с коммунистической опасностью в регионе. Как «второй фронт» борьбы с коммунизмом позиционировалось и участие корейцев в войне во Вьетнаме на стороне Америки.

К этому же времени относится проведение специальных «антишпионских кампаний», в ходе которых все население мобилизовалось на поиски коммунистических агентов³. Хотя обстановка для шпиономании действительно была весьма благоприятной и в чем-то оправданной, такие мероприятия представляются мне безусловным заимствованием из КНДР.

Вообще, следует отметить, что антикоммунизм в южнокорейской трактовке - не столько антикоммунизм вообще, сколько «антикимирсенизм». Цитадель коммунизма - Советский Союз не был основной мишенью пропаганды. Он выступал только как спонсор и союзник КНДР. Единственным объектом идеологического противостояния, в котором Советский Союз выступал в роли непосредственного злодея, до сих пор остается история со сбитым в сентябре 1983 г. южнокорейским самолетом.

Реже используется тема исторически сложившейся агрессивности России по отношению к Корее, хорошо описанная и раскритикованная в ряде работ Т. М. Симбирцевой⁴. В основном она касается истории, где в качестве примеров фигурируют агрессия России на Амуре и «усмирение» ее (т.н. *насон чонболь*) корейскими отрядами в 1654 и 1658 гг.; начало русской агрессии в ходе экспедиции адмирала Путятина в 1854 г.; «огромные права», которые якобы предоставлял России в Корее договор 1884 г.; «тайные договоры» 1885 и 1886 гг., по которым Россия добивалась территориальных уступок от Кореи в обмен на свое покровительство, и т. д. По сути, авторы

² Oberdorfer. С. 107.

³ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 107.

⁴ В качестве лишь одного из примеров назовем ее выступление на тему «Современная южнокорейская историография – об истории российско-корейских отношений» на конференции российских корееведов в ИДВ РАН в 2001 г.

теории о русской угрозе подталкивают аудиторию к мысли о том, что японское колониальное господство было для Кореи благом, ибо, если бы не они, Корея была бы захвачена Россией⁵, и «было бы еще хуже».

Главным недостатком антикоммунистической идеологии были отсутствие позитивной направленности и то, что, отделяя Север от Юга, она сливала Южную Корею с остальным блоком антикоммунистических держав, способствуя, таким образом, активной вестернизации страны и размыванию национальной психологии и культуры. Более того, чувствуя себя как на войне, ревностные антикоммунисты с подозрением относятся к демократии, воспринимая ее как своего рода прикрытие для левых идей⁶. Поэтому с укреплением режима Пак Чжон Хи антикоммунизм отошел на второй план, уступив место национализму и выполняя только функцию идеологического обеспечения репрессивного аппарата.

Декларация РК от 7 июля 1988 г. определила Северную Корею как часть национальной общности, что потребовало пересмотра места антикоммунизма как элемента официальной идеологии, а после 1998 г. Северная Корея перестала официально рассматриваться частью страны «за пределами демаркационной линии»⁷. Сегодня антикоммунизм окончательно утратил лидирующее положение в официальной идеологии Юга даже применительно к Северу. Режим Ким Чен Ира критикуется как диктаторский, но его коммунистическая сущность уже не подчеркивается. Новое издание «Белой книги» по вопросам обороны уже не называет Северную Корею «главным врагом», распространяя этот термин только на армию и руководство КНДР, в то время как остальные граждане страны считаются соотечественниками, которые нуждаются в помощи⁸.

Более того, молодое поколение даже начинает пересматривать отношение к Корейской войне. Элементы этой тенденции видны, например, в фильме «Тхэгыкки», который демонстрировался в Москве под названием «38 параллель». Корейская война в нем показана как война гражданская. Военные преступления Севера задеты мельком, зато подчеркнуты действия контрразведки в отношении «коммунистических агентов», так что у зрителя возникает впечатление равной замаранности кровью обеих сторон.

Отметим и резкий рост разнообразных программ обмена. Молодежные группы достаточно часто ездят на Север и даже принимают участие в смешанных культурных мероприятиях. Впрочем, любая попытка визитеров этого типа принять участие в мероприятиях политических, включая участие в праздниках КНДР вроде Дня Освобождения, считается прокоммунистической активностью и подлежит наказанию согласно Закону о национальной безопасности. Типичным примером такой политики был допрос 16-ти членов южнокорейской делегации, посетившей КНДР в 2001 г.⁹

⁵ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. М., 2000, с С. 17.

⁶ Breen M. The Koreans... С. 224.

⁷ Cumings B. North... С. 153.

⁸ Сеульский вестник, № 87, август 2004 г., с. 4.

⁹ Korea Herald, 23.08.2001.

Отход от табуирования красного цвета произошел только в начале XXI в., в ходе чемпионата мира по футболу, когда цветом корейской футбольной команды стал красный, а лозунг «Станем красными!» скандировался корейскими болельщиками в течение всех матчей с ее участием.

Определенная переоценка касается и левых националистов, роль которых в национально-освободительном движении ранее старательно принижалась. 25 августа 2004 г., выступая на встрече с ветеранами борьбы за независимость Кореи, президент Ро сообщил, что: «из-за трагического конфликта между правыми и левыми у нас была тенденция скрывать одну из сторон истории освободительной борьбы»¹⁰.

Заметим, что похожая тенденция «отхода от канонической идеологии» наблюдается и в Северной Корее, где это приняло формы движения в сторону от ортодоксального коммунизма. Это хорошо видно из официальной идеологии, провозглашенной на съездах ТПК. Первые два съезда (1946 и 1949 гг.) объявляют в качестве государственной идеологии марксизм-ленинизм. Затем на двух последующих (1956 и 1961 гг.) – марксизм-ленинизм и революционные традиции корейского народа. Начиная с пятого съезда (1970 г.), северокорейские идеологи обнаружили историческую ограниченность марксизма, особенно в вопросах преемственности революционного дела вождя¹¹, и для обозначения новой идеологии вводится термин «чучхэ», который уже в середине 1970-х фактически заменил «марксизм-ленинизм».

Из Конституции 1972 г. были убраны ссылки на влияние Советского Союза или его помощь в образовании страны; закреплена особая корейская сущность построенного социализма, в том числе – то, что власть в КНДР принадлежит рабочим, крестьянам, солдатам и трудовой интеллигенции.

Окончательное вытеснение марксизма-ленинизма из идеологии произошло в 1992 г., когда из Конституции КНДР были удалены все ссылки на учение Маркса и Энгельса, равно как и упоминания о пролетарском интернационализме и диктатуре пролетариата. Не пользуются в КНДР и термином «красный» – цвет, безусловно, остается в названиях и фоне лозунгов, но надо помнить, что как торжественный цвет он характерен и для конфуцианской культуры. А лозунги, отмечающие заслуги Советской армии сохранились только возле обелисков на горе Моран, где находится кладбище советских воинов¹².

¹⁰ Ро Му Хён выступил за признание заслуг коммунистов в борьбе с японцами. // Сеульский вестник, vestnik.tripod.com, 26.08.2004.

¹¹ Булычев Г. Б. С. 126-128.

¹² Дмитриева В. Н. Лозунги и идеологическое воспитание народных масс в КНДР. // Корея в поисках мира и процветания. Доклады, представленные на VIII научной конференции корееведов. Москва, 25-26 марта 2004 г. М., 2004.

Эволюция отношения к США

В Северной Корее ненависть к Америке и ее приспешникам – одно из условий самосохранения и самоидентификации режима. Многие антиамериканские лозунги поражали политологов своей «политнекорректностью», так как тексты, которые мы переводили как «усилиями прогрессивных народов мира уничтожить американский империализм» (это - официальный северокорейский лозунг 1960-х гг.), в оригинале призывали его четвертовать или, точнее, «расчленить». США представляются главным виновником раскола страны и нынешнего положения дел, и потому некоторое снижение темпа или оголтелости антиамериканской пропаганды часто кажется серьезной подвижкой или жестом КНДР в сторону Вашингтона.

В КНДР, в деревне Синчхон, неподалеку от 38 параллели, существует целый музей преступлений американского империализма. В основном - военных преступлений, совершенных во время Корейской войны, однако часть экспозиции относится как к более раннему, так и к более позднему времени.

Что же до РК, то и там образ Америки в массовом сознании никогда не был монолитным. С одной стороны, американцев на Юге воспринимали как освободителей и спасителей, особенно - после начала Корейской войны. Откровенным проамериканцем был и Ли Сын Ман, причем его духовная зависимость от Вашингтона была еще большей, чем политическая, а в риторике наблюдалось явное превосходство эмоциональных аргументов над рациональными. Америка позиционировалась как освободитель, главный экономический донор и стратегический партнер. При этом обсуждение вопросов о том, кто же разделил Корею, и какие интересы преследует сама Америка, так активно внедряясь на Корейский полуостров, не приветствовались.

С другой - более близкое знакомство с американской культурой и весь комплекс проблем, связанных с присутствием в стране «чужой» армии, вызвали критику. Так, много внимания было обращено на охоту американцев до корейских девушек, что казалось корейцам странным и аморальным. Конечно, американцы не занимались принудительным набором в полевые публичные дома, но общий уровень «сексуальной эксплуатации» местного населения тоже был весьма высоким¹³. Кан Хён Чжу приводит рапорт американского священника Эрнесто Кастона, написанный в октябре 1964 г. и посвященный сексуальной жизни американских солдат в Корее¹⁴. Согласно ему, аморальный образ жизни вело 90 % солдат, - почти каждый военнослужащий имел местную «невесту», которую можно было проиграть в карты, обменяться ею с другом или, оставляя службу в Корее, подарить кому-нибудь из новоприбывших.

¹³ Hyeon-Dew Kang. Media Culture in Korea. Seoul, 1991, с. 40-42.

¹⁴ Hyeon-Dew Kang. С. 43.

Тем не менее, позитивное отношение к США преобладало, и здесь сыграло свою роль то, как повели себя США во время Апрельской революции 1960 г. Когда демонстранты захватили резиденцию Ли Ги Буна и разгромили ее, единственной вещью, которая не пострадала во время погрома, был большой американский флаг, который впоследствии передали оказавшемуся поблизости американцу. Также почтительно демонстранты относились к американским военнослужащим и дипломатам - пропускали их машины и давали дорогу пешеходам¹⁵. А через несколько дней после отъезда Ли Сын Мана студенты повесили цветочную гирлянду на статую МакАртура в знак признательности позиции США, без поддержки которых события вряд ли развивались бы так быстро, успешно и без большого числа жертв¹⁶.

Однако с 1961 г., когда к власти пришел Пак Чжон Хи, период упоения Америкой начал постепенно сходить на нет. На фоне возрождения национализма в качестве государственной идеологии отношение к Америке стало более взвешенным, а образ американца изменился. Стало ясно, что гражданин США тоже может быть не только богачом, солдатом или миссионером, что он может быть беден или иметь тот же комплекс проблем, которые характеризуют среднего корейца.

С другой стороны, Пак отдавал должное роли США в создании режима, нередко используя красивые пропагандистские ходы. М. Брин приводит интересную историю об американском ветеране, потерявшем зрение во время Корейской войны и написавшем в газету гневное письмо о том, что он отдал свое здоровье непонятно, за что. Это письмо попало на глаза корейцу из администрации Пак Чжон Хи, после чего ветерана пригласили в РК, где он и его семья, «работавшая его глазами», неделю путешествовали по стране, знакомясь с корейским экономическим чудом. В последний день им была устроена встреча с Пак Чжон Хи, который с каждым поздоровался за руку и, остановившись около слепого, негромко сказал, обращаясь ко всем: «Этот человек отдал свои глаза за то, чтобы наша страна была свободной». Тронутый ветеран упал на колени и зарыдал¹⁷.

И все же белый человек перестал восприниматься как нечто экзотическое только в конце 1990-х. В 1970-е - 1980-е гг. любой кореец, увидевший европейца, считал своим долгом сказать: «Хэллоу!», и слова «*мигук сарам*» (кор. «американец») в Корее обозначало европейца вообще. Даже во время моего первого приезда в Сеул в 1990 г. любой белый воспринимался в первую очередь как американец, а мужчина определенного возраста — как военнослужащий армии США. М. Брин отмечает, что очень многих европейцев шокировало такое отношение к ним, как к экзотическим животным¹⁸.

¹⁵ Мазуров В. М. С. 90.

¹⁶ Cumings B. Korea's place... С. 345.

¹⁷ Breen M The Koreans... С. 13.

¹⁸ Breen M. The Koreans... С. 14.

Открытая ненависть молодежи к Америке стала проявляться позже, после событий в Кванчжу и позиции США в отношении Чон Ду Хвана, который стремился восполнить недостаток легитимности своего режима контактами с Америкой. Сыграл свою роль и визит Чон Ду Хвана в Вашингтон в феврале 1981 г. (Чон оказался первым главой иностранного государства, посетившим Америку в президентство Рейгана), в ходе которого президент США несколько раз демонстративно выразил свою поддержку южнокорейскому лидеру¹⁹.

Стало меняться отношение к американцам, особенно – к солдатам и офицерам. Дебоши и изнасилования больше не считали неизбежной и неприятной платой за защиту от Севера. И хотя количество инцидентов, связанных с недостойным поведением американских солдат в 1980-е гг. снизилось, реакция на такое поведение стала более острой²⁰.

В результате США как бы потеряли привлекательный образ защитника свободы. Частые нападения на американские культурные центры стали одной из особенностей студенческого движения 1980-х.

В феврале 2002 г., накануне приезда Буша в общенациональной кампании протеста приняли участие десятки тысяч человек, а 18 февраля представители Корейской федерации молодежи на несколько часов захватили представительство Торгово-промышленной Палаты США²¹.

Впрочем, бинарный подход проявился и здесь, ибо, несмотря на идеологическую неприязнь к США, как раз в это время американская культура превратилась в образец для подражания. Поскандировав «Янки, убирайтесь домой!», одетые в джинсы антиамериканисты спокойно отправляются в «Макдональдс».

С укреплением Шестой республики официальная оценка корейско-американских отношений в последнее время несколько изменилась. Естественно, полностью от США никто не отказывался, но в прессе в открытую говорят о «низкопоклонстве» в отношении Америки, обсуждают опасность американской массовой культуры, которая разрушает традиционные ценности, а антиамериканские настроения сыграли немалую роль в победе Ро Му Хёна.

Рассмотрим динамику. Ян Сын Чхоль приводит данные опросов 1985 г. об отношении южнокорейцев к разным странам²². Тогда Америка оставалась страной, которую «любили» больше всего. Она же была для Кореи страной, оказавшей на РК наибольшее культурное влияние, наиболее важным экономическим партнером и страной, наиболее важной для обеспечения корейской национальной безопасности. Второе место по всем этим параметрам занимала Япония, хотя США шли со значительным отрывом, но

¹⁹ Cumings B. Korea's place... С. 384.

²⁰ Ланьков А. Антиамериканизм в Южной Корее. // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22), с. 70.

²¹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесс... С. 346.

²² Sung Chul Yang. С. 453.

именно Япония оказалась страной, которую больше всего не любят. Нелюбовь эта была даже на 2-4% выше, чем нелюбовь к КНДР.

Сегодня же большинство граждан РК, особенно молодежь в возрасте до 29 лет, ставят Америку на первое место в ряду стран «нелюбимых». Согласно опросу корейской молодежи, проведенному Советом по мирному объединению при президенте РК среди 1200 молодых корейцев, Соединенные Штаты Америки являются страной, которая больше всех препятствует объединению юга и севера Кореи. Так считают 44,7 % респондентов²³.

В 1993 году, по данным агентства Gallup Korea, только 1% южнокорейцев называли США самой большой угрозой своей безопасности. Северную Корею в качестве главного потенциального «злодея» выбрали тогда 44% респондентов, Японию – 15%, а Китай – 4 %²⁴. 10 лет спустя, в сентябре 2003г., похожий опрос Gallup Korea показал, что 42% южнокорейцев больше опасались Ким Чен Ира, чем Джорджа Буша, от которого ожидали неприятностей 38%. А 5 января 2004г. агентство Research and Research опросило 800 граждан из разных уголков Южной Кореи и выяснило, что 39% респондентов считают Соединенные Штаты главной угрозой безопасности страны. КНДР заняла второе место, набрав 33% голосов.

В связи с этим же можно вспомнить и истеричную кампанию, связанную с ДТП с участием американской бронемашины, в котором погибли две корейские школьницы. Смерть произошла во время Чемпионата мира по футболу, и некоторое время ее скрывали²⁵. Оправдательный приговор американцам наложился на распространенный через интернет слух о том, что убийство было преднамеренным.

И это – при том, что, если нужно, общественное мнение РК может стать шелковым. М. Брин приводит интересные данные о том, как в январе 2003 г. представители американских деловых кругов известили своих корейских коллег о том, что рейтинг доверия к Южной Корее вскоре будет понижен, и среди причин этого повышенного риска – рост антиамериканизма в РК в сочетании со слухами о том, что данная тенденция прямо поддерживается президентом. После этого Ро Му Хён практически мгновенно объявил о грядущем визите в США, призвал к прекращению антиамериканских протестов и провел ряд встреч с представителями американских военных и деловых кругов²⁶.

Отношение к Японии

Роль Японии в корейской идеологической парадигме сложнее, чем

²³ Международное Радио Кореи, Сайт русской редакции <http://rki.kbs.co.kr/Russian/index.asp>, 05.10.2004.

²⁴ <http://vestnik.tripod.com>, 13.01.2004.

²⁵ Breen M. The Koreans... С. 253

²⁶ Breen M. Kim Jong-il... С. 43.

может показаться. С одной стороны, Япония занимает место «главного негодяя» и источника всех последующих бед и на Севере, и на Юге. С другой - большая часть серьезных подвижек в направлении модернизации (открытие страны, реформы года *Кабо*, насаждение более современной японской структуры после аннексии и даже эпоха «культурной политики») были так или иначе связаны с японцами, создавшими в Корее государство с более жесткой централизованной структурой власти, чем то, что было о них²⁷.

В КНДР тема японского владычества постоянно присутствует и в мифологизации антияпонских партизан, и в основных произведениях официальной массовой культуры, - действие большинства революционных опер происходит «при японцах».

На Юге можно отметить любопытный дуализм. Начиная со времени правления Пак Чжон Хи, элементы японского пути развития активно инкорпорировались. Однако в самой Корее эти достаточно очевидные связи либо замалчиваются, либо с гневом отрицаются.

Можно даже говорить о политике «затирания японских следов», в результате которой в Сеуле почти не осталось зданий, построенных при японцах, в Сеульском Национальном Университете по идеологическим соображениям длительное время не было кафедры японского языка²⁸, а японское *маки* продается под названием «*кимпан*» и выдается за блюдо исконно корейской национальной кухни.

Сказать что-либо позитивное о японском влиянии на Корею в колониальные времена для корейского ученого равносильно академическому или политическому самоубийству, а обвинение в прояпонизме является в лексиконе корейских националистов вторым по значимости после обвинения в симпатиях к коммунизму и КНДР.

Можно вспомнить как протесты против посещения государственными чиновниками храма Ясукуни, так и известный скандал весны-лета 2001 г., когда японское министерство образования одобрило несколько новых учебников истории для старших классов, где японская аннексия Корейского полуострова в 1910 г. была названа «легитимной». В ответ 20 граждан РК отрезали себе мизинцы в знак протеста²⁹, РК отозвала из Токио своего посла, приостановила все дипломатические контакты с Японией и отменила намеченные ранее учения³⁰.

Однако уровень этой «ненависти» хорошо режиссируется государством. Так, после южнокорейско-японского саммита в обмен на обещание Коидзуми о безвизовом въезде корейцев в Японию Ро Му Хён обещал сбавить обороты в антияпонской пропаганде, в первую очередь – в вопросе о школьных учебниках истории или о посещении руководителями страны храма Ясукуни,

²⁷ Чон Бёнджэ.

²⁸ Сеульский вестник, № 76, с. 16.

²⁹ 20 South Korean men cut off fingers in anti-Japanese protest // Korea Times, 13.08. 2001.

³⁰ Следует отметить периодичность возвращения к этой теме – первый раз тема фальсификации истории Кореи в японских школьных учебниках появлялась в 1950-х гг., затем в конце 1970-х – начале 1980-х гг. и, наконец, в 2001 г.

и бурная кампания стихла так же быстро, как народный гнев по поводу задавленных девочек.

Прямые экономические контакты или культурные связи между Японией и Южной Кореей, по сути, отсутствовали до 1990-х: Ли Сын Ман был ярким антияпонистом, а Пак Чжон Хи, хотя и установил с Японией дипломатические связи, старался не допускать ее влияния на культуру своей страны, опасаясь «культурного закабаления» и действуя в рамках курса «чучхэсон».

Первое соглашение о культурном обмене было заключено с Японией в 1965 г., однако серьезные подвижки, в том числе создание фондов культурного обмена, начались в первой половине 1980-х. Дебаты на тему состояния корейской массовой культуры и необходимости связи с культурой Японии состоялись только в 1997 г., а на высшем уровне идеи о более позитивном подходе к этой проблеме были озвучены 26 февраля 1998 г. на встрече Ким Дэ Чжуна с японским премьер-министром Кэйдзо Обути. Собственно, ситуация стала резко меняться только после того, как на этой встрече японский премьер-министр «наконец» принёс корейскому народу официальные извинения за иго, и все претензии в отношении бывшей метрополии были сняты.

Корни такого отношения следует искать «в генетически заложенном в людях среднего и старшего поколения чувстве обиды и неприятия к Японии»³¹, которое сейчас пытаются транслировать на поколения, непосредственно не испытывавшие на себе последствия ига. В результате сейчас молодое поколение оказалось на пересечении двух тенденций. С одной стороны, находясь под влиянием японской массовой культуры, оно не испытывает ненависти к Стране восходящего солнца, с другой – идеологические штампы старого времени в ее поведении проявляются тогда, когда разговор касается «больных тем». Темы эти периодически раздуваются СМИ, дабы молодежь не забывалась.

Однако запрет стимулировал «синдром запретного плода», и японская печатная продукция составляет более 60 % иностранных книг и около 85 % иностранных журналов³². И если легально японские фильмы впервые продемонстрировали в РК только в 1996 г. на Пусанском кинофестивале, то поток относительно низкопробных контрабандных аудио- и видеокассет, хлынувший в страну из Японии в последние годы - хороший источник стабильной прибыли для контрабандистов. Кроме того, на регион вещает большое число японских каналов спутникового телевидения, не говоря уже о том, что можно почерпнуть из интернета: в стране подпольных или полуподпольных фэн-клубов японской культуры, музыки, кино.

И хотя большое количество традиционалистских организаций считает, что после того, что творили японцы в Корее в 1910-1945 гг., в период их

³¹ Суковицына О. Учебники истории. Досадный инцидент? // Доклад на первой конференции молодых корееведов. Москва, ИДВ РАН, декабрь 2001. Рукопись.

³² Hyeon-Dew Kang. С.119.

колониального ига, японской культуре не место в стране, большинство поклонников этой культуры - молодые люди в возрасте от 13 до 22 лет, для которых события того времени - лишь давняя история. Согласно опросу, проведенному в Сеульском Национальном университете, 69,5 % опрошенных высказались за открытие японской культуры, а 55 % выразили желание познакомиться с ней серьезнее и глубже³³.

Модернизация и ее понимание при военных

В работах западных политологов модернизация рассматривается как комплексное понятие, содержащее три аспекта: экономический (переход от аграрного общества к индустриальному), политический (становление автономного по отношению к государству гражданского общества) и социальный (автономность человека в обществе)³⁴. Глобализация как формирование целостной системы мира, объединенной единой экономической, социокультурной и политической системой, рассматривается как ее прямое продолжение.

В правление Пака активно применяемый режимом термин «модернизация» означал форсированное развитие общества и в экономической, и в социальной сфере. И хотя формально Пак Чжон Хи отождествлял уровень модернизации общества с уровнем демократии в нем, он делал это с учетом того, что демократия должна была быть поставлена на здоровую корейскую основу, а модернизация предполагала привнесение западной технологии и культуры при сохранении неизменными традиционной морали и общественных структур.

Правильно соблюсти сочетание старого и нового было очень сложно. С конфуцианской точки зрения и коммунизм, и капитализм являются аморальными учениями, порожденными промышленной революцией, ставящими личную выгоду «мелких людей» выше достойных целей благородного мужа³⁵. Поэтому проповедовавший разумную модернизацию средний путь «*тондо соги*» - «восточный путь, западная техника» - оказался под перекрестным огнем со стороны как ультратрадиционалистов, так и сторонников безоговорочной вестернизации.

К тому же, если западная модернизация есть процесс индустриализации и демократизации, то модернизация, примененная в Корее, была индустриализацией в сочетании с укреплением японского колониального порядка. Не забудем, что большая часть серьезных подвижек в этом направлении (насильственное открытие страны, реформы года *Кабо*, насаждение более современной японской структуры после аннексии и даже эпоха «культурной политики», когда в массы пытались внедрить культуру

³³ Korea Times, 28.04.1998.

³⁴ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С.46-47.

³⁵ Чон Бёнджэ.

модернизации как японскую культуру) были так или иначе связаны с японцами³⁶.

В книге «Государство, революция и я» Пак Чжон Хи подчеркивал, что «ведущими принципами нового общества должны стать лозунги «Национализм прежде всего» и «Экономика прежде всего». А один из его политологов Чха Ги Бэк заявлял, что «трудно ожидать быстрой индустриализации без воспитания в народе чувства национальной самобытности»³⁷.

Взяв за основу распространенную в то время в Европе «теорию модернизации», идеологи Пака развивали ее так: для Кореи модернизация, в первую очередь, означает индустриализацию, наиболее благоприятные условия для которой может создать только сильное политическое руководство. На организованных ими конференциях пропагандировалась идея о том, что в связи с модернизацией в развивающихся странах возник новый вариант национализма, не цепляющийся за отжившие элементы традиции. По словам Пака, «несмотря на то, что в последнее время во всем мире нашу страну называют примером развивающегося государства, благодаря развитию экономики, без самообновления довольно сложно предсказывать более весомые результаты... Необходимо сместить акценты с простого наследования благих дел предшественников на творческое восприятие завтра»³⁸.

Политическая модернизация, таким образом, опиралась на конфуцианскую основу, и когда сейчас в Корее говорят о модернизации, обычно имеют в виду не социальные подвижки, а развитие экономики и научно-технический прогресс. Условиями для модернизации общества почитаются дееспособная власть, обладающая рационализмом и широтой мышления, воспитание новых кадров и политическая модернизация как модернизация властных отношений, нацеленная на внедрение либеральной демократии и построение гражданского общества.

1970-е гг. Пак объявлял «десятилетием духовной революции», задачей которого являлось «равное распределение плодов модернизации», но куда более значительную роль в претворении в жизнь государственной идеологии сыграло «Движение за новую деревню» («Сэмаыль ундон»).

Изначально Движение было направлено на то, чтобы преодолеть социально-экономический дисбаланс, который после успешно проведенной индустриализации стал ощущаться особенно четко. Но по совокупности влияния на общество его можно сравнить с коллективизацией в том виде, в каком она была задумана Лениным или культурной революцией как комплексом мер, направленных на переделку общественного сознания и формирование новой трудовой этики, построенной на таких понятиях, как верность, усердие, опора на собственные силы и сотрудничество.

³⁶ Чон Бёнджэ.

³⁷ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 112.

³⁸ Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. М., 1987., с. 204.

Официальная пресса РК того времени характеризовала движение как воплощенную в конкретные действия политическую философию режима Пака. Следует помнить, что корейское слово «*маиль*» может быть переведено не только как «деревня», но и как «родной дом», или «малая родина» - низовая ячейка общества, преобразовать которую в конструктивный элемент системы и было главной целью Пака, который называл «*Сэмаиль ундон*» «духовным революционным движением, чудодейственным средством, направленным на искоренение праздности и благодушия, процветавших в условиях экономической цивилизации, и уничтожение расточительства, распространившегося в годы экономического роста»³⁹. Его следствием должны были стать «перемены в образе мыслей и политической ориентации граждан, особенно интеллигенции, которой стоит отказаться от систематического неприятия авторитета власти»⁴⁰.

К середине 1970-х гг. на фоне нефтяного кризиса 1973 г. движение превратилось в новый вид социальной организации и стало универсальным средством мобилизации народа для решения общегосударственных задач. С 1974 г. движение распространили на вооруженные силы и городское население, и специальный курс с зачетами по нему ввели в школах и университетах⁴¹. Пропаганда движения не уступала пропаганде сталинской коллективизации, вплоть до специально распространяемых по стране песен. Даже Хан Ён У в своем учебнике указывает, что с точки зрения развития государства «Движение за новую деревню» выполняло ту же функцию, что и северокорейское «движение Чхоллима».

Изначально Пак планировал опираться на традиционную деревенскую культуру коллективизма, однако затем пришло решение заменить обычных сельских старост специально подготовленными руководителями из неместных. В Сувоне для таких кадров построили специальный центр, где будущие лидеры в обстановке полной изоляции занимались «самокритикой» и улучшением «нравственной и физической подготовки», - интересная комбинация европейской системы тренингового центра и северокорейских методов индоктринации.

Для развития деревенской «общинной демократии» правительство повышало роль «соседских групп» (*пан*) — как в качестве основ корпоративного общества, так и для внедрения системы круговой поруки по традиционному/северокорейскому образцу. С этой целью в июле 1976 г. власти провели организационную перестройку, уменьшив численный состав группы с 40 до 15 семей.

Одновременно с «Движением за новую деревню» стартовала менее известная правительственная программа «Движение за новый дух» («*Сэмаым ундон*»), разработкой и реализацией которой занималась Пак Кын Хе, дочь Пак Чжон Хи. Программа предполагала популяризацию таких

³⁹ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 116.

⁴⁰ Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. С.30.

⁴¹ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 153.

традиционных конфуцианских ценностей, как повиновение монарху, сыновняя почтительность, необходимость образования и т. п. В рамках этой программы правительство финансировало публикацию заказных работ по данной тематике, организацию крупномасштабных публичных акций и прочих мер по индоктринации простого населения.

По данным опроса министерства культуры РК от 1978 г., 96,1 % опрошенных оценили развитие страны за последние 10 лет как великое, причем 54,7 % из них приписали это деятельности «Движения за новую деревню». 94,5 % заявили, что станут жить еще лучше, если вся страна будет успешно развиваться⁴².

Флаги движения до сих пор развеваются над страной, но после смерти Пака оно стало источником махинаций и средством личной наживы для руководивших им родственников Чон Ду Хвана, утратив функцию активной переделки деревни и совершенствования морального облика нации.

Модернизация как идеология реформ: глобализация и строительство Новой Кореи при Ким Ён Саме

Как в российской, так и в зарубежной историографии деятельность Ким Ён Сама оценивается по-разному, особенно – в сравнении с Ким Дэ Чжуном. Некоторые авторы, в том числе и И. В. Толстокулаков, считают, что его заслуги в развитии демократизации больше, чем у последующих президентов РК, и что негативное отношение к нему во многом спровоцировано пришедшимся на последние годы его правления финансовым кризисом. Представляется, что такая трактовка спорна. Отдавая должное деятельности Ким Ён Сама в сфере разрушения старой традиции, благодаря которой возвращение к правлению военных стало невозможным, мы должны не упускать из виду и то, что при создании новой структуры он предпочитал делам слова.

Перед выборами 1992 г. Ким Ён Сам обещал «золотой век демократии»⁴³. Активное желание перемен в среде избирателей позволило ему взять достаточно резвый старт, однако в первую очередь надо было гарантировать незыблемость нового порядка и разорвать связи с теми, кто привел его к власти, дабы показать, что он является не наследником старого, а зачинателем нового.

В феврале 1993 г. Ким Ён Сам провозгласил два лозунга: «Новой Кореи» («*Син хангук чханджос*»), целью которого было создание новой административной системы, и «Исправления корейской болезни».

Доктрина «новой Кореи» сводилась к созданию в стране политического режима, основанного на идеалах либеральной демократии и рыночной экономики, и была закреплена даже в новом названии правящей партии, но ключевые проблемы построения либерализма в условиях традиционного

⁴² Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 69.

⁴³ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 171.

общества в ней не освещались. Зато, невзирая на обещание «широчайших административных реформ», была разработана теория о непрерывной реформе, согласно которой демократизация должна была последовательно развиваться по мере вызревания условий для нее⁴⁴.

Второй ключевой термин, введенный Ким Ён Самом в то же время – «корейская болезнь» - обозначал «аморальность и несостоятельность общества, проявившиеся как результат ошибочного курса авторитарного режима». Ким Ён Сам представлял эту «болезнь» как комплекс социально-психологических проблем, куда входили тенденция к ослаблению трудолюбия и предприимчивости корейского народа; сохранение в обществе социального неравенства, коррупции и застоя; общественная конфронтация как преобладание узких личных амбиций; социальный пессимизм, в результате которого пораженческие настроения возобладали над уверенностью нации в своем будущем⁴⁵.

Программа действий по преодолению этой «болезни» была полна трескучих фраз наподобие «Открытие новой эры национальной истории, эры мужества и надежды, отказа от летаргического сна и разочарований»⁴⁶, но не содержала ничего конкретного, особенно ответов на вопрос «как именно все вышеописанное должно быть сделано»⁴⁷.

И. А. Толстокулаков считает, что концепция *Син хангук* включала в себя ряд конкретных идей, являлась попыткой синтеза корейских ценностей и европейских представлений о демократии и была единственной относительно четко сформулированной программой. Однако, невзирая на достаточно жесткие тактические шаги вроде перестройки органов безопасности или запрета на участие военных в политической жизни (часто внезапные и подготовленные тайно), Ким Ён Сам не стремился особенно выйти за рамки традиционной политической культуры⁴⁸.

Наследие конфуцианской политической культуры проявлялось и в том, что политические изменения были позиционированы как этическое «исправление ошибок прошлого», в рамках которого самые проблемные моменты национальной истории были подвергнуты пересмотру. Понятно, что авторитарное прошлое тоже оказалось ошибкой, и почти все лица, которые как-то были связаны с данной эпохой южнокорейской истории, были уволены⁴⁹.

Кроме того, демократическая трансформация привела к тому, что гражданское сознание народа стало расти быстрее, и социальная демагогия Ким Ён Сама его уже не удовлетворяла: идея новой Кореи оказалась лишенной опоры на новые отношения. Возможно, из-за этого в программе Кима появился новый лозунг. Еще будучи кандидатом в президенты, Ким Ён

⁴⁴ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 178.

⁴⁵ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 179.

⁴⁶ Более полный текст описания «новой Кореи» см., в частности, у И. А. Толстокулакова на с. 181.

⁴⁷ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 180-181.

⁴⁸ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 185.

⁴⁹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 188.

Сам озвучил идею о включении РК в глобальные международные процессы и усилении международной роли корейского государства. В декабре 1994 г. появился термин «глобализация» (кор. *segexwa*), под которой, учитывая корейское прочтение этого понятия, можно понимать как дальнейшую интеграцию страны в мир, так и стремление «сделать все как у взрослых»⁵⁰.

Шесть основных задач глобализации по Ким Ён Саму включали обеспечение эффективности государственной службы, введение полноправной местной автономии, усиление состязательности в экономике, увеличение стабильности и обеспечение высокого качества жизни, глобализацию дипломатии и прогресс в межкорейских отношениях⁵¹.

Однако достигнуть удалось не всего. Хотя институциональная часть реформ была в целом проведена, авторы книги «Korean Public Administration» отмечали, что у Ким Ён Сама не было четко сформулировано, чего он хочет достичь своими реформами, и как он будет это делать⁵². По их мнению, президенту следовало больше заниматься качеством реформ и ускорением их внедрения, создавая специальные контролирующие подразделения или более внимательно прислушиваясь к нуждам народа.

Рейтинг Ким Ён Сама оставался высоким вплоть до последнего года его президентских полномочий, однако представляется, что подобное доверие народа было связано с его популистской деятельностью, а хвалебные отзывы ряда ученых, умиленных темпами трансформации авторитарного строя, были вызваны тем, что Ким Ён Саму был предоставлен своего рода повышенный кредит доверия, и на многие элементы его программы смотрели через розовые очки. Общественная поддержка его политики снизилась только после того, когда в финансовых скандалах оказались замешанными его ближайшие родственники и сподвижники⁵³.

Идеи Ким Дэ Чжуна и их воплощение

По мнению И. А. Толстокулакова, Ким Дэ Чжун не представлял избирателям концептуальную программу своих действий⁵⁴. Однако его политическая доктрина была хорошо известна еще с того времени, когда в начале 1980-х, отбывая наказание в одиночной камере тюрьмы г. Чонджу, он писал пространные письма семье, излагая в них свое видение XXI века⁵⁵. Впоследствии эти письма были изданы, а восемь основных отличий будущего столетия, описанные им в письме № 13, были широко растиражированы и представлены его официальными «летописцами» как философская основа мировоззрения новой эпохи⁵⁶.

⁵⁰ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 197.

⁵¹ Korea Herald, 07.01.1995.

⁵² Korean Public Administration. С. 118.

⁵³ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 238.

⁵⁴ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 272

⁵⁵ Letters from the Prison. Kwangju, 1984.

⁵⁶ Kim Byung-kuk. Pres. Kim's Perception for 21st Century. // Korea Times, 8.07.1998.

Ким Дэ Чжун формировался как сторонник либеральной классической политэкономии Адама Смита и критик централизации крупного капитала в лице *чэболь*. Он был сторонником восстановления истинных функций рынка и гармонизации взаимоотношений между трудом и капиталом «по шведскому типу».

Таким образом, приверженность Ким Дэ Чжуна идеям глобализации была продемонстрирована задолго до применения этого термина Ким Ён Самом. Действуя с данной точки зрения, Ким Дэ Чжун стремился быть политиком, ориентированным на Запад более чем на Восток, и еще в 1997 г. писал о том, что «теория особых азиатских ценностей есть не что иное, как миф, выдвинутый противниками процесса модернизации азиатских стран»⁵⁷.

Этот подход вызвал достаточно нервную реакцию у лидеров азиатских стран на встрече глав 25 государств Европы и Азии в Лондоне весной 1998 г.⁵⁸, где Ким заявил, что кризис 1997 г. во многом был вызван «движением за азиатские ценности», призывавшим жертвовать демократией ради экономического прогресса. Но демократия не должна быть принесена в жертву экономическому развитию, и он намерен модернизировать корейскую экономическую структуру в сторону большей прозрачности и дружелюбности по отношению к иностранцам.

Стремясь мобилизовать массы на фоне чрезвычайных обстоятельств «эры МВФ», Ким Дэ Чжун воспользовался старым рецептом, инициировав так называемое «Движение за возрождение нации»⁵⁹. «Возрождение» включало в себя развернутый план перестройки, который должен был осуществляться по нескольким направлениям. В сфере управления планировался переход от авторитарной власти к администрации, которая допускает двухстороннюю связь между правительством и народом. Иерархические структуры должны были быть уничтожены, а морально устаревшие элементы системы - реформированы в сторону большего развития конкуренции и участия рядовых членов в принятии решений.

В сфере экономики заявлялись сокращение вмешательства государства в экономику, а главной целью было реформировать ее так, чтобы корейская продукция стала конкурентоспособной во всем мире. Фирмы, чья продукция не отвечает мировым стандартам, надлежало ликвидировать или реорганизовать, вне зависимости от их размера и предыдущих достижений. Необходимо создать новую культуру менеджмента, построенную не на политике протекционизма, а на использовании пронизавшей весь мир системы международных связей.

В идеологической сфере основной задачей назывался переход от узкого и «морально устаревшего» национализма, построенного на ксенофобии, к ценностям эпохи глобализации, что должно создать более благоприятный образ Кореи в сознании иностранцев. Более того, культурная индустрия

⁵⁷ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 72.

⁵⁸ Korea Times, 7.04.1998.

⁵⁹ Заметим, термин эпохи Пак Чжон Хи.

должна была стать стратегическим сектором экономики, оттеснив тяжелую промышленность.

Планировалось реорганизовать существующую систему школьного образования, дабы превратить Корею в общество, построенное на знании и развитии индивидуальных талантов.

Кое-что из этого было сделано, - например, резко усилилась активность гражданских групп, особенно – защитников прав женщин. Однако в отличие от аналогичного движения при Пак Чжон Хи, «Движение за возрождение нации от Ким Дэ Чжуна» не получило столь широкого распространения. Во-первых, государственная машина к этому времени была уже иной, а во-вторых, продиктованная необходимостью выхода из последствий финансового кризиса мобилизация нации казалась необходимой и без подталкивания сверху. Под влиянием глобализации ментальность народа изменилась, и жертвовать хорошим сегодня ради лучшего завтра он уже не собирался. Как только кризис миновал, люди вернулись к привычным моделям поведения.

Понятно, что разница между обещанным и достигнутым присутствовала и в правление Ким Дэ Чжуна, однако в отличие Ким Ён Сама и Ро Му Хёна, Ким Дэ Чжун пришел к власти на волне чрезвычайных обстоятельств, связанных с финансовым кризисом 1997 г., и при оценке его преобразований несоответствие ряда его предвыборных лозунгов его деятельности на посту президента было легко объяснить этим форс-мажором. Успехи Ким Дэ Чжуна на ниве перестройки аппарата в основном сводились к борьбе с коррупцией и вынужденному открытию общества, в том числе к форсированной перестройке системы менеджмента финансово-промышленных групп. Но Ким Дэ Чжуну удалось выполнить обещание, данное им в 1997 г.: «Мы полностью восстановим международное доверие к концу 1999 г., а в 2000 г. уже приблизимся к статусу развитой страны»⁶⁰.

Некоторые проблемы начались после 2000 г., когда последствия кризиса были преодолены. Ким Дэ Чжун попытался развить успех, правящая партия была переименована в Демократическую Партию Нового Тысячелетия, но ее программа на будущее оказалась достаточно аморфной, построенной на идеях реформизма, интеграции и согласия, призванных привести к построению «здорового и счастливого общества и государства, центральное место в котором будет принадлежать среднему классу»⁶¹. В это же время стали очевидными неудачные итоги ряда социальных программ, в первую очередь – программы медицинского страхования, где неверные решения правительства были усилены неконструктивной позицией оппозиции, мешавшей власти принять сбалансированные решения и подвергавшей обструкции любую инициативу властей.

Отчасти из-за этого, отчасти из-за преклонного возраста и авторитарных манер Ким Дэ Чжуна, любую критику в адрес своей администрации он стал

⁶⁰ Oberdorfer С. 407.

⁶¹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 289.

воспринимать как проявление противодействия антиреформаторов, на которое стали списываться все неудачи в области экономической либерализации⁶², включая и те, которые возникли благодаря его собственным ошибкам. В конце правления Кима его рейтинг был невысоким, хотя его критики не всегда могли привести веские причины своей нелюбви к нему⁶³.

Пытаясь объяснить это явление, М. Брин считает, что дело в следующем: «Демократические президенты не сумели соответствовать тому уровню ожиданий, который был установлен более чем недемократическим президентом». Призрак Пак Чжон Хи и его достижений витает над страной, и корейцы предпочитают не задумываться о том, что тогда его правление не было строго ограничено пятью годами, и он отдавал приказы вместо того, чтобы уговаривать, как это приходится делать сегодня. Каждый новый президент выступает с большим пакетом программных обещаний, в который входят, как минимум, реструктуризация системы и искоренение коррупции, но никто из них еще не пытался вести себя как Черчилль, который, придя к власти, честно сказал, что не обещает ничего кроме пота и слёз.

Концепции Ро Му Хёна – продолжение реформ или возвращение к популизму?

Возвышение нового президента и обстоятельства, приведшие его к власти, заставили многих думать, что если Ким Ён Сам был демократом на словах, а популистом на деле, а Ким Дэ Чжун – демократом по целям, но традиционалистом по методам их достижения и способам руководства, то в 2002 г. к власти, наконец, пришел человек новой формации, от которого стоит ждать последовательного курса на демократизацию. На такие мысли наводили многие элементы его поведения. Ро Му Хён не раз вел себя, как Горбачев в начале своей карьеры, делая, например, внезапные остановки на пути следования своего кортежа и выходя в народ⁶⁴.

Однако последующие события привели к дискуссии о том, является ли президент Ро продолжателем дела Ким Дэ Чжуна или новым вариантом Ким Ён Сама. Согласно одной версии, Ро Му Хён сначала хотел ввести в бюрократию рационализм и логику, однако, став президентом, он вынужден подчиняться объективным законам, по которым устроена корейская власть. По мнению иных респондентов, Ро с самого начала был популистом, попавшим во власть относительно случайно, не имеющим позитивной программы и занятым в основном разрушением традиции.

Взяв власть, Ро должен был выбирать из двух стратегических вариантов. Первый заключался в том, чтобы, «объявив перемирие» и продемонстрировав отказ от традиционной тактики сведения политических счетов, исподволь готовить фундамент для изменения общественной

⁶² Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 323.

⁶³ Breen M. The Koreans... С. 255.

⁶⁴ Breen M. The Koreans... С. 256.

ментальности, используя фактор времени, задействовав средства массовой информации, перестройку системы образования и пропаганду «нового политического мышления». Второй предполагал форсированное введение модернизации за счет массированного применения административного ресурса и чисток государственного аппарата.

Первый год своего президентства Ро работал с враждебным ему парламентом, находившимся в оппозиции еще Ким Дэ Чжуну и даже объявившим ему импичмент, и потому был несколько осторожен, проявляя элементы как первого (лозунг «демократии участия»), так и второго (сведение счетов с корпорацией «Хёндэ») пути. Однако после того как в новом парламенте оказалось много его сторонников, президент почувствовал свою силу и сделал очевидный выбор в пользу желания достигнуть максимума перемен за отведенные ему годы президентства.

Вопрос о наличии у Ро позитивной программы всплыл с новой силой – на пути его преобразований не было никаких формальных преград, однако вместо целостного курса миру был явлен сбор пожеланий масс в рамках «правительства широкого участия», по сути, означающий «Предлагайте ваши идеи, а я буду воплощать их в жизнь».

Элементы подобной тактики можно было проследить даже во внешней политике страны, когда перед визитом Ро Му Хёна в Россию в сентябре 2004 г. находящиеся в Москве южнокорейские дипломаты и журналисты начали проводить активный опрос в российских научных кругах, занимающихся Кореей, задавая такие вопросы: «Что должно входить в программу визита?», «Что следовало бы обсудить?» и т. п.

Отмечалось и подчеркнутое желание ориентироваться на Запад и делать все как там. Ро Му Хён неоднократно говорил, что его политических кумирами являются Тони Блэр, Авраам Линкольн и Эндрю Джексон, и не поставил себе в пример ни одного корейского политика.

Пока единственным позитивным лозунгом режима является «превращение Кореи в ось колеса Азии», и интересно, что высказывания Ро Му Хёна об азиатской сфере процветания, которая будет создана вокруг РК, напоминают «Великую Восточно-азиатскую сферу процветания», которую, как известно, строили японцы во время Второй мировой.

Изменение отношения к конфуцианскому наследию

Конфуцианская традиция подвергается активной критике, хотя критикуют не конфуцианство как таковое, а некие морально устаревшие элементы общества, тормозящие его развитие по пути демократии и глобализации.

Необходимость вестернизации доказывают специалисты типа Ян Гына, профессора политологии университета Ханъян. С его точки зрения, набор ценностей, характерный для конфуцианской культуры, был самым большим препятствием на пути развития по этому пути: именно неприязнь

конфуцианского менталитета к «деланию денег» и невнимание к военным делам помешали Китаю, в отличие от Японии, развиться в сверхдержаву. Ян считает, что, хотя государственная система РК сейчас построена на следовании европейской традиции, мысли и действия субъектов этой системы демонстрируют приверженность традиционной политической культуре, построенной на дискриминации, связанной с регионализмом, образованием и личными связями, которые сковывают движение общества вперед⁶⁵.

Несколько иное мнение о конфуцианских добродетелях, высказанное известным адвокатом и журналистом Чун Сон Чхолом, заключается в том, что эта система ценностей традиционно ставит верность системе выше рациональности, а интересы группы выше интересов отдельной личности. Помощь человека человеку в рамках системы воспринимается как естественный долг, даже если это выглядит (или является) нелегальным актом или проявлением коррупции. Новая эра ставит на первое место индивидуализм и независимость личности от системы, абстрактные интересы страны оказываются выше, чем интересы узкого круга (семьи), и новое понятие честности отличается от традиционного понятия искренности. Умение находить нестандартные решения и творческое мышление важнее, чем общий высокий уровень знаний. Поэтому дело не столько в том, что отжили старые ценности, сколько в появлении новых. Главное - суметь воспринять их, не потеряв национальную идентичность⁶⁶.

В рамках этой же дискуссии поднимается и вопрос о том, насколько действительно конфуцианство проникло в корейский национальный характер. Раздаются голоса о том, что конфуцианская надстройка над природными особенностями корейской ментальности искусственно подавляла именно те черты, которые способствуют повышенному восприятию западных ценностей, и что когда конфуцианские оковы окончательно спадут, новое поколение корейцев возрастет на той самой протестантской этике, которая в свое время привела Европу к прогрессу.

По свидетельству ряда молодых ученых или публицистов РК (Ли Вон Бока и др.), в корейском национальном характере достаточно много черт, сочетающихся с западной моделью ценностей: корейцы более эмоциональны, более прагматичны, в значительной мере придерживаются горизонтального мышления, близкого к западному пониманию эгалитаризма («если это есть у него, это должно быть и у меня»), отличаются высоким мотивом достижения и, если отбросить конфуцианское напластование, определенной долей индивидуализма. Возможно, считают они, еще и поэтому Корея оказалась наиболее европеизированной страной на Дальнем Востоке.

Однако ряд других моих собеседников, признавая наличие у корейцев этих качеств, придерживается более скептической точки зрения. Так, политолог Ом Гу Хо, оценивая корейцев как нацию эгоистов, не видит в этом

⁶⁵ Yang Kun. Irrationality of Korea's National Crisis. // Korea Focus, 1998, vol. No3, c. 112-114.

⁶⁶ Junn Sung-chull. Economic Crisis and Asian Values. // Korea Focus. 1998. Vol. 6, No. 1, c. 126-128.

эгоизме фундамента для перестройки общества. В отличие от Японии, где действительно развит коллективизм, кореец помогает другим, только если уверен, что потом помогут ему. А такой подход не может обеспечить сплочение сил многих людей, необходимое для рывка. Кроме того, по мнению Ома, если прорыв в западной культуре был связан с сочетанием в ней эгоизма с рационализмом, в Корее эгоизм накладывается на иррациональность традиционного сознания, а также – на отсутствие такого важного элемента, как гуманизм.

Трансформация/модернизация в идеологии КНДР

Северокорейская элита не может разыграть вариант «прозрения и признания ошибок проклятого прошлого», который позволил бы ей перечеркнуть определенный этап истории своей страны и начать все заново. Если история СССР или КНР имеют среди государственных мифов 1937 г. или «культурную революцию» как события, которые официально объявлены ошибками правящего режима, в Северной Корее прецедента, когда некая злонамеренная клика в течение длительного времени удерживалась у власти, причиняя стране немалые бедствия, нет. Это значит, что любая инновация, которая противоречит генеральной линии, будет косвенно ставить под сомнение непогрешимость Ким Ир Сена.

Не будь Ким Чен Ир его сыном, он, возможно, мог бы попытаться ревизовать некоторые положения идеологии Ким Ир Сена. Например, можно было бы выступить против догматического толкования ряда его высказываний, которые были сделаны в конкретное время по конкретному поводу, поискать истоки адаптивности в опыте антияпонских партизан, оттолкнуться от последних высказываний, в которых Великий Вождь призывал развивать сельское хозяйство, торговлю и легкую промышленность. Адаптация этого лозунга к северокорейским реалиям могла бы примирить комплекс мероприятий по оздоровлению экономики со штампами официальной идеологии.

Можно даже взять высказывание Ким Чен Ира: «Вождь – не отдельная личность, а мозг народных масс, и потому с ним несовместимы слова «культ личности»⁶⁷. При желании эту цитату можно исказить в пользу коллективного руководства и (в очередной раз) реинтерпретировать *чучхэ*, позиционировав стремление к самостоятельности как аналог мотива достижения или разумного индивидуализма и оправдав, таким образом, новые тенденции.

Однако, будучи почтительным сыном, Ким Чен Ир воздерживается от реинтерпретации высказываний отца. Вместо развенчания старых элементов идеологии новые возникают как бы одновременно с ними и поверх них с тем, чтобы новая структура вытесняла старую постепенно. Введение нового не сопровождается развенчанием старого или официальным объявлением о

⁶⁷ Панин А., Альтов В. С. 115.

новом курсе.

Как определенные подвижки в области идеологии можно рассматривать повысившуюся частоту употребления лозунга «*Кансон тэгук*», примерный перевод которого – «Сильная и могущественная держава»⁶⁸. Создание таковой включает три основных элемента: создать могучую идеологию, которая бы овладела массами (в качестве таковой упоминается именно *чучхэ*), превратить страну в неприступную крепость, построить мощную экономику⁶⁹.

Непонятно, накладывается ли эта тенденция на сокращение употребления собственно термина «*чучхэ*» в его дореформенном значении, но важно другое: лозунг «державы» выдвигает на первое место именно государство как структуру, что можно рассматривать как продолжение курса на изменение структуры власти и отход от партийной диктатуры.

Продолжается и усиление националистического компонента идеологии, в том числе – намерения развивать науку, культуру, образование и т. п.⁷⁰ «*Нодон синмун*» 4 января 2001 г. писала: «С началом новой эры в 2000 годах следует подвергнуть полному пересмотру и перепроверке старые образцы и старую практику, которым следовали другие страны, а все дела нужно вершить нашими собственными методами»⁷¹. «В соответствии с чаяниями нашего народа и нашей действительностью», «наше» требуется беззаветно любить и не допускать появления элементов «не нашего»⁷². При этом лозунги типа «Защитим свой язык» или «Будем хранить национальную одежду»⁷³, о которых упоминает В. Дмитриева, можно считать своего рода заимствованиями с Юга.

Некоторые авторы, в том числе А. Мансуров, отмечают новый язык северокорейской прессы – классическую риторику заменяют выражения типа «баланс сил» или «национальный интерес». Давно используются слова «реформа» (пока, правда, не как характеристика происходящего в стране) и «рынок». Возник новый термин «*силлиджуый*» как учение о выгоде. Появились намеки на прозрачность и описания процесса принятия решений.

Можно согласиться с мнением С. Курбанова о том что «несмотря на известный застой, КНДР показывает стремление к большей открытости внешнему миру и реформам»⁷⁴, но мы постараемся проанализировать не только изменения в самой идеологии, но и изменения в реакции на нее, иллюстрирующие распространение двоемыслия.

Понятно, что при общении с иностранцами северокорейцы не выходят за рамки. Но та категория людей, с которыми общается большинство

⁶⁸ Жебин А. С. 33.

⁶⁹ Панин А., Альтов В. С. 209 со ссылкой на редакционную статью в «*Нодон синмун*».

⁷⁰ Жебин А. КНДР... С. 33.

⁷¹ *Нодон синмун*, 4.01.2001.

⁷² Следует отметить, что слово «наш» (*ури*) в похожем политическом смысле встречается и на Юге, означая как нечто посконно корейское, так и относящееся ко всему обществу/народу. Достаточно вспомнить *Ёллин ури* – название правящей партии, которое можно перевести как «Наша открытая партия».

⁷³ Дмитриева В. Н.

⁷⁴ Курбанов С.О. Краткое сообщение о поездке в Пхеньян 03-07 августа 2004 г.

российских востоковедов, безусловно, в состоянии адекватно оценивать обстановку в стране, даже находясь под гнетом идеологических догм - привычку в общении с иностранцами «прятаться за лозунги» (вместо того, чтобы излагать то же самое своими словами) можно расценить и как своего рода проявление двоемыслия: «Вы понимаете, что я думаю по этому поводу, но поскольку я не могу этого сказать, я буду говорить штампами».

Внешние правила лояльности соблюдают все, однако в менее явных проявлениях лояльности режиму начинаются сбои. Так, по информации А. Ланькова, все больше людей не посещает ранее обязательные собрания⁷⁵. Связано это с тем, что многие корейцы, даже числясь в государственных организациях, сейчас занимаются тем или иным бизнесом и не появляются неделями на своей официальной работе.

Выводы

Приведенная динамика хорошо иллюстрирует то, как абсорбировались в Корею такие привнесенные извне элементы идеологии, как коммунизм в его классическом понимании, антикоммунизм как способ формирования национальной идентичности РК в период холодной войны и изначально заложенное в южнокорейскую политическую идеологию отношение к США. Эти идеи постепенно утратили доминирующее значение, а в настоящее время являются объектом явной или неявной критики.

В отличие от них лозунг модернизации не устаревает, но всякий раз наполняется новым содержанием, фактически означая новый курс властей, направленный на заметные структурные изменения в идеологии и государственной системе.

Под влиянием современности этот лозунг оказывается постоянно востребованным, в т. ч. и в форме глобализации, которая рассматривается как определенное логическое продолжение данной концепции, в рамках которой модернизацию начали воспринимать как курс на соответствие корейских стандартов общемировым и более глубокую интеграцию в международные процессы. В этом смысле модернизация выступает в качестве антонима традиционализму или, во всяком случае, уравнивающего его начала.

При этом данный лозунг во многом является «вещью в себе», т. к. понимать под модернизацией можно все, что угодно, в том числе – и механическое следование требованиям времени без детально сформулированной и долгосрочной программы действий.

Модернизация идет как на Юге, так и на Севере, хотя там подвижки делаются гораздо более осторожно. Ким Чен Ир в большей степени скован необходимостью действовать в рамках выработанного Ким Ир Сеном исторически сложившегося канона.

⁷⁵ Ланьков А. Слабое звено северокорейской пропаганды.

Глава шестая. Государственная идеология. Основные характеристики корейского национализма

*Народ, забывающий свое прошлое, обречен пережить его заново.
Джордж Сантаяна*

История и особенности корейского национализма

Разговор о национализме стоит начать с того, что в европейском и дальневосточном понимании терминов «нация» и «национальный» существуют определенные различия. В Корее и Китае термин «нация» (кор. *минджок*) означает не столько нацию в принятом на Западе понимании, сколько «этнос» с его культурной и духовной традицией, связанный не только с госу в его современном виде, но также со всеми политическими образованиями, возникавшими за многотысячелетнюю историю развития «нации»¹.

Сразу же обратим внимание на то, что термина «национализм» стесняются обе страны. Юг говорит о том, что патриотизм – это хорошо, а национализм – это плохо, Север критикует буржуазный национализм и рассуждает о пролетарском интернационализме. Но на деле идеология обоих корейских государств строится на национальной идее. Не случайно одним из основных постулатов идеологии *чучхэ* провозглашается принцип политической независимости как «первый признак самостоятельного социалистического государства»².

Националистические тенденции прослеживаются в корейской идеологии достаточно давно, однако не очень понятно, что было основным мотивом националистов – желание показать свою «корейскость» или свою «некитайскость». Вариантов было несколько – от заявлений, что, хотя наша система построена по китайскому образцу, она должна быть «с корейским лицом», до прямых попыток создать иную модель (мятеж Мёчхона).

Современный национализм возник как реакция на внешнее вторжение второй половины XIX в. (объединение «против»), базировался на определенной идеологической базе, элементами которой были сирхакисты, прогрессисты и деятели «Клуба независимости»³, но в полной мере был активирован японской агрессией. Дело не только в том, что появился универсальный общий враг, объединяться «против» которого всегда легче, чем объединяться «за», но и в том, что утрата национального суверенитета подхлестнула чувство национальной самоидентификации, и, несмотря на политику ассимиляции и последующее влияние Запада, корейцы сохранили достаточно много элементов национальной культуры в одежде, быту и т. п.⁴

¹ См., например, Duncan John. Proto-nationalism in Premodern Korea // Sang-Oak Lee and Doo-Soo Park eds. Perspectives on Korea, Sydney, 1998.

² Обзор по Корее. Пхеньян, 1982.

³ Sung Chul Yang. С. 130-132.

⁴ Sung Chul Yang. С. 94.

При этом, в отличие от иных азиатских или африканских стран, до 1945 г. корейский национализм был направлен против японцев, но не против Запада, который воспринимался не как совокупность колониальных держав, а как источник поддержки и прогрессивных идей.

Важным этапом в формировании национализма было Первомартовское движение. Дело не только в его роли катализатора и в массовости участников, но в том, что это было первое объединение не «против», но «за». Из патриотизма старого конфуцианского типа корейский национализм превратился в движение, освоившее современную политическую культуру. Однако затем движение было сильно ослаблено фракционной борьбой и раскололось на два крыла - левое, коммунистическое, и правое, капиталистическое (точнее - на сторонников революционного и эволюционного путей).

Для правых националистов характерна ориентация на элитарную конфуцианскую традицию, на сильную власть и все, что с ней связано и ее символизирует. Для левых «истинная» корейская традиция связана не с культурой китаизированных конфуцианских верхов, а с культурой и бытом «народных масс» (*минчжун*). Кроме того, если правые стремятся сохранить неплохие отношения с США (что не мешает им периодически заявлять о моральном и интеллектуальном превосходстве корейцев над «Западом», под которым в первую очередь понимаются именно США), левые с самого начала включили «американский империализм» в число главных своих врагов.

Если до освобождения страны идеологические различия стояли на втором месте, потом они вышли на первое. Разделение страны создало дополнительные проблемы национальной самоидентификации. Каждое корейское государство не только имеет свои герб, флаг и гимн, но использует для обозначения Кореи разные названия - «Тэхан» на Юге и «Чосон» на Севере. При этом эти два топонима используются и корейскими диаспорами в разных странах для обозначения как своей национальной принадлежности или корейцев вообще, так и своей политической ориентации.

Правый национализм, являющийся государственной идеологией РК, исходит из идей Шанхайского Временного правительства, которые уходили «отчасти в конфуцианский традиционализм старой корейской элиты, а отчасти - в наспех усвоенные европейские идеи»⁵. К началу 1940-х гг. члены правительства в изгнании создали законченную систему националистических мифов и стереотипов, которая превратилась в государственную идеологию Республики Корея после 1945 г.⁶

Левый национализм на некоторое время ушел в подполье и начал свое возвышение в КНДР на фоне развития идей *чучхэ*. Как говорил Ким Ир Сен,

⁵ Ланьков А. Два источника и две составные части корейского национализма. // Сервер «заграница», <http://world.lib.ru/rating/top100/index-5.shtml>; Русский журнал, <http://www.russ.ru>.

⁶ Ланьков А. Два источника...

«для того, чтобы совершить революцию в Корее, мы должны знать корейскую историю, географию и обычаи. Только тогда мы сможем воспитать наш народ и вдохновить его на искреннюю любовь к своим родным местам и к своей родине»⁷.

В итоге на Севере левый национализм во многом слился с концепцией *чучхэ* (особенно в ее посткимирсеновском варианте). В этом отношении характерна опубликованная в марте 2001 г. газетой «*Нодон синмун*» статья о значимости национального самоуважения: «Только в том случае, если у нации есть гордость и самоуважение, она способна защитить свой суверенитет и достоинство»⁸.

На Юге же он стал идеологией оппозиционного студенческого движения, многие ячейки которого, кстати, существовали под маской клубов изучения корейской народной музыки, песен, танцев и т. п. Не случайно некоторые варианты народных танцев, а особенно – музыка *самуль-нори*, исполняемая на национальных ударных музыкальных инструментах, были и остаются неперенными спутниками корейского студенческого движения.

Формирование идеологии национализма в правление Пак Чжон Хи

Смена идеологической доминанты с антикоммунизма на национализм была важной характеристикой правления военных. В одной из своих речей Пак подчеркивал, что «идеология меняется, а нация остается», что идеологические различия и политические системы играют второстепенную роль перед лицом «великой национальной общности Кореи», и призывал как можно быстрее восстанавливать и развивать национальную самобытность⁹. Восстановление страны может произойти только на основе общности языка и культуры, исторических традиций и семейно-родственных отношений. Правда, для обозначения этой национальной самобытности он употребил слово «*хан*», а не «*чосон*».

Государство осуществило (и осуществляет до сих пор) целый комплекс мер по пропаганде корейской культуры и поддержанию интереса к истории страны. Восстановление исторического наследия проявлялось и в реставрации разрушенных при японцах памятников старины, и в строительстве новых – как мемориальных храмов, посвященных тому или иному выдающемуся деятелю корейской истории, так и памятников европейского типа, которые воздвигались в местах, непосредственно с их деятельностью не связанных¹⁰.

Правительство поощряло проведение национальных праздников и фольклорных фестивалей, ношение национальной одежды и сохранение традиционной культуры в быту, включая современный аналог традиционной

⁷ Sung Chul Yang. С. 749.

⁸ *Нодон синмун*, 21.03.2001.

⁹ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 118.

¹⁰ Интересно, что радикальные корейские националисты нередко выступают против таких памятников европейского типа, называя их при этом не европейским, а японским заимствованием.

системы отопления в многоквартирных домах. Сюда же можно отнести дозированную поддержку «традиционных» боевых искусств (*тхэккён*, *ссирым* и др.), которые минимально связаны как с китайским наследием, так и с заимствованиями из боевых систем иных стран.

Важным моментом развития концепции национализма было создание Пак Чжон Хи так называемого Корейского Института Духовной культуры как своего рода головного объединения, призванного заниматься как сохранением достояния прошлого, так и пропагандой национальной культуры и национального искусства. По сути, на плечи института было возложено создание концепции национализма и отбора исторических фактов, призванных пропагандировать славные традиции корейского народа.

Институт Духовной Культуры провел серьезную работу по каталогизации национального достояния. Причем, как и в Японии, звание «национальное сокровище №...» получили не только выдающиеся памятники материальной культуры или природные объекты, но и люди - мастера традиционных ремесел, живописи, каллиграфии и т. п. Под эгидой института был переиздан ряд исторических памятников письменности, а также создана 27-томная «Большая энциклопедия корейской национальной культуры» (1988-1991).

Поддержка национальной культуры сочеталась с попытками ограничить влияние Запада, что проявлялось даже в быту. Так, в начале 1980-х гг., когда кофейные автоматы только входили в моду, любой такой автомат должен был торговать не только кофе, но и каким-нибудь традиционным корейским чаем¹¹, а в 1972 г., одновременно с окончательным формированием *чучхэсон*, был предпринят поход против европейской культуры, сопровождавшийся запретами на западные кино, моду и музыку. После смерти Пак Чжон Хи эта тенденция быстро сошла на нет, однако следует отметить, что в 1990-х гг. против «загрязняющей сознание молодежи вестернизации» выступали не только представители старшего поколения, но и студенческие радикалы, для которых массовая культура была инструментом закабаления.

Как бы то ни было, Паку удалось закрепить в массовом сознании большинство мифов, характерных для националистической идеологии. Это проявляется даже в том, что современные критики националистической концепции Пака, особенно левые националисты, любят упрекать его именно в том, что созданная им идеология базировалась не столько на ценностях корейского национализма, сколько на японском *бусидо*. Вместо корейских образцов пропаганды национального величия Пак использовал японские националистические модели, бывшие ему гораздо ближе, а одним из основополагающих постулатов режима был переписанный немного другими словами японский лозунг начала XX в. «Богатая страна, сильная армия»¹².

¹¹ Сеульский вестник, № 76, с. 11.

¹² Cumings B. Korea's place... С. 311.

Развитие корейского национализма после Пака

Правительство Чон Ду Хвана в качестве господствующего элемента национализма также пропагандировало идеологию национальной исключительности, и пропаганда эта была более оголтелой. В результате, даже по мнению Хан Ён У, которого сложно назвать противником национализма, такое понимание истории «повлекло за собой большой беспорядок в историческом образовании».

Затем корейский национализм стал «поспокойнее» - это было связано с тем, что заметная часть южнокорейской деловой, интеллектуальной и политической верхушки училась или стажировалась на Западе и воспринимала классические мифы с должной долей скептицизма. Хотя открыто выступать против них было опасно для карьеры, верить в них выпускнику Гарварда или Принстона было необязательно.

В эру глобализации национализм начал проявляться и в повышенном внимании к успехам представителей Кореи в тех видах деятельности, которые ранее считались принадлежностью сугубо европейской культуры (будь то классическая музыка или европейские виды спорта). При этом лейтмотивом освещения таких достижений является то, что «мы, корейцы, можем делать это не хуже, чем они».

Заслуживает внимания и курс Ким Ён Сама на «символическое восстановление истории». Основной задачей этого курса было своего рода закрепление исторической справедливости на том уровне, на котором ее понимал режим, а наиболее типичным проявлением этого уровня стало разрушение здания японского генерал-губернаторства, расположенного ранее в центре Сеула, около ворот Кванхвамун, перед королевским дворцом Кёнбок. Дело в том, что этот памятник европейской колониальной архитектуры считался дополнительным способом закрепления японского влияния с точки зрения геомантии¹³. Разрушителей не остановило даже то, что именно в этом здании была провозглашена Республика Корея. Действие это, кстати, было воспринято неоднозначно, так как новое помещение обеспечивало худшую сохранность культурных ценностей и имело меньшую площадь экспозиции. Получилось, что если Пак занимался созданием новых символов национализма, Ким разрушал старые.

К началу-середине 1980-х окрепла и идеология левого национализма, известная под названием «*минчжун*» («народные массы»). Идеологи этого движения были, в первую очередь националистами, а уже во вторую левыми радикалами, доминирующей методологией которых стала смесь неомарксизма с новейшей французской философией и модифицированным вариантом корейского национализма. Так, важными постулатами *минчжун* были представления о том, что исходной причиной всех современных проблем Корейского полуострова был раскол страны, спровоцированный Америкой, и идея о том, что Корея сможет стать сильным национальным

¹³ Cumings B. Korea's place... С. 213.

государством только избавившись от неоколониальной зависимости от США¹⁴.

Национализм сейчас. Ксенофобия и вестернизация

Новая вспышка национализма снизу в РК произошла в ответ на «эру МВФ», но это было не столько сплочение «за», сколько сплочение «против». Студенты, учащиеся за границей, возвращались домой, многие люди были готовы продать свои золотые украшения, чтобы инвестировать деньги в экономику страны, а среди большинства простого народа было популярно движение покупать товары только национального происхождения¹⁵.

Тема сочетания национализма, патриотизма и ксенофобии была в то время очень популярна, и отголоски дискуссий не затихают по сей день. Профессор Ха Ён Чхоль из Сеульского Национального университета, исследуя проблему «корейского шовинизма», считает, что подобная реакция корейцев является не столько проявлением ксенофобии, сколько последствиями шока, вызванного утратой предшествующего имиджа Кореи как процветающей страны. Правда, всплеск национализма был импульсивным, кратковременным, и затем условия МВФ, были восприняты как жесткая, но необходимая, реальность, которую надо преодолеть для дальнейшего развития страны¹⁶.

Руководитель корейского Института Социальной Психиатрии Ли Си Хён отмечает двойное отношение корейцев к иностранцам. С одной стороны, они очень тепло относятся к иностранцам-гостям, с другой - очень напряженно и враждебно - к иностранцам, собирающимся обосноваться в их стране. С его точки зрения, «корейское коллективное бессознательное», привыкшее четко делить окружающих на «своих» и «чужих», воспринимает происходящие в стране процессы как «экономическую колонизацию» Кореи иностранцами (левые газеты даже писали о «протекторате МВФ»). По его мнению, корейцам очень сложно воспринимать иностранцев как партнеров, а не как противников¹⁷.

Потому в ответ на заявления сторонников «теории заговора» специалисты отмечают, что корейское общество все равно остается гораздо более закрытым для иностранного проникновения, чем общество других стран Дальнего Востока. Хотя РК интегрировалась в новый миропорядок, она активно защищала свой внутренний рынок от иностранного влияния. На улицах Сеула почти нет иностранных автомобилей. Иностранные продукты, косметика или украшения являются престижным дефицитом, на который корейцы с радостью тратят деньги. Однако желание воспринять иностранную культуру не на уровне моды отсутствует¹⁸.

¹⁴ Сеульский вестник, № 81, январь 2004 г., с. 14.

¹⁵ Breen M. The Koreans... С. 159.

¹⁶ Ha Yong-chool. Are Koreans chauvinistic? // Korea Focus, 1998, vol.6, no. 3.

¹⁷ Korea Times, 25.05.1998.

¹⁸ Nahm Chai-bong. Alarmist Talk about Foreign Dominance. // Korea Focus. 1998, vol. 6, No. 1, с. 114-116.

Отношение к давлению со стороны Запада следует разделить от отношения к вестернизации вообще. Пресловутые джинсы и «Макдональдсы» считаются не столько принадлежностью американской культуры, сколько деталью современного образа жизни. Молодое поколение активно гонится за модой, одним из экстремальных проявлений которой является мода на пластические операции, в основном – на глазах, что связано с желанием убрать характерный разрез глаз. При этом неудачная операция может стать причиной депрессии и даже самоубийства¹⁹.

М. Брин отмечает, что новое поколение корейцев начало более активно ездить за рубеж и более спокойно относиться к чужой для них пище²⁰. Молодежь все чаще отдает предпочтение гамбургерам и пицце, открывает для себя сыр и вино²¹.

Изменилась и реакция на иностранцев. Если ранее появление «белого человека» всегда сопровождалось определенным ажиотажем, тыканьем пальцами и криками «хэллоу», то теперь оно уже не вызывает такой активной реакции. М. Брин считает, что это связано как с изменением отношения к белым, которых перестали воспринимать как смесь сверхчеловека и экзотического животного, так и с тем, что под влиянием моды корейцы начали активно красить волосы, из-за чего иностранец стал меньше выделяться внешне²².

В РК уже не спешат выполнять любое требование Запада, связанное с подгонкой имиджа страны под европейские требования. Интересную иллюстрацию такой независимости М. Брин дает на примере судьбы ресторанов корейской кухни, в которых подают собачатину. В 1988 г., когда на фоне олимпийских игр активисты Общества защиты животных подняли по этому поводу невообразимый шум, подобные заведения были или переименованы, дабы иностранцы не могли догадаться, чем там кормят, или закрыты/удалены с центральных улиц. Когда же в 2002 г. в связи с проведением в стране Чемпионата мира по футболу этот вопрос всплыл снова, корейцы ограничились тем, что ввели закон, запрещающий особо зверские способы забивания собак²³.

Впрочем, и сейчас любое действие, способное спровоцировать ксенофобию или воспринятое как намеренное неуважение традиций или унижение корейского национального достоинства, вызывает яркий отклик. В 2000 г. по студгородкам прошла волна протестов, связанная с появлением в интернете сайта группы студентов и постоянно проживающих в РК граждан США под названием «Ненавижу жизнь в Корее», содержащий большой список «глупостей, которые так мешают жить» - от излишне острой еды до многих элементов традиции. Пристрастное суждение по отношению к

¹⁹ Сеульский вестник, № 83, март 2004 г., с. 9.

²⁰ Breen M. The Koreans... С. 250.

²¹ Толорая Г.Д., О Ён Иль. Как живут южнокорейцы? // Сервер «Заграница», http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a960.shtml.

²² Breen M. The Koreans... С. 249-250.

²³ Breen M. The Koreans... С. 251.

корейским спортсменам на Зимней олимпиаде 2002 г. вызвало еще больший всплеск антиамериканских настроений, выразившийся и в массовой хакерской атаке на американский интернет, и в создании серии сайтов яркой антиамериканской направленности.

Интересно рассмотреть и проблему английского языка. С одной стороны, мы знаем о проявлении ксенофобии: «литературный английский» является объектом неуважения, особенно в молодежной среде, в которой его серьезное изучение трактуется как «демонстрация низкопоклонства». Кореец, говорящий по-английски не с иностранцами, воспринимается агрессивно настроенной молодежью почти как национальный предатель. Вывески на иностранном языке также, в конце концов, были признаны «развращающими молодежь» и запрещены официально²⁴.

С другой стороны, использование англицизмов в речи очень популярно среди молодежи, и, несмотря на антиамериканизм, употребление слов английского происхождения можно назвать «приметой времени». Ким Дэ Чжун тоже стимулировал преподавание английского языка, разъясняя молодежи, что английский язык сегодня - не государственный язык США, а язык мирового общения, без знания которого она не сможет жить в новом мире²⁵. А до случая со сбитыми школьницами в предвыборной программе Ро Му Хёна звучало предложение о введении английского в качестве второго государственного языка как языка, на котором в рамках глобализации говорит весь мир.

Курсов изучения английского языка в РК чрезвычайно много, однако, невзирая на стремление корейца говорить по-английски, иностранец не всегда понимает его правильно, потому что его речь изобилует не только непонятными английскими кальками корейских идиом, но и неправильным употреблением идиом английских²⁶. Как отмечают авторы статьи в «Сеульском Вестнике», английский, на котором изъясняется большинство корейцев, превратился в «конглиш», в значительной степени ориентированный на самих корейцев, а не на носителей языка²⁷.

Национализм и патриотизм

Всплеск ксенофобии в начале эры МВФ породил достаточно бурную волну дискуссий о том, чем отличается любовь к родине от поддержания престижа нации и где «хороший» патриотизм переходит в «плохой» национализм.

Основным мнением было: национализм есть любовь к своей нации и к своему национальному, а патриотизм — любовь к стране (проживания) и готовность пожертвовать чем-то ради ее блага. В рамках подобной

²⁴ Breen M. The Koreans... С. 60.

²⁵ Korea Times, 16.05.1998.

²⁶ Korea Times, 22.07.1998.

²⁷ Сеульский вестник, № 77, июль 2003, с. 17-18.

концепции корейцы - националисты, но патриоты - не всегда, ибо государству предпочитается ближний круг.

В эти споры был вовлечен и президент Ким Дэ Чжун, который оказался в двойственном положении. С одной стороны, он должен был проводить политику, ограничивающую тенденции к ксенофобии, которая отталкивает иностранных инвесторов и формирует негативный облик Кореи в глазах Запада. С другой - как президент, был обязан играть роль патриота №1 и направлять волну патриотических настроений в нужное ему русло. Обратившись к населению с просьбой прекратить действия, вызывающие национализм и ксенофобию, он отметил, что пришло время, когда корейцы должны искать сотрудничество с остальным миром. Времена, когда покупать только корейское было патриотично, давно прошли, ибо в период системы мировых внешнеэкономических связей национальные барьеры теряют значение, поскольку «мы должны состязаться со всем миром»²⁸.

Грань между «хорошим» патриотизмом и «плохим» национализмом, старались провести при помощи средств массовой информации. Типичным примером публикации на тему «Какой патриотизм нам нужен» является очень хорошо написанная статья Уильяма Беннетта «Патриотизм против национализма»²⁹, фрагменты из которой я позволю себе привести.

«Патриот любит свою страну, националист ненавидит другие страны. Патриот признает ошибки, совершенные страной, националист отрицает их...

Националист покупает свое, патриот - то, что ему необходимо. Патриот борется для того, чтобы сохранить свой образ жизни, националист - за то, чтобы навязать его другим. ...

Патриот все помнит и прощает, националист никогда не забывает и ищет мести. Патриот хочет победить, националист любой ценой должен победить...

Патриот признает свои ошибки, националист требует свои права. Патриот пойдет в тюрьму за свои убеждения, националист готов посадить в тюрьму другого... Националист знает Конституцию страны наизусть, патриот понимает, что она значит. Патриот поймет националиста, но националист никогда не поймет патриота - они по разные стороны баррикад».

Похожая трактовка встречалась у Дэвида Стейнберга, указывавшего, что пожертвование золотых украшений для пополнения золотого запаса страны - это «хороший патриотизм», а борьба с внешним экономическим влиянием - «недопустимый национализм».

²⁸ Korea Times, 28.09.1998.

²⁹ Korea Times, 22.05.1998.

Национализм как средство сплочения корейской диаспоры

Вопрос о патриотизме и национализме тесно связан с таким элементом политики как воспитание чувства психологической принадлежности к нации и восприятие глобализации как навязывания миру «правильного» понимания того, что есть Корея, и идеологического наступления, призванного сделать свое достояние достоянием всех. Любой хотя бы немного прославившийся за рубежом кореец вне зависимости от того, насколько он известен за пределами своей родной страны (Пэк Нам Чжун или Виктор Цой), немедленно получает в РК статус героя и гордости нации³⁰.

В южнокорейских СМИ постоянно проходят сюжеты о представителях диаспоры за рубежом, корейцы искренне радуются их успехам. «Соотечественники, проживающие за рубежом», занимают очень важное место в планах южнокорейских стратегов и идеологов, а в умы южнокорейского населения активно вкладывали мысль о единстве Кореи и диаспоры.

Активная работа с диаспорой проводилась и ранее, но в правление Ким Дэ Чжуна был введен Закон о корейцах, проживающих за рубежом, согласно которому на территории страны представители диаспоры должны были пользоваться почти теми же правами и привилегиями, что граждане РК. Как сказал Ким Дэ Чжун, зарубежные корейцы должны быть высокодостойными гражданами своих стран, одновременно стараясь вносить витальный вклад в развитие своей исторической Родины³¹.

Конечно, ясно, что эта программа была ориентирована, в основном, на корейцев Америки и Японии. На первых - с расчетом на то, что они будут помогать стране материально, на вторых - что они более не станут скрывать свое происхождение, и родина открыто и легально примет их (предоставив им больше благ, чем предлагают КНДР и Чхонрён). Кроме того, вполне возможно, определенное влияние оказал и китайский опыт: известно, какую важную роль «хуацяо» играют в инвестициях в экономику КНР, лоббировании ее интересов в странах Запада³².

Что же до корейской диаспоры в других странах, то бывших советских, а ныне российских, казахских, узбекских и т. д., корейцев этот закон, по понятным причинам, не касается, а в отношении корейцев, проживающих в КНР, эта политика наталкивается на жесткое противодействие Пекина. В середине 1990-х гг. в связи с кампанией по предоставлению южнокорейского гражданства китайским корейцам между КНР и РК возник настоящий дипломатический скандал³³, связанный с тем, что, помня опыт развала российских национальных окраин, Пекин стремится проводить политику интернационализма и воспитания патриотизма как лояльности по

³⁰ Сеульский вестник, № 76, с. 23.

³¹ Korea Times, 13.08.1998.

³² Пироженко О. «Утерянная земля»: китайско-корейские разногласия в трактовке истории Когурё. // Проблемы Дальнего Востока, 6/2004.

³³ Пироженко О.

отношению к стране проживания. Таким образом, националистические устремления РК, направленные на то, чтобы сделать из «граждан КНР корейской национальности» «корейцев, проживающих в Китае», представляют для него стратегическую угрозу.

Власти РК не оставляют попыток создать на территории российского Дальнего Востока район компактного проживания корейцев, однако единства по этому поводу в диаспоре нет, идея вызывает резкое осуждение местных силовиков, справедливо опасющихся последствий появления такой автономии. Сегодня ни в одном районе российского Дальнего Востока корейцы не проживают компактно, и только в 1920-1930-х гг. на юге Приморья³⁴ их численность превышала 50 % населения.

Основные мифы корейского национализма

Ведущие установки, лежащие в основе националистического компонента идеологии обоих корейских режимов, можно перечислить достаточно легко. В первую очередь это миф о **национальной исключительности корейцев**, замечательных во всем. В своей статье «Миражи в центре Сеула, или размышления о корейском патриотизме» Т. Габрусенко приводит целую коллекцию таких «бытовых мифов»: об особой любви к ребенку, из-за которой корейская мать носит его на спине (не то, что западная женщина, равнодушно заталкивая свое чадо подальше в коляску, с глаз долой); о превосходстве заклеенных бумагой окон над окнами застекленными (оказывается, предки заклеивали окна бумагой намеренно, чтобы создать интимный полумрак, которого не может быть в банально светлой западной комнате); о выдающейся калорийности и полезности «обезжиренной» корейской кухни; даже о преимуществе завязок на традиционных корейских штанах перед западными пуговицами³⁵.

Пропаганда эта ведется весьма агрессивно и примитивно. Характерные примеры – цитата из рекламной листовки, представляющей иностранцам коллекцию современной корейской керамики: «Как известно, наша великая керамика имеет 1000-летние традиции. Поэтому с нашей коллекцией ни в какое сравнение не идет известная французская (sic!!) картина «Мона Лиза», имеющая всего лишь 400-летнюю историю», или название сюжета в утренней программе Эс-Би-Эс: «Мы должны доказать превосходство *кимчи* всему миру»³⁶.

Кстати, о том, что *кимчи* содержит некие вещества, облегчающие пищеварение, и что корейцы – единственные из представителей вида *гомо сапиенс* не вырабатывают это вещество сами и потому вынуждены употреблять *кимчи*, в разговоре с К. Пуликовским упоминал и Ким Чен Ир. М. Брин указывает, что этот миф достаточно распространен среди корейцев,

³⁴ Нам С. Г. Корейский национальный район. Пути поиска исследователя. М., 1991, с. 20, 22.

³⁵ Габрусенко Т. Миражи в центре Сеула, или размышления о корейском патриотизме. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, рубрика «Статьи».

³⁶ Габрусенко Т. Миражи...

накладываясь на представление об их уникальности в рамках националистической идеологии³⁷.

При этом те элементы национальной традиции, которые в глазах иностранцев могут стать поводом причисления корейцев к «варварам» (например, то, что корейцы спят на полу или едят собачье мясо), замалчиваются или отрицаются.

Однако данный миф распространяется скорее на бытовом, а не государственном уровне. Нам гораздо более интересен **миф об исключительной древности корейского этноса**, продиктованный желанием корейских националистов «уравнять» во времени историю своей страны с исторической традицией своих соседей. Все граждане РК хорошо знакомы с формулой «пятитысячелетняя история Кореи», которую принято отсчитывать с 2333 г. до н. э. (времени восшествия Тангуна на престол). Хотя, как можно заметить, не набежало и четырех с половиной, тысяч, цифра «5000 лет» понравилась корейским националистам потому, что она ровно в два раза превосходила официально признанный возраст японской монархии, которой, согласно государственному мифу Японии, исполнилось «всего» две с половиной тысячи лет.

Нечто подобное происходило и в КНДР. В конце 1990-х гг. ученые Пхеньяна развивали идею так называемой «Тэдонганской культуры», которую они считали одной из пяти или семи колыбелей человечества и одной из древнейших цивилизаций наряду с египетской, месопотамской и т. п. Публикации на эту тему продолжаются и сейчас, однако доминирующим мифом этого направления является миф о Тангуне.

Для корейского национализма характерны две тенденции в отношении прародины корейцев, которые несколько противоречат друг другу. С одной стороны, это желание доказать, что корейцы издревле присутствовали на полуострове, с другой – корейскому этносу приписывали распространенность на большей территории, что могло вылиться в предположение о том, что на полуостров древние корейцы пришли извне, с некоей мистической прародины.

Преобладание той или иной тенденции отчасти зависело от уровня интеграции страны в международное сообщество: чем сильнее дух опоры на собственные силы, тем крепче позиции автохтонности. Когда же господствующей идеологией оказывалась глобализация или, как в КНДР до окончательного перехода к *чучхэ*, пролетарский интернационализм, корейцы оказывались более связанными с внешним миром.

На Севере все было достаточно просто. Как только *чучхэ* стало господствующей идеологией, было объявлено, что Корея - одна из колыбелей человечества и что корейцы всегда жили там, где живут сейчас. Любые попытки изучать родственные связи корейского языка находятся в Северной Корее под строжайшим запретом. Родственников у корейского языка быть не может по определению, и сомневаться в этом - тяжкое политическое

³⁷ Breen Michael. Kim Jong-il... С. 146.

преступление³⁸.

На Юге основу корейского национализма во многом строили на рассуждениях Чхве Нам Сона. Будучи автором нескольких работ по корейской истории, Чхве пытался объявить Корею колыбелью мировой цивилизации и родиной солярного мифа, и даже, в лучших традициях Н. Я. Марра используя звуковые совпадения, доказывал, что представители корейской цивилизации основали Персию и Бухару.

Большая часть подобных историков опирается не на «*Самгук саги*» (ее составителя Ким Бу Сика критикуют за излишний китаецентризм и гипотетическое уничтожение более древних и более верных источников), а на «*Самгук юса*» и разнообразные тайные писания корейских даосов, определением датировки которых специально никто не занимался.

В трудах националистов этой группы активно муссируется тема Тангуна не только как первопредка корейской нации, но и как создателя новой цивилизации, распространившейся по всей Азии и имевшей свои религии – шаманизм и солярный культ. Так называемые доказательства этого базируются, в основном, на существовании в самых различных регионах шаманской традиции и поклонения Солнцу, а также – на механически вырванных из различных языков сходно звучащих элементах топонимики.

С ростом интеграции РК в мировое сообщество возросли позиции тех, кто пытается доказать пришествие корейцев с некоей мифической прародины, находящейся далеко за пределами полуострова. Продолжая отрицать трехкомпонентное (протоалтайско – австронезийско – палеоазиатское) происхождение корейского этноса, который возник как смесь разных этнических групп, в то же время новые националисты с восторгом восприняли выводы зарубежных лингвистов, которым в последние десятилетия удалось окончательно доказать отдаленное родство корейского и алтайских языков. Причина этого энтузиазма понятна: широкие родственные связи дают основания для имперских притязаний.

Они же могут стать опорой для еще одного мифа – **мифа о былом величии**. «Униженное настоящее» стремятся компенсировать выдающимся прошлым, начиная от раздувания тех моментов корейской истории, когда маленькая Корея смогла взять верх над большими соседями (Китаем или Японией), до активного педалирования корейского вклада в мировую культуру: о наборном металлическом шрифте, дождемере и *кобуксоне* знает каждый кореец.

Другое проявление мифа о былом величии – территориальные притязания, пока имеющие форму разглагольствований о том, какими великими мы были раньше и какие территории мы потеряли.

Разговоры эти ведутся по двум направлениям. Первое как бы «расширяет» понятие «кореец». Характерный (и типичный) пример таких построений - книга Кеннета Ли, недавно вышедшая в США. В ней автор

³⁸ Ланьков А. Два источника...

именует корейцами все алтайские народы Дальнего Востока, включая маньчжур или киданей³⁹. Такой подход - очень популярный среди националистов - позволяет объявить «корейскими» все кочевые империи Дальнего Востока. Похожие тенденции, к несчастью, можно обнаружить и у ряда российских авторов корейского происхождения, у которых стремление возвеличить корейскую нацию накладывается на увлечение теориями Л. Н. Гумилева, следствием чего, например, являются «исследования» Г. А. Югая, который в нескольких своих книгах⁴⁰ отнес корейцев к ариям.

Второе направление - собственно разговоры об утраченных землях, которые переводят в разряд «условно корейских» достаточно большие территории. В первую очередь это те территории Маньчжурии, которые некогда были частью Когурё. «Утраченными» считаются и земли государства Бохай (Пархэ), которое, напомним, существовало в Маньчжурии (и, частично, на территории российского Дальнего Востока) в VIII-X вв. Первым с такими заявлениями выступил известный националистический публицист Ан Чхон, чей пятисотстраничный том «Маньчжурия - наша земля»⁴¹ стал в Корее бестселлером и выдержал несколько переизданий. Конечно, никто из корейских националистов не говорит открыто о территориальных притязаниях и не призывает к немедленной войне с Китаем за «возвращение» Маньчжурии. Речь идет о другом - о необходимости копить силы: «Мы должны наращивать нашу мощь. Мы должны не снижать темпов экономического роста. И тогда мы все вместе вернем нашу землю, нашу Маньчжурию»⁴².

К проявлениям корейского национализма этого типа можно отнести и требования переименовать Жёлтое и Японское моря в Западно-Корейское и Восточно-Корейское. Естественно, особое внимание уделяется Японскому морю, ибо здесь на грезы об утраченных землях (в данном случае, водах) накладывается еще один очень важный для понимания корейского национализма **миф о внешних происках**.

Злую волю японцев стараются искать во всем, их обвиняют в том, что благодаря политике ассимиляции Корея безвозвратно утратила большую часть достижений национальной культуры. Даже написание слова «Корея» с буквы «К» объясняется тем, что японцы специально навязали миру написание через «К», а не через «С», с тем, чтобы при перечислении стран в алфавитном порядке на латинице Япония шла раньше.

Более левые националисты распространяют этот миф и на Китай, выстраивая концепции того, какой процветающей была бы Корея в случае, если бы объединителем Трех Государств оказалось Когурё или если бы увенчался успехом мятеж Ким Ок Кюна. Вообще, следует обратить внимание на то, что образ Когурё всегда привлекал левых националистов, так как, в

³⁹ Kenneth B. Lee. Korea and East Asia: The Story of a Phoenix. London, 1997.

⁴⁰ Югай Г. А. Этногенез корейцев в единой семье арьев: славян, тюрков... Алматы, 2003; Общность народов Евразии - арьев и суперэтнотосов - как национальная идея: Россия и Корея. М., 2003.

⁴¹ Ан Чхон. Манчжу-нын ури ттан (Манчжурия - наша земля). Сеул, 1990.

⁴² Заметка Ли Санъ-хо. *Манчжу-нын ури ттан* (Манчжурия - наша земля). // *Сеге ильбо*, 23.09.1993 г., с.11.

отличие от прокитайского Силла, Когурё было не только менее проникнуто китайской культурой, но и эффективно противостояло попыткам Китая его покорить, не раз давая отпор превосходящим силам противника.

Отголоски этого мифа видны и в трактовке корейскими националистами причин Корейской войны, вину за развязывание которой они стремятся возложить не на руководителей корейских государств, а на Россию и США. На Севере эта пропаганда разворачивается в рамках общей концепции антиамериканизма в сочетании с рассказами о зверствах янки во время войны, на Юге более правые националисты называют виновником Сталина, более левые – Сталина и Трумэна. Критикуя взгляд на Корейскую войну как на неизбежный итог противостояния двух мировых систем (такой подход они называют великодержавным), они считают, что, будь мнение самих корейцев и ситуация внутри страны не были бы сброшены со счетов, конфликта можно было избежать или обойтись меньшей кровью. Сюда же – и рассуждения сторонников теории заговора, объясняющие экономический кризис 1997 г. в РК только внешними причинами.

Другая сторона мифа о внешних происках – это замалчивание позитивной стороны иностранных влияний. Неприятные для официальной точки зрения моменты истории или удаляются из учебников, или присутствуют в курсе истории в минимальном объеме. Как мы уже упоминали, сказать что-либо о позитивном влиянии Японии на Корею во время колониального господства для корейского историка равносильно научному самоубийству. Несколько менее «опасно для жизни» говорить о заимствовании японского опыта в ходе корейской модернизации (упоминать об этом можно, но в рамках критики Пак Чжон Хи) или о том влиянии, которое оказало на Корею присоединение к китайскому культурному региону.

Борьба с излишним китайским влиянием во многом проходит также в русле поддержки не задетых Китаем элементов национальной традиции и стремления сократить лексический пласт слов китайского происхождения и количество употребляемых в письменных текстах иероглифов. Замена бытовых слов китайского происхождения исконно корейскими особенно четко проявляется на Севере - например, вместо «суро» (канал) предлагается говорить «*мулькиль*».

Кроме того, миф о внешних причинах неудач оказал влияние на образ корейцев как «больше всех пострадавших». Не только преподобный Мун Сон Мён, но и некоторые протестантские пасторы совершенно серьезно пропагандируют идею о том, что с некоторых пор именно многострадальные корейцы являются богоизбранным народом, ибо перенесли более всех мучений. По их мнению, 35 лет под японским игмом, затмевают 2000 лет еврейской диаспоры и Холокост в придачу.

Национализм в истории и создание ее «государственной трактовки»

На Дальнем Востоке история всегда воспринималась не столько как отражение истинного прошлого, сколько как учебник дидактики: набор позитивных примеров и исторических прецедентов, призванных оправдать существующее положение дел. Поэтому в отличие от западной научной традиции, на Дальнем Востоке ей отводилось особое место и придавалось практически сакральное значение. Органы по составлению государственной истории пользовались вполне ощутимым политическим влиянием, а апелляция к историческому прошлому становилась основным аргументом в политической дискуссии⁴³.

В Корее этот фактор, пожалуй, особенно заметен. Мы уже говорили, что корейцы обладают очень сильным чувством исторической памяти, благодаря которому современные проблемы привычно объясняются наследием прошлых лет. Даже истоки современного корейского регионализма пытаются искать во времени Трех Государств, сделав ённамско-хонамское соперничество «правопреемником» борьбы государств Силла и Пэкче.

Пропаганда национализма через «правильное понимание» истории отражается не только на создании индоктринирующей школьной программы, в которую включены все «государственные мифы», но и на активном внедрении именно этой концепции корейской истории за рубежом под предлогом «борьбы с фальсификаторами истории». К ошибкам собственных историков, в том числе и подобного плана⁴⁴, отношение у них часто куда менее критичное.

Одновременно стоит отметить относительную слабость развития исторической науки как на Севере, так и на Юге. В КНДР изучение истории из научной дисциплины во многом превратилось в собирание и упорядочение мифов, политически полезных для передаваемого по наследству руководства страной. Работа с историей касалась в основном переписывания недавнего прошлого, связанного с выправлением биографии Ким Ир Сена, которая переписывалась несколько раз, и постепенным снижением упоминаний о роли Советского Союза⁴⁵.

Поначалу на это накладывался процесс слияния научной интеллигенции с партийно-государственным аппаратом. Историки становились политиками, а политики принимались за написание истории страны. Новая официальная версия истории Кореи писалась в конце 1940-х гг. согласно плану, выработанному кабинетом министров КНДР под руководством именитых историков-политиков - Чхве Чхан Ика и Пэк Нам Уна⁴⁶.

⁴³ Пироженко О.

⁴⁴ Более подробно об этом – в серии работ Т. М. Симбирцевой, посвященных критике южнокорейской теории «русской угрозы Кореи».

⁴⁵ Так, четвертое издание собраний сочинений Ким Ир Сена отличается тем, что из него вымараны все упоминания об участии в освобождении страны Советской Армии, ее место заняли «антияпонские партизаны».

⁴⁶ Петров Л. А. Взлет и падение марксистской историографии в Корее. // Сервер «Заграница», <http://world.lib.ru/rating/comment/index-24.shtml>.

На том этапе историческая наука КНДР следовала канонам марксистско-ленинской историографии. Древнюю историю, например, подгоняли под советские штампы общественного развития, пытались найти в Корее и классическое рабовладение, и зачатки капитализма, - игнорируя региональную специфику и обвиняя в ревизионизме историков, которые с этим не соглашались.

Однако, на фоне борьбы с низкопоклонством и с учетом роли Чхве Чхан Ика в событиях 1956-1957 гг. как одного из лидеров разгромленной антикимирсеновской оппозиции, историков-марксистов стали громить. Уцелеть удалось лишь Пэк Нам Уну, и то потому, что к тому времени он ушёл в административную деятельность⁴⁷.

В начале 1960-х гг. «интерес к истории» проявил Ким Чен Ир, который после поступления на социально-экономический факультет университета в 1960 г. подверг резкой критике своего преподавателя истории за «догматизм» и вскоре сам выступил перед аудиторией с докладом «О пересмотре вопроса объединения Трёх Государств». Естественно, в итоге марксистская историография в целом была полностью заменена на новую, «чучхейскую» академическую традицию, в которой понимание исторических процессов основано, скорее, на идеалистическом понимании устройства мира, нежели на материалистических принципах классовой борьбы и экономической целесообразности.

На Юге выработка исторической концепции началась при Пак Чжон Хи. История страны оценивалась с точки зрения национального сознания и национальной самобытности. По словам историка Чхве Чхан Гю, принимавшего участие в создании государственной трактовки истории, «главное для южнокорейской политической теории – освещение ее корейзированной сущности, что может быть достигнуто лишь путем выяснения исторической исключительности корейской нации»⁴⁸. Другой историк, Ли Чжон Ик, бывший профессор, политолог и разработчик *чучхэсон*, создал периодизацию корейской истории, целью которой было показать древние корни корейской государственности.

Активно продвигались и идеи теоретиков «культурного национализма», которые, живя во время японского колониального правления, развивали национализм преимущественно в культурно-историческом плане, теоретизируя на темы корейского прошлого. Элементы национальной исключительности корейской идеологии проявлялись в учении *Тонхак*, а затем – в Первомартовском движении.

При этом ведущей фигурой этого движения объявлялся Чхве Нам Сон, что небезынтересно, так как с одной стороны, Чхве был одним из авторов Декларации Независимости, с другой – в более позднее время активно сотрудничал с японцами, был одним из первых переделавших свою

⁴⁷ Петров Л. А.

⁴⁸ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 131.

фамилию на японский лад и участвовал в движении «За единение императора и народа»⁴⁹. Однако для официальной идеологии РК было важно скорее не это. Чхве предполагал, что самобытная корейская идеология с древнейших времен развивалась лишь на юге полуострова и «настоящая Корея» находится на Юге.

Параллельно с созданием собственной трактовки истории, и Север, и Юг, активно **«борются с фальсификаторами»**. Любое «искажение истории» в учебниках других стран, особенно задевающее тот или иной «государственный миф», немедленно вызывает всплеск бурного негодования и организованное сверху «возмущение народа». Больше всего в этих случаях достается японцам, чья историографическая традиция тоже в значительной мере проникнута идеями национализма и кардинальным образом отличается от корейской трактовки тех или иных событий «их совместной истории».

В 1983 г., как бы в ответ на очередные японские учебники истории, правительство Южной Кореи развернуло кампанию сбора средств, на которые был построен Мемориальный музей корейской независимости, так называемый *Тоннип Кинёмгван*, открытый в 1987 г., в основном посвященный именно борьбе корейского народа за независимость в период японского ига.

Иным примером южнокорейского подхода к мониторингу истории является правительственная кампания по формированию правильных представлений о Корее за рубежом (*Хангук паро аллиги*), которую проводят Академия корееведения и Институт по развитию образования в РК, являющийся головным учреждением РК по вопросам формирования учебной политики. Выполняя анализ учебников истории, активисты кампании не только указывают на ошибочные, с их точки зрения, представления о Корее, но и выдвигают предложения о том, как должно описывать тот или иной момент истории, призывают к контактам с корейскими образовательными учреждениями и распространению справочной литературы о Корее за рубежом.

Подобной стратегии придерживалась и Северная Корея. Достаточно вспомнить то, какие формы в 1970-е гг. приобретала полемика между российскими и северокорейскими историками на темы ранней истории Трех Государств или развития капитализма в Корее. Механически подгоняя историю своей страны под «марксистские рамки», ученые КНДР резко выступали против точки зрения М. Н. Пака, доказывавшего, что в Корее отсутствовало классическое рабовладение, и снабдившего переведенную на русский язык историю Кореи, написанную в Пхеньяне, значительным количеством комментариев, опровергавших позицию авторов учебника. Дело дошло до того, что в ЦК КПСС пришло письмо из Пхеньяна с просьбой разобраться с этим профессором. Конечно, тогда у нас режим уже не был

⁴⁹ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 134.

настолько авторитарным, и потому М. Н. Пак репрессий избежал, однако факт этот врезался в память большинства историков.

«Примеры славных предков» и различия в оценках историографии Севера и Юга

Как мы уже сказали, история подается как набор дидактических примеров, причем перечень лиц, фигурирующих в этих примерах и призванных служить образцами, достаточно характерен.

Наиболее великим и заметным, конечно же, является Тангун. С данного мифа начинается курс национальной истории, а с 1906 г. в РК существует «Тэчжонгё» («Вера в великого предка»), почитающая его как великого первопредка и основателя корейской нации. День рождения Тангуна является национальным праздником РК и начальной датой корейского летоисчисления, которое со времени основания страны в 1948 г. присутствует на официальных документах параллельно с обозначением дат по григорианскому календарю.

К образу Тангуна обращался и Пак Чжон Хи, а в правление Чон Ду Хвана распространение получили не только священные книги *тэчжонгё*, но и работы историков, изучавших «эпоху Тангуна» и умудрявшихся находить даже имена его полководцев или тексты боевых песен того времени. Наблюдая тенденцию связывать с именем Тангуна все больше событий из истории корейской культуры, М. Брин замечает, что при таких темпах через 200 лет будут найдены тексты, доказывающие, что Тангун изобрел баскетбол⁵⁰.

С начала 1990-х тангунофилия охватила и Север. До этого времени отношение к Тангуну в КНДР было негативным, особенно с учетом его прославления на Юге. Однако в начале 1990-х археологи КНДР заявили, что, раскопав гробницу, находящуюся в Кандоне провинции Пхеньян и именуемую в народе «могилой Тангуна», они нашли кости человека и, сославшись на материалы экспертизы, сделали вывод, что обладателем этой кости был именно Тангун⁵¹, являющийся частью северокорейской истории на том основании, что его резиденция находилась на горе Пэктусан.

В 1993 г. «могила Тангуна» отреставрировали, увеличив в размерах и постепенно превратив в мемориальный комплекс, а в сентябре 1993 г. гробница была открыта для публики. Месяцем позже эти раскопки посетил Ким Ир Сен, а в правление Ким Чен Ира на этом месте был построен музей, призванный подчеркнуть тот факт, что корейцы являются старейшей расой на Земле и имеют непрерывную культурную традицию длиной в 5000 лет⁵².

И Север, и Юг уделяют большое внимание культовым фигурам, связанным с успешным сопротивлением корейского народа внешней

⁵⁰ Breen M. The Koreans... С. 78.

⁵¹ Заметим, что существует и иная точка зрения, связанная с этой могилой. Ее считают захоронением эпохи Когуре.

⁵² Cumings B. Korea's place... С. 24.

агрессии. Особенной популярностью по обе стороны 38-й параллели пользуются Ыльччи Мундок и Ли Сун Син, хотя в оценке их деятельности акценты расставляются немного по-разному. Если на Юге внимание в основном обращается на выдающиеся личные качества этих людей, то на Севере нередко подчеркивается их близость к народу.

Интересны различия в трактовке военных кампаний. У северян Корея никогда не выступает в роли агрессора, она всегда обороняется, а наступательные операции объясняются борьбой за восстановление исконных земель или превентивными ударами по вражеским базам, у южан больше выражен мотив защиты границ или привнесения культуры «варварам». Победы корейского оружия всячески превозносятся. Что же до трактовок причин поражений, то на Севере их скорее объясняют бездарностью правителей, а на Юге в качестве основной причины выдвигают не слабость власти, а преимущество противника, обладающего или подавляющим численным превосходством, или неким «секретным оружием» (в историографии Имчжинской войны эту роль играют японские мушкеты).

Особенностью Юга можно назвать культ *хваранов*, которые преподносятся как образцовые подданные и пример гармонически развитых людей вообще. В окрестностях г. Кенджу, древней столице Силла, даже создан так называемый «Дом *хварана*», представляющий собой громадный комплекс с общежитиями на несколько сотен мест, спортивными площадками, местами для самостоятельных тренировок, куда каждую неделю приезжают «на сборы» ученики старших классов, которые проникаются там военно-патриотическим духом в условиях, максимально приближенных к тем, в которых жили настоящие *хвараны*.

Особенностью Севера можно назвать педалирование темы «борьбы с внешними агрессорами», принижение роли религии и преувеличенное внимание к руководителям народных восстаний, начиная от персонажей средневековья и заканчивая полководцами *Ыйбён*. Главное внимание, конечно, уделяется антияпонским партизанам, причем для меня постоянные ссылки на их опыт являются не столько ссылками на опыт военной стратегии, сколько – на опыт духовной стойкости. По аналогии с *хваранами* РК партизаны рисуются как идеальное сообщество совершенных людей, которые, несмотря на сложные бытовые условия, продолжали героически противостоять врагу, опирались на собственные силы и демонстрировали образцовую мораль. В условиях тяжелого нынешнего экономического положения страны образ партизан как «героев выживания» подчеркивается особо.

В этом контексте следует отметить, что южнокорейские авторы не только активно выступают против тенденции относить *Ыйбён* к социалистическому направлению антияпонской борьбы, возникшему под влиянием революции 1905 г., но и против того, чтобы их деятельность называли партизанской, так как в Южной Корее слово «партизан»

ассоциируется в первую очередь с «красными» партизанами, из рядов которых вышли Ким Ир Сен и его ближайшие соратники.

Интересны и различия в трактовке событий, связанных с обретением независимости от японцев. В КНДР освобождение страны советскими войсками изначально воспринималось с благодарностью и восторгом. Однако когда в ходе установления *чучхэ* и борьбы с низкопоклонством отношение к Советскому Союзу было значительно пересмотрено, его решающая роль в освобождении не отрицалась, но стала замалчиваться.

На Юге вопрос о том, кто освободил полуостров в 1945 г., также стараются не развивать. Вместо этого активно говорится о роли США в победе во Второй мировой войне вообще, а на том, когда их войска появились собственно в Корее, внимание не акцентируется. Образ американцев-освободителей был связан скорее с их ролью в войне 1950-1953 гг., когда они «освобождали Юг от коммунизма».

Тенденции в оценке Трех Государств и «дискуссия о Когурё»

Не очень понятно, насколько велика взаимная критика историков, но многие южнокорейские историки полагают, что разделение историографических школ зашло слишком далеко. «Разница между историографиями двух Корей подошла уже к тому пределу, когда единая история нации может навечно разделиться на две», - такой неутешительный вывод делает один из уважаемых в РК историков, профессор университета *Ихва* Син Хен Сик⁵³.

Наиболее явно, однако, различие северной и южной историографических школ проявляется в оценке роли Трех Государств. Здесь у каждой стороны - свои любимчики. Северная Корея уделяет особое внимание Когурё, подчеркивая тот момент, что данное государство играло роль защитника всех корейцев, вступая в многочисленные столкновения с китайскими племенами на севере, тогда как два других государственных образования, Пэкче и Силла, находившиеся в южной части полуострова, ни разу не пришли на помощь своим братьям⁵⁴. Кроме того, северяне рассматривают Когурё как интернациональное государство, сплотившее представителей разных племен в одну нацию⁵⁵.

Преемником Когурё северяне считают государство Бохай. Таким образом, в КНДР пытаются протянуть ниточку преемственности, причем первым объединенным корейским государством для них является не Силла, а Корё⁵⁶.

В РК особый упор делают на Пэкче (отмечают его функцию культурного моста и роль в трансляции корейской культуры в Японию) и Силла, которому

⁵³ Син Хен Сик. Историограф истории Кореи. Сеул, 1998, с. 23 (на корейском языке).

⁵⁴ Ефимова А. Север и Юг: попытки самоидентификации. // Доклад на первой конференции молодых корееведов. Москва, Институт Дальнего Востока РАН, 2001. Рукопись.

⁵⁵ Саблин В. С. 61.

⁵⁶ Cumings B. Korea's place... С. 489.

уделяется основное внимание. При рассказе о Силла подчеркиваются в основном существовавшие там «элементы традиционной корейской демократии» и его роль первого объединителя страны, причем о том, что страна была объединена при помощи танского Китая, стараются не упоминать.

Что же касается Когурё, то его значимость склонны принижать. Так Эндрю Нам в своей книге «Введение в историю Кореи» («Introduction to Korean History») характеризует *ванов* Когурё как «посредственных правителей»⁵⁷, из-за недалёковидности которых царство постепенно пришло в упадок. Южнокорейские историки подчеркивают доминирующее положение культуры Силла. По их мнению, «этническая консолидация произошла именно на базе силласского субэтнуса»⁵⁸.

Более того, в эпоху жесткого противостояния Севера и Юга в среде историков РК появилась тенденция считать Когурё «не совсем корейским» и включать в число корейских государств лишь «условно». Ряд специалистов вообще пытался доказать принципиальные различия между когурёсской и силласской культурами, из-за которых древних когурёсцев можно называть корейцами с определенной натяжкой. Понятно, что такая точка зрения накладывалась на отношения между Севером и Югом и должна была подчеркнуть принципиальную инаковость Севера, особенно с учетом того, что из Трех Государств КНДР всегда стремилась выделять именно его.

Заметим, что эта точка зрения была популярна не только среди историков РК. Такого мнения придерживался и А. Ланьков, указавший в одной из своих статей, что «известные нам несколько сотен когуресских слов не имеют отношения к корейскому языку. На основании этих слов когуресский можно уверенно считать одним из диалектов... древнеяпонского»⁵⁹.

Что же до Бохай/ Пархэ, то на Юге интерес к этому государству и стремление объявить его частью корейской истории начались в 1997-1998 гг., когда с началом «солнечной политики» стало понятно, что до объединения страны далеко, и под данную ситуацию понадобился исторический прецедент существования двух корейских государств по образцу не ГДР и ФРГ, а Германии и Австрии.

С другой стороны, нельзя не отметить, что когда речь заходит об общекорейском наследии, обе стороны придерживаются иной точки зрения, - настолько, что в 2003 г. корейцы даже пытались объявить архитектурными памятниками своей страны когурёсские сооружения на территории КНР.

Выводы

⁵⁷ Nahm.A. Introduction to Korean History and Culture. Seoul, 1993,c.31.

⁵⁸ Син Хен Сик. С.14.

⁵⁹ Ланьков А. Два источника...

Пожалуй, на текущий момент именно национализм является элементом идеологии, играющим основополагающую роль в установках каждого из корейских государств. Нередко принимая достаточно экзальтированную форму, характерную для национализма малых стран, стремящихся найти козыри в противопоставлении себя более сильным соседям, корейский национализм, тем не менее, остается вероятной базой, способной стать идеологией объединения страны. Несмотря на то, что между патриотизмом и корейским национализмом существуют определенные расхождения, опыт РК по стимулированию интереса к национальной культуре, выходящий за рамки квасного патриотизма, а также – по работе с историческим пространством, заслуживает внимательного изучения.

Между националистическими концепциями Севера и Юга есть определенные расхождения, но расхождения эти тактического плана и с ростом межкорейского диалога могут быть преодолены в рабочем порядке. Так, можно обратить внимание на то, что хотя официальный северокорейский национализм по-прежнему критикует конфуцианство, элементы конфуцианской традиции постепенно внедряются в идеологию Севера. С другой стороны, можно обратить внимание и на определенное полевание идеологических установок Юга, особенно в вопросах, связанных с пересмотром отношения к США.

Вообще, любое воздействие со стороны является дополнительным стимулом для усиления националистической тенденции. Показательно в этом смысле то, что когда дело заходит о «покушении на корейские исторические ценности» со стороны внешних сил (будь то японские учебники истории или новая трактовка Китаем роли Когурё) Север и Юг выступают единым фронтом.

Глава седьмая. Государственная идеология. (Либеральная) Демократия и ее восприятие в Корее

*Для нас, корейцев, демократия означает право выбирать своего
собственного диктатора¹.*

Ро Тхэ У

Общие положения

Единой трактовки того, что такое демократия и что такое либерализм, в современной западной политологии нет. Тем не менее, под либерализмом обычно понимается идея политического регулирования общества, ограничения влияния на личность коллективной среды и участия всего общества в управлении государством через систему представительств².

Произнося слово «демократия», мы не всегда держим в голове ее четкое определение, и при упоминании данного слова в уме среднего человека возникает обычно некая комбинация прав и свобод, являющихся синонимами обеспеченной и безопасной жизни. Это определение демократии, которое активно используется в политической пропаганде, близко к трактовке Ф. Шмиттера, который в качестве критериев демократии выделяет полноправие граждан, состязательность власти (как право граждан отдавать предпочтение той или иной политической силе и способность различных институтов влиять на политику в перерывах между выборами³. Кроме того, современная трактовка демократии непременно включает в нее плюрализм как наличие большого числа точек зрения на одну проблему и свободу их исповедания.

Между тем, классическое определение демократии, к которому привык я, есть «форма власти, характеризующаяся официальным подчинением меньшинства большинству и признанием свободы и равноправия граждан»⁴. Такое определение подразумевает в первую очередь власть народа как его способность непосредственно участвовать в процессе принятия государственных решений. Именно из этой способности вытекают «вторичные признаки демократии»: высокий уровень прав и свобод личности; взгляд на государство как на инструмент, призванный обеспечить благополучие народа, а не как на давящую на него структуру, и т. п. Однако в последнее время в качестве критерия уровня демократии выдвигаются именно вторичные, если не третичные признаки - высокий уровень среднего дохода, образование, индустриализация, урбанизация и развитие средств связи.

Подобная подмена понятий, как мне кажется, связана с тем, что в современном массовом сознании происходит своего рода слияние

¹ Breen M. The Koreans... С. 220.

² Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 58.

³ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 59.

⁴ Философский словарь. М., 1986.

демократии и либерализма, в то время как ценности этих систем во многом противоположны друг другу. Личная свобода, которую в качестве основного приоритета выдвигает либерализм, ставится им выше требований общества, в то время как в условиях демократии желания меньшинства, в том числе и касающиеся его личной свободы, уступают желаниям большинства.

Очень многое упирается в понимание демократии как народовластия. Но характеристикой «современной демократии» является то, что при декларированном народовластии реальный уровень политической активности масс и их способности принимать компетентные решения достаточно невысок. Помимо этого, со временем разнородность народа возрастает, и под народовластием начинают понимать систему, при которой любая «заинтересованная группа» может принимать гарантированное участие в управлении государством. Именно ради этого, как принято считать, была создана парламентская система, воспринимаемая ныне как неотъемлемая деталь демократического общества. Суть ее в том, что представители различных групп, течений или партий проводят своих представителей в парламент, где затем в ходе борьбы между этими партиями и в зависимости от расстановки сил одна из них оказывается способной навязать остальным свое видение проблемы.

Парламентаризм в данном понимании сочетается с существующей в американской политологии концепцией «представительской, или репрезентативной демократии», отличающейся от традиционной концепции демократии тем, что представитель каждой социальной или общественной группы гарантированно имеет «свой голос во власти». В отличие от монолитного общества, на которое был ориентирован классический вариант, репрезентативная демократия рассчитана на общество, состоящее из разнородных групп, интересы которых часто противоречивы.

Такая модель сложно сочетается с иными концепциями государства, и не только с дальневосточной конфуцианской, однако не следует думать, что идеи, связанные с понятием «демократия» в массовом сознании, в китайской культуре отсутствуют вообще. Восприятие демократии, особенно такого ее компонента как плюрализм, можно проанализировать через конфуцианские категории «хэ», которую принято переводить как «гармония», и «тун», которую принято переводить как «согласие». Однако более внимательный анализ, сделанный Л. С. Переломовым⁵, трактует хэ как единство через разномыслие, а тун – как единство через послушание.

Конфуций отдавал предпочтение хэ, сравнивая достигнутую таким образом гармонию с гармонией вкуса, полученного при приготовлении блюда, когда ингредиенты различного вида и различного вкуса в сочетании создают нечто новое и удивительное, или с музыкой, состоящей из разных нот.

Кстати, первые китайские социалисты для обозначения социалистического общества и его «великого единения» использовали

⁵ Переломов Л. С. Конфуций. Лунь юй. М, 1998, с. 150.

термин «*да тун*», что предполагало единение через нивелирование и «приведение всех к единому стандарту», в то время как новое китайское руководство, говоря о важности и необходимости плюрализма, апеллирует именно к категории хэ.

Эволюция демократических элементов в корейской политической культуре

По мнению автора, до провозглашения Республики Корея в 1948 г. корейцы не были знакомы с основами демократии и не имели представления о демократических институтах. «Западная мысль была привлекательна в той мере, в какой она поддерживала стремление корейцев к свободе, однако лидеры националистов, не говоря уже обо всем населении, вряд ли хорошо понимали чужие им западные представления о политике»⁶. Для политической культуры не были свойственны желание поделить власть или достичь компромисса и согласия в политической сфере.

Конечно, с интеграцией РК в международное сообщество в стране начались попытки доказать, что элементы демократической традиции исконно присутствовали и в традиционной Корее. Как пример исконно корейской демократии рассматривались внутриобщинные отношения и особенно Совет Старейшин *Хвабэк* эпохи Силла, существование которого «демонстрировало» наличие демократической традиции в Корее раньше, чем на Западе. Следует, однако, помнить, что хотя *Хвабэк* ограничивал власть государя, он являлся именно Советом Старейшин, и по мере совершенствования государственной системы от Силла к Корё был отброшен.

Нередко в предпосылки демократии записывают даже борьбу феодальных партий, когда «конфликты проходили не на грубом уровне, а ученые могли высказывать свои суждения с помощью логической аргументации и без опаски»⁷. Однако, учитывая те репрессии, которые сопровождали борьбу феодальных клик, это высказывание более чем спорно.

Интерес представляет точка зрения Г. Хендерсона, который обращает внимание на более распространенный в Корее, чем в Китае, институт советников *вана*, исполнявших при правителе не только совещательную, но и направляющую роль. Это мнение интересно тем, что с внедрением в Корее идей демократии Национальную Ассамблею действительно стали воспринимать как аналог правительства советников, и попытка парламента контролировать действия президента и исполнительной власти может быть воспринята как развитие этого паттерна. Национальная Ассамблея постоянно стремилась напрямую вмешиваться в действия министров, вызывая их на ковер, формируя разнообразные комиссии по расследованию

⁶ Толстоулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 83.

⁷ Ли В. Ф. Заметка о социально-политической доктрине Ким Дэ Чжуна. // Сотрудничество. Материалы 6 международной конференции. Москва, 29-30 ноября 2000 г. М., 2001, с. 11.

или требуя отставки кабинета, невзирая на отсутствие у нее права на подобное требование.

Как хорошо подметил М. Брин, единственной заслугой Ли Сын Мана на почве введения демократии было то, что в его правление проходили выборы⁸, однако Ли был вынужден существовать в рамках демократической идеологии с регулярными президентскими и парламентскими выборами и либеральной прессой. Хотя репрессивные органы и правительственные чиновники активно вмешивались в процесс выборов, сам этот процесс был относительно демократичным. Ли не мог задушить и свободную прессу, которая сохраняла значительную автономию по отношению к правительственным кругам.

Кроме того, так как в глазах США режим должен был выглядеть либеральной демократией, Америка противодействовала попыткам Ли Сын Мана, направленным на отмену демократических завоеваний. Достаточно привести в пример парламентские выборы в мае 1950 г., которые Ли хотел аннулировать, но отказался от этого из-за активной позиции Госдепартамента США.

Хочу отметить очень важный момент, связанный с разницей между положением дел де-факто и оценкой ситуации самими демократами. Незначительная группа европейски образованных интеллигентов, которая действительно могла воспринять демократию европейского образца, составляла абсолютное меньшинство по сравнению с теми, кто к этому готов не был. Будучи весьма социально активной и имея возможности выражать свои взгляды в СМИ и за рубежом, она создала достаточно высокий «уровень шума» относительно страданий народа под тоталитарным игом, однако развязанная этой группой кампания, очень четко соответствуя их собственному ощущению окружающего мира, не отражала действительные настроения масс.

Так что М. Брин очень верно отмечает, что политическую борьбу даже 1980-х гг. не следует рассматривать как борьбу благородных гражданских демократов против brutального военного режима. И оппозиция, и власти принадлежали к одной и той же авторитарной политической культуре, и ни один политический лидер или партия не являлись демократической альтернативой⁹.

«Административная демократия» и идеи модернизации в трактовке Пак Чжон Хи

По многочисленным сведениям, Пак не был сторонником западной демократии, которую считал неудобной и непродуктивной, перейдя от хунты к гражданскому правлению под давлением администрации Кеннеди. Более того, в своей книге «Государство, революция и я» Пак однозначно

⁸ Breen M. The Koreans... С. 201.

⁹ Breen M. The Koreans... С. 217.

заявлял, что «американская демократия западного образца не подходит для реалий Кореи»¹⁰.

Это «не подходит» объяснялось двумя причинами. С одной стороны, ряд западных ценностей противоречил традиционной модели. Показательна такая цитата из Пака: «Свобода требует чувства служения... Чем больше свободы, тем сильнее потребность служить. Только чувство служения может спасти народ и принести всем процветание и счастье»¹¹.

С другой стороны, лидеры ДРП продолжали утверждать, что некоторые демократические ценности просто еще не нашли в Корее своего полного воплощения. Это связано с тем, что на текущем этапе политического развития национальная безопасность, политическая стабильность, экономическое развитие и эффективность административной системы имеют большее значение, чем внешние признаки демократии.

Тем не менее, до 1972 г. режим Пак Чжон Хи можно охарактеризовать как умеренно авторитарный. Сохранялась избирательная система на основе всеобщего прямого, тайного голосования, многопартийная система, парламентская система управления и существование ограниченных парламентом политических прав и либеральных свобод. Сильного и неоправданного подавления свобод не было, а не очень большой процентный разрыв между числом голосов, отданных за разных кандидатов на пост президента, говорит о том, что авторитарный режим не стремился напрямую вмешиваться в избирательный процесс. Несмотря на присутствие во власти военных, за вычетом армии и ЦРУ, лица, находящиеся на действительной военной службе, не занимали гражданские посты, а проблема диссидентов - политзаключенных не стояла так остро, как в последние годы правления Пака или при Чон Ду Хване.

Однако какую-то «демократию» строить было надо, и в первой половине 1960-х гг. политической доктриной режима стала «теория административной демократии», основные положения которой были сформулированы в работах Пак Чжон Хи «Путь нашей нации» (1962) и «Государство, революция и я» (1963). Суть теории сводилась к тому, что «либеральную демократию надо поставить на здоровую националистическую основу».

Административный вариант корейской демократии объяснялся через учение о трех типах демократии, разработанное политологом Хан Сын Чжо. Существует западная демократия (классического типа), восточная демократия стран соцлагеря, являющаяся на деле диктатурой, и демократия развивающихся стран (в том числе Кореи) – режим еще неразвитых механизмов гражданских прав и свобод, но способный дать бой тоталитаризму восточных демократий.

Критериями оценки «истинности» демократии служили общее число политических партий, организация процесса выборов и выраженное в

¹⁰ Курбанов С. О. Курс лекций... С. 485.

¹¹ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 115.

конституции отношение государства к правам и свободам, а не реальность этих свобод или самостоятельность политических партий. Более того, отмечалось, что отсутствие концентрации власти в руках одной из ветвей власти и гарантирование гражданских прав и свобод не являются единственными отличительными чертами демократии. При разделении властей и гарантии индивидуальных прав и свобод возможно появление анархии и, как итог, слабого государства. Поэтому свобода и равенство народа невозможны, пока нет сильного государства и сильной нации, для появления которых необходимы модернизация и наращивание государственной мощи. Сам Пак Чжон Хи говорил: «Основа, на которой возводится здание демократии по-корейски, и есть национальная мощь. Для того чтобы распустились цветы демократии, необходимо развивать силы государства»¹².

Составной частью теории административной демократии была концепция «нового руководства», согласно которой в ситуации, когда требуются скорейшая модернизация и наращивание государственной мощи, роль лидера, который возглавит этот процесс, крайне важна. Естественно, в новых условиях страной может руководить только так называемая новая элита, носящая надклассовый характер и состоящая, по словам Пака, из «молодых и компетентных лидеров нового поколения» (читай «молодых офицеров, являющихся основным командным звеном нового режима»). Элита выдвигает героического лидера, главными достоинствами которого являются его «твердые антикоммунистические убеждения» и «способность убеждать массы в приемлемости тех методов, которые он считает наилучшими и наиболее подходящими»¹³.

С ростом авторитета Пака, вместо административной демократии стали говорить о «демократии корейского типа»¹⁴. В последние годы правления генерала особенное распространение получил именно этот лозунг, а система *Юсин* была нацелена как на то, чтобы осуществить рывок в социально-экономической сфере, так и на то, чтобы создать «подходящую для Кореи демократию», не имитируя западную либерально-плюралистическую модель без учета корейских национальных возможностей и ограничений.

Доктрина кореизированной демократии была созвучна комплексу азиатских ценностей, который, по мнению южнокорейского политолога Юн Мин Бона, включает в себя корпоративный подход к проблеме и выработке решения, традиционно почтительное отношение к властям и старшим, усилия по поддержанию порядка и гармонии в обществе, чрезвычайно важную роль семьи и других социальных сообществ, самодисциплину и отказ от собственных желаний во имя коллектива, исключительно важную роль образования, терпимость и бережливость. Авторитаризм обосновывается особой ролью государства, при этом контроль над тем, чтобы вождь не стал

¹² Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. С. 25.

¹³ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 103.

¹⁴ Cumings B. Korea's place... С. 359.

тираном, осуществляется не посредством выборных институтов или правовых норм, а с помощью норм этических¹⁵.

Заметим, что такая стратегия Пака вызвала благожелательное отношение у историков, в том числе у Г. Хендерсона, который называл первый этап правления Пак Чжон Хи военно-гражданской демократией, что следовало рассматривать как шаг вперед по сравнению с гражданской автократией Ли Сын Мана¹⁶.

Дальнейшее развитие событий и укоренение европейских представлений о демократии

Игры в демократию продолжались достаточно долго, и слово «демократическая» включали в название своей партии как представители оппозиции, так и члены партии власти¹⁷. Этот момент мы уже отмечали в главе, посвященной партиям, но здесь хочется сконцентрировать внимание на том, что название партии, указующее на приверженность демократическим ценностям, стало своего рода неотъемлемой деталью политического этикета, каким бы ни было лицо режима.

Первым, кто заострил внимание на демократии именно как на власти народа, был Ро Тхэ У, который выдвинул лозунг «великой эры простых людей», подчеркивая таким образом, что его режим будет направлен на обеспечение нужд широких масс.

Однако «тоска по демократии» в то время вовсе не характеризовала корейское общество. С одной стороны, по данным опросов общественного мнения от 1989 г., 78,8 % опрошенных считали, что Корее нужно больше демократии. 17,2 % придерживались мнения, что страна достигла оптимального уровня демократии. Остальные полагали, что ее слишком много. С другой стороны, согласно данным совместного опроса газеты «Чосон Ильбо» и Института Гэллапа, опубликованным в прессе 6 марта 1990 г., в перечне насущных проблем корейцы отвели вопросу демократизации 16 место из 18, явно не считая этот вопрос животрепещущим.

Представляется, что такой разброс оценок связан с вульгарным восприятием демократии. Хорошим примером такого отношения был ответ Ким Дэ Чжуна на мой вопрос в 1992 г., когда после его лекции в МГУ я спросил, почему он считает Корею демократической страной. Главными признаками, по мнению Кима, оказались, в первую очередь, ослабление репрессивной системы и расширение активности оппозиционных партий, во вторую - позитивные сдвиги в отношениях между Севером и Югом, в третью - ослабление информационного контроля и свобода критики. Таким образом, под демократией им понимались объективные процессы, ведущие к

¹⁵ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 68-69.

¹⁶ Надо, однако, заметить, что первое издание книги Г. Хендерсона вышло в 1968 г., то есть писалась книга до реставрации Юсин, когда Пак Чжон Хи начал закручивать гайки.

¹⁷ Sung Chul Yang. С. 492-493.

изменению ситуации в стране в сторону, благоприятную для его политической группировки. При этом жесткая и авторитарная внутрипартийная структура указывала на то, что свобода слова, печати и собраний предназначалась для данной партии, а не для всех.

Дальнейшее развитие официального взгляда на демократизацию потому проходило под знаком приравнивания ее к гармонии и стабильности. Ро Тхэ У определял благополучие общества как гармонию. В публичных выступлениях Ким Ён Сама тоже говорится о демократизации путем перестройки сознания, которое надо преобразовывать в коллективистском ключе; о важности нравственных качеств руководителя и его роли как проводника воли народа. «Я вижу в нравственной политике высшую ценность»¹⁸.

Та же конфуцианская трактовка роли государства присутствует у Ким Дэ Чжуна. Это видно из целого ряда цитат: «Рабочие и управленцы сидят в одной лодке. Признание этого факта необходимо для полного участия всех групп. Следовательно, правительство имеет моральные обязательства способствовать гармоничным и согласованным отношениям между рабочими и управленческим аппаратом, играя роль беспристрастного, но заинтересованного, арбитра»¹⁹.

Это весьма интересно, ибо восприятие политического развития как приведение государства и мира к равновесию или акцент на то, что гармоничное развитие страны гарантирует нравственная непогрешимость его лидера, является типичным элементом конфуцианской политической традиции. Оценка политической деятельности с морально-этической точки зрения осталась характерной чертой корейской политической культуры и после правления военных, хотя можно заметить, что согласие типа «*тун*» заменили на согласие типа «*хэ*».

Что же касается демократизации как постепенного внедрения европейской политической культуры, то, по мнению ряда историков, в том числе И. Толстокулакова, демократические элементы действительно имели место²⁰. Однако, с точки зрения других специалистов (сошлемся на такого политолога, как Кан Бон Гу), в Корее «удалось установить демократию в процедурном смысле этого слова (на институциональном уровне), но отнюдь не укоренить ее в образе жизни».

Примером развития демократизации считают первый в корейской истории проигрыш правящей партии на выборах 1997 г., хотя я склонен считать это результатом экстремальных обстоятельств. Выборы состоялись так быстро после кризиса, что в революции просто не возникло нужды. К тому же, как отмечает М. Брин, в отличие от выборов конца 1980-х - начала 1990-х гг., к этому времени демократический настрой отошел на второй план, и избирателей гораздо больше интересовали экономические и социальные

¹⁸ Ким Док Чу.

¹⁹ Ли В. Ф. Заметка... С. 9.

²⁰ Толстокулаков И. А. Начальный этап...

проблемы²¹.

Значительно интереснее новый лозунг Ро Му Хёна, объявившего, в отличие от «гражданского правительства» Ким Ён Сама и «народного правительства» Ким Дэ Чжуна, свое правительство «правительством участия» (кор. «чхамъё чонбу», калька с английского «participatory government»). Фасадная часть такого лозунга, говорит о более широком участии масс в управлении страной и большей прозрачности государственной структуры, но русский перевод этого термина не совсем точный. Наряду с термином «правительство участия» существует термин «демократия участия» (кор. «чхамъё минджу»). Он является калькой с упомянутой нами выше концепции «репрезентативной демократии» (хотя Д. Хелд воспринимает ее как постепенную передачу функции государственного и социального регулирования в руки общественности)²².

Признаком окончательного укоренения демократических процедур многие считают импичмент Ро Му Хёна в 2004 г., однако, с моей точки зрения, здесь уместнее говорить не о демократизации в чистом виде, а о том, что в Корее начали работать предусмотренные конституцией демократические механизмы. То, что ни один из предшествующих президентов не подвергался импичменту, не говорит об изменении политического сознания или политической культуры. Процедура импичмента стала действующим инструментом, но оказалась в руках политиков старого образца.

Некоторые выводы

В течение длительного времени знакомство корейцев с демократией проходило как бы опосредованно. Сначала это была демократия в понимании той группы либеральной корейской интеллигенции, которая во время японского ига длительное время прожила в США и имела возможность познакомиться с достижениями американской демократии. Затем заимствованные демократические институты являлись в Корее попытками режима обеспечить себе политическую легитимность и выглядеть определенным образом в глазах США. При этом демократия развивалась в условиях традиционной конфуцианской среды, априори отрицающей многие приоритеты этой системы, в первую очередь - индивидуальную свободу человека.

В результате «государственной трактовкой демократии» была «демократия с корейской спецификой» - лозунг, при помощи которого представители военной хунты стремились создать собственную идеологию, демократическую по форме, националистическую по содержанию и подчеркивающую неприменимость многих элементов американской демократии на корейской земле. Позднее такой трактовкой стали попытки

²¹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 332.

²² Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 26

объяснить суть демократии через конфуцианские идеи гармонии, однако укоренившимся пониманием стала «демократия по-диссидентски», когда на первый план выдвигалось понятие личной свободы и дозволенности делать то, что хочется, причем дозволенность эта распространялась, как правило, только на своих.

Критика авторитарной системы и комплекс конкретных мер по ее демонтажу – два разных этапа, и, по мнению Ян Сын Чхоля, Корея только-только (при Ким Дэ Чжунге) вступила во второй²³.

Неоднозначность ситуации хорошо иллюстрируют оценки различных историков и политологов, пытающихся определить уровень развития демократии в РК. Ведущий южнокорейский специалист по теории демократии Чхве Чжан Чжип занимает прозападную позицию, приравнивая южнокорейскую демократию к европейским образцам²⁴. Ким Сон Док, наоборот, считает, что даже с приходом к власти Ро Му Хёна авторитарные тенденции не утратили силу, и идет лишь новый виток жонглирования демократической фразеологией. И. Толстокулаков относит Южную Корею к обществам, строящим формальную демократию²⁵.

Однако с точки зрения большинства ученых, объективное понимание плюсов и минусов западной либеральной демократии происходит в Корею только сейчас благодаря широкому информационному потоку, который хлынул в страну как вследствие государственной политики большей гласности, так и в результате развития информационных технологий.

²³ Sung Chul Yang C. 204.

²⁴ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 67.

²⁵ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 63.

Глава восьмая. Государственная идеология. «Дух опоры на собственные силы»

Философия чучхэ, конечно, содержит в себе необходимые положения марксистского диалектического материализма. Однако философия чучхэ – это самобытная философия. Она по-новому поставила сам основной вопрос философии, а затем систематизировала ее составные части и содержание также на новых началах.

Ким Чен Ир¹

Последняя глава «идеологического блока» будет посвящена квинтэссенции идеологии корейского авторитаризма, выраженной в форме идеологии чучхэ, встречающейся в той или иной мере как на Севере, где в настоящее время этот термин стал своего рода визитной карточкой режима, так и на Юге.

Происхождение термина «чучхэ» и его исторические корни

Первое, что следует отметить при анализе термина «чучхэ», - он не является изобретением XX в. Его еще в XVIII в. использовали философы школы *сирхак*. В современном корейском языке на Юге это слово употребляется в двух значениях. Первое - «субъект» как философский, лингвистический или юридический термин. Второе – «самобытность», или «идентичность» как «самоидентификация» или «основная часть». Однако анализ составляющих его иероглифов позволяет заглянуть немного глубже. «Чу» означает «сам» или, чаще, «хозяин/владелец». «Чхэ» – понятие более сложное, хотя и его можно переводить как «тело, сущность, природа» или «сознание». Некоторые грани его значения раскрываются при анализе иных понятий, в которых фигурирует этот знак. Например (на это обращает внимание Б. Камингс), он входит в термин «чончхэ», обозначающий понятие, которое делает старшего сына легитимным наследником и означает некую правильность, которой обладает наследник дома как достойный представитель семьи².

Термин «чучхэ», которым обозначалась самая суть корейского национализма, встречается и в идеологических работах Ли Бом Сока, интересных не только своим анахроничным стилем, но и рядом заимствований из немецкого национал-социализма, включая фактический знак равенства, который он ставил между понятиями «нация» и «раса» (правда, корейское слово «минджок» допускает оба перевода)³.

Единого и адекватного перевода понятия «чучхэ» на русский язык нет. В разное время употреблялись разные варианты: наиболее

¹ Ким Чен Ир. К некоторым вопросам об основах социализма. // Ким Чен Ир. Избранные сочинения. Т. 10. Пхеньян, 1999, с. 101.

² Cumings B. Korea's place... С. 52.

³ Cumings B. Korea's place... С. 206, 207.

распространенный и наименее точный – «опора на собственные силы»; «думать своей головой»; «хозяин своего тела» и даже «субъект как носитель активности, направленной на объект». С. Курбанов предлагает вариант перевода «[человек] - хозяин [всего] сущего», что, с учетом основных идеологических постулатов северокорейского режима, представляется мне наиболее адекватным⁴.

Чучхэ на Севере, его историческая эволюция и основные элементы

Ким Ир Сен впервые произнес слово «чучхэ» 28 декабря 1955 г., когда заговорил о необходимости «искоренения догматизма и формализма в идеологической работе и установлении «чучхэ»: «Хотя некоторые утверждают, что лучшим путем является советский или китайский, неужели мы не достигли того момента, при котором мы можем создать наш собственный путь?».

Присутствие в более ранних текстах Ким Ир Сена термина «чучхэ» является позднейшей вставкой, а активно он начал употребляться только в 1960-х гг. Именно с этого времени политика чучхэ стала способом сохранять определенную свободу мнения в советско-китайских разногласиях.

В 1970-е идеи чучхэ, «немеркнущий свет которых испускает вождь», стали основным элементом идеологии северокорейского режима, а националистическая составляющая в них начала набирать силу. Ст. 4 Конституции КНДР 1972 г. говорит, что КНДР руководствуется чучхэйскими идеями ТПК, которые являются творческим применением марксизма-ленинизма к реалиям страны. С этого времени чучхэ – это единственная генеральная линия ТПК и, как неоднократно отмечал Ким Чен Ир, другим идеологиям в партии не место.

Со временем момент появления термина «чучхэ» в трудах Ким Ир Сена стали сдвигать на все более и более ранние сроки. В 1980-е официальная историография КНДР и статьи Ким Чен Ира утверждали уже, что Ким Ир Сен провозгласил создание идей чучхе в июне 1930 г. в китайском городе Калунь⁵. Позднее начало создания идей чучхе стали относить к 17 октября 1926 г. - дате образования так называемого «Союза свержения империализма», первой настоящей революционной организации, которую, по преданию, Ким Ир Сен создал в 14 лет из числа своих соучеников⁶.

⁴ Курбанов С. О. Элементы традиционной дальневосточной общественной мысли в северокорейских идеях чучхе в 1980-х - 1990-х гг. // Доклад на конференции: Восточная Азия - Санкт-Петербург - Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. 2-6 октября 2000 г. Опубликован в интернете по адресу http://north-korea.narod.ru/history_4.htm - и др.

⁵ Ким Чен Ир. *Чучхэ сасаны тэхаё* (Об идеях чучхэ). Пхеньян, 1982., с. 7.

⁶ Курбанов С. О. Элементы традиционной....

Свое философское наполнение и внутреннюю логику концепция *чучхэ* начала обретать не сразу. Дело в том, что основополагающего текста, излагающего суть этого учения, нет. Хотя в работах Ким Ир Сена термин встречается постоянно, теоретические статьи на эту тему стали появляться только в 1980-е гг. и были написаны Ким Чен Иром⁷. Однако даже труд под названием «Об идеях *чучхэ*» напоминает скорее краткий перечень основных постулатов, а не серьезный теоретический труд.

Северокорейская литература на тему *чучхэ* построена в основном по конфуцианскому принципу комментирования классиков и в значительной степени сводится к разъяснению того, как надлежит понимать то или иное высказывание вождя.

В связи с этим А. Ланьков закономерно отмечает, что в массовом сознании северокорейца *чучхэ* – это просто все то, что написали Ким Ир Сен или Ким Чен Ир, идеи вождя, суть и главный принцип. Это объясняет как типичные для северокорейской идеологии лозунги вроде «Каждый должен твердо установить *чучхэ* в своем сознании» или «*Чучхэ* должно не только прочно укорениться в сознании, но и быть претворено в жизнь на практике», так и то, что *чучхэ* пронизывает все общество: *чучхэйская* музыка, *чучхэйская* промышленность, *чучхэйские* принципы международных отношений и т. п. При этом *чучхэ* всегда противопоставляется *садэчжуый*, который в Северной Корее стремятся переводить как «низкопоклонство», а не как «служение старшим»⁸.

Элементами *чучхэ* являются *чаюсон*, *минджок тоннип* и *чарип кёнджэ*.

Под *чаюсон* подразумеваются и режим экономии, и умение обходиться подсобными материалами и творчески их применять. У нас было принято переводить это слово как «опора на собственные силы», а при Ким Чен Ире его стали просто транскрибировать⁹. *Минджок тоннип* переводят как «национальная независимость», или «независимость во внешней политике», а *чарип кёнджэ* означает «независимую», а точнее «самоокупаемую» или «самостоятельную» экономику.

Стрежневой идеей *чучхэ* является мысль о том, что «человек является хозяином всего и сам решает все»¹⁰. В некоторых *чучхэйских* текстах даже содержатся указания на то, что проблемы устройства Вселенной имеют меньшее прикладное значение по сравнению с вопросами, связанными с деятельностью человека, который является наиболее активным элементом мира, способным «преобразовывать в свою пользу» окружающую среду.

***Чучхэ* и традиционные корейские этические учения**

⁷ Пожалуй, наиболее полно суть *чучхэ* рассмотрена в таких работах Ким Чен Ира, как «*Чучхэ сасаный тэхаё*» (Об идеях *чучхэ*). Пхеньян, 1982.; или «Выше поднимем знамя марксизма-ленинизма и идей *чучхэ*». Пхеньян, 1986.

⁸ Дмитриева В. Н.

⁹ Cumings B. Korea's place... С. 418.

Начиная разговор об истоках *чучхэ*, обратим внимание на те параллели, которые можно обнаружить между *чучхэ* и *чхондогё*, а также между *чучхэ* и конфуцианством.

С. Курбанов считает, что основной догмат *чучхэ* о человеке как центре Вселенной проистекает из употребляемого в *чхондогё* понятия «*иннэчхон*» - «человек является ничем иным как Небом» и указывает на то, что в конституции КНДР 1998 г. есть примерно такое же по содержанию утверждение о том, что девизом Ким Ир Сена всегда было выражение «*иминвичхон*» - «считать людей Небесами¹¹». Положение о человеке - хозяине Вселенной соотносится и с высказыванием из конфуцианского канона «*Сяо цзин*»: человек является самым ценным в природе Неба и Земли¹².

Из *чхондогё*, по мнению С. Курбанова, пришла и фразеология, связанная с образом светлого будущего как построения «небесного государства на земле» («*чисан чхонгук*»), что сами северяне нередко переводят на русский как «построение рая на земле».

В северокорейской пропаганде слово «рай» («*нагвон*») нередко используется для обозначения отдельных реалий КНДР или будущего состояния общества в целом. Заметим, что это слово обозначает рай как «сад радости» (буквальное значение иероглифов) и является термином, привнесенным христианскими миссионерами. Однако ни конфуцианство, ни *чхондогё* не содержат доктрину загробной жизни и не переносят воздаяние за прижизненные дела на посмертное существование.

Политическая составляющая *чхондогё*, призывающая к самостоятельности к независимости во всех сферах государственной политики, также во многом близка *чучхэ*.

Что же до наследия конфуцианства, то обратим особое внимание на *чучхэйское* отношение к роли сознания (идея стоит на первом месте), являющееся гораздо более конфуцианским, чем марксистским. Сошлемся на высказывание Ким Чен Ира о том, что причина краха социализма «в ряде стран» была связана с невниманием к этому аспекту (сознанию), неспособностью провести индоктринацию молодежи или неудачами в этом вопросе¹³.

Конфуцианский след можно обнаружить и в догматах *чучхэ* о важности идеологической перестройки масс. На первом месте стоит именно работа с человеческим сознанием, а не создание материально-технической базы и материальных ценностей. *Чучхэ* придерживается «конфуцианских» взглядов и на сущность человеческой природы: изначально человек хорош, в нем заложено «стремление к счастью», но воздействие окружающей среды может изменить его в ту или иную

¹⁰ Ким Чен Ир. *Чучхэ сасанный тэхаё*. С. 9.

¹¹ Другой вариант перевода этого иероглифического выражения – «поклоняться народу как Небу».

¹² Курбанов С. О. Элементы традиционной...

¹³ Cumings B. Korea's place... С. 405.

сторону. Отсюда важность образования как индоктринации и жесткость по отношению к тем, кто преступил закон.

Интересны и выкладки относительно государственной структуры, которая строится по иерархическому принципу: в основе - народные массы, над ними стоит коллектив, над коллективом - партия, наверху - вождь. Такая структура похожа на конфуцианские представления о месте *вана* и чиновников, при этом мандат от народа, который служит источником легитимности вождя, подобен ванскому Небесному мандату. Народ, заметим, являет собой не собрание индивидуальностей, а коллектив, интересы которого превалируют над отдельным человеком. Более того, индивидуализм рассматривается в *чучхэ* как одно из наиболее явных проявлений ревизионизма.

С. Курбанов обращает особенное внимание на то, как в идеях *чучхе* регулируются отношения между вышестоящими и нижестоящими: нижестоящий должен уважать вышестоящего, а тот, в свою очередь, заботиться о нижестоящем, будучи его лидером¹⁴. Правитель должен заботиться о своих подопечных как о своих собственных детях, а наивысшим моральным долгом каждого члена общества является беспредельная верность вождю. Такая модель гораздо более похожа на конфуцианский характер взаимодействия правителя и подчиненных, чем на советские заявления о демократическом централизме.

В работах Ким Чен Ира о *чучхе* затрагивается и особая роль семьи как первой ячейки общества, причём в семейных отношениях важнейшим оказывается не столько родство, сколько соблюдение моральных принципов¹⁵, что тоже соотносится с конфуцианским восприятием государства как одной большой семьи во главе с правителем.

К конфуцианству или корейским религиям вообще имеют отношение и некие элементы ритуала, окружающего культ личности Ким Ир Сена. Способы выражения уважения к его портрету или статуе напоминают способы и приемы выражения уважения к табличкам с именами предков. А многие элементы идеологии и культа, которые западные исследователи считают прямым заимствованием из христианства, являются скорее вторичным заимствованием из *чхондогё*.

С. Курбанов считает, что восстановление гробницы Тангуна в 1994 г. и начало проведения ежегодных церемоний жертвоприношений его духу имели целью не только подчеркнуть роль КНДР как правопреемника основанного им первого корейского государства, но и создать основу для постулата о вечной жизни Ким Ир Сена, обожествление которого, по сути, официально восстановило в КНДР полномасштабный культ предков. Торжественные клятвы верности вождю во многом являются подражанием конфуцианским обрядам. После смерти Великого Вождя страна

¹⁴ Ким Чен Ир. Выше поднимем знамя... С. 26.

¹⁵ Ким Чен Ир. Прочно установить *чучхэйскую* систему взглядов на революцию. Пхеньян, 1988, с. 28.

действительно три года находилась как бы в политическом ступоре, что очень напоминало конфуцианский трехлетний траур.

Традиционное наследие можно усмотреть даже во введении в КНДР параллельного летоисчисления «от рождества Полководца». Напомним, что с самого начала существования РК там было введено летоисчисление от времен Тангуна.

«Партизанские корни» чучхэ

В контексте вышеописанного хочется более подробно рассказать о тех элементах северокорейской идеологии, которые западные и японские политологи (в особенности, Харуки Вада) стремятся объяснить специфическими элементами жизненного уклада партизанского отряда. Надо помнить, что и Ким Ир Сен, и большая часть его окружения провели в партизанах достаточно долгий срок, что не могло не отразиться на формировании их характера, а также – на их представлениях об организации административной системы. Партизанские командиры по-прежнему ощущали себя руководителями освобожденного района, находящегося во враждебном окружении, только площадь этого «района» выросла до размеров половины полуострова.

Среди основных элементов «партизанского» мировоззрения как компонента идеологии, характерной для малой группы, находящейся во враждебном окружении, можно выделить следующие:

- Внимание к военному блоку и проблемам безопасности, поскольку вопросы обеспечения выживания стоят на первом месте. Современной иллюстрацией этого принципа является и «политика приоритета армии». Все остальные программы, в том числе и рассчитанные на социальные нужды или связанные с правами личности, закономерно отставлены на второе место.
- Ощущение пребывания в «тылу врага» или в «огненном кольце», то есть на переднем крае своей обороны, который проходит по всему периметру, с которым естественно связана и определенная ксенофобия – каждый чужак может оказаться потенциальным предателем.
- Впрочем, непримиримость по отношению к предателям вызвана еще и тем, что в маленькой группе взаимозависимость людей друг от друга гораздо выше, и измена одного оказывается более вредоносной.
- Из этой взаимозависимости, в свою очередь, проистекают не только культ внутреннего единства, но и меньшее значение формальных бюрократических ритуалов: руководитель является таковым не за счет стоящих за ним институтов, за счет личных качеств. По такому же принципу личной оценки человека осуществляется и подбор кадров - если лидер установил неформальные отношения с человеком, у которого с анкетой не все в порядке, то впечатления от непосредственного общения перевешивают.

- Стремление к полной автаркии ввиду отсутствия внешних связей – отсюда лозунг опоры на собственные силы, продиктованный вынужденной необходимостью. Ни на какую серьезную и регулярную помощь извне партизаны рассчитывать не могут, и потому максимально используются местные ресурсы.
- Следствием такой стратегии является консервация традиционных моделей, так как новые веяния воспринимаются как что-то чужеродное, пришедшее извне.
- Помимо этого, постоянные лишения воспитывают невысокую планку потребностей и привычку довольствоваться малым.

Христианские корни чучхэ

Ряд зарубежных авторов считает, что «кимирсенизм как религия» гораздо ближе к христианству, чем к традиционным дальневосточным верованиям. Они связывают догмат двух Кимов с идеей Бога-отца и Бога-сына, проводят аналогии между парадным портретом и иконой, а равно – между христианскими реликвиями и предметами личного обихода вождей, служащими объектами музейных экспозиций.

Вспоминают, что отец Ким Ир Сена был преподавателем в протестантской школе и вроде бы даже одно время посещал Пхеньянский колледж теологии, а его мать (по непроверенным сведениям) какое-то время была дьяконницей в церковном хоре. Упоминают и некоего Кан Ян Ука¹⁶, который был священником и приходился Ким Ир Сenu дальним родственником по материнской линии. Именно он, будучи после освобождения страны генеральным секретарем Центрального Народного Комитета Северной Кореи, первый выдвинул идею заменить понятие «Отец наш небесный» на «Наш отец Ким Ир Сен»¹⁷. Б. Камингс тоже обращает внимание на то, что по отношению к Ким Ир Сenu использовались выражения, характерные для христианской религиозной терминологии, а первая статуя Вождя была торжественно открыта аккуратно в день католического рождества 1949 г.¹⁸

Вопрос о связи культа Ким Ир Сена с христианским культом достаточно интересен, но, в отличие от разрабатывавших эту тему американских протестантских священников¹⁹, я не считаю, что имело место сознательное копирование, в рамках которого Ким Ир Сен превращался в живого бога как антонима Иисусу. Представляется, что речь идет скорее о серии совпадений. Протестантский культ не отличается столь пышной, богатой и изощренной обрядностью, как католицизм или православие.

¹⁶ Иногда это имя транскрибируют как Кан Рян Ук.

¹⁷ Korean Public Administration. С. 307.

¹⁸ Cumings B. Korea's place... С. 410.

¹⁹ Наиболее интересна в этом смысле книга Томаса Белке Juche: A Christian Study of North Korea's State Religion.

Хелен Хантер сравнивает северокорейское общество с тоталитарной сектой²⁰, но речь идет скорее о другом. Б. Камингс приводит очень точную цитату одного из протестантских проповедников: «Жизнь в сообществе христианских фундаменталистов очень хорошо помогает понять Северную Корею. Так же, как северокорейцы, мы верим в абсолютную чистоту нашей доктрины, обращены вовнутрь себя и не желаем быть соблазненными/замаранными внешним миром»²¹.

Идеология национального субъективизма (*чучхэсон*) на Юге

Идеи, подобные идеям Ким Ир Сена, выдвигали и южнокорейские националисты-традиционалисты типа Ли Бом Сока или Ан Хо Сана, которые отстаивали образ Кореи как державы сильной, самодостаточной и опирающейся на собственные силы. Собственно, именно Ан Хо Сан, главный идеолог режима Ли Сын Мана, и был первым, кто использовал этот термин в РК²².

Чучхэсон как система появился в середине 1960-х гг. и окончательно оформился к началу 1970-х, когда корейская традиция политической культуры вышла на новый этап. Адаптация западной системы ценностей к традиционным условиям завершилась и началась выработка соответствующей требованиям времени «идеологии с корейской спецификой», построенной на национализме, опоре на собственные силы в экономике и относительной независимости во внешней политике (в значительной степени – за счет лавирования между сверхдержавами).

Активное внедрение *чучхэсон* и использование термина *чучхэ* началось в период *Юсин*. Специальный орган, параллельный Национальному Собранию, название которого переводится обычно как «Народное собрание самостоятельного объединения», назывался по-корейски «*Тхониль чучхэ кунмин хвэый*».

До этого времени правительство Пак Чжон Хи старалось синтезировать традиционный идеологический механизм с теми элементами европейской общественной ментальности, которые воспринимались как главный источник экономического процветания и примата европейской цивилизации над остальными. Как говорил Пак, «нормы демократии должны соответствовать национальным политическим и культурным традициям»²³. Модернизация по *чучхэсон* означала не простое восприятие западных ценностей, а преломление их через традиции и реалии корейского общества. При этом главную роль в этой трансформации должен был сыграть «здоровый национализм»²⁴.

²⁰ Cumings B. North... С. 196

²¹ Cumings B. North... С. 173.

²² Cumings B. Korea's place... С. 30.

²³ Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. С. 24.

²⁴ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 101.

Основная идея *чучхэсон* - процветание нации, тесно связанное с ее независимостью, под которой понимается экономическое самообеспечение государства и его политическое самоопределение. Средством достижения процветания является поставленная на «здоровую корейскую основу» административная демократия, реализуемая с помощью государства, вмешательство которого как носителя справедливости во все сферы жизни является нормой. С точки зрения управления по-прежнему действует система «вождь – чиновники – народ», где роль вождя играет лидер, а чиновниками является новая элита, состоящая из молодых и компетентных кадров, которые и здесь «решают все».

Идеология *чучхэсон* обосновывала необходимость укрепления сильной централизованной власти, существование иерархических отношений подчинения, возможность социальной гармонии на базе национального сознания и оправдывала авторитаризм как явление, изначально присущее корейской национальной культуре и региональной культуре вообще. Западной идее правового государства был противопоставлен «силланский коллективизм, основанный на конфуцианстве и общинной традиции»²⁵. Консервативность политической системы объяснялась спецификой социально-политического развития азиатских стран и ролью традиционных ценностей. Неоднократно подчеркивалось, что «самое опасное для азиатских государств – потерять все связи с традиционными ценностями»²⁶.

Конфуцианская система социальных отношений называлась «патриархальным авторитаризмом», истоки которого усматривались в традиционных семейных отношениях, каковые проецировались на взаимоотношения государства и подданных. Авторитет родителей, например, подавался как пример политического авторитета вождя, вследствие чего «взаимное уважение, почтение, доверие и любовь между руководителем и массами обеспечивают гармонические отношения между правительством и народом»²⁷.

В учебнике для членов ДРП от 1968 г. подчеркивается, что в рамках национальной демократии надо не только «усвоить сущность европейско-американской демократии, но и воплотить исконные исторические, культурные и национальные особенности Кореи»²⁸. Понятно, что отмежевание демократии корейского типа от европейских стандартов носило более мягкий характер, чем отделение *чучхэ* от марксизма-ленинизма, ибо эти стандарты не являли собой столь четко организованную концепцию.

С другой стороны, в собственно корейской традиции стремились найти черты западной демократии для того, чтобы представить ее не как

²⁵ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 100.

²⁶ Неоколониализм США и Южная Корея. С. 100.

²⁷ Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. С. 29.

²⁸ Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. С. 25.

чуждое заимствование, а как элемент собственной культуры, уже тогда нацеленный на сочетание демократии и авторитаризма властей.

С третьей - подчеркивался акцент на необходимость опоры на свои собственные силы, на свою государственную мощь для достижения всех выдвигаемых целей. Риторика Пак Чжон Хи в этом вопросе очень напоминала кимирсеновскую: «*Юсин* не имитирует какие-либо системы, а является оригинальной и творческой... Иными словами, с точки зрения международных отношений, *Юсин* — это система, по которой зависимые отношения от сверхдержав ликвидируются, а устанавливаются отношения «взаимодействия и сосуществования», т. е. складывается такая система, по которой мы сами несем всю ответственность»²⁹. Еще цитата: «*Юсин* - это творческое проявление национальной воли для создания стабильности, процветания и новой истории объединения на основе нашего великого самосознания, которое мы вновь обретаем»³⁰.

Наконец, *чучхэсон* закреплял приоритет национализма над прочими идеологическими установками, что было особенно важно на фоне первых попыток диалога между Севером и Югом, провозгласивших «великое национальное единство» одним из трех неперенных условий объединения.

Таким образом, *чучхэсон* вобрал в себя традиционные конфуцианские установки и принципы управления государством, далекие от европейского понимания демократии, и давние представления корейских буржуазных националистов об особенностях корейского пути развития и невозможности механического переноса на корейскую почву иных моделей.

Новое *чучхэ* как основа идеологии Ким Чен Ира

1990-е гг., ознаменовавшиеся распадом социалистического лагеря, привели к тому, что, оставаясь идеологией «национального субъективизма» и «опоры на собственные силы», северокорейское *чучхэ* тем временем постепенно дрейфовало в сторону отхода от коммунистических принципов в идеологии. Если раньше *чучхэ* рассматривалось как прямое продолжение на современном этапе идей Маркса - Энгельса - Ленина - Сталина и развитие их применительно к конкретным условиям Кореи, то в Конституции 1992 г. *чучхэ* трактуют как гениальную самобытную идеологию, ставшую продолжением традиционной корейской философской мысли, а не как творческое применение марксизма-ленинизма. Лидер предыдущей концепции Хван Чжан Оп был вынужден бежать из страны. Этот факт говорит не столько о кризисе в стране, из-за которого сбежал даже «главный идеолог», сколько

²⁹ Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. С 198.

³⁰ Тихомиров В. Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов) М., 1998. с. 84

о смене содержания идеологии, которая начинает приближаться к понятию «чучхэсон» в интерпретации Пак Чжон Хи.

Основа идеологического курса Ким Чен Ира, представляет достаточно стройный, нацеленный на решение практических задач «новый порядок». В его идеологическую концепцию вписываются все кадровые и структурные изменения в системе управления государством. Она включает в себя околomarксистские постулаты социалистической политэкономии и идеи корейского национального социализма, лозунги солидарности трудящихся всего мира и утверждения о первородности корейской нации. Сюда следует добавить постулат о первичности сознания и вторичности материи, о чем, как утверждается теперь, говорил и писал Ким Чен Ир еще в студенческие годы³¹.

Смерть Ким Ир Сена, повлёкшая за собой ещё большую сакрализацию «вечного президента КНДР», добавила идеям чучхэ некоторые элементы религиозного учения. Одной из основ Нового чучхэ является почти обожествление «рода Мангендэ» не только со своей Троицей (отец, сын и святой дух), но и с Богородицею Ким Чжон Сук.

Новое чучхэ активно выдвигает идею «приоритета корейской нации», очень похожую на положение чучхэсон о том, что «идеология меняется, а нация остается». Дело не только в том, что корейская нация, почитающая вождем Ким Ир Сена, самая славная и счастливая в мире, но и в том, что все население Кореи, исключая разве что реакционную верхушку, должно ставить объединение превыше классов и идей. Так, заметим, оправдывается и экономическое сотрудничество с предпринимателями Южной Кореи³².

В связи с этим стоит отметить последнюю попытку Хван Чжан Опа привлечь к себе внимание, когда он долго говорил об увлечении Ким Чен Ира Гитлером и его идеями³³. По его словам, многие теоретические постулаты Нового чучхэ оказываются очень близки к германскому национал-социализму. К ним можно отнести социалистическую фразеологию без упоминания о Марксе; подмену лозунга классовой борьбы борьбой всей нации за достижение высших целей; идею национальной исключительности, первородности корейской нации с воспитанием резко негативного отношения к нациям-угнетателям; культ Вождя в сочетании с усиливающейся ролью армии в обществе.

Однако следует отметить, что Хван часто говорит то, что от него хотят услышать, и готов обвинить Ким Чен Ира в любом смертном грехе. Скорее Ким Чен Ира привлекает опыт Германии начала 1930-х гг. по молниеносному и сверхэффективному решению экономических проблем в

³¹ Мацегора А. И., Асмолов К. В. Первая сессия Верховного Народного Собрания КНДР десятого созыва. Новый курс нового руководителя. // Российское корееведение. Альманах. Выпуск 1. М., 1999, с. 264-282.

³² Мацегора А. И., Асмолов К. В.

³³ Панин А., Альтов В. С. 198-199.

условиях, сходных с нынешним положением в Северной Корее³⁴.

С новым *чучхэ* связано и понятие *сонгун*. У этого выражения пока нет адекватного перевода, - у нас его переводят как «политика приоритета армии» несмотря на то, что начальник Главного Политического Управления корейской Народной Армии Чо Мён Рок определил это как ситуацию, когда армия берет на себя роль правофлангового. Сегодня прилагательное «сонгунский» употребляется не реже, чем «чучхэйский»³⁵.

Выводы

Затушевывать сходство идеологий Севера и Юга стремятся многие. Как правило, это делается в форме «там – тоталитаризм, тут – демократия» или «там – коммунизм, тут – национализм»³⁶, однако сходство «окончательного продукта» эволюции идеологии авторитарного режима там и там лежит на поверхности.

Для корейцев понятие «чучхэ» отражает основные законы общественной жизни, по духу во многом близкие к конфуцианским. Впрочем, можно отметить, что если северокорейская трактовка принципа *чучхэ* более близка к исторической традиции, а смерть Ким Ир Сена добавила идеям некоторые элементы религиозного учения, то на юге эти идеи, как и концепцию модернизации вообще, воспринимали через призму японского опыта.

С другой стороны, если на Юге связь *чучхэ* с традиционной философией искусственно не обрывалась, на Севере *чучхэ* стараются отделить от конфуцианства, маскируя таким образом часть его корней и критикуя учение Конфуция как «реакционную феодальную идеологию, оправдывавшую феодальный нравственный порядок»³⁷.

Если на Севере курс опоры на собственные силы остался государственной идеологией, то на Юге эта идеология умерла вместе с Пак Чжон Хи. Хотя последующие лидеры продолжали говорить о демократии корейского типа, сочетающей Восток и Запад, их концепции были менее стройны. Однако ряд положений *чучхэсон* был ретранслирован обратно на Север, войдя в состав «нового чучхэ».

³⁴ Мацегора А. И., Асмолов К. В.

³⁵ Дмитриева В. Н.

³⁶ Например, Ян Сын Чхоль рассматривает *чучхэ* как кимирсенизм и продолжение коммунизма, противопоставляя ему антикоммунизм, который, естественно, лишен единой доктринальной базы и не представляет из себя «единый высший принцип». Про национализм на Юге, особенно – *чучхэсон*, он вообще не упоминает.

³⁷ Син Хен Сик. С.25.

Глава девятая. Репрессивный аппарат и ограничение свободы

*Не следует допускать даже сосуществование политических взглядов
разных оттенков, несущих в себе опасные семена ревизионизма и
контрреволюции*
Ким Чен Ир¹

О роли Закона и отношении к нему

Основной концепцией конфуцианской власти является представление о государстве как о главной централизующей и организующей силе. В отличие от Европы, государство не воспринимается производным от гражданского общества, и только знакомство с европейскими теориями привнесло идею о том, что государству не должно вмешиваться в общественную жизнь.

Репрессии и чистки, как и комплекс иных мероприятий по ограничению свободы, известны нам, как минимум, с XIV – XV вв. Именно с этого времени ведет свое начало практика «*хонхэ*» - табличек с именем и местом проживания, которые крестьянин должен был постоянно носить при себе. То же самое касается и политических репрессий. Высокий сановник мог быть казнен за то, что в дискуссии по вопросу о трактовке конфуцианских канонов он принял неверную сторону. К тому же бюрократическая система исключала возможность служебной ошибки. Человек, проваливший важное задание (например, не сумевший усмирить повстанцев или добыть заграничный заем), трактовался как предатель. Уничтожение семей преступников – тоже деталь традиции. Глава семьи считался лицом, несущим ответственность за действия членов своего клана, а виновность его самого, естественно, бросала тень на остальных.

Теперь о пытках: традиционная система правосудия допускала их применение даже по отношению к свидетелям, а пытающих наказывали только тогда, когда их умершая от пыток жертва впоследствии оказывалась невиновной.

Складывается впечатление, что чистки и репрессии оказываются своеобразной деталью профилактического механизма авторитарной системы, являясь единственной гарантированной мерой смещения сановника с его поста, ибо обычные способы смены чиновников на высоких постах работают значительно хуже. Уволить заслуженного сановника, если он лоялен, но некомпетентен, очень трудно, и потому партийные чистки играют роль своего рода аттестаций или проверок на лояльность, а репрессии позволяют найти повод без колебаний убрать людей, ставших балластом.

Вторая причина наличия более жесткого репрессивного аппарата заключается в ином отношении к Закону и его проявлениям в лице судебно-следственных органов. Как говорил Чон До Чжон, известный конфуцианский ученый времен установления династии Ли, «мудрец

¹ Булычев Г. Б. С. 12. Цитировано по «Ким Чен Ир о повышении руководящей роли партии. Пхеньян, 1992, с. 265.

объявляет закон не для того, чтобы управлять при помощи закона, но в надежде на то, чтобы управлять без помощи закона», то есть основываясь не на легальных нормах, а на конфуцианских «пяти типах межличностных отношений». Закон, таким образом, воспринимался скорее как набор инструкций этического плана².

Кроме того, в условиях господства в обществе таких принципов, как корпоративность и персонализм, действие через суд означает, что проблема была столь тяжела, что решить ее в своем кругу не представилось возможным,

Две причины породили два следствия. Первым и более важным для понимания причин репрессий является то, что система правосудия, таким образом, оказывается оптимизированной под закоренелого преступника, нуждающегося не в исправлении, а именно в наказании. Будь у него шанс исправиться, это произошло бы с ним на этапе предварительного урегулирования конфликта, и до суда дело бы не дошло. Кроме этого, престиж государства подразумевает, что слуги закона не ошибаются, и если человек схвачен, значит - он преступник, а задача суда и следствия - только найти дополнительные доказательства и установить степень его вины, как бы формализовав то, что и так понятно.

Вторым следствием является то, что поскольку человек, обращающийся к представителю Закона, не обладает высокими моральными качествами, следование всем правилам и юридическим процедурам отступает на второй план перед необходимостью достичь результата, который кажется воплощением человеческой и социальной справедливости. Европейцами такой подход расценивается как беззаконие.

Еще очень интересный и важный для понимания ситуации факт отмечает Г. Хендерсон. Попытки японцев насадить в Корее свои законы как бы надломили традиционное конфуцианское отношение к законам вообще. Новый Закон воспринимался как чужой, а неподчинение ему - как проявление патриотизма и национального духа. Это заложило серьезную мину под воспитание правового сознания.

Вследствие этого отсутствие почитания слуг Закона перекинулось и на сам Закон, нарушитель которого стал обретать скорее положительную, чем отрицательную, репутацию. Сидевший в японской тюрьме даже за уголовные преступления мог восприниматься как герой³. Такое противоречие между конфуцианским отношением к власти и ее неприятием, которое сформировалось при японцах, не исчезло и при Ли Сын Мане⁴, особенно благодаря произволу молодежных корпусов. Но, несмотря на ее жесткость, колониальное правление сделало систему более свободной от коррупции, закон все же был отделен от человека, и в Корее появились

² Henderson. С. 240.

³ Henderson. С. 78.

⁴ Breen M. The Koreans... С. 194.

профессиональные юристы, 15 % которых к концу японского правления были корейцами.

Судебная система КНДР и вопрос о прецеденте незаконных репрессий

Северокорейский подход к понятию «закон» формально отталкивается от формулировок Ленина, согласно которым законы есть выражение власти господствующего класса, и классовая борьба приводит к смене буржуазного закона социалистическим: так как постулировано, что большинство жителей страны является образцовыми гражданами, преступник, который выделяется из этого множества, есть нечто закоренелое и не нуждающееся в мягком обращении. Даже если подсудимый требует адвоката, это воспринимается в КНДР как буржуазный пережиток. Это не значит, что адвокатов нет вообще, но их роль состоит только в том, чтобы подтвердить справедливое, правильное применение уголовного закона Северной Кореи.

Насколько беспристрастен суд КНДР? Критики системы любят делать выводы о том, что в Северной Корее суд не является независимым органом, так как обо всей деятельности суда необходимо докладывать партийному комитету, а решения и приговоры должны выноситься с учётом его мнения. Однако речь идет не столько о зависимости судьи от точки зрения отдельно взятого руководителя парткома, сколько о необходимости выносить решения, соответствующие определенной идеологии. А такая практика, по сути, встречается повсеместно.

В качестве примера того, что ситуация обстоит несколько по-иному, приведем распоряжение Министерства Общественной Безопасности (МОБ) КНДР № 73 от 18 декабря 1978 г. «О неукоснительном выполнении указаний и высказываний великого вождя товарища Ким Ир Сена и любимого руководителя товарища Ким Чен Ира о передаче органов общественной безопасности под строгий юридический надзор прокуратуры». В данном документе прямо говорится, что следует «добиваться искоренения таких явлений, когда пытаются избежать надлежащего контроля со стороны органов прокуратуры либо когда отходят от требований УПК при расследовании дел при работе с преступниками»⁵.

Правда, практика контактов с дипломатами КНДР и с другими её гражданами, работающими за границей, показывает, что они не знают не только УПК, но и своего Уголовного кодекса, который ещё совсем недавно был засекречен⁶.

Принятый в феврале 1987 г. Уголовный кодекс делит преступления на 6 категорий: против государства, против социалистической экономики,

⁵ Сборник приказов и указаний МОБ КНДР. Ч. I. Пхеньян, 1990, с.36-38 (на корейском языке).

⁶ Михайлов К. Н. Гражданское самосознание и принуждение в северокорейском обществе // Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. Материалы V научной конференции. Москва, 21-22 марта 2001 года. М., 2002.

против социалистической культуры, против общего административного порядка, против социалистической совместной жизни, против жизни и имущества граждан. Среди особо тяжких преступлений – сокрытие антигосударственного преступления и «подстрекательство к вооруженной интервенции и разрыву внешних связей»⁷.

Помимо отсутствия в законодательстве принципа презумпции невиновности, согласно статье 10 УК КНДР, в стране продолжает действовать принцип аналогии – наказание за преступления, не предусмотренные кодексом, определяется в соответствии со сходным по природе и тяжести преступлением из числа предусмотренных. А поскольку аналогии можно трактовать достаточно широко, это открывает большие возможности для противоправных действий, особенно – учитывая нечеткую трактовку понятий «подрывная деятельность против государства» или «подрыв престижа государственного органа»⁸.

То, за что репрессируют, хорошо иллюстрируется простым примером. 17 апреля 1980 г. вышло распоряжение МОБ «О точном ведении дел о загрязнении партийных билетов и часов с выгравированным на них именем вождя», воплощающее в жизнь указание Ким Чен Ира от 3 апреля 1980 г., согласно которому данные преступления предписано считать общеуголовными, а не политическими⁹.

Суда как процесса фактически нет. Даже в кино все заканчивается тем, что разоблаченных негодяев куда-то увозят. Открытые и длительные заседания – явление очень редкое, а показательный политический процесс был только однажды - над Пак Хон Ёном - и на заре формирования системы.

Понятно, что арестовывающие врагов народа чекисты не ошибаются, однако в последние годы правления Ким Ир Сена появилась тенденция упоминать об отдельных перегибах. Обычно это были истории, в которых Ким Ир Сен исправляет перегибы или предлагает дать человеку время, чтобы он «осознал и исправился». Столкнувшись с таким отношением, «экспресс-репрессированный» начинает работать вдвое лучше и становится втрое лояльнее.

О судебной системе и отношении к Закону на Юге

Можно много говорить о бесправии судебных органов на Севере, но и на Юге ни при американцах, ни потом, при военных, отделения судебной власти от политической не было. В судьях и прокурорах больше ценилась верность правительству, чем профессиональные навыки. Закон расценивался не как правовая норма, которой должен следовать чиновник любого уровня вплоть до руководителя страны, а как инструмент, который такой чиновник может подгонять под свои нужды.

⁷ Панин А., Альтов В. С. 30.

⁸ Булычев Г. Б. С. 113-115.

⁹ Сборник приказов и указаний МОБ КНДР. Ч. I. С. 57.

Стремление южнокорейских полицейских 1940-х -1950-х гг. арестовывать или проводить обыски, не имея на это полномочий, подмечали даже американские источники того времени, и аппарат политического контроля, отличающийся политизированностью и способностью переступать через принятые законодательные нормы, стал отличительной чертой корейского авторитарного режима.

Даже современная Конституция РК 1987 г. выглядит с точки зрения европейских демократов достаточно странно. С одной стороны, в статье 10 закреплено право на «стремление к счастью», а согласно статье 37 не допускается пренебрегать правами и свободами граждан только потому, что они прямо не закреплены в конституции. Пункт 7 статьи 12 Конституции РК гласит: «Если факт признания вины был осуществлен посредством пытки, насилия, угрозы, незаконно продленным арестом, обманным путем, и если признание является единственным доказательством против обвиняемого, то такое признание не считается доказательством вины». Вообще, надо отметить, что при обеспечении судебных прав граждан наблюдается некоторое укрепление защищающей роли судебной власти, ибо ордер на арест или обыск выдается не самим прокурором, а судьей по его просьбе.

Однако гражданские права могут быть ограничены законом в случае, когда это необходимо для поддержания национальной безопасности, публичного порядка или общего благосостояния. Статья 23 предусматривает ограничение частной собственности во имя общественного блага. Статья 27 называет ряд случаев, когда гражданские лица могут быть отданы под военно-полевой суд¹⁰.

Интересна в данном контексте и статья 3 Конституции РК. Никто не может быть подвержен недостойному обращению за действия, совершенные не самим лицом, а его родственником. Это важная деталь, направленная на разрушение конфуцианского принципа групповой ответственности, но говорящая о том, насколько силен этот принцип до сих пор.

Что же касается беспристрастности суда, то мы уже упоминали о том, насколько часто послушная пресса называет того или иного коррупционера виновным еще до вынесения судебного решения. Можно вспомнить и процессы над оппозиционерами, проходившие при Ли Сын Мане. Различие между Севером и Югом в этом вопросе сейчас состоит скорее в цивилизованности процедуры и наборе выбираемых обвинений – в РК предпочитают сажать не за «политику» а за «экономику».

Еще более интересной пищей для размышлений о восприятии корейцами понятия закона является детальный анализ составляющих самой большой в истории РК амнистии марта 1998 г., проведенной Ким Дэ Чжуном в знак наступления демократизации и затронувшей в той или иной степени 5527327 чел.

Для российского читателя, привыкшего понимать амнистию нарушителям закона как в первую очередь освобождение узников из тюрем,

¹⁰ Булычев Г. Б. С. 20.

цифра в 5 с половиной миллионов амнистированных при населении всей Кореи в 40 миллионов выглядит кричаще. Однако, в РК «амнистия» - не только и не столько амнистия заключенных. На деле 90 % амнистированных (5325850 чел.) - нарушители дорожного движения, которым «аннулировали» проколы в талоне. Большая часть остальных (166334 чел.) - государственные служащие, которые «лишились» своих выговоров, занесенных в личное дело или иные документы.

Большинство из оставшихся (35133), амнистированных уже в нашем понимании, было осуждено за мелкие преступления, и только 500 чел. из числа осужденных получили свободу за «преступления против общественной безопасности». Большая часть последних была или северокорейскими агентами, сидящими в тюрьме «с незапамятных времен» и абсолютно неопасными для нынешней власти, либо лицами, нелегально пересекавшими 38 параллель или участвовавшими в каких-то организованных КНДР за пределами РК мероприятиях¹¹.

Подобная амнистия, конечно, шаг пропагандистский. Но речь идет и об отличном от нашего понимания понятия «преступление», в связи с чем я хотел бы процитировать высказывание одного из общественных прокуроров, сетующего на то, что в последнее время корейцы, как правило, не очень-то соблюдают законы. «Нарушение правил дорожного движения, продажа сигарет или алкоголя несовершеннолетним, нарушающие общественный порядок публичные ссоры - это то, что случается часто, но не воспринимается как такое преступление, которое влечет за собой наказание, и только в одном случае из 10-ти о подобных случаях докладывают в полицию»¹².

Исполнение наказаний и репрессивный аппарат на Севере

Уголовный кодекс КНДР предусматривает смертную казнь (расстрел) как один из двух основных видов уголовного наказания. Другим видом является трудовое исправление, максимальный срок которого составляет 15 лет¹³.

Как и в КНР времен Мао, казни часто совершались публично. В конце 1980 - начале 1990 гг. были случаи, когда уголовных и политических преступников публично вешали по два человека на виселице, устроенной в кузове грузовика. Им на шею прикрепляли таблички с обозначением преступления, которое они совершили. В течение 2 дней эти грузовики ездили по сёлам и мелким городам с остановкой на центральных площадях, где по указанию органов собирали людей и проводили короткие митинги с рассказом о том, что ожидает преступников¹⁴. Доклад Amnesty International

¹¹ Korea Times, 14.03.98.

¹² Korea Times, 3.07.1998.

¹³ Уголовный кодекс КНДР. Пхеньян, 1987, с. 21, 22 (на корейском языке).

¹⁴ Сведения из личного архива К. Михайлова.

от февраля 1997 г. указывает, что казнят не только убийц, но также обычных преступников вроде расхитителей зерна¹⁵.

О количестве казненных данные разнятся. Один источник, достаточно желтый сам по себе, утверждает, что с 1970-х гг. в Северной Корее произведено как минимум 23 публичных казни¹⁶. По информации К. Михайлова, до 1994 г. включительно в расчёте на один уезд число публичных казней составляло за 10 лет примерно один случай. Однако после смерти Ким Ир Сена устои общества были несколько подорваны из-за серьёзных экономических трудностей, и в начале 1995 г. Ким Чен Ир дал указание провести показательные казни. В 1996 - 1997 гг. в городах и уездах в течение года расстреляли до 10 человек¹⁷. Южнокорейцы упоминают публичные казни на стадионах, на которых должны присутствовать и сослуживцы казнимого.

Репрессии также бьют по членам семьи казненных, и М. Брин упоминает цитату из Ким Ир Сена, где он говорит о том, что контрреволюционное семя должно быть вытравлено в трех поколениях¹⁸.

С другой стороны, конфуцианское внимание к моральному воспитанию наложилось на советский догмат о «перековке». О репрессированных говорят, что «они совершили политическую ошибку и направлены на перевоспитание трудом». Официальная идеология гласит, что занятия физическим трудом при постоянном общении с представителями трудового народа способствуют избавлению человека от индивидуалистической психологии и его скорейшему перевоспитанию.

В рамках такой парадигмы подвергнутый критике член ЦК ТПК не обязательно уничтожается. Разжалованный имеет возможность начать карьеру заново и двадцать лет спустя может снова всплыть на второстепенном, но, тем не менее, важном посту¹⁹. Так, репрессированный в конце 1950-х бывший член ЦК ТПК и директор Исторического исследовательского института, заведующий исторической секцией Академии наук Ли Чхон Вон сейчас работает в редакторской группе издательства «Наука и образование»²⁰.

Неизвестно, сколько таких «перевоспитываемых» в КНДР сейчас. В разных источниках приводятся очень отличающиеся друг от друга цифры. Российские демократы переплюнули всех и утверждают, что сегодня в КНДР 300 тысяч заключенных²¹. Южнокорейские правозащитники и «пхеньянологи» называют среднюю цифру в 200 тыс. чел., разбросанных по территории всей страны²². Данные южнокорейской разведки за 1999 г.

¹⁵ Положение с правами человека в Северной Корее.

¹⁶ Положение с правами человека в Северной Корее

¹⁷ *Тхониль Хангук*. Сеул, 2000, No 9, с.78 (на корейском языке).

¹⁸ Breen M. Kim Jong-il... С. 135.

¹⁹ Ланьков А. Н. Северная Корея: вчера и сегодня.

²⁰ Син Хё Сук. Трансформация северокорейского общества и подготовка профессиональных кадров (1945-1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока, 5/2003.

²¹ Панин А., Альтов В. С. 203.

²² Положение с правами человека в Северной Корее.

приводят ту же цифру. Но М. Брин, которого сложно заподозрить в симпатии к Северу, говорит о 150 тыс.²³, а Б. Камингс оценивает количество заключенных в тюрьмах и исправительных лагерях КНДР в 100 тыс. чел. по состоянию на 1997 г.²⁴ Впрочем, в обоих случаях до конца неясно, речь идет только о политзаключенных или об общем числе заключенных вообще.

Представляется, что, ориентируясь на воспоминания Кан Чхоль Хвана, многие авторы путают лагеря для преступников с лагерями для «враждебных элементов», куда переселяют «членов семей изменников родины (в случае ареста главы семьи по политическому обвинению, вся семья также подлежит немедленной высылке)», или высылают в административном порядке за неapolитические проступки.

Именно в таком лагере Кан провел 10 лет (с 9 до 19), на которые выпали его детство и юность²⁵, и, судя по тому, что он жил со своей семьей в отдельном доме, мог ходить в школу и обладал определенной свободой передвижения по территории лагеря, это был не столько Гулаг в чистом виде, сколько лагерь для спецпереселенцев. Из его же мемуаров мы знаем, что когда семью отправляли в ссылку, ей разрешили взять с собой мешок риса весом в 125 фунтов, которого хватило на несколько месяцев. Хотя из злаков ели в основном кукурузу и люди хронически недоедали, благодаря наличию на территории лагеря мелких животных и дикорастущих растений, которые тоже употребляли в пищу, смерть от голода была редкостью.

Объективных данных об уровне содержания заключенных в лагерях мало, однако даже из официальных документов понятно, что прокурорский надзор в отношении них минимален, и жаловаться им некому. В уже упомянутом нами документе есть фраза о том, что «...органы прокуратуры осуществляют там (в лагерях – прим. автора) контроль только за тем, нет ли нарушений прав человека²⁶ в отношении заключённых (кроме лагеря для рецидивистов и воспитательной колонии № 33). При этом органы прокуратуры не должны вмешиваться в административную деятельность, например, в процесс поступления или выезда из лагеря»²⁷.

Первые лагеря были созданы еще во время Корейской войны 1950-1953 гг.²⁸ Вначале их было 10, затем их число было сокращено до 5. Лагерные комплексы располагаются в труднодоступной местности (из-за чего вокруг них не строят явные оборонительные сооружения), и с воздуха они выглядят, как обычные деревни. Случаи побегов были крайне редки, - за проведенное в лагерях время Кан Чхоль Хван был свидетелем только 15 случаев казни пойманных беглецов²⁹.

²³ Breen M. The Koreans... С. 127.

²⁴ Cumings B. Korea's place... С. 398.

²⁵ Breen M. Kim Jong-il... С. 135.

²⁶ Очень примечательно, что в этом закрытом документе, не предназначенном специально для пропаганды, прозвучало сочетание «права человека».

²⁷ Сборник приказов и указаний МОБ КНДР, ч. I. С.38.

²⁸ Breen M. Kim Jong-il... С. 127.

²⁹ Breen M. Kim Jong-il... С. 139.

Картина жизни в лагерях, включая описание пыток, произвола охраны, тяжелых условий жизни и содержания и т. п., достаточно подробно описана у М. Брина³⁰, Б. Камингса, Кан Чхоль Хвана и у целого ряда иных авторов. Однако описание лагерной жизни и тягот заключенных не вызывает у меня того ужаса, с которым эти подробности читают на Западе, да и кардинального отличия северокорейского «Гулага» от сталинского или южнокорейского мне заметить не удалось. Так, по словам Кана, паек заключенных состоял, в основном, из кукурузы и составлял 500 г в день для взрослого и 400 г для ребенка³¹.

Помимо отправки в лагерь, в КНДР широко используется принцип поражения в правах. Основная социальная градация северокорейского населения идет по идеологическому признаку. Согласно принятому на восьмом пленуме ЦК ТПК Четвертого созыва и действующему до сих пор постановлению ЦК ТПК «О дальнейшем усилении работы с различными слоями и группами населения», все население КНДР было разделено на 51 категорию, которые образуют три слоя: «основной», «колеблющийся» и «враждебный». Понятно, что это заимствованное из Китая деление во многом отражает реалии страны в конце 1950-х гг., однако, как я понял, официально его не отменяли.

Принадлежность гражданина КНДР к той или иной категории оказывает определяющее влияние на его судьбу. От этого зависит поступление на работу или учебу, возможность жить в Пхеньяне и других престижных городах, уровень жизни и многое другое, включая уровень наказания в случае совершения преступления³². Хорошая анкета как бы заменяет хорошее происхождение.

Лиц, отнесенные к враждебным силам, выселяют в специальные районы, отделенные как от побережья, так и от крупных городов. Срок пребывания в заключении фактически неограничен, ибо статус обитателей таких лагерей похож на статус советских спецпереселенцев. У них почти нет шансов ни поступить в столичный вуз, ни жить в Пхеньяне или Кэсоне. К. Михайлов утверждает, что представители наиболее враждебных категорий, как правило, могут вступать в брак только с себе подобными, что окончательно превращает такие группы в «касты неприкасаемых», но более интересный пример социальной стратификации в действии встречается у Б. Камингса. Некий молодой человек, жена брата которого была дочерью человека, который при японцах был полицейским, не мог найти себе нормальную жену, так как считался относящимся к «реакционерам». В одном случае генеалогическое исследование провела семья невесты, в другом против брака возразила местная партийная ячейка³³. Семейное счастье было достигнуто только после того, как партийный чиновник более высокого ранга вмешался

³⁰ Breen M. Kim Jong-il... С. 129-141.

³¹ Breen M. Kim Jong-il... С. 139.

³² Breen M. Kim Jong-il... С. 128.

³³ Cumings B. Korea's place... North... С. 133.

в проблему и публично вынес решение о том, что грехи дяди по линии жены никак не влияют на моральный облик племянника, чья личная анкета не имела никаких пятен³⁴.

Другая история более печальна. На с. 140 своей книги М. Брин приводит историю о человеке, который вырос в детском доме и сделал карьеру, однако когда госбезопасность выяснила, что его отец был в свое время обвинен в шпионаже в пользу США и приговорен к смерти, его арестовали и отправили в лагерь.

Исполнение наказаний и вопрос о физическом воздействии на Юге

Хотя между режимами Юга и Севера нельзя ставить знак равенства, любителям изображать черным цветом исключительно Северную Корею стоит напомнить некоторые факты.

Чистку 1980 г., в ходе которой было уволено 8000 госслужащих, М. Брин сравнивает с чистками на Севере по широте охвата, смехотворности обвинений и сопутствующей обстановке³⁵. Публичные казни происходили еще в 1990-1991 гг., хотя казнили не политзаключенных, а уголовников. При этом процесс казни (без показа собственно момента расстрела) транслировался по телевидению в режиме публицистической передачи, в процессе которой рассказывалось о преступлениях казнимых. Передача, которую я видел лично, была посвящена казни группы бандитов, на счет которых было несколько разбойных нападений и убийств. Демонстрировались фотографии их жертв, а потом - и их окровавленные тела после расстрела.

Подозреваемый может находиться под арестом до 30 суток, по истечении которых ему должно быть предъявлено обвинение. В случае если речь идет об угрозе национальной безопасности, этот срок может быть продлен до 50 суток, при этом незаконные методы воздействия и правовой произвол в отношении подозреваемых такого рода широко известны³⁶.

На с. 229-231 своей книги М. Брин достаточно подробно описывает условия содержания в южнокорейской тюрьме, которые не очень сильно отличаются от северокорейских, описанных в его же книге, посвященной Ким Чен Иру, или того, что нам известно о тюрьмах СССР и России. При этом не всегда понятно, что же хуже: каторжная работа на Севере или искусственный информационный голод в РК, в рамках которого политзаключенным запрещалось разговаривать как друг с другом, так и с персоналом тюрьмы. Там же им могли запрещать даже хождение по камере. Можно было только сидеть.

В корейских тюрьмах многое осталось неизменным со времен японской оккупации. Например, прогулки осуществляются по лабиринту длиной в километр, во время движения по которому арестант ни разу не имеет

³⁴ Cumings B. Korea's place.... С. 430, 431.

³⁵ Breen M. The Koreans... С. 216.

³⁶ Breen M. The Koreans... С. 226.

возможности увидеть других гуляющих. Курить запрещалось и запрещено до сих пор, и заключенные были вынуждены соскребать с деревянного пола стружку, мешать ее с зубной пастой и курить эту смесь, заворачивая ее в самокрутки³⁷.

Если же говорить о южнокорейском «Гулаге», то можно вспомнить принятый при Чон Ду Хване в августе 1980 г. Указ о чрезвычайных мерах по борьбе с общественным злом, тремя видами которых объявлялись насилие, наркотики и мошенничество. Задержанные по подозрению в занятиях этим молодые люди могли быть фактически без суда направлены на «перевоспитание» с последующим принудительным трудом.

В рамках «уничтожения общественных зол» было арестовано примерно 60755 человек, 2/3 из которых прошли через 25 исправительных лагерей, в которых 37 тысяч политически неблагонадежных лиц (журналистов, студентов, учителей, представителей профсоюзов) прошли через так называемые «лагеря очищения», созданные по образцу армейских лагерей для новобранцев и предназначенные для того, чтобы выбить из молодежи мятежный дух посредством сочетания постоянных избиений, больших физических нагрузок, недоедания и активного промывания мозгов.

Заключенных подвергали пыткам и жестокому обращению, в результате чего из-за грубого обращения с ними представителей власти погибли по крайней мере 54 человека³⁸, - точных данных о числе жертв этих политических «чисток» по-прежнему не знает никто.

Вот показания одного из тех, кто прошел через это: «Каждый день перед ужином нас избивали. Ужин состоял из примерно трех столовых ложек перловки, и если мы не выражали свою благодарность достаточно громко, нас били снова.... Каждое утро проводился марш-бросок, во время которого мы должны были громко орать патриотические песни. Тот, кто орал их не слишком громко, получал дубинкой, и одного человека, который не мог кричать, потому что у него было больное горло, забили до смерти. Вообще, гибли 2 человека из 11-ти»³⁹.

При этом считалось, что вместе с политическими туда направлялись на перевоспитание и хулиганствующие элементы, которые, вроде бы, там перековывались. Потому С. Курбанов утверждает, что его респонденты не без одобрения отзывались об этих мерах как о способе снижения преступности⁴⁰, несмотря на отрицательную позицию современной южнокорейской историографии.

Конечно, сейчас отношение к этим лагерям в РК подобно отношению к лагерям сталинским. В мае 2003 г. Сеульский окружной суд обязал правительство Южной Кореи выплатить компенсации в размере 5

³⁷ По сообщению Ли Чжэ Ёна, 2001 г.

³⁸ Breen M. The Koreans... С. 216.

³⁹ Cumings B. Korea's place... с. 379.

⁴⁰ Курбанов С. О. Курс лекций... С. 531.

миллионов вон (3526 евро) бывшим узникам «лагерей перевоспитания», даже если пострадавшие не подали вовремя соответствующие заявления⁴¹.

В отличие от КНДР, в Республике Корея публикуются данные о числе заключённых в тюрьму за нарушение закона о национальной безопасности. Так, в 1997 г. их было 641 чел., в 1998 г. - 465 чел., в 1999 г. - 37 чел., в первой половине 2000 г. - 61 чел.⁴²

До июля 1998 г. заключенные, арестованные за нарушение Закона о национальной безопасности, должны были подписывать так называемые «письма убеждения», в которых они обещали порвать с коммунистической идеологией. Те, кто не подписывал подобные письма, не могли надеяться ни на амнистию, ни на какую-то государственную помощь после освобождения из тюрьмы.

Такая практика существует в Корее с 1933 г., когда корейцы, арестованные за антияпонскую деятельность, могли выйти из тюрьмы, только подписав письмо с изъявлениями лояльности японскому императору. Впоследствии эта практика распространилась на «левых» узников совести, которых, по данным правозащитных организаций, на июль 1998 г. насчитывалось 650 чел.⁴³

Один из таких «узников совести», 70-летний У Ён Гак, вообще считается человеком, отсидевшим самый большой в истории XX века тюремный срок.⁴⁴ Его пребывание в одиночке составило чуть больше сорока лет, и этот срок был «достигнут» именно потому, что студенческий активист, арестованный за прокоммунистическую пропаганду, демонстративно отказывался подписать подобное письмо, воспринимая его как сделку с совестью.

Другой «посрамивший рекорд графа Монтекристо» - Ким Сон Мён, арестованный в октябре 1950 г. в возрасте 29 лет и вышедший на свободу только в 73 года в августе 1995 г. По утверждению Б. Камингса, большую часть этого 44-летнего заключения он также провел в одиночке, не имея права с кем бы то ни было разговаривать, встречаться с родственниками и даже что-либо читать⁴⁵. Невзирая на сенсорный голод, постоянные избиения и тюремную диету, он не сломался, написав покаянное письмо, и вышел на свободу, оставшись сторонником левых идей. Еще один, Син Ён Су, невзирая на рак костей, содержался в тюрьме до 68 лет за отказ отречься от коммунистической идеологии.

Свидания и переписка с «не раскаявшимися» были запрещены, и даже факт их существования скрывался властями. После *Юсин* на них снова начали активно давить, требуя раскаяния. Отказ сопровождался новыми

⁴¹ Правительство поплатится за исправительные лагеря. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 29.05.2003.

⁴² Yahoo Korea, 2000, № 9 (на корейском языке).

⁴³ 17 человек из списка пробыли в тюрьме более 15 лет именно из-за настойчивого отказа подписать подобное покаянное письмо.

⁴⁴ Korea Times, 3.07.1998

⁴⁵ Cumings B. Korea's place... С. 392,393.

пытками и ужесточением условий содержания, которые стали улучшаться только после 1998 г.⁴⁶

В 2000 г., после Пхеньянского саммита, 63 «нераскаявшихся» политзаключенных⁴⁷ в возрасте от 66 до 90 лет отправили в Северную Корею⁴⁸. Тех, кто сидел не намного меньше, но письмо все-таки подписал, не пустили, несмотря на требования со стороны Пхеньяна.

При Ким Дэ Чжунэ эту практику отменили, однако мотивацией этого шага было не только соблюдение прав человека и необходимость считаться с общественным мнением (организации типа «Amnesty International» не раз указывали на это вопиющее нарушение свободы), но и то, что президент считал подобные меры не имеющими смысла. По его мнению, даже если человек хоть 100 раз подпишет такое письмо, никто не узнает, во что он действительно верит.

В то же время было широко объявлено, что если лица, которые, совершив несанкционированный визит на Север, в настоящее время скрываются от репрессий за рубежом, расскажут в своих «недостойных поступках» и принесут извинения народу, отношение к ним будет пересмотрено. Именно после этих заявлений в страну вернулся наиболее известный диссидент Сон Ду Юль, о судьбе которого мы расскажем немного позже.

Пытали и при Ли Сын Мане, и при Пак Чжон Хи (Б. Камингс и Г. Хендерсон приводят несколько весьма впечатляющих примеров истязаний того времени), хотя официально факт применения пыток был признан только в конце правления Чон Ду Хвана. М. Брин даже приводит рассказы о том, как во время допросов студентов заставляли писать предсмертные записки самоубийцы⁴⁹.

Понятно, что пытаются до сих пор, хотя методы стали менее изощренными. «Профилактическое» избиение задержанных в полицейском участке в РК - скорее норма, которую, конечно, осуждают, но искоренять не пытаются. К этому относятся как к своего рода неизбежности, тем более что если политические преступники перешли в разряд «хороших», которых бить нельзя, уголовниками правозащитники обычно не интересуются.

Более того, когда речь идет не об удушении свободы, а о борьбе с криминальными структурами, избиение подследственных или применение по отношению к ним пыток может сопровождаться даже молчаливым одобрением. Прошедший в российском прокате в 2001 г. южнокорейский фильм «Спрятаться нигде» хорошо демонстрирует процесс выбивания показаний из задержанного гангстера как рутинную часть ежедневной полицейской практики. При этом задержанный не был взят на горячем (он был человеком, который мог быть причастен к расследуемому

⁴⁶ Breen M. The Koreans... С. 229.

⁴⁷ По преимуществу, это были те, кто считался гражданами КНДР, будь то захваченные партизаны, северо-корейские шпионы или военнопленные войны 1950-1953 гг.

⁴⁸ <http://rbc.ru>, 02.09.2000 (Сеул 06:12:34)

⁴⁹ Breen M. The Koreans... С. 226.

преступлению), а избивавшая его группа полицейских была четко позиционирована как «хорошие парни».

Интересно, что спокойное отношение к побоям в РК сочетается с очень бурной реакцией на факт доказанного убийства представителями власти арестованного или подследственного: бить можно сильно и долго, но когда из-за избиения наступает смерть, бывает громкий скандал.

Контроль над повседневной жизнью населения в КНДР

Государство стремится максимально внедриться в личную жизнь гражданина и фактически ликвидировать понятие «частная жизнь». Это в значительной степени достигается за счет системы образования и, особенно, пропагандистского аппарата, направленного на внедрение и поддержание единомыслия. Но здесь хочется обратить внимание на другое. В КНДР нет системы подслушивающих устройств в каждом доме или иных способов контроля человека при помощи техники. Их заменяют выверенная система доносительства и такой акцент на групповую работу, при котором любое девиантное поведение мгновенно становится заметным.

Российские читатели старшего поколения хорошо помнят производственные собрания, постоянно проводимые по любому поводу. В КНДР эта практика сохраняется, и собрания проводятся почти каждый день. По данным А. Ланькова, с начала 1960-х и до начала 1990-х среднестатистический житель КНДР проводил на различного рода собраниях 2-3 часа ежедневно⁵⁰.

Представляется, что такие собрания являются скорее заимствованием из советской политической культуры, хотя форма проведения «развенчания оппозиционера», когда каждый член коллектива должен выступить с его критикой, а виновник покаяться в конце, заимствована не столько из СССР, сколько из Китая.

Гражданин КНДР является членом коллектива не только на работе, но и по месту жительства, где существуют так называемые «народные группы» (*инминбан*)⁵¹, объединяющие соседей по кварталу или подъезду многоквартирного дома. О важности этой структуры говорит то, что по данным А. З. Жебина, с 1945 по 1973 гг. Ким Ир Сен более 320 раз упоминал их в своих руководящих указаниях или лично руководил их деятельностью на месте⁵².

Члены «народной группы» много и активно занимаются совместной деятельностью, будь то политзанятия, совместная уборка прилегающей территории или участие в иных хозяйственных работах. Староста группы как бы совмещает в себе функции участкового и управдома, имеет дубликаты

⁵⁰ Ланьков А. Слабое звено...

⁵¹ Более подробно о «народных группах» см. работы А. З. Жебина.

⁵² Жебин А. З. Некоторые механизмы социального контроля в КНДР // Проблемы Дальнего Востока, 6/1996, с. 20.

ключей от всех подопечных квартир и право войти в любую из них. Теоретически он должен знать даже число ложек в каждой семье⁵³. В случае, если кореец хочет остаться в гостях на ночь, он обязан доложить об этом старосте группы хозяина дома и получить от него письменное разрешение. Он же следит за соблюдением режима экономии и, по непроверенным данным, обязан информировать власти об использовании лампочек мощностью свыше 20 ватт.

В определенном смысле *инминбан* сейчас заменяет патриархальную семью, и С. Курбанов считает, что и их, и народные комитеты, невзирая на современно звучащее название, стоит соотносить скорее с традиционными формами трудовой организации или местным общинным самоуправлением. Народные группы, однако, не зафиксированы в Конституции⁵⁴.

На с. 235 своей книги «Корея. Место под солнцем» Б. Камингс приводит отрывки из характеристик или отчетов Госбезопасности, иллюстрирующих уровень наблюдения за населением. Для европейца многое из этих отрывков покажется курьезным (например, описание такого серьезного экономического преступления, как продажа на черном рынке пары галош своей жены), но те, кто помнит советское прошлое периода всеобщего доноительства, воспримут эту информацию совсем иначе.

Не забудем и о системе прописки, которая жестче советской, и о мерах, направленных на удаление из Пхеньяна или прибрежных районов неблагонадежных личностей в рамках указания Ким Чен Ира «стабилизировать жизнь бродяг по всей стране» от 27 сентября 1995 г.⁵⁵ По сей день не отменено и указание МОБ № 83 от 12 сентября 1981 г. «О четкой организации и проведении работы по высылке из Пхеньяна и из других мест со специальным режимом проживания нежелательных элементов». Это указание регламентирует высылку из Пхеньяна, Кэсона и других мест семей и родственников тех, кто совершил уголовные преступления, и предваряется высказываниями Ким Ир Сена и Ким Чен Ира о том, что «снова проверив и изучив состав жителей города Пхеньяна, необходимо плохих людей выслать в провинцию»⁵⁶.

То же самое касается и свободы передвижения. В Конституции КНДР от 1998 г. есть статья, которая разрешает гражданам свободное передвижение по стране. Однако до недавнего времени в Северной Корее нельзя было просто купить билет на поездку в другой населенный пункт. На это требовалось письменное разрешение, и даже сегодня на дорогах встречаются посты, основная задача которых - проверка документов.

Жители Пхеньяна имеют паспорта, отличные от тех, что имеют жители провинции. Внешне - это такая же небольшая ламинированная карточка, но

⁵³ Панин А., Альтов В. С. 57.

⁵⁴ Панин А., Альтов В. С. 53-54.

⁵⁵ «Лукхан», Сеул, 2000, № 12 с.104 (на корейском языке).

⁵⁶ Сборник приказов и указаний МОБ КНДР. С.83.

другого цвета. Соответственно, без пропуска жителю провинции в столицу въехать нельзя.

Заметим, что свободное перемещение населения по стране было запрещено и на Юге вплоть до времени Ро Тхэ У, а иностранные студенты должны были получать специальное разрешение на право покинуть Сеул. Выезд за границу для рядовых южнокорейских граждан также был существенно ограничен до 1988 г.⁵⁷

Не забудем и комендантский час (как правило, с 22:00 до 04:00), который существовал в Южной Корее на протяжении длительного времени и был отменен только перед Олимпийскими играми 1988 г.⁵⁸, и блок-посты на дорогах. В начале девяностых по вечерам въезд в корейские города перегораживался специальными барьерами, а части военной полиции выборочно проверяли въезжающие машины. Любой автомобиль, проезжая мимо такой заставы, должен был снизить скорость до 5-10 км/ч и включить освещение салона. Только к середине девяностых все эти строгости были отменены или заметно ослаблены⁵⁹, хотя существующая на сеульских дорогах система турникетов на въезде или выезде из города все также позволяет быстро перехватить подозрительный автомобиль.

«Борьба с контрреволюцией», Закон о национальной безопасности РК и охота на шпионов

Под вынесенной нами в эпиграф цитатой из Ким Чен Ира вполне могли подписаться и руководители Третьей-Пятой республик. В обоих корейских государствах существуют списки лиц, которые в случае объединения, скорее всего, будут репрессированы⁶⁰.

Периодически проводятся кампании по охоте на шпионов. Так, 27 августа 1981 г. Ким Ир Сен отдал очередной приказ № 006 «Об усилении розыскной работы в целях уничтожения вражеских «специальных отрядов», шпионов и диверсантов»⁶¹. В результате благодаря сочетанию контроля над перемещением населения и деятельности *инминбан* любой чужак мгновенно оказывается на виду. Добавим к этому специально культивируемую шпиономанию, в результате которой любое подозрительное поведение могло стать поводом для «сигнала».

В 1986 г. Ю. Н. Мазур рассказал любопытную историю о том, как группа геодезистов из Пхеньяна прибыла в отдаленную провинцию для проведения каких-то замеров. Руководство провинции предупредили, но бдительные местные жители, заметившие чужаков с непонятной

⁵⁷ Ланьков А. Выходцы из КНДР в Южной Корее: Проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока, 2/2002.

⁵⁸ Ланьков А. Сеул: город ангелов, в котором практически отсутствует преступность. // Русский журнал, www.russ.ru, 9.06. 2002.

⁵⁹ Ланьков А. Сеул: город ангелов...

⁶⁰ Ткаченко В. П. С. 45.

⁶¹ Сборник приказов и указаний МОБ КНДР. С. 47-50.

аппаратурой, тут же стали сигналить куда надо. В результате в первый же день к геодезистам трижды наведывались приехавшие по сигналу чекисты, а один раз местные жители пытались задержать их самостоятельно.

Мы хорошо представляем себе северокорейскую фразеологию, построенную на безусловной ненависти к врагам, но следует отметить, что на Юге отношение чекистов к своим политическим противникам было весьма похожим. На с. 366-367 своей книги Б. Камингс приводит отрывок из очень эмоционального монолога начальника одного из Управлений ЦРУ РК, который пытался убедить американского миссионера в том, что защищаемый тем человек является коммунистом, так как слушал северокорейское радио и записал речь Ким Ир Сена: «Эти люди, - продолжал ЦРУшник, сорвавшись почти на крик, - наши враги, мы должны уничтожать их. Это война, а на войне даже христиане нажимают на курок и убивают своих врагов. Если не мы их, то они нас, и поэтому мы будем убивать их при первой возможности»⁶².

Первым шагом в подготовке «антикоммунистического законодательства» РК был Закон о государственной безопасности, вступивший в силу 1 декабря 1949 г.⁶³ Затем ограничение свободы на Юге во многом было обусловлено действием неоднократно переиздававшегося Закона о национальной безопасности (ЗНБ), в рамках которого почти любая активность левого толка трактовалась как просеверокорейская и могла стать объектом репрессии. Закон характеризует Северную Корею как «вражескую организацию» и запрещает под страхом тюрьмы любые несанкционированные контакты с ней. Именно потому были репрессированы священник Мун Ик Хван, отсидевший за переход границы в 1989 г., и его жена, которая в 1995 г. посетила могилу Ким Ир Сена⁶⁴.

Среди наиболее одиозных статей этого Закона можно выделить тюремное заключение за деятельность, «приносящую пользу врагу». Туманность этой формулировки позволяет упечь за решетку не только тех, кто хранит или распространяет северокорейские или просеверокорейские печатные материалы, но и организатора забастовки на производстве: забастовка подрывает экономику страны, а значит «приносит пользу врагу». Интересно, что на основании ЗНБ при Ким Дэ Чжунe в тюрьму было упрятано больше забастовщиков, чем при Ким Ён Саме⁶⁵.

Действие Закона о национальной безопасности испытали на себе и сам Ким Дэ Чжун, последний приговор в отношении которого был пересмотрен лишь в январе 2004 г., и достаточное число представителей нынешнего руководства страны⁶⁶. По неофициальным данным, более трети депутатов

⁶² Cumings B. Korea's place... С. 365-367.

⁶³ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 90.

⁶⁴ Cumings B. Korea's place... С. 489.

⁶⁵ Верховный Суд Южной Кореи: У свободы слова должны быть пределы. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 24.05.2003.

⁶⁶ Закон о национальной безопасности рекомендовано отменить // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 25.08.2004.

парламента созыва 2004 г. имеют судимость, связанную с антиправительственной деятельностью в молодые годы.

Либерализация трактовок Закона началась еще при Ким Дэ Чжунге. В 2000 г. по подозрению в нарушении этого закона было арестовано в 5 раз меньше людей, чем в последний год правления Ким Ён Самы. Количество осужденных вообще сократилось в 22 раза. Примерно 90 % задержанных были обвинены только в том, что положительно отзывались о КНДР или о северокорейских лидерах, и судебные инстанции крайне редко могли найти основание для вынесения обвинительных приговоров⁶⁷.

Но в том же 2000 г. именно ЗНБ оказался одной из причин того, что ответный саммит в Сеуле так и не состоялся. Дело было не только в сильном противодействии ожидаемому визиту Ким Чен Ира в Сеул, но и в том, что в полном соответствии с Законом о Национальной безопасности появившийся на Юге руководитель Северной Кореи должен был быть немедленно арестован как государственный преступник⁶⁸.

Критики закона отмечают не только то, что он уже анахронизм, но и то, что он систематически использовался правительством для подавления любой оппозиции и дает правоохрнительным органам практически неограниченные полномочия, причем возможность компенсировать моральный или материальный ущерб в случае, если факты не подтверждаются, практически равна нулю.

«Сеульский вестник» приводит по этому поводу историю университетского преподавателя Ан Док Ёна, арестованного 8 мая 2002 г. на глазах у жены и 11-летней дочери. Суд приговорил Ан Док Ёна к трем годам тюрьмы условно, и хотя затем апелляционный суд полностью оправдал Ана, в течение двух лет, пока тянулось дело, он потерял работу и жену, которая от него ушла со словами «Я не могу жить с человеком, на котором лежит клеймо северокорейского шпиона»⁶⁹.

Хотя Конституционный суд РК заключил, что Закон о национальной безопасности не противоречит Основному закону страны, в августе 2004 г. Национальная комиссия по правам человека Южной Кореи выступила с официальной рекомендацией отменить Закон. Этот меморандум является первым формальным шагом в данном направлении и дополнительным аргументом.

Несмотря на то, что подвижки в трактовке ЗНБ или его отмена присутствуют в программе каждого корейского политика, позиционирующего себя как левого, отменить его не выходит. То же самое касается и излишней его критики. Так, 23 мая 2003 г. Верховный Суд Южной Кореи отменил решение Сеульского суда высшей инстанции, которое признавало правомерным вывешивание плакатов с требованием

⁶⁷ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 303-304.

⁶⁸ Панин А., Альтов В. С. 257.

⁶⁹ Закон о национальной безопасности...

отмены Закона о национальной безопасности, и вернул дело в столичный суд на новое рассмотрение⁷⁰.

Некоторые «свободомыслящие» журналисты замечают, что на коммунистов разговоры о свободе слова не распространяются по сей день. Так, например, в 2001 г. по газетам прошла информация о 19-летнем ученике старшей школы, который создал коммунистически ориентированную страницу в интернете и даже поместил там текст конституции КНДР. Страница просуществовала несколько дней, собрав более 4 тыс. посетителей, после чего АПНБ уничтожило ее, а ее автора посадило в тюрьму.

Вспоминают и историю с Сон Ду Юлем, видным деятелем диссидентского движения. С приходом к власти Ким Дэ Чжуна Сон неоднократно пытался посетить Сеул, а в правление Ро получил разрешение остаться в стране⁷¹. 23 сентября 2003 г. он прибыл в РК, но месяц спустя был арестован. Более того, из процесса над ним сделали показательное шоу такого масштаба, как если бы он был руководителем террористической организации или человеком, непосредственно руководившим коммунистическим движением в Сеуле. Непроверенные данные о том, что Сон 14 раз тайно посещал Северную Корею и получал инструкции по подрывной деятельности лично от Ким Чен Ира, за что Пхеньян сделал его кандидатом в члены Политбюро ЦК ТПК, распространялись как непреложная истина.

Сон был приговорен к семилетнему заключению, что вызвало массовые протесты в мире, и 21 июля 2004 г. апелляционный суд освободил Сона из тюрьмы и снял с него основное обвинение, сочтя, что доказательств его членства в Политбюро ЦК ТПК недостаточно, а поездка на похороны Ким Ир Сена была не предательским действием, а соблюдением определенных формальностей⁷².

Что же касается шпионов, то на улицах, на вокзалах, в недорогих гостиницах и каждом вагоне сеульского метро до 2004 года висели отпечатанные по заказу Национальной разведывательной службы плакаты с текстами «Поощряем доносы на шпионов! Звонить по телефону 113 (это отдельный номер, отличный и от полиции, и от скорой помощи)» и указанием того, сколько за какую категорию шпионов дают: Сообщения о шпионском корабле или подводной лодке стоило 125 тыс. долларов, за сведения о северокорейском шпионе - 80 тысяч, наводка на коммуниста из местных, называемого в плакате «левым экстремистом» - 25 тысяч⁷³. Подпись под таким плакатом нередко гласит: «Мирное время - это время,

⁷⁰ Верховный Суд Южной Кореи...

⁷¹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 303.

⁷² Сеульский вестник, № 87, август 2004 г. с. 3.

⁷³ Штефан Е. Две свежести в одной. // Журнал «Политбюро», №10 (21), 10.03.2003, <http://idr.nns.ru/polit>. Текст статьи взят с личного сайта автора с его разрешения. Об этом же: Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 306-307.

когда надо быть особенно бдительным»⁷⁴.

Показательна и следующая история. Девятого мая 1999 г. в «Korea Times» была опубликована заметка о том, как в вагоне метро человек открыл книжку в обложке красного цвета, на титуле которой было иероглифами написано имя Ким Ир Сена. Бдительные граждане знали, что делать, и не прошло и пяти минут, как подозрительная личность была эскортирована куда надо. Там, правда, выяснилось, что человек - не шпион, а японский турист, и что книжка была выпущена в Японии и разоблачала Ким Ир Сена, хотя ее оформление и было стилизовано под издания КНДР. Статья об этом случае была помещена в рубрике «Курьезы», хотя, с моей точки зрения, эта история весьма показательна.

Между «антишпионскими рассказами» двух стран тоже существует примечательное сходство. Будучи студентами ИСАА, мы читали в качестве домашнего чтения написанный для детей северокорейский сборник коротких рассказов под названием «След, который скрыть нельзя» (кор. *Сумгиджи мотхан пальчагук*), полный историй в духе «Пошли дети в лес собирать металлолом, вернулись с двумя шпионами и рацией». В 2000 г. один из российских студентов, учившийся в Сеуле, показал мне южнокорейский сборник с точно таким же названием. Рассказы там были почти такие же – например, про бдительного дедушку, который торговал сигаретами, и молодого человека, который к нему подошел. Дедушку насторожило то, что парень не знал цен на сигареты, говорил с северным акцентом и начал спрашивать, где можно купить рацию. Дедушка сказал, что купит ему рацию сам, дал ему бутылку кока-колы и быстро побежал за полицейскими, которые и поймали шпиона.

Тем не менее, настоящих шпионов тоже ловят. Как правило, разоблаченными оказываются представители корейской диаспоры ли граждане РК, длительное время жившие в третьих странах. По данным РК, на 1992 г. на Юге находилось 40 тыс. северокорейских агентов. Это число представляется сомнительным, однако несколько шпионских скандалов действительно было. В 1992 г. была сделана попытка сформировать на Юге секцию ТПК, а в 1996 г. много шума наделало разоблачение шпиона, который под видом выходца с Филиппин преподавал ближневосточные языки в одном из сеульских университетов.

Если же искать факты шпионажа Юга против Севера, то засылка туда агентов была быстро прекращена по двум причинам. Во-первых, южане получали достаточно информации от своих американских коллег, имевших возможность фотографировать КНДР со спутников и самолетов. Во-вторых, особенности северокорейского общества не позволяли агенту активно в него внедряться, и большая часть шпионов была схвачена и казнена задолго до того, как начала действовать⁷⁵.

⁷⁴ Способ неплохо заработать: донеси на коммуниста и получи 30 миллионов. // Сеульский Вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 26.08.2002

⁷⁵ Breen M. The Koreans... С. 125-126.

Что же до обмена диверсантами, то период активной заброски спецгрупп на территорию друг друга кончился в 1970-е гг., но до этого времени, в 1960-е., по утверждению М. Брина, инциденты на ДМЗ случались почти каждый день, причем тела убитых северян или тех, кто им сочувствовал, подолгу не убирали и они валялись возле полицейских участков как пример того, что ждет северокорейских агентов или любого, кто будет с ними сотрудничать⁷⁶. В итоге в конце 1968 г. Ким Ир Сен отказался от планов массовой засылки партизан на территорию РК, а те, кто предлагал это, даже стали жертвами чисток⁷⁷.

Новый всплеск подобной активности состоялся в 1998 г, когда «вся РК» ловила северокорейских командос, заброшенных в южные регионы страны при помощи подводной мини-лодки.

Но не стоит считать, что такими акциями прославился только Север. Первыми к террору прибегли именно южане, причем некоторые из антикоммунистических организаций на Юге открыто называли себя террористическими⁷⁸. До Корейской войны террористы Юга занимались саботажем на предприятиях, поджогом домов и убийствами военных и членов ТПК. После 1953 г. на территории Севера было убито примерно 5000 шпионов и диверсантов⁷⁹.

Организация спецслужб КНДР и РК и некоторые методы их работы

Особенность Северной Кореи состоит в том, что обычная для бывших соцстран пара «военная разведка – политическая разведка» в ней заменена на триаду «военная разведка – политическая разведка – партийная разведка». Связано это с историей Трудовой Партии Кореи, где после формального объединения организаций Севера и Юга в составе ЦК был создан отдел, поначалу именовавшийся «Отделом связи» (кор. *Ёльлак пу*) – имела в виду связь с подпольными организациями на юге. Считалось, что главной его задачей должно быть воссоздание коммунистического подполья в Южной Корее, но к 1970-м гг. стало окончательно ясно, что задача эта неосуществима, а отдел сосредоточился на общем руководстве всеми разведывательными операциями против Южной Кореи и превратился в координатора всех операций северокорейских спецслужб⁸⁰.

Главной действующей спецслужбой страны является Министерство охраны безопасности государства - МОБГ (кор. *Кукка анчжон повисон*), в ведении которого находятся внутренняя и внешняя разведка, контрразведка и политический сыск⁸¹. В отличие от КГБ, МОБГ не занимается охраной

⁷⁶ Breen M. The Koreans... С. 25.

⁷⁷ Breen M. Kim Jong-il... С. 29.

⁷⁸ Cumings B. North... С. 56.

⁷⁹ Cumings B. North... С. 56.

⁸⁰ Ланьков А. [http://www. Agentura.ru](http://www.Agentura.ru), 5.04. 2001.

⁸¹ История этого ведомства начинается в 1948 г. Впоследствии оно несколько раз то сливалось с МВД, то выделялось из его состава. Окончательно МОБГ приобрело свой независимый статус в 1973 г., а нынешнее название – в 1993 г.

правительства и главы государства – эти функции поручены Командованию охраны (кор. *Хови сарёнбу*), которое формально входит в состав вооруженных сил, но фактически является самостоятельной организацией.

Подобно своему советскому прототипу, МОБГ имеет разветвленную сеть местных управлений, доходящих до уровня уезда. Его представители действуют также при всех крупных организациях и учреждениях. В ведении МОБГ находятся и лагеря для политических преступников, которые содержатся отдельно от уголовников⁸².

Некоторые функции политической полиции выполняет также Министерство общественной безопасности – МОБ (кор. *Сахве анчжонсон*), которое помимо борьбы с уголовной преступностью, обеспечения правопорядка и т. п., ведает системой прописки, а также осуществляет повседневный надзор за гражданами⁸³.

На Юге создание полноценной политической полиции произошло только при Пак Чжон Хи. Ли Сын Ман в решении политических проблем предпочитал полагаться на гангстеров или деятелей вроде полковника Ким Чжон Вона, главного организатора бойни в Кочхане, который в начале 1957 г. был назначен руководителем Департамента полиции⁸⁴.

В первую очередь речь пойдет о ЦРУ Южной Кореи (англ. KCIA, кор. *Чунъан чонбогук*). Д. Обердорфер замечает, что, хотя название этой конторы должно было вызывать ассоциацию с аналогичной структурой США, по внутренней организации и комплексу обязанностей она напоминала даже не столько советское КГБ, сколько японскую тайную полицию довоенного образца.

ЦРУ не имело главного здания, с которым его можно было бы соотнести. Так создавалось впечатление, что оно везде и нигде. Несколько принадлежащих ему зданий было разбросано по Сеулу. Наиболее известным из них было находящееся в районе Намьен-дон, где производились допросы диссидентов. Именно оно занимало в массовом сознании нишу подвалов Лубянки.

ЦРУ РК отвечало не только за обеспечение безопасности страны, но и за добывание средств и проведение предвыборных кампаний (последнее не афишировалось). Б. Камингс даже указывает на то, что такая концентрация вопросов финансовой поддержки правящего режима в руках ЦРУ ослабила коррупцию как явление, связанное с нелегальной помощью бизнесменов политикам в обмен на услуги.

После совместных встреч представителей Юга и Севера агенты ЦРУ РК собирали все предметы, остававшиеся от северян, включая пустые пачки от сигарет, с тем, чтобы с их помощью определить уровень промышленного развития КНДР⁸⁵.

⁸² Ланьков А. [http://www. Agentura.ru](http://www.Agentura.ru), 5.04. 2001.

⁸³ Ланьков А. <http://www. Agentura.ru>, 5.04. 2001.

⁸⁴ Henderson. С. 430.

⁸⁵ Breen M. The Koreans... С. 204.

Во время Четвертой Республики ЦРУ фактически превратилось в самостоятельную структуру, использующую свой административный ресурс для достижения «личных» целей.⁸⁶ По политическому весу оно было сравнимо с армией, а в неформальной иерархии его руководитель стоял очень близко к президенту и мог считаться политическим соперником Пак Чжон Хи⁸⁷.

Насколько высок был в связи с этим уровень лояльности спецслужб, сказать сложно. Даже про Ким Чжон Пхия - первого директора ЦРУ и правую руку Пак Чжон Хи ходили активные слухи о том, что он пытался организовать переворот против Пака, но дело не выгорело. А в действиях убившего Пака Ким Чжэ Кю можно усмотреть ревность, которая начала проявляться тогда, когда, возвысив начальника своих телохранителей Ча Чи Чхоля, Пак Чжон Хи как бы начал создавать свою личную службу охраны, преданную только ему и, вероятно, нацеленную на предотвращение враждебных действий со стороны ЦРУ, которому, видимо, президент не доверял.

В декабре 1980 г. ЦРУ РК было переименовано в Агентство планирования национальной безопасности - АПНБ (кор. сокр. *Ангибу*), но суть репрессивного аппарата не изменилась.

В 1994 г. правительство подписало пакт о политическом нейтралитете спецслужб, который предусматривал неиспользование разведки против легальной оппозиции и в целом соблюдается до сего времени⁸⁸. Однако по оценке 1995 г., примерно 50 % бюджета АПНБ тогда уходило на борьбу с внутренним врагом и контрразведку, а 50 % - с врагом внешним.

В 1994 - 1996 гг. власти несколько ослабили роль спецслужб и даже передали дела, связанные с пропхеньянской активностью граждан, из компетенции *Ангибу* в сферу деятельности полиции, чьи успехи в вылавливании студенческих радикалов оказались более чем скромными. В 1999 г. АПНБ снова переименовали в Национальную разведывательную службу, что, видимо, должно было подчеркнуть ее функцию как одного из ведомств, призванных служить интересам общества, а не всецельной силовой структуры.

На текущий момент южнокорейским спецслужбам в значительной степени удалось избавиться от того имиджа, который они заработали при военных. СМИ постоянно привлекают внимание к прошлой деятельности *Ангибу*, разоблачая их преступления во время военного режима. А на церемонии, посвященной тридцатисемилетию этой организации, была одобрена так называемая «Этическая хартия» из восьми пунктов, содержащая заверения в политической нейтральности, предотвращении вмешательства *Ангибу* во внутривнутриполитические дела и «обеспечение народа информацией высокого качества». Впрочем, надо отметить, что и обычная

⁸⁶ Cumings B. Korea's place... С. 365-367.

⁸⁷ Cumings B. Korea's place... С. 354.

⁸⁸ [http://www. Agentura.ru](http://www.Agentura.ru), 21.09.2000.

полиция рассчитана скорее на борьбу с нелегальной оппозицией и северокорейской агентурой, нежели на противостояние обычной преступности⁸⁹.

Операции спецслужб как Севера, так и Юга подчинены в основном задачам противостояния «идейным противникам», а также - подавлению внутренней оппозиции. При этом отмечаются склонность южан к промышленному шпионажу и более тщательное наблюдение северокорейских спецслужб за гражданами КНДР, находившимися на территории других стран.

Однако общего в их методах больше. Так, спецслужбы и Севера, и Юга вели (и, скорее всего, ведут сейчас) активную охоту за «впавшими в ересь» соотечественниками. Конечно, в первую очередь вспоминаются действия северян по отлову студентов, которые учились в Москве и отказались возвращаться домой. В 1959 г. похищение студента Московской консерватории, которого пытались вывезти в Корею в чемодане с дипломатической почтой, вызвало дипломатический скандал и закончилось отзывом северокорейского посла из Москвы. Незадолго до этого в Москве северокорейскими агентами был похищен Хо Ун Бэ, лидер оппозиционно настроенных студентов (впоследствии – известный историк и автор одной из наиболее известных антикимирсеновских книг), которому удалось спастись, выпрыгнув из окна посольства. По южнокорейским данным, с 1953 по 2000 гг. было похищено не менее 500 южнокорейских граждан (не считая экипажей рыболовных судов, оказавшихся в территориальных водах КНДР)⁹⁰.

Не забудем и случаи похищения граждан Японии северокорейской разведкой, имевшие место еще при жизни Ким Ир Сена и признанные Ким Чен Иром во время визита в Пхеньян японского премьер-министра Коидзуми.

Но можно вспомнить и аналогичные случаи в поведении спецслужб РК, среди которых похищение Ким Дэ Чжуна в 1973 г. (по информации М. Брина, изначально его пытались приписать северянам⁹¹). Можно вспомнить и таинственное исчезновение в конце 1970-х гг. Ким Хён Ука, бывшего руководителя ЦРУ РК. Этот деятель, будучи в США, разгласил несколько фактов, связанных с режимом Пак Чжон Хи, и вскоре таинственно исчез по дороге из Нью-Йорка в Париж. Согласно одной из версий, он даже не был просто уничтожен южнокорейскими агентами, но выкраден, доставлен в Сеул и там застрелен лично Паком.

В 1952 г. фальшивое покушение на себя организовал Ли Сын Ман: его «расследование» выводило на лидеров оппозиции, заставляя их поддержать очередную серию изменений в Конституции⁹². При Пак Чжон Хи и Чон Ду

⁸⁹ Ланьков А. Сеул: город ангелов...

⁹⁰ Ланьков А. [http://www. Agentura.ru](http://www.Agentura.ru), 5.04.2001.

⁹¹ Breen M. The Koreans... С. 204.

⁹² Breen M. The Koreans... С. 200.

Хване спецслужбы тоже шли на прямые провокации. Наиболее известная история случилась в 1967 г., когда несколько граждан РК, обучавшихся в Западной Германии, были обвинены в шпионаже, похищены оттуда и заключены в тюрьму.

Изменения в формах манифестации власти в РК в правление «гражданских президентов»

С формальной точки зрения, начало правления каждого гражданского президента сопровождалось своего рода «откручиванием гаек» и крупномасштабной амнистией узникам предшествующей власти. В марте 1993 г. такой была амнистия Ким Ён Сама, в ходе которой были освобождены почти 42000 заключенных, в том числе – первая большая группа «не раскаявшихся», проводших в застенках 30 и более лет.

Накануне своей инаугурации 25 февраля 1998 г. Ким Дэ Чжун освободил Ро Тхэ У и Чон Ду Хвана, пригласил их на торжества в качестве почетных гостей и пожал руки своим бывшим врагам⁹³. Своего предшественника он тоже не посадил, не обостряя ситуацию и несколько раз выступая с заявлениями о том, что экс-президент не будет вызываться в следственные органы. Более того, в течение всего периода его правления при разгоне студенческих выступлений не использовался слезоточивый газ.

В преддверии августовской амнистии в июле 1998 г. Национальная Ассамблея с редким единодушием разработала «Специальный закон о защите прав человека», регулирующий главным образом порядок допросов и правила содержания заключенных. Так, например, суд не имеет права считать свидетельскими показаниями информацию, полученную от подследственных в отсутствие их адвокатов в период от полуночи до 5 утра. Также судьи не имеют права признать человека виновным, если материалы следствия не содержат свидетельские показания или данные экспертизы.

Допросы в ночное время (от 2 до 5 утра) вообще приравниваются к пытке. Кроме этого, пытками считаются применение допрашивающими агрессивных и оскорбительных выражений или лишение подследственного сна в течение ночи более, чем на 6 часов. За применение пыток грозит от 3 до 5 лет тюрьмы, а если в ходе допроса подследственный умер, то от 5 до 10 лет. До 3 лет заключения могут получить те, кто позволил фотографировать подследственных или свидетелей без необходимого официального разрешения (напомним, что объявление человека преступником в прессе с публикацией его фотографии означает автоматическую потерю лица для этого человека)⁹⁴.

Госслужащие не имеют права допускать утечки информации, касающейся подследственных, способной нарушить их права человека.

⁹³ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 271.

⁹⁴ Korea Times, 23.05.1998.

Последние в этом случае имеют право требовать компенсацию за нанесенный моральный ущерб⁹⁵.

Похожая политика проводилась при Ким Дэ Чжунге и в отношении диссидентов. Так, 6 июля 1998 г. лидеры корейских гражданских групп «диссидентской направленности» встречались с тогдашним руководителем АПНБ Ли Чжон Чханом для предварительных консультаций.

Власти старались действовать так, чтобы авторизованные контакты не вызывали нареканий, и стоит вспомнить, что министр национального объединения и автор «солнечной политики» Лим Дон Вон разрабатывал ее основные принципы еще на посту руководителя АПНБ. Однако процесс этот был сложен, и когда в середине августа 2001 г. на фестивале в Пхеньяне группа южнокорейских делегатов не была соответствующим образом проинструктирована и приняла участие в несанкционированных Сеулом мероприятиях, семеро ее членов по возвращении были взяты под арест, а Лим Дон Вон был вынужден уйти в отставку⁹⁶.

Однако, этим, как правило, подвижки и ограничивались. Власть не стремилась менять репрессивный аппарат, который еще должен был пригодиться ей для ликвидации оппонентов. Примеров тому достаточно, и мы начнем с Ким Ён Сама, еще раз вспомнив осуждение Чон Ду Хвана и Ро Тхэ У. 20 декабря 1995 г. был принят «Специальный закон о событиях в Кванчжу», который был наделен обратной силой и на основании которого Чону и Ро, уже арестованным по подозрению в коррупции, были предъявлены дополнительные обвинения. Одновременно под суд пошли также почти 40 высокопоставленных бизнесменов, военных и политиков, тесно связанных с тогдашней правящей кликой⁹⁷.

Р. Казарьян цитирует американского ученого Дэвида Стайнберга, считающего, что суд над бывшими президентами, является показателем зрелости демократического общества. Однако, приведенные данные свидетельствуют о другом, и закончившийся 22 августа 1996 г. процесс был воспринят в РК двояко и оставил неприятный осадок даже у тех, кто сочувствовал Ким Ён Саму. Специальный выбор главного следователя, пропагандистская кампания в прессе и конвейерные допросы⁹⁸, в ходе которых из бизнесменов выдавливали показания о том, что они давали деньги президенту Ро Тхэ У в обмен на режим благоприятствования в отношении их компаний⁹⁹, достаточно сильно напоминали политические процессы недавнего прошлого.

Как пишет И. А. Толстокулаков, «следствие приняло форму общенационального фарса», сопровождаясь травлей членов семей осужденных или массовыми митингами и сбором подписей в поддержку их

⁹⁵ Korea Times, 13.07.1998.

⁹⁶ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 312

⁹⁷ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 225-227.

⁹⁸ В среднем руководителей корпораций допрашивали по 17-24 час. без перерыва, а в одном случае допрос длился 49,5 часов.

⁹⁹ Казарьян Р. Л.

осуждения, напоминающими автору этой работы организацию общественного мнения в Советском Союзе во время политических процессов 1930-х – 1950-х гг.

Нечто похожее, хотя и в меньшей степени, можно сказать и об антикоррупционных процессах в правление Ким Дэ Чжуна. Ряд иностранных специалистов в связи с этим утверждал, что в 1998 г., когда чистки достигли своего апогея, уровень нарушения прав человека в Южной Корее был выше, чем при двух предыдущих президентах. В основном речь шла о заведомом нарушении презумпции невиновности. Стоило какому-то лицу быть вызванным в прокуратуру для дачи показаний, как пресса превращала его в преступника: обычно писалось, что есть подозрения, что некто замешан в таких-то и таких-то делишках, и он будет водворен за решетку, как только прокуратура получит достаточное количество доказательств.

Законы, ужесточающие наказание за коррупцию, часто имели обратную силу. Считалось, что так как существующие наказания за взятки недостаточны, чтобы изменить отношение людей к этому элементу культуры, должно карать и тех, кто совершил преступления до принятия новой трактовки закона. Например, бывший президент группы «Ханбо», уже осужденный на 15 лет за свою роль в финансовом скандале, связанном с компанией, получил еще 6»¹⁰⁰.

Громкие амнистии не касаются и «современных» героев левого движения. Так, небезызвестная Лим Су Гён, студентка, нелегально посетившая Фестиваль молодежи и студентов в Пхеньяне, по возвращении домой предстала перед судом по обвинению в нарушении Закона о национальной безопасности, была осуждена на 15 лет, но в 1993 г. ее «перевели на попечение родственников», по сути, заменив ей тюрьму на домашний арест. Амнистировали ее только при Ким Дэ Чжуне, и факт ее освобождения не освещался в прессе и не сопровождался политической реабилитацией¹⁰¹.

Изменения в репрессивном аппарате и формах манифестации власти в КНДР правление Ким Чен Ира

Еще в выступлении перед членами *Чхонрёна* Ким Чен Ир открыто говорил о том, что «партийные органы, правительство и общественные организации много занимаются идеологическим воспитанием, но при этом мало внимания уделяют законам... Партийные кадры и работники органов безопасности все без исключения действуют вне законных рамок».

Уделяя особенное внимание специальным требованиям, которые предъявляются к прокурорским работникам на Западе или в Японии, Ким Чен Ир обращал внимание на то, что «у нас прокуроров назначают как на любую другую работу, и они сохраняют дружеские отношения со своими

¹⁰⁰ Korea Herald, 31.03.1999.

¹⁰¹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 246.

бывшими однокашниками. В такой обстановке им трудно поддерживать свой авторитет».

Думаю, что, несмотря на подобные заявления, Ким Чен Ир хорошо понимает, что введение в КНДР правовой системы, характерной для современного общества, сопряжено с целым рядом сложностей. Во-первых, необходимо обеспечить определенную независимость прокуратуры и суда. Во-вторых, Северная Корея остается строго ранжированным обществом, что частично нарушает принцип равенства перед Законом. В-третьих, для современной модели требуется большое количество образованных и компетентных юристов, которых на Севере нет.

Потому рассмотрим те перемены, которые уже коснулись северокорейских репрессивных органов. Здесь пока речь идет не столько об утверждении концепции правового государства, сколько о важных изменениях в организации спецслужб, начатых, кстати, еще при Ким Ир Сене.

Создается впечатление, что единую структуру, рассчитанную на выполнение воли вождя, заменяет сеть служб с относительно похожими задачами. Если так, то государство сомневается в лояльности госбезопасности, учитывает возможность бунта в одном из ее структурных подразделений и принимает меры предосторожности. А это уже не классический тоталитаризм: в рамках командно-административной модели все в едином кулаке вождя, и мятеж одного из подразделений невозможен.

В отношении нынешней деятельности репрессивных органов можно отметить следующее. Их хватка ослабла. Конечно, действительные преступления против режима (расклейка листовок, создание кружков) или нарушения правил поведения, которые воспринимаются как «оскорбление величества», по-прежнему быстро расследуются и эффективно караются. Однако факты менее явных правонарушений остаются без внимания - продолжительный разговор с иностранцем на пхеньянской улице уже не является безусловным основанием для ареста¹⁰². В последние годы также почти прекратились выборочные ночные проверки частных домов¹⁰³.

Власти перестали контролировать передвижение людей по стране. В 1997-1998 гг. были отменены ограничения на поездки по всем регионам страны, кроме Пхеньяна, въезд в который по-прежнему контролируется¹⁰⁴. Когда на фоне голода многие занялись челночной торговлей, правительство стало смотреть на подобную экономическую самостоятельность сквозь пальцы.

К подвижкам можно отнести и некоторое расширение внешних контактов страны, допускающее появление внутри нее представителей чуждых политических взглядов, которых уже не объемлет плотный тотальный кокон сопровождения. Число представителей различных

¹⁰² Ланьков А. Слабое звено...

¹⁰³ Ланьков А. Эпитафия обществу контроля.

¹⁰⁴ Ланьков А. Слабое звено...

международных организаций гуманитарной направленности, работающих в стране, велико, и хотя власти их недолюбливают и считают тайными шпионами, им дают работать и явно никого не выгоняют.

Ослабление контроля видно и в том, какие масштабы приобрело «бегство» в Китай. Напомним, что в условиях классического авторитарного режима «побег из зоны» крайне маловероятен. Поэтому количество перебежчиков, успешно покинувших пределы страны, не пойманных и не возвращенных обратно, означает для нас не только процент людей, «голосующих ногами за свободу», но и КПД системы, призванной их ловить.

До 1990-х через северокорейско - китайскую границу перебежали 1-2 человека в год. В 2002 г. число перебежчиков достигло 1200 человек¹⁰⁵, а сегодня на территории Китая находится от ста (по утверждению А. Ланькова) до трехсот (по южнокорейским данным) тыс. нелегальных эмигрантов, слившихся с местным населением района Кандо¹⁰⁶.

И если до начала 1990-х попытка перехода границы каралась смертной казнью, в последние годы она стала рассматриваться как достаточно мелкое правонарушение. Жестоко наказывают в основном пойманных контрабандистов и тех беглецов, которые во время пребывания в Китае общались с южнокорейцами, миссионерами или иностранными журналистами (не говоря уже о тех, кто пытался просить политическое убежище)¹⁰⁷.

Похожая ситуация касается информационного контроля: опросы последних лет показывают, что заметное и постоянно растущее количество перебежчиков в Китай регулярно слушало южнокорейское радиовещание ещё тогда, когда находилось на Севере¹⁰⁸. Дело в том, что через китайскую границу в страну ввозится большое количество портативных транзисторных приёмников. Из-за небольших размеров их легко прятать от властей, и при этом понятно, что в условиях глобализации и информатизации общества этот процесс неостановим.

Выводы

Сочетание авторитарного режима и вызванных жестким противостоянием двух систем требований времени дало почти аналогичные результаты по обе стороны 38 параллели: во всяком случае, в период правления военных репрессивный аппарат РК мало отличался от северокорейского. Да и в 1990-е гг., по данным отчетов «Freedom House», Северная Корея была несвободным государством, а Южная – частично свободным. В рейтинге стран по степени свободы они из 211-ти

¹⁰⁵ Breen M. Kim Jong-il... С. 152.

¹⁰⁶ Breen M. Kim Jong-il... С. 151.

¹⁰⁷ Breen M. Kim Jong-il... С. 151.

¹⁰⁸ Ланьков А. Слабое звено...

рассмотренных стран занимали соответственно 175-е и 87-е места¹⁰⁹.

Конкуренция двух государств не только усиливала бдительность и шпионманию в каждом из них, но, похоже, при этом имели место и взаимные заимствования методов. Для КНДР была характерна тотальность контроля над населением и привлечение определенных китайских и советских образцов, а для РК - расширение вариантов политического контроля, а также - сети разведки и наблюдения, что было вызвано большей интеграцией в международное сообщество и необходимостью подстраиваться под него.

Как на Севере, так и на Юге желание руководителей пока стоит над Законом, судебная власть недостаточно отделена от силовых структур, и даже антикриминальные или антикоррупционные кампании проходят с нарушением законности.

Трудно подсчитать, чей репрессивный аппарат совершил больше перегибов или прямых преступлений против «общечеловеческих ценностей». Однако надо принять во внимание то, что оценка деятельности этого аппарата и на Севере, и на Юге была достаточно тенденциозной, густо замешанной на пропаганде, можно честно сказать, что руки в крови и у тех, и у других. Кроме того, следует помнить, что характер оценки свободы в Корее и на Западе различен и то, что вызывает дрожь негодования у европейца, корейцами воспринимается гораздо спокойнее. Более того, даже в относительно демократизированной Южной Корее сохраняется достаточное число авторитарных элементов, применение которых вне сферы политического подавления свобод считается вполне приемлемым.

Конечно, под влиянием требований времени многие политические процессы или некоторые методы системы исполнения наказаний, начинают считаться анахронизмом, и их пытаются изменить. Однако либерализация касается в основном условий содержания узников, а против «врагов нации», которыми на сей раз объявлены в основном коррупционеры, репрессивный аппарат работает как часы, заведенные при Пак Чжон Хи. Существенные подвижки в структуре репрессивного аппарата или попытки изменить методологический подход (что выражается в дискуссии об отмене Закона о национальной безопасности) начались только в последние годы.

¹⁰⁹ Sung Chul Yang C. 634.

Глава десятая. Культурная революция. Место и роль системы образования

Не копи деньги, а учи детей грамоте.

Корейская пословица

Работа по совершенствованию структуры государства и работа по совершенствованию личности внутри него обязательно должны идти рука об руку. Потому одна из главных задач – не только создание мощного аппарата и охраняющей его идеологии, но и «культурная революция» как перестройка сознания и воспитание образцового функционера, идеального человека и гражданина для данной общественной системы.

В этой главе мы проанализируем то, чему и как учат в Корее. Особенное внимание мы обратим на школьное образование, так как именно в средней и старшей школе в головы подростков закладываются и набор базовых знаний, и набор базовых этических принципов.

Основные постулаты системы образования в КНДР и ее формирование

Статья 42 Конституции КНДР особенно подчеркивает введение нового, социалистического, стиля жизни, а статья 43 утверждает: «Государство проводит в жизнь принципы социалистической педагогики и воспитывает новое поколение надежными революционерами, борющимися за общество и народ»¹. Теме образования и работы с молодежью Ким Ир Сен и Ким Чен Ир посвятили очень много своих выступлений, обращаясь к этим вопросам снова и снова.

Структура образования и индоктринации в КНДР прошла несколько этапов. Со времени освобождения до середины 1950-х гг. основной акцент северокорейской педагогики делался на антияпонский и антиамериканский патриотизм, марксизм-ленинизм и историю КПСС. В 1947 г. в выступлении перед студентами Университета, Ким Ир Сен обозначил основные цели «коммунистического классового образования» как уничтожение остатков японского империализма, поощрение патриотизма и политической бдительности, изучение внутренней и внешней ситуации, поддержка народного правительства, вооружение себя марксистско-ленинским пониманием науки и техники и превращение себя в кадры, предназначенные вести народ.

Первоочередной задачей была ликвидация безграмотности. Следует помнить, что ко времени освобождения страны только 35 % детей школьного возраста имели возможность ходить в школу. В северных регионах ситуация

¹ Положение с правами человека в Северной Корее.

была еще хуже, там 85 % населения были неграмотными². Поэтому систему школьного образования создавали фактически с нуля, однако уже в 1956 г., когда уровень экономики достиг довоенного, была создана система обязательного начального образования. Позднее появились обязательное среднее образование, а 28 октября 1959 г. – профессионально-техническое³.

К 1980 г. в стране насчитывалось 9613 учебных заведений (из них 187 высших) с общим числом 4124000 учащихся, из них 256000 студентов вузов, включая основанный в 1946 г. Университет имени Ким Ир Сена⁴.

Поначалу одной из особенностей северокорейской системы образования стала подготовка кадров за рубежом. До 1951 г. только в Советском Союзе ежегодно обучалось по 100-200 человек, а в 1953-1954 гг., когда география стран обучения расширилась, количество студентов-стажеров за рубежом достигло 5 тысяч⁵.

Однако после событий конца 1950-х годов Ким Ир Сен начал укреплять идеологический контроль над сферой образования. Все предметы изучались с позиции главенства самобытности нации и практической значимости для Северной Кореи. Учебные пособия проверялись на наличие догматических постулатов, а перечень предметов и их содержание значительно пересматривались⁶.

Сократилось и количество обучающихся за рубежом. В соответствии с личным указанием Ким Ир Сена от 1957 г. «в братские страны следовало направлять только лиц с высшим образованием для повышения уровня уже приобретенных знаний». К 1958 г. число студентов в зарубежных ВУЗах, составило около 6 тысяч человек⁷.

1960-е породили «обучение в духе революционных традиций», еще более связанное с чучхэизацией образования, отходом от советских или китайских методов и окончательным переходом образования под контроль ТПК. Обязательными предметами стали революционная история партии, история революционной деятельности Ким Ир Сена и практика партийной работы. При этом помимо марксизма-ленинизма, обязательным стало изучение «борьбы ТПК за свободу и независимость Кореи и демократическое строительство»⁸, готовящее почву для формирования северокорейского национализма. Таким образом, основными качествами, которыми должны были обладать представители новой интеллигенции, стали партийность и политическая сознательность, а не профессиональные знания.

Другим изменением в образовательной политике стала «реформа правил поступления в ВУЗы», согласно которой привилегиями при поступлении в ВУЗ пользовались отслужившие в армии и получившие рекомендации из ЦК

² Нам. С. 403.

³ Син Хё Сук.

⁴ Нам. С. 404.

⁵ Син Хё Сук.

⁶ Син Хё Сук.

⁷ Син Хё Сук.

⁸ Син Хё Сук.

партии. Уже в 1958-1959 учебном году доля рабочей молодежи среди всех студентов составила 70 %⁹.

Наиболее ярко образовательная стратегия Северной Кореи была отражена в «Тезисах о социалистическом образовании» от 5 сентября 1977 г.¹⁰, в которых в качестве основных элементов образования были названы идейно-политическое образование, научно-техническое обучение и физическое воспитание.

Затем основные направления воспитания молодежи были сформулированы Ким Чен Иром¹¹ как воспитание людей на основе революционных традиций, включая революционное и классовое воспитание, жгучую ненависть к эксплуататорскому строю, дух борьбы против ревизионизма, социалистический патриотизм, дух первородства корейской нации¹². Пять сформулированных им основных методов социалистического образования составляют эвристический процесс образования; сочетание теоретического образования с практикой в форме производительного труда; интенсификацию социальной и политической активности; сочетание собственно школьного (образовательного) и социального (морального) образования; единую систему дошкольного, школьного и послешкольного образования.

Научное и техническое образование неоднократно подчеркивались Ким Ир Сеном как приоритетные направления, и на фронте высших учебных заведений висит лозунг «Чучхэизация, модернизация¹³, научность» («Чучхэхва, хёндэхва, квахакхва»)¹⁴. Однако де-факто на первом месте остается политическая индоктринация, насчитывающая 8 основных тем, 3 из которых характерны исключительно для КНДР, а не для всех остальных социалистических стран, а именно: верность Ким Ир Сёну, идеи чучхэ, революционная традиция (как мифология Ким Ир Сена и история его борьбы). За ними идут классовое сознание, антиимпериализм, коммунистическая мораль, коллективизм и социалистический патриотизм.

Другой важный момент чучхэйской системы образования – это упор на связь с повседневностью, производством и развитие прикладных дисциплин. Обоснованием этого являются концепция самостоятельности как способности не быть иждивенцем общества и лозунг о необходимости связи науки с практикой, который можно считать и марксистско-ленинским

⁹ Син Хё Сук.

¹⁰ Ким Ир Сен. Тезисы о социалистическом образовании. Опубликовано на XIV Пленуме ЦК Трудовой партии Кореи пятого созыва 5 сентября 1977 года. // Ким Ир Сен. О социалистической педагогике. Пхеньян, 1981. С. 312-368.

¹¹ Ким Чен Ир. Воспитать молодежь убежденным, надежным продолжателем нашего революционного дела. Речь перед ответственными работниками ЦК Трудовой партии Кореи 17 января 1990 г. // Ким Чен Ир. Избранные сочинения. 10. 1990. Пхеньян, 1999. С. 50-69.

¹² Под «первородством» Ким Чен Ир подразумевает следующее: «Корейская нация – славная нация, в чьих жилах течет кровь одних предков, она тысячелетиями жила на корейской земле с единым языком и письменностью, имеет древнюю историю и блестящую культуру».

¹³ На Севере слово «модернизация» обозначается иными иероглифами, чем на Юге, и отражает не столько поступательное движение, сколько действия на основе требований современности.

¹⁴ Дмитриева В. Н.

наследием, и наследием концепции сирхакистов, которые критиковали конфуцианских ученых именно за их отрыв от реальности.

Большое значение уделено и борьбе с ревизионизмом. Понятие это трактуется достаточно широко, но в первую очередь к нему относят отрицание руководящей роли вождя; подмена революционного единоличного руководства коллективным; «желтый цвет» общества, в котором люди ставят свои личные дела и развлечения выше общественных; развращающее, а не «оптимистическое», искусство. Любой намек на индивидуализм воспринимается как прямая угроза системе.

Основные постулаты системы образования в РК

Статья 31 Конституции РК напрямик говорит о том, что граждане, имеющие на своем содержании детей, обязаны обеспечить им начальное и, по возможности, дальнейшее образование, и формирование образовательной доктрины РК во многом развивалось по паттерну, подобному северокорейскому.

Вначале, под влиянием американских военных властей, создавших специальный Совет по корейскому образованию, началось внедрение «демократической системы национального образования» по американскому образцу.

31 декабря 1949 г. был принят Закон об образовании, в котором его основными целями были названы следующие: воспитание знаний и привычек, необходимых для воспитания сильного тела и непреклонного духа; развитие патриотического духа для сохранения и развития национальной независимости и борьбы за мир; осознание национального наследия и развитие национальной культуры; поощрение творческой активности и научного образа мыслей; развитие любви к свободе и воспитание чувства ответственности для участия в общественной жизни; развитие эстетического чувства для эффективного использования свободного времени; стимулирование прилежания в труде для активного участия в экономической жизни. Статья 5 того же Закона специально подчеркивала, что образование не должно быть способом политической или партийной пропаганды.

Была внедрена четырехступенчатая система обучения, рассчитанная на 16 лет (6 - в начальной школе, 3 – в средней, 3 – в старшей и 4 - в университете), и подтверждена автономия учебных учреждений.

После Корейской войны образовательные учреждения продолжали находиться под покровительством западной демократической мысли: в университетах наблюдались некоторое снижение уровня антикоммунизма, внедрение американских консультантов и образовательных технологий, активная международная помощь и демократические подвижки в администрировании школьных дел.

Философия режима Пак Чжон Хи привнесла большие изменения в образовательную и культурную политику, и следующий этап национального образования охватывал период Третьей – Пятой Республик. Бывший учитель Пак Чжон Хи очень часто повторял: «Сила государства в образовании. Образование определяет судьбу страны»¹⁵ и во время проверок в регионах в ходе так называемого «руководства на местах» после выступлений глав города и провинции президент всегда выслушивал доклад о состоянии образования в данном регионе.

Военные власти взяли дело просвещения под строгий контроль. Меньше, чем через два месяца после прихода к власти, правительство Пака ввело систему вступительных экзаменов на всех ступенях школы под предлогом создания единого стандарта образования. Впоследствии эта практика была отменена, однако попытка ввести единую систему тестов и вступительных экзаменов в ВУЗы и старшую ступень школы предпринималась и позже. Более явными признаками политизации были мероприятия, направленные на видоизменение учебных программ, или законы, возлагающие ответственность за действия студентов на университетское начальство.

В результате проведенной в 1965 г. реформы среднего образования увеличилось число школ, включая профессиональные и технические. Если в 1953 г. в стране насчитывалось всего лишь 3935 начальных школ с шестилетним сроком обучения (2342 тыс. учащихся), 621 неполных средних школ с трехгодичным сроком обучения (324 тыс. учащихся) и 398 трехгодичных полных средних школ (160 тыс. учащихся), из которых 215 были общеобразовательными (87 тыс. учащихся) и 183 - с профессиональным уклоном (73 тыс. учащихся), то в 1966 г. уже 74,6 % населения старше 6 лет получили начальное образование, 22,2 % - полное и неполное среднее и 3,2 % - высшее¹⁶.

Эта тенденция продолжалась и после Пака. Еще в 1986 г. РК, которую в те времена отнюдь нельзя было назвать богатой страной, занимала второе место в мире по числу студентов на 100000 человек. Этот показатель составил 2696 студентов, в то время как в Японии он равнялся 2030, в СССР – 1970. О Корею по этому показателю только США (5355). 20,5% корейцев в возрасте от 20 до 30 лет имели высшее образование или получали его¹⁷.

На пропаганду целей и задач «военной революции» было потрачено огромное количество учебного времени. С 1965 г., когда Пак Чжон Хи посвятил этому специальную речь, он стремился заставить студентов прилежно учиться и не лезть в политику. В другом обращении он призывал обратить больше внимания на обучение исконным национальным добродетелям, в первую очередь, принципу сыновней почтительности,

¹⁵ Ким Чон Нём. *А! Пак Чжон Хи. Чон чхонвадэ писосильчжан чийм.* («А! Пак Чжон Хи. Воспоминания бывшего секретаря президента»). Сеул, 1997, с. 90.

¹⁶ Шипаев В. И. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986, с.27-29.

¹⁷ Fulbright Student Advisory Service. News Letter. Seoul, #14, с.2

который трактовался как подчинение властям. Это было продиктовано пониманием того, какую роль в свержении Ли Сын Мана сыграла молодежь.

Основные цели образования как направления политической индоктринации в этот период были четко указаны в Декрете о национальном образовании от 1968 г., который начинался со слов «Мы исполняем историческую миссию возрождения нации». В этом тексте, игравшем роль своего рода устава, говорилось, что для осуществления возрождения нации и мирного объединения родины необходимо во чтобы то ни стало возродить самость страны и развивать её силу. Для этого, в свою очередь, требуется внедрение соответствующего образа мышления и общественного порядка, то есть проведение духовной революции¹⁸.

Пак обращает особое внимание на насаждение «национального сознания», «возрождение в народе традиции взаимопомощи и коллективизма в деле строительства нового национального государства и возрождения нации», «гармонизации отношений между государством и личностью»¹⁹. Не меньшее внимание в новой программе образования уделялось идеям гуманизма, специфической роли государства и необходимости развития/модернизации.

При этом термин «чучхэйское образование» практически так же, как и на Севере, подразумевал воспитание особого национального духа. По словам Хан Сын Чжо, он провозглашал образ идеального корейца, который требуется обновляющемуся обществу²⁰.

Черты «морального кодекса» идеального гражданина РК были сформулированы так:

- восстановление престижа нации и оживление блестящего духа корейских предков;
- самоопределение, направленное на то, чтобы развивать творческие способности, дух предприимчивости и движение вперед;
- создание нового образа корейского народа – дух сотрудничества, эффективно работающий на национальное развитие;
- идеологическая твердость, заключающаяся в борьбе с коммунизмом и подготовке к безусловному воссоединению страны.

Новый этап формирования образовательной стратегии и упор на научное образование начался в только в правление Ро Тхэ У, когда необходимость особенно сильной идеологической индоктринации стала отходить на второй план. В 1982 г. была отменена обязательная форменная одежда учащихся неполной средней и высшей школы. С 1989 г. была отменена система назначения на должность преподавателей, и вузы сами стали выбирать директора или ректора.

¹⁸ Хан Сын Чжо. *Пак Чжон Хи бум, уёинга, пхирёинга* (Пак Чжон Хи бум, случайность или необходимость). Сеул, 1999, с. 203.

¹⁹ Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. С. 26.

²⁰ Хан Сын Чжо. С 205.

Немного о школьном образовании в КНДР

В отличие от Юга, где детей дошкольного возраста предпочитают воспитывать дома, в Северной Корее существует позаимствованная из СССР система яслей и детских садов, где дети с раннего возраста подвергаются идеологической обработке.

Школьное образование длится 16 лет, делится на четыре этапа (4-3-3-4) и включает в себя не только собственно три ступени школы, но и детсад. При этом, согласно Закону об охране и воспитании детства, принятому 29 апреля 1976 г., посещение ребенком детсада обязательно²¹. Доктрина предусматривает воспитание детей за счет государства, что следует трактовать не только как отчуждение детей от семьи, но и как действительную заботу государства о маленьких детях в условиях, когда оба супруга работают, а статус домохозяйки вызывает общественное порицание.

Закладывание уважения к системе через почитание вождя начинается с детского сада, где из кубиков или блоков дети собирают макет дома в Мангёнде, в котором родился Ким Ир Сен, или «тайного лагеря», который, согласно легенде, был местом рождения Ким Чен Ира. В дальнейшем оно продолжается в форме курса истории революционной деятельности товарища Ким Ир Сена, занимающей вместе со вспомогательными дисциплинами гораздо большее количество часов, чем советский блок общественных наук. На общественно-политические дисциплины отводится примерно треть учебного времени.

Идеология пропитывает всё. А. Ланьков приводит примеры задач по математике: «Сколько американских шпионов поймали все пионеры?», а М. Брин - таблицу спряжения глаголов: «Мы сражались с янки, мы сражаемся с янки, мы будем сражаться с янки»²².

В Северной Корее взяли на вооружение советский опыт групп продленного дня, в результате чего, как и на Юге, почти весь день подростка проходит в школьном комплексе.

Большое внимание уделяется воспитанию коллективизма, который внедряется под лозунгом «Один – за всех и все – за одного». Как указывал Ким Ир Сен, «не преодолев эгоизм, нельзя стать ни коммунистом, ни революционером»²³. В КНДР обязательна школьная форма. Посещавших Северную Корею иностранцев нередко шокировало то, что дети приходили в школу не так, как обычно принято в Европе, а собирались в определенном месте, строились и шли в школу строем и с песней. Точно так же дети покидали школу, разбегаясь по домам из строя, а не сразу от дверей школы²⁴.

Групповое воспитание осуществляется и за счет занятий спортом, и за счет участия в спортивных играх. Увлечение физической культурой

²¹ Нам. С. 402.

²² Breen M. Kim Jong-il... С. 114.

²³ Ким Ир Сен. О социалистической педагогике. Пхеньян, 1981, с. 47.

²⁴ По рассказам Ю. Н. Мазура.

накладывается и на конфуцианские постулаты о гармонии тела и духа, и на популярный при социализме лозунг «В здоровом теле здоровый дух». Этой методикой пользуются в обоих корейских государствах, однако если на Юге – это командные игры, направленные на выработку «командного духа» (бейсбол, а в последнее время – футбол), и занятия боевыми искусствами, то на Севере это, как правило, военизированные игры типа советской «Зарницы» и массовые физкультурные действа.

Интересно, что, сравнивая подобные спортивные праздники с игровыми видами спорта, северяне отмечают, что, в отличие игровых видов спорта вроде того же бейсбола, такие действа воспитывают единение, но не воспитывают конкуренцию и характерное для профессионального спорта желание победить любой ценой, несовместимые с социалистической моралью.

Не следует забывать, что северокорейский школьник в значительной мере загружен занятиями в различных кружках и (особенно) общественной работой. Он является членом целой серии организаций, членство в которых сразу же обучает определенным ритуалам административной культуры. В первую очередь, это Союз Социалистической Трудовой Молодежи и Молодежная Красная Гвардия (*Пульгын Чхоннён Кынвидэ*), которая является подразделением Рабоче-Крестьянской Красной Гвардии как формирование резервистов²⁵.

Не уверен, что в северокорейской школе есть телесные наказания хотя бы потому, что ее педагогический арсенал насчитывает гораздо больше эффективных методов морального воздействия (хотя бы публичную критику на общем собрании), но результаты поддержания дисциплины во многом похожи. Так, Д. Обердорфера очень сильно поразило то, что когда он там в сопровождении директора школы вошел в класс, никто из детей не оторвался от работы и не обратил на них внимание. Он счел такое воспитание холодным и негуманистичным²⁶.

Процесс образования достаточно милитаризован. Это проявляется как в заимствовании элементов военной культуры вроде построений и хождения строем и с песней, так и в достаточной роли военной подготовки в процессе обучения: курсы гражданской обороны и военные кафедры есть обязательная часть учебного процесса. Подобная военная подготовка включает в себя не только тренировки на территории школы, но и прохождение практики в воинских частях в период летних каникул²⁷.

В КНДР достаточно сильно развита система учебно-производственного образования, в рамках которого школьники получают рабочие специальности и опыт работы по ним в трудовом коллективе. Не очень понятно, какое место сейчас занимает производственная практика и насколько в условиях современной экономической ситуации труд подростков снижает качество

²⁵ Sung Chul Yang. С. 781.

²⁶ Oberdorfer. С. 234.

²⁷ Sung Chul Yang. С. 782-783.

получаемого ими образования, однако по данным Э. Нама, учащиеся средней школы работают 8-10 недель в году²⁸.

Другая форма связи с практикой – постоянные экскурсии по местам боевой славы, заводам, воинским частям и т. п. Отдельно стоит обратить внимание на так называемый «Марш в тысячу ли», в ходе которого, повторяя маршрут юного Ким Ир Сена из родительского дома в горы, школьники как бы вторят стойкости вождя. Жизнь в спартанских условиях сочетается при этом с усиленной политической обработкой²⁹.

Однако не следует полагать, что северокорейская система образования предполагает только уравниловку. Государство достаточно внимательно следит за талантами, и наряду с идеологизированной всеобщей системой образования в КНДР существует и система элитных школ, куда отбирают одаренных детей в возрасте 3-5 лет и дают им целевое образование. Существует предположение, что из них в значительной степени комплектуется персонал закрытых НИИ, ведущих стратегические исследования и, вероятно, составляющих ту прослойку, на которую может опираться Ким Чен Ир в своем стремлении к техническому прогрессу.

Школа РК и ее особенности

Напомним, что среднее образование в РК продолжается 12 лет - 6 в младшей или элементарной школе, 3 в средней и 3 в старшей. Здание школы достаточно большое, и обычно (особенно если речь идет о старшей школе) это целый комплекс за оградой, напоминающий интернат или военное училище. Такая концепция закрытой школы, в которой нередко сохраняется раздельное обучение, пришла в Корею из Японии.

Продолжительность учебной нагрузки старшеклассника достигает 13 часов в сутки. Занятия начинаются в 9 и длятся до 15-16 часов, но обычно есть еще нулевая пара, которая начинается в 7.40, а после официальных занятий есть самоподготовка, когда ученики под надзором делают уроки до 10 вечера. Не присутствовать можно, только если представлена справка о том, что в это время ты занимаешься на подготовительных курсах в так называемом *хагвоне* - частном образовательном заведении, где более углубленно преподаются предметы, входящие в состав единого выпускного экзамена. Но по приходе домой дети опять делают уроки, так что ложатся они в час-два ночи при том, что встают в 6, а то и в 5.30 в зависимости от того, как далеко ехать в школу.

Впрочем, такой изматывающий темп являлся косвенной причиной отсутствия в РК целого блока проблем, связанных с подростковой преступностью, подростковой наркоманией и т. п. Поступление в институт настолько важно, а время настолько расписано, что на развлечения (в том числе и «запрещенные»), остается очень мало времени.

²⁸ Нам. С. 403.

²⁹ Sung Chul Yang. С. 781.

Классы достаточно многочисленные. Согласно статистике, в южнокорейских начальных школах в одном классе насчитывается в среднем по стране 34 учащихся. А в некоторых регионах, таких как Сеул и провинция Кёнгидо, число учеников в одном классе составляет в среднем 45 человек.

Высшие учебные заведения могут быть привилегированными и иметь разный уровень престижности, школы - нет. Это делается для того, чтобы при поступлении в высшие учебные заведения все ученики имели равные шансы. Школьная программа едина для всей страны, возможности выбора предметов по своему усмотрению у учеников ограничены даже в старших классах. Специализированных школ с углубленным изучением тех или иных предметов почти нет - считается, что все молодые граждане страны, вне зависимости от доходов их родителей, должны иметь равное право на получение качественного образования³⁰.

Коллектив школьных учителей собран по принципу ротации, в соответствии с которой учителя государственных школ не могут все время работать в одной и той же школе, а периодически переводятся с места на место³¹. Если в какой-то школе складывается очень хороший педагогический коллектив, его стремятся расформировать.

В корейской образовательной системе, как и в российской, существует жесткая учебная программа и набор обязательных дисциплин. Данный аспект можно рассматривать двояко: с одной стороны, он не дает свободы выбора понравившихся предметов, с другой - корейская программа обеспечивает фундаментальную базу знаний и готовит не узко специализированных работников, а всесторонне развитую личность.

В настоящее время в образовательную программу старшей школы включены этика, корейский язык, математика, обществоведение, естествознание, физическая подготовка, музыка, искусство, трудовое воспитание, домоводство и иностранный язык³².

По данным отчета Корейского института развития образования, опубликованного 5 марта 2003 г., самым популярным предметом у корейских школьников младшей и средней школы является компьютерная грамота, за которой следует физкультура. В числе самых нелюбимых – этика и английский язык³³. Обе позиции кажутся автору весьма симптоматичными.

Образовательный процесс делает акцент не на развитие творческих способностей или склонности к самостоятельному мышлению, а на усидчивость, умение планировать и организовывать свое время и стойкость к длительным физическим и психическим нагрузкам. Он учит запоминать, а не анализировать, и под правильным ответом понимается заученное наизусть повторение того, что было написано в учебнике или сказано на лекции. Тем

³⁰ Ланьков А. Н. Конфуцианские традиции...

³¹ http://www.geocities.com/rus_korea.

³² Сеульский вестник, № 75, с. 7.

³³ Сеульский вестник, № 76, с. 6.

более, не поощряется высказывание собственного мнения, ибо спорить с преподавателем – значит подвергать сомнению его авторитет.

Система проверки знаний - письменные экзамены в форме тестов, больших по объему, но построенных по принципу «выделите один ответ из четырех» (по М. Брину, средний экзаменационный тест содержит 230 вопросов³⁴), или «краткого сочинения на заданную тему», часто опять-таки представляющего собой вызубренный текст учебника или конспект лекции. Устной форме проверки знания уделяется гораздо меньше внимания.

Письменные сочинения и предъявляемые к ним требования хочется отметить отдельно, т. к. если у нас экзаменационное сочинение - это проверка владения материалом и способности грамотно и аргументировано излагать свои мысли, там сочинения больше тяготеют к канону конфуцианского «восьмичленного сочинения», в котором на первое место выдвигались умение безукоризненно соблюсти внешнюю форму и оперировать большим числом цитат.

Эта направленность выразительно проявляется даже в методах обучения иностранному языку, когда корейские школьники и студенты при виртуозной работе с письменными текстами с большим трудом могут выражать свои мысли устно и по сравнению с российскими куда слабее владеют живой разговорной речью. Подготовка историков или политологов тоже ориентирована на общие проблемы или вопросы политической борьбы, а не на более глубокие процессы, позволяющие осуществить комплексный анализ.

Вступительные экзамены в учебные заведения, включающие в себя большое количество тестов, проводятся раз в год и для успешной их сдачи необходимо тщательно и скрупулезно учить каждый предмет, готовясь самостоятельно или пользуясь услугами репетиторов. По данным Корейской ассоциации внешней торговли (КАВТ), опубликованным 2 октября 2002 г., Южная Корея занимает первое место в мире по расходам граждан на услуги репетиторов (примерно 3 % ВВП) и второе место после Дании по расходам на образование (7 % ВВП)³⁵.

Старшеклассников видно по короткой стрижке и одинаковой форме (у каждой школы своя): согласно тому же «*Сяо цзин*», «одежда и манеры есть то, что не придумано лично». Отсюда запрет на самовыражение даже во внешнем облике, хорошо подчеркнутый уставной стрижкой и единой внешностью.

Телесные наказания (как правило, битье линейкой по рукам или бамбуковой указкой по икрам) являются скорее нормой, чем исключением, и официально НЕ запрещены – их просто не рекомендовано часто

³⁴ Breen M. The Koreans... С. 67.

³⁵ Пак В. Г. Некоторые черты системы образования в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока, 2/ 2004, с. 120-130.

использовать. При этом учитель может карать и за не выученный наизусть урок, и за неуставной внешний вид³⁶.

Альтернативы палке в арсенале корейских педагогов пока нет, и более того – по словам ряда моих респондентов, поработавших педагогами в корейской школе, дети настолько приучены к палке, что при попытке использовать «более цивилизованные» методы воспитания достаточно быстро растормаживаются и ведут себя просто по-хамски. Учитель, который рассердился, но не ударил, теряет всякий авторитет и воспринимается как слабак. С этой проблемой сталкивается большинство российских и западных преподавателей, работающих в южнокорейской школе и привыкших к тому, что детей бить нельзя.

С другой стороны, существует официальная бумага, в которой как бы заранее указывается средний балл по классу и максимальное число самых высших или низших оценок. И если действительный уровень знаний выше или ниже, это не имеет значения. В результате знания выпускников достаточно часто оказываются дутыми. Об этом говорят два теста, проведенные Сеульским Национальным Университетом и НИИ Расписания и оценки. В среднем 4 из 10 старшеклассников не освоили необходимый минимум знаний, особенно по математике и английскому языку³⁷.

Многие считают, что нынешняя структура школьного образования в РК находится на грани коллапса: не оправдывает себя тест как главный способ оценки знаний, сказываются слабость учителей, значительная часть которых уже пенсионного возраста, и «приписки», вызванные «нормативами оценок». Одним из следствий этого кризиса является стремление отправить детей учиться за рубеж. Сейчас за границей учится более 100 тысяч младшеклассников РК, а за последние 11 лет число южнокорейских студентов, обучающихся за рубежом, выросло втрое³⁸.

Конечно, политическая индоктринация на Юге не столько всеобъемлющая, как на Севере. Однако при Ли Сын Мане учителей заставляли вступать в Либеральную партию и писать доклады о политических пристрастиях своих учеников или студентов³⁹. В школах РК до сих пор существует введенный в 1971 г. курс «этики» или «морального образования» (кор. *тодок*), который посвящен как закреплению в поведении школьника определенных этических норм, так и некоторых политических установок, в частности, патриотизма и антикоммунизма.

В 1966 г. учебник «по сокрушению коммунизма» для третьего класса состоял из четырех глав о подвигах южнокорейской армии во время Корейской войны (причем «примеры воинской доблести» не уступали описанным у Гашека), одной главы об «ужасах на Севере» с признаниями

³⁶ Габрусенко Т. Палка-палка, бей не жалко... // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, рубрика «Статьи».

³⁷ Korea Herald, 10.04.2001.

³⁸ Сеульский вестник, № 79, ноябрь 2003 г., с. 7.

³⁹ Breen M. The Koreans... С. 200.

перебежчиков и двух глав, посвященных уважению к старшим и почитанию предков⁴⁰. В 1970-е - 1980-е гг. его антикоммунистическая/ пропагандистская составляющая в начальной школе выглядела так:

1-2 классы. Тяжелые жизненные условия в Северной Корее и братское сочувствие по отношению к народу Севера, особенно – к жизни детей и взрослых, страдающих от принудительного труда. Бдительность по отношению к возможным шпионам и террористам.

3-4 классы. Бесчеловечность северокорейских коммунистов, ужасные жизненные условия северокорейского народа, бдительность по отношению к провокациям коммунистов. Вопрос о цене нашей свободы и демократии.

5-6 классы. Понимание превосходства демократии и тоталитарной природы коммунистов, их негуманность, и тоска народа КНДР по свободе. Противоречия внутри коммунистического общества и намерения коммунистов уничтожить культурное национальное наследие⁴¹.

Сегодня этика по-прежнему преподается в школах, но ориентирована уже на несколько иной набор ценностей. В рамках курса школьников учат пословицам или иероглифическим фразеологизмам (часто - на примере поучительных историй), традициям и этикету (например, как правильно делать поклоны), морали (как надо относиться к старшим) и т. п.⁴² Кроме того, в современную версию курса были включены понятия демократии и глобализации.

Понятно, что объем военного обучения на Севере гораздо выше. Однако и на Юге до 1980-х гг. также существовала основанная в 1949 г. полувоенная организация под названием «Корпус Студенческой Национальной Самообороны», в которой старшие школьники и студенты младших курсов получали базовые военные знания⁴³. Военная подготовка как предмет была отменена в школе только в конце 2002 г. Стоит напомнить и то, что студентов в армию призывают и отсрочку они не имеют.

Что же касается «общественной работы», то роль молодежных организаций в Южной Корее в основном сводится к школьному или студенческому самоуправлению. В средней школе полномочия такого органа распространяются на организацию взаимопомощи и совместного досуга (кружки, спортивные секции и т. д.), в то время как власть Студсовета в кампусе гораздо выше⁴⁴. По сути, Студсовет контролирует всё кроме учебного процесса.

Однако гораздо большая роль принадлежит неформальным аспектам взаимоотношений старших и младших соучеников, которые существуют и в старшей школе, и в университете.

⁴⁰ Cumings B. North... С. 153.

⁴¹ Sung Chul Yang. С. 773.

⁴² Breen Michael. The Koreans... С. 225.

⁴³ Sung Chul Yang. С. 782-783.

⁴⁴ Sung Chul Yang. С. 781.

Теоретически построенные по принципу «сонбэ-хубэ» взаимоотношения старших и младших учеников базируются на конфуцианском паттерне взаимоотношений старших и младших братьев, выводя их за рамки правила «В первый год клюют тебя, а во второй клюёшь ты». Младший угождает старшему, старший заботится о младшем. Так, за совместный обед (и большинство других совместных расходов) полагается платить старшему, однако младший обязан выполнять его мелкие просьбы, а, как рассказывали мне в 1990 г. южнокорейские студенты, если *сонбэ* захотел проводить домой девушку *хубэ*, тот не должен этому препятствовать.

В результате некоторые аспекты взаимоотношений старшеклассников с младшеклассниками или старшекурсников с младшекурсниками напоминают скорее армейскую дедовщину. В старшей школе второй год гоняет первый, первый ждет, когда он станет вторым, а третий уже не столько гоняет первый и второй, сколько готовится к институту. В ВУЗе же действует система, несколько напоминающая ситуацию в британских частных школах. Первокурсник часто оказывается мальчиком на побегушках или объектом для шуток старших; от него требуется беспрекословное подчинение. Второкурсник уже имеет какие-то права, но полноправным студент становится только с третьего курса.

Высшее образование и студенческая жизнь в РК

На 750 тыс. выпускников школ приходится 250 тыс. мест в университетах страны⁴⁵, но наличие университетского диплома является практически необходимым условием успешной карьеры для мужчин и удачного брака для женщин. Человек, лишенный диплома, обречен на физический труд, не только менее почетный, но и заметно ниже оплачиваемый: в 1978 г. в Южной Корее лица с высшим образованием получали в среднем в 2,3 раза больше, чем те, кто смог окончить только среднюю школу⁴⁶.

По престижности Университеты делятся на несколько уровней, что сочетается с существованием так называемых «академических клик», объединяющих выпускников одного университета. Иерархия эта нигде формально не закреплена, однако она общеизвестна. На самой вершине пирамиды находится Сеульский Национальный университет, второй эшелон образуют несколько ведущих частных университетов столицы (Корё, Ёнсе), третий - многочисленные частные университеты Сеула, четвертый - провинциальные государственные университеты, и пятый - провинциальные частные университеты⁴⁷. В результате поступление в «правильный ВУЗ» определяет успех карьеры в гораздо большей степени, чем у нас, 92 %

⁴⁵ Breen M. The Koreans... С. 66.

⁴⁶ Ланьков А.Н. Конфуцианские традиции...

⁴⁷ Ланьков А.Н. Конфуцианские традиции...

населения страны в возрасте от 25 до 34 лет имеют высшее образование, что выше, чем в США, Германии, Франции и Великобритании⁴⁸.

При этом следует помнить, что плата за обучение в корейских вузах сравнительно низкая. Обычно она составляет 3-4 тысячи долларов в год, что при среднем заработке 1200 долларов в месяц представляется вполне умеренной суммой, доступной даже для небогатой семьи. Вдобавок, в Корее дорогой университет - это не обязательно самый лучший. Наоборот, ведущие и самые престижные государственные университеты, в том числе и Сеульский Национальный, получают особо большие правительственные дотации, и являются самыми дешевыми (плата за обучение в них в 1,5-2 раза ниже, чем в частных)⁴⁹.

При этом, как утверждает Камингс, если молодой американец получает необходимые для работы знания в колледже, его корейский сверстник получает их в старшей школе, заканчивая которую он обладает знаниями, соответствующими знаниям американского студента первого-второго курса ВУЗа⁵⁰. Для многих это значит, что усердно грызть гранит науки необязательно. К тому же - окончить университет значительно легче, чем в него поступить, а отчислить студента почти невозможно.

Большинство выпускников университета никогда не работает по специальности после его окончания – работодателя интересует не специальность выпускника, а его рейтинг, и никого не удивляет, когда молодой человек, окончивший отделение русского языка, устраивается работать в фирму, которая продает удобрения в страны ЮВА. Здесь стоит вспомнить, что и старое конфуцианское образование было общегуманитарным, а к самой идее специализированной подготовки конфуцианская традиция относилась с подозрением⁵¹.

Кроме этого, система обучения в университете более свободная. У студентов достаточно времени для досуга, организацией которого часто занимается Студсовет, и который они обычно проводят в своем кругу. При этом следует учесть, что в условиях системы *сонбэ-хубэ* участие студентов младших курсов в демонстрациях или иных мероприятиях, организуемых студенческой администрацией, является добровольно-принудительным.

Впрочем, нас интересует скорее не это, а то, как система высшего образования влияет на уровень знаний или творческих способностей. Здесь можно заметить, что если уровень политической индоктринации по сравнению со школой заметно спадает, то остальные аспекты системы образования и предлагаемые критерии оценки способностей студента остаются без изменений.

В первую очередь это касается организации преподавания. Отношения студента и преподавателя четко определены: первый беспрекословно

⁴⁸ Пак В. Г.

⁴⁹ Ланьков А.Н. Конфуцианские традиции...

⁵⁰ Cumings B. Korea's place... С. 339.

⁵¹ Ланьков А. Н. Конфуцианские традиции...

повинуется второму. Ведь от преподавателя зависят хорошие оценки для получения высокого среднего балла и возможность получения рекомендации профессора, которая играет весомую роль при приеме на работу.

Преподавательский коллектив в учебном заведении рассматривается как семья, и чем старше член семьи, тем почтительнее к нему следует относиться, не ставя под сомнение его слова. Значимость преподавателя оценивается не его квалификацией, а стажем работы.

Очень важной чертой системы образования является тот факт, что в любом корейском университете 100 % вновь назначенных преподавателей в итоге получают постоянную профессорскую должность (для сравнения - в Гарварде эта цифра составляет лишь 30 %, в Стэнфорде – 40 %). Иначе говоря, став преподавателем, человек так им и остается до конца своих дней независимо от того, как он в дальнейшем работает, то есть стимула для повышения своей квалификации у него нет⁵².

В связи с этим возникает вопрос о молодых талантливых педагогах. Конечно, такие есть, но их карьерный рост существенно ограничен, так как в условиях конфуцианского почитания возраста их шанс обогнать по служебной лестнице старших коллег очень невелик.

Что получается на выходе? Сейчас все больше звучат замечания о том, что квалификационная конкурентоспособность корейских выпускников слаба: да, они обладают прилежанием, хорошей памятью и IQ, однако их умение творчески мыслить развито недостаточно.

Еще одной проблемой в системе образования РК является перекос в сторону «престижных» специальностей - таких как юриспруденция, психология, медицина и public relations. Между тем такие отрасли, как электроника, роботостроение, биотехнологии испытывают дефицит трудовых ресурсов⁵³.

Фонд промышленных технологий весной 2004 г. опросил более 2 тысяч учащихся средних и старших классов южнокорейских школ в 15 регионах страны для того, чтобы выяснить, кем они хотели бы стать в будущем. Оказалось, что более четверти опрошенных школьников (26,5 %) мечтают стать педагогами. На втором месте по популярности у южнокорейских школьников оказались медицинские специальности (15,9 %). Третье место досталось шоу-бизнесу, искусству и спорту (11,4 %). И четвертыми по популярности оказались профессии, связанные со сферой обслуживания и социальных услуг (9,1 %). Желание пойти после окончания школы учиться на технические специальности высказали всего около 7 % (6,9 %) опрошенных школьников. И лишь 2 % юных респондентов хотели бы в будущем заниматься естественными науками⁵⁴.

⁵² Пак В. Г.

⁵³ Пак В. Г.

⁵⁴ Корейские школьники не мечтают стать инженерами и учеными // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 23.03.2004

Это связано с тем, что под успешной карьерой понимается умственная работа, желательно в государственных сферах или в сфере образования, ибо в конфуцианской традиции физический труд является недостойным видом деятельности, и такое отношение переносится на ориентированные на производство инженерные специальности.

Данное высказывание подтверждается исследованием, проведенным в 2002 г. Министерством образования. Результаты показали, что после окончания университета 40 % корейских студентов хотели бы работать в государственных органах, а 18,45 % предпочли бы работу в сфере образования, желательно преподавательскую⁵⁵.

Большинство школьников выбирает будущую специальность, исходя из того, что она будет доставлять им удовольствие (23,2 %), или исходя из уверенности в том, что они смогут хорошо выполнять эту работу (14 %). В качестве других критериев выбора будущей профессии были названы доходность (13,2 %) и стабильность (9,4 %)⁵⁶.

Общие вопросы перестройки системы образования в РК в «послевоенное» время

Реформа образования, начатая Ким Ён Самом в 1995-1996 гг., была позиционирована как «переход» от системы обучения, в центре которой находится преподаватель, к системе, в центре которой находится студент, однако на практике удалось только несколько изменить финансовую структуру обеспечения образовательных учреждений, стимулировать либерализацию университетских уставов, упростить процедуру вступительных экзаменов и предоставить ряд льгот преподавателям⁵⁷.

Ким Дэ Чжун занялся образованием плотнее, уделяя больше внимания не высшей, а средней школе. По его мнению, корейская система школьного образования не должна быть нацелена только на подготовку к вступительным экзаменам в колледж, а призвана развивать «творческие знания, гуманизм и физическое здоровье учащихся»⁵⁸, однако первый опыт перестройки, проведенный под руководством тогдашнего министра образования Ли Хэ Чхана, пока не дал ощутимых результатов.

У Ро Му Хёна, который в своей книге «Страна выживет, если не будет Сеульского университета» призывал покончить с «академическими кликами», считая их главным источником ненавистной корпоративности, на первый план выдвигается стремление переориентировать систему образования по американскому образцупосредством создания специальных программ для талантливых студентов, позволяющих им учиться по индивидуальному расписанию; спецшкол с углубленным изучением точных

⁵⁵ Korea Herald. 26.11.2002. p.3.

⁵⁶ Корейские школьники не мечтают...

⁵⁷ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 222-223.

⁵⁸ Korea Times, 16.05.1998.

наук и иностранных языков; изменения системы вступительных экзаменов в вузы⁵⁹.

Что же касается средней школы, то 21 января 2003 г. был отменен предмет «начальная военная подготовка» и сокращено количество часов на «этику»⁶⁰.

Вторым предметом, который отменили, было преподавание китайских иероглифов. Вообще, количество иероглифических знаков, обязательных к изучению в школе, будет значительно сокращено, а там, где можно использовать *хангыль*, стараются писать на *хангыле*. Последнее автор считает очень важным шагом в стремлении властей изменить систему образования, разорвав связь с конфуцианской традицией: уход от иероглифов и форсирование интереса к английскому языку вплоть до насыщения корейского языка англицизмами - один из способов пропаганды новой политической культуры через подмену понятийного аппарата.

Была сделана попытка уменьшить количество домашних заданий и покончить с обязательностью *хагвонов*, а также понизить уровень сложности тестов и учебной нагрузки, чтобы выпускные классы школы уже не превращались в изнурительный предэкзаменационный марафон.

Некоторые подвижки касались и методов воспитания, в первую очередь системы наказания. Серия указов практически лишила учителей возможности наказывать трудных учеников и запретила исключение из школы по дисциплинарным мотивам.

Дискуссия разворачивается и вокруг празднования 15 мая Дня учителя. Обычно в этот день педагогам дарят подарки или пишут благодарственные письма, однако 48 % опрошенных педагогов и 49 % родителей и школьников сочли праздник слишком обременительным, а за его отмену высказались 15 % родителей и 12 % учителей⁶¹. Сторонники изменения традиции отмечают и то, что такой праздник практически в начале учебного года⁶² может заставить некоторых учителей в последующее время ставить оценки ученикам не в зависимости от их знаний, а в зависимости от того, как и чем они и их родители почтили учителя в этот день⁶³.

Одновременно с перестройкой школы идут споры об изменении системы высшего образования, суть которых состоит в том, чтобы понизить его престижность и «не делать из него культа».

По мнению профессора Сеульского Национального университета Ким Чхоль Су, нужно вообще избавляться от стремления обязательно получить высшее образование. С одной стороны, РК занимает первое место в мире по числу выпускников университетов на душу населения. С другой - не менее 160 тысяч выпускников высших учебных заведений 1998 г. не смогли найти

⁵⁹ Овчинников В. Страна восходящего английского. Япония рвется в «царство личностей». // Российская газета, 18.03.2000, с. 7.

⁶⁰ Сеульский вестник, № 75, с. 7.

⁶¹ Сеульский вестник, № 77, июль 2003, с. 6.

⁶² В корейской школе учебный год начинается 2 марта.

⁶³ День учителя как праздник, который стал обузой // Сеульский вестник, № 77, июль 2003, с. 6.

работу, и объясняется это не только последствиями экономического кризиса, но и перепроизводством специалистов. В то же время в стране не хватает рабочих рук в профессиях, связанных с физическим трудом или опасностью для жизни.

Чо Юн Джэ, профессор экономики университета *Соган*, отмечает, что стране нужна новая прослойка профессионалов. Между тем в традициях воспитания кадров и их продвижении внутри фирмы, на первый план выдвигаются не столько творческие способности и умение принимать нестандартные решения, сколько стаж работы и послужной список, из-за чего профессиональные навыки как бы уходят на второй план⁶⁴.

Выводы

Вера в совершенствование человеческой природы является краеугольным камнем конфуцианской модели. Отсюда повышенное внимание к образованию и самосовершенствованию как способу формирования человека нового типа не столько путем изменения внешних условий, сколько через влияние на его ментальность посредством политической индоктринации. По обе стороны 38 параллели воспитание определенных моральных и этических принципов почитается важнейшей задачей, и обе страны достаточно рано озаботились системой всеобщего и непрерывного образования, в значительной степени поддерживаемого и регулируемого государством.

Цели и задачи образования КНДР и РК различаются лишь господствующей идеологией, в то время как методика обучения на Севере и на Юге мало чем отличается друг от друга. Эта тождественность особенно сильно видна на этапе среднего образования, когда сочетание морального воспитания, постоянной жизни на виду и жесткой учебной дисциплины позволяет весьма успешно воспитывать из детей образцовых граждан.

Система профессионального образования, применяющаяся как на Севере, так и на Юге Кореи, делает акцент не на развитие творческих способностей или склонности к самостоятельному мышлению, а на тренировку памяти, умение планировать и организовывать свое время и стойкость к длительным физическим и психическим нагрузкам. Воспитывая память и усердие, эта система очень хорошо работает в условиях неспешного развития традиционного общества, ориентированного на точное копирование классических образцов, но «бег времени изменился», и сегодняшняя информационная эра требует других трудовых ресурсов, способных мыслить самостоятельно и творчески. Отсюда сниженная способность к самостоятельности и творчеству, подрезающая фундаментальную науку и на Севере, и на Юге.

Иным следствием такой системы, на мой взгляд, является то, что молодежь оказывается оторвана от реальной жизни. Такой определенный инфантилизм на Севере пытаются компенсировать «связью с практикой» и

⁶⁴ Cho Yoon-je. A need for more Professionals. // Korea Focus, 1998, vol.6, no. 3.

общественной работой. Представляется, что такое явление само по себе все же менее опасно, чем культивирование прагматизма, граничащего с цинизмом, характерного для американской системы образования, который, согласно ей, считается обретением жизненного опыта.

При этом Север, и Юг опирались на значительно проникнутую конфуцианством колониальную систему образования, созданную японцами по прусскому образцу и оставшуюся без изменений, особенно в средней школе. На Юге она сохранилась в более традиционном виде, в то время как на Севере школьное образование испытало существенное влияние социалистической педагогики по Н. К. Крупской.

Можно обратить внимание на то, что и на Севере, и на Юге в ребенка вкладывается идея «быть как все», подчиняться единому образцу, не выделяться из ряда носящих одинаковую форму и автоматически выполнять команды (заметим, строевая подготовка во многом направлена именно на это). Попытка выделиться или противопоставить себя коллективу, быть не таким как все, однозначно вызывает общественное порицание.

Политологи Запада и РК очень любят критиковать «северокорейский» тип образования, который лишает детей индивидуальности, креативности и спонтанности, но хотя северокорейское обучение находится под большим государственным и партийным контролем, можно сказать, что для южной системы образования указанные процессы тоже характерны, хотя и в меньшей степени.

Разница образовательных систем Севера и Юга проявляется при переходе от школы к вузу. Если на Севере университетское образование воспринималось как продолжение школьного, и они оба создавались с нуля по единому плану, то на Юге традиции высшего образования были заложены европейцами, основавшими там большую часть высших учебных заведений еще до образования РК. Их влияние сохранилось, и поелику западная система образования традиционно уделяет мало внимания идеологической обработке студента, по атмосфере и плотности учебной загрузки университет отличается от школы в лучшую сторону.

На Севере система молодежных организаций существует под четким контролем государства и членство в ней является обязательным. На Юге она более независима от властей, но при этом отличается не меньшей жесткостью.

Можно отметить, что при такой системе образования существует определенная дилемма, связанная с развитием индивидуального самовыражения и способности учащихся к критическому анализу. С одной стороны, именно эти качества необходимы ученому, способному двигать науку вперед, подвергая сомнению сложившиеся догмы. С другой – распространение этого «мятежного духа» на политическую или идеологическую сферу опасно для режима, и потому, конструируя систему образования, в Корее пожертвовали научным прогрессом ради обеспечения лояльности. Талантливые люди Юга предпочитают получать образование за

рубежом⁶⁵, а в элитных школах Севера свободу научного творчества пытаются совместить с неизменным идеологическим прессингом, воспитывая талантливых детей так, чтобы мысли о протесте у них просто не возникали.

Касаясь политизации образования на Севере, Ян Сын Чхоль отмечает разницу между образом идеального коммуниста, на воспитание которого, казалось бы, направлена вся система образования, и существующим в действительности эгоистичным бюрократом, глухим к критике, воспринимающим свое положение как синекуру и критикуемым даже самим Ким Ир Сеном⁶⁶. Однако и южнокорейская система образования тоже декларирует одни образцы, а средний результат воспитания получает иной. Другое дело, что на Севере отличие желаемого от действительного воспринимается как отклонение от нормы, с которым надлежит вести крупномасштабную борьбу, а на Юге общественное мнение относится к этому более спокойно.

⁶⁵ В настоящее время за границей обучается около 150 тысяч южнокорейских студентов, большинство - в США и иных развитых странах Запада.

⁶⁶ Sung Chul Yang. С. 761.

Глава одиннадцатая. Основные направления и приемы агитации и пропаганды. Роль и место в них СМИ

Лично я не была уверена, что смогла бы остаться вполне вменяемой, если бы с рождения воспитывалась на марксизме и выросла бы в наглухо замурованном мире, окруженная громадными портретами и изваяниями, прославляющими моего отца и меня¹.

М. Олбрайт

Общее в пропаганде КНДР и РК.

А. Н. Ланьков отмечает три особенности северокорейской пропаганды: высокая интенсивность, фактор информационной изоляции страны и стабильность основных тезисов. С некоторыми оговорками эти особенности можно отнести и к пропаганде Юга, хотя в РК тех же целей добиваются современными способами, используя достижения новейшей технической мысли.

Большинство методов корейской политической индоктринации сводится к вдалбливанию в головы граждан определенного набора постулатов. Вместо воздействия на логический аппарат корейская пропаганда как на Севере, так и на Юге, задействует скорее эмоциональную сферу, оперируя не столько цифрами и фактами, сколько леденящими душу историями. Рациональная составляющая подается, как правило, через оценки экспертов – неких уважаемых и авторитетных людей, которым принято доверять. Поток очень плотен, и можно сказать, что пропагандистская линия построена так, чтобы на фоне его постоянного давления левые мысли у людей просто не могли возникнуть.

Эмоциональность и пафос тоталитарного искусства КНДР мы представляем себе достаточно хорошо, но та часть южнокорейского искусства, которая несет идеологическую нагрузку, оказывается очень похожей на северокорейскую, и во время экскурсии в Музей Корейской Независимости на Юге у меня было сильное ощущение того, что авторы его дизайна отталкивались от северокорейских образцов: те же подписи вроде «Таким мечом прислужники японского империализма зверски убивали корейцев, борющихся за свою независимость»², такие же красочные диорамы, изображающие юных участников сопротивления в лапах японских империалистов или героев войны, бросающиеся с гранатой на дот или вражеский танк.

Когда я ездил по стране во время стажировок в РК в 1990-1991 и 2000-2001 гг., мне попадались и ничем не отличающиеся от аналогичных советских или северокорейских «монументы воинской славы», и

¹ Госпожа Госсекретарь. С. 598.

² Музей Истории Корейской Независимости, подпись к экспозиции меча японского полицейского.

«искаженные радостью и воодушевлением» лица на пропагандистских картинах, плакатах, стелах и барельефах, и многофигурные композиции, отличающиеся от северных разве что отсутствием Ким Ир Сена в качестве центральной фигуры.

Корейские политплакаты тоже очень похожи друг на друга. Так, южнокорейские военные плакаты можно посмотреть в Интернете на сайте [www. poster.genstab.ru/ cold_coree sud. htm](http://www.poster.genstab.ru/cold_coree_sud.htm) , сравнив их стилистику с достаточно распространенной аналогичной продукцией Севера.

Объединяет Север и Юг и любовь к лозунгам. По обе стороны 38-й параллели присутствует традиция, согласно которой городские жители должны время от времени писать и вывешивать самодельные лозунги.

Лозунги на Севере встречаются везде и бросаются в глаза. Их заучивают наизусть и используют в разговоре как штампы, особенно в беседах с иностранцами³. Свой лозунг есть у каждой газеты. У армейской – «Уничтожим заклятого врага корейского народа – американский империализм», у «независимого» «Вестника объединения» - «Добьемся самостоятельного объединения родины благодаря великой консолидации нации». Некоторые лозунги традиционно висят на стенах заведений соответствующего типа. На детских садах и школах – «Живем счастливо, не завидуя никому». На заводах – «Ради будущего будем трудиться еще более усердно» или «Живем не ради сегодня, а ради завтра»⁴.

Интересно, что в последнее время среди северокорейских лозунгов часто встречаются сочетания из четырех иероглифов, которые очень напоминают конфуцианский *чэньюй* (принятая в экзаменационном сочинении цитата из классиков). Например «*Кунмин ильчхи*» («Единство армии и народа»), относительно известный со времен Ли Сун Сина и очень напоминающий по звучанию лозунг «Единство нации» времен Ли Сын Мана. Другие варианты новых *сонгунских* лозунгов – «*Кванбён ильчхи*» («Единство солдат и офицеров»), занимающий отчасти нишу лозунга «Народ и партия едины», «*Кунчхэк пэхам*» («Единство политики с делами армии») и «*Кёльса омви*» («Защищаться насмерть»; что у нас предпочитают переводить как «Быть готовым к обороне до последней капли крови»)⁵.

Северокорейской пропаганде присущ высокий уровень «культурного консерватизма», который бросался в глаза иностранным гостям. Отмечая это, Б. Камингс называет северокорейскую атмосферу «антикварной»⁶. Однако следует помнить, что для Севера до сих пор характерно очень слабое развитие инфраструктуры современных средств связи и коммуникации. Поэтому многие методы пропаганды, которые нам кажутся анахронизмом (агитмашины, девушки с мегафонами и т. п.), адекватны для страны с таким их уровнем.

³ Дмитриева В. Н.

⁴ Дмитриева В. Н.

⁵ Дмитриева В. Н.

⁶ Cumings B. Korea's place... С. 413.

Не менее важно, что если в рамках современной PR-традиции наемный пропагандист не обязан верить в то, что он пропагандирует, на Дальнем Востоке подобный «профессиональный цинизм» воспринимается как измена и предательство. В этом на собственной шкуре убедился Али Ламеда, представитель левого движения из Венесуэлы, который работал в Пхеньяне, помогая налаживать пропаганду на испанском языке. Считая, что для того, чтобы пропагандировать идеи, верить в них совсем не обязательно, он позволял себе критические замечания в адрес режима и оказался на скамье подсудимых за «оскорбление государства», получив два года лагерей, хотя его адвокат настаивал на трех. Вернувшись, он снова позволил себе распустить язык и снова угодил в «Гулаг», откуда был освобожден только после заступничества Чаушеску⁷.

Некоторые черты СМИ Юга и Севера

Средства массовой информации всегда сочетают две функции – образовательную/информативную, куда входит и сам процесс донесения новости до читателя, и индоктринирующую, к каковой относится интерпретация этой новости, но в условиях авторитарного режима индоктринирующая составляющая существенно преобладает, и основная задача СМИ – не снабжение общества информацией, а ведение пропаганды.

Напомним, какую роль в Корее играли газеты в конце XIX - начале XX вв. Каждое политическое общество нового типа стремилось иметь свой печатный орган, а когда после освобождения американцы искали союзников среди местного населения, первыми, к кому они пытались обратиться, были именно владельцы газет, закрытых при японцах.

Однако, закрывая корейские газеты и перекрывая националистам каналы информации, японцы в то же время очень много сделали для развития в стране собственной информационной сети, которую после освобождения от них РК активно использовала. Охват Кореи средствами связи стремительно возрастал до конца Второй мировой войны, и в 1945 г. в стране было 240 тыс. радиоприемников, - больше, чем в Южном Вьетнаме в 1969 г. или в Индии в 1975 г.⁸ К этому же времени относится и зарождение корейской кинематографии.

После освобождения и на Юге, и на Севере наступил короткий период относительной свободы прессы, быстро взятой режимом под контроль. На Севере вооруженные советской теорией пропаганды партийные кадры достаточно быстро привели управление прессой к советскому стандарту: число средств массовой информации невелико, и каждая газета или журнал являются государственными органами печати, озвучивая официальную точку зрения той или иной структуры. То же самое касается телевидения, которое имеет ограниченное число каналов и не имеет круглосуточного вещания.

⁷ Cumings B. North... С. 174.

⁸ Henderson. С. 98.

На Юге же, где свобода прессы считалась одним из важных внешних признаков демократии, это сделать не удалось, и как в правление Ли Сын Мана, так и при военных прессы была относительно свободной, хотя газету могли временно закрыть или конфисковать ее тираж⁹.

Впрочем, при Пак Чжон Хи представители ЦРУ РК не только давили на прессу, но и раздавали журналистам конверты, так что многие представители «четвертой власти» жили не столько на получаемое жалование, сколько на эти подачки¹⁰. В результате к 1970-м гг. ранее достаточно хваткая пресса оказалась усмирённой, и даже в 1980-е движение за свободу прессы началось не журналистами, а вне их среды. Первой газетой, которая публично отказалась от такой практики и осудила ее сама, была левая «Хангёре Синмун» в 1989-1990 гг. Затем ее примеру последовали «Чосон Ильбо» и иные газеты, и с этого времени тема коррупции стала занимать в СМИ одно из центральных мест¹¹.

Наиболее серьезная попытка удушить прессу прямым давлением была предпринята Чон Ду Хваном, чья серия указов от 1980 г. коснулась и СМИ – многие издания были вынуждены слиться или были закрыты. Кроме того, газеты не имели права заводить собственных корреспондентов в других городах и были вынуждены полагаться на контролируемые властями информационные агентства¹².

Кстати, как отмечает А. Ланьков в своей статье о южнокорейской прессе¹³, нестабильность структуры южнокорейских политических партий привела к тому, что рупорами той или иной идеологической позиции являются определенные газеты и журналы, которые, в отличие от политиков, сохраняют стабильность взглядов и пристрастий. Среди таких толстых журналов были как леволиберальные, наиболее ярким примером которых был «Мир идей» (кор. *Сасанге*), так и проправительственные.

По мере развития технического оснащения СМИ, власти РК начали уделять внимание не только печатному слову. РК стала четвертой азиатской страной, в которой появилось телевидение. Первая частная телекомпания возникла в Сеуле в 1956 г. Однако бедность страны сдерживала его развитие, и большинство первых телевизоров было установлено в общественных местах, а не в частных домах. В 1959 г. в студии произошел пожар, уничтоживший большую часть аппаратуры, после чего через год корейское вещание прекратилось¹⁴.

Создание государственного телевидения началось при Пак Чжон Хи, когда в 1961-1962 гг. власти бесплатно раздали населению больше 20 тыс. транзисторов и иных радиоприемников и распространили по всей стране

⁹ Breen M. The Koreans... С. 200.

¹⁰ Breen M. The Koreans... С. 234-235.

¹¹ Breen M. The Koreans... С. 234-235.

¹² Breen M. The Koreans... С. 216.

¹³ Сеульский вестник, № 79, ноябрь 2003 г., с. 16.

¹⁴ Сеульский вестник, № 81, январь 2004 г., с. 11.

около миллиона громкоговорителей. В этот же период в сельских районах было показано 237 пропагандистских фильмов¹⁵.

В 1963 г. в стране насчитывалось только 35 тыс. телевизоров. 16 лет спустя их стало больше 5-ти млн. Это означало, что телевизор был у 2/3 семей, и в 1970-е гг. корейская телевизионная культура уже сформировалась. С того времени значительную часть экранного времени составляли сериалы, которые можно разделить на три больших группы: бытовые, посвященные проблемам семьи; историко-патриотические и идеологические, носившие тогда характер «антикоммунистических драм».

Цветное телевидение появилось в стране достаточно поздно – только в 1980 г.¹⁶, но к концу 1981 г. телевизор имела уже каждая семья. Сейчас телевидение является основным источником получения новостей. Даже интернет пока служит скорее средством общения, чем способом получения информации.

Система СМИ во многом строилась по американскому образцу. Это касается и организации управления прессой, когда государство не закрывает неудобное издание, а перерезает ему пути финансирования и оно само прекращает существование. В РК нет частных медиа-холдингов, способных противопоставить государственной точке зрения свою и формировать общественное мнение, опираясь на подконтрольную прессу.

Информационный взрыв в РК произошел в середине 1970-х, и сегодня молодые журналисты любят цитировать высказывания видного деятеля итальянской компартии Антонио Грамши, который считал, что в развитом потребительском обществе власть куда реальнее захватить не присвоением средств производства, а управлением культурой¹⁷. Однако пока автору неизвестна ситуация, когда тот или иной кризис начался с проблемной статьи в газете, вдохновившей общественное мнение на широкомасштабные выступления. Пресса озвучивала ту или иную точку зрения, но сама с расследованием не выступала.

В 1999 г. в РК на каждую тысячу человек приходилось 454 экземпляра ежедневных газет, которые традиционно делятся на 5 групп: «общие ежедневные», куда входят основные национальные; «экономические ежедневные», ориентированные на бизнесменов; «местные», посвященные региональной тематике; «спортивные ежедневные» (в этот раздел относят и всю желтую прессу) и газеты на английском языке. При этом каждый из основных газетных концернов старается выпускать издания всех пяти типов¹⁸. Ежедневные газеты достаточно «толстые», насчитывая от 20 до 32 страниц большого формата.

Что представляет собой телевидение РК? Кан Хён Чжу приводит данные о Законе о телевидении от 1973 г., согласно которому минимум 30 %

¹⁵ Прошин А. А., Тимонин А. А. С. 107.

¹⁶ Сеульский вестник, № 81, январь 2004 г., с. 11.

¹⁷ Hyeon-Dew Kang. С. 192.

¹⁸ Сеульский вестник, № 79, ноябрь 2003 г., с. 16.

эфирного времени должно быть отведено под культурные и образовательные программы, большая часть которых, естественно, связана с корейской национальной традицией. Телевидение рассматривается как способ привнесения культуры в каждый уголок страны, и культура эта, конечно, должна быть идеологически выдержанной - в прайм-тайм передают только новости и упомянутые выше программы¹⁹.

Как своего рода соединение развлекательной и образовательной тематики можно рассматривать достаточно популярные у аудитории исторические сериалы, которые тоже очень часто идут в прайм-тайм. Соперничая по числу серий с мексиканскими, они служат определенным методом индоктринации, как бы рассказывая «историю в лицах» и отталкиваясь в своих сценариях от династийных хроник или официальной историографии, если речь идет о событиях нового и новейшего времени²⁰.

Как и газетные статьи, сериалы на проблемные темы нередко вызывают сильную реакцию общественного мнения. Например, после того, как в одном из сериалов был описан пример взятки, которую мать тайно от сына дает преподавателю университета, в стране поднялась большая буря с утверждениями, что «у нас такого нет...». Не раз я наталкивался и на ситуацию, когда после того, как в фильме или сериале военный, полицейский или представитель госслужбы был показан в невыгодном свете, «очерненная» структура заявляла бурный протест с требованием извинений.

А вот публицистические передачи, которые занимают «экологическую нишу» программы «Взгляд» образца конца 1980-х гг., появились на ТВ только в последнее время, и в основном носят характер скандальных ток-шоу на бытовые темы.

Перекося ТВ в сторону подхода «Давать публике то, что ей хочется» наступил в более позднее время под влиянием глобализации, следствием чего стало появление многочисленных ток-шоу или образовательно-лотерейных программ, скопированных с иностранных, преимущественно – американских, как и наши их аналоги.

Первый широкоэкранный и цветной фильм был снят в РК в 1961 г., однако поначалу корейское кино оставалось мало известным за пределами полуострова. Переполненное темой мелодраматического страдания в форме переживания тяжких превратностей судьбы, оно было ориентировано, прежде всего, на корейскую публику²¹. Лишь несколькими фильмам 1960-1980-х гг. удалось добиться международного признания. Сегодня южнокорейское кино – это 76 различных кинокомпаний, многочисленные внутринациональные и международные кинофестивали и наличие шести национальных премий, включая аналог «Оскара» - «Тэчжонсан» («Большой колокол»). Начиная с 2000 г., объем экспорта южнокорейской телевизионной

¹⁹ Hyeon-Dew Kang. С. 133

²⁰ Габрусенко Т. Корейский сериал...

²¹ Мальцева М. Панорама 50 лет южнокорейского кино.// Сеульский вестник, № 82, февраль 2004.

продукции (в основном, это сериалы) вырос в три раза. Главными импортерами стали Тайвань, Япония, КНР и Сингапур²².

Европейского и американского кино на государственных корейских каналах не так уж много. Республика Корея проводит достаточно жесткую, с моей точки зрения, политику протекционизма, которая проявляется как в ограничении проникновения на внутренний рынок западной масс-культуры, так и в борьбе с теми ее проявлениями, в которых образ Кореи или корейцев показан в невыгодном свете. Так, когда на экраны вышел очередной фильм об агенте 007, в котором главными негодяями были северокорейцы, а сам Джеймс Бонд соблазнил кого-то прямо в буддийском храме, тем самым его осквернив, с протестами выступила не только КНДР, но и представители РК²³.

Сейчас южнокорейский кинематограф начал выпускать достаточно острые социальные ленты, но, несмотря на появление таких фильмов как «Тхэгыкки» или «Сильмидо», целый ряд нашумевших фильмов отражает скорее пересмотр некоторых позиций официальной идеологии, будь то отношение к Америке или американцам или несколько иная трактовка Корейской войны, в которой обращается больше внимания на страдания простого народа или психологические проблемы разделенной страны, нежели на обвинения Севера.

На Севере кино уделяется не меньшее внимание. Ким Чен Ир не только имеет репутацию киномана, но и является автором труда «Некоторые вопросы создания выдающихся произведений киноискусства». Однако думать о том, что в КНДР снимают только ура-патриотические ленты про Полководца, партизан и сельских тружеников, значит – совершить ошибку. Северная Корея во многом заимствовала штампы европейского кино и даже была полигоном для съемок нескольких иностранных фильмов (под пристальным вниманием и с благоволения Ким Чен Ира).

Кстати, тенденция снимать боевики, насыщенные боевыми искусствами, появилась на Севере раньше, чем на Юге, примером чего является хорошо известный нашему зрителю «Хон Гиль Дон», снятый в 1986 г.

Высокую роль в северокорейской пропаганде играет радио, значение которого вообще не следует недооценивать. Во-первых, его слушают те, кто по каким-либо причинам не может смотреть ТВ или читать. Во-вторых, гораздо дешевле повесить в горной деревне на столбе репродуктор, чем оснащать ее телевидением. В-третьих, радио формирует своего рода постоянный фон, и передаваемая по нему информация вкладывается в человеческий мозг уже на подсознательном уровне.

В КНДР этот фон представляет собой чередование коротких информационных выпусков с музыкальными передачами соответствующего настроения, в основном маршами и песнями. Нарастающий по интенсивности ударный ритм в сочетании с сильным и экспрессивным женским голосом

²² Сеульский вестник, № 85, май 2004 г., с. 5.

²³ Cumings Bruce. North... С. 202.

используются в качестве способа психологической настройки масс и на Юге, и на Севере. Тексты правительственных сообщений или выступления на митингах также зачитываются очень пафосным, экзальтированным тоном (такой тембр голоса был характерен и для выкрикивания лозунгов во время наблюдаемых мной студенческих демонстраций на Юге), и автору представляется, что генерируемый им резонанс дополнительно способствует восприятию этих лозунгов на полубессознательном уровне.

Что знают в Корее о внешнем мире?

Для изучения системы агитации и пропаганды этот вопрос очень важен, поскольку наличие широкой информации о жизни за рубежом позволяет сравнивать положение дел там и здесь.

Кроме того, имеющаяся информация формирует в сознании человека своего рода «ментальную карту мира». Кан Хён Чжу использует это понятие для обозначения детальности знаний об окружающем мире, и основных приоритетах/брендах/символах, касающихся того или иного региона.

Ментальная карта северокорейца достаточно проста и слегка напоминает геополитическое сознание традиционного китайца, обитающего в Срединной Империи, окруженной четырьмя типами варваров. Есть наша страна, в которой мы живем, «не завидуя никому». Есть третий мир, который с интересом взирает на ее уникальный опыт. Есть «главный гад» в лице Америки и ее марионеток и «менее главный гад» в лице Японии. Есть Китай, который рядом, и Россия, в которой развалили социализм и теперь погрязли в кризисе и разложении. Такая карта поддерживается как картинкой в СМИ, так и лекциями о международном положении, которые постоянно проводятся. Остальное остается за кадром, и можно представить себе, как был поражен М. Брин, узнав, что северяне не знают, кто такие Элвис Пресли и Майкл Джексон²⁴.

Южной Корее же в газетах и новостях посвящался специальный раздел. Так, 5-я полоса органа ЦК ТПК «*Нодон Синмун*» традиционно отводилась под многочисленные критические заметки и комментарии о выступлениях студентов и рабочих, южнокорейских крестьян, требованиях Пхеньяна отменить антисеверокорейский Закон о национальной безопасности, преступлениях американских военнослужащих в Южной Корее и т. д.

Более серьезные новости с Юга были доступны только избранным. Так, право знакомиться с материалами южнокорейских СМИ имеют только отдельные представители различных государственных и партийных органов. Для них специально издаются служебные вестники, в том числе доступный иностранным корреспондентам «*Чхамго тхонсин*», который регулярно

²⁴ Breen M. Kim Jong-il... С. 4

помещает радиоперехваты передач южнокорейских радиостанций, выдержки из южнокорейских газет и сообщения агентства Ёнхан²⁵.

Ментальная карта усредненного жителя Республики Корея также не содержит серьезных знаний о внешнем мире. В газетах новостям из-за рубежа посвящается одна, от силы - две страницы (в то время как рассказу о перипетиях парламентских дебатов отводится не менее трех-четырех), причем в основном они касаются международных экономических новостей, а не политической или культурной жизни. В вечернем выпуске новостей по первой программе корейского телевидения сообщений из-за рубежа, как правило, нет вообще²⁶. Вдобавок, даже когда корейская печать все-таки пишет что-то о других государствах, речь почти всегда идет лишь о нескольких странах, наиболее важных для самой Кореи.

Впрочем, Кан Хён Чжу указывает, что хотя 63 % новостей заимствованы из внешних источников, доля материалов, собранных и обработанных собственными корреспондентами, значительно выше, чем в газетах других стран третьего мира (9 % против 5,2 %) ²⁷.

В результате большими подробными блоками на ментальной карте южного корейца мира являются Америка и Япония, отчасти - Китай. Европа - скорее единое пятно, без разделения на региональную специфику - в отличие от Юго-Восточной Азии, где, как минимум, каждая из новых индустриальных стран самоценна. Африка и Океания представляют скорее этнографический интерес, и информация о них появляется в основном в передачах категории «Вокруг света».

Что же касается России, то, несмотря на территориальную близость к Корее, она воспринимается как страна, находящаяся где-то далеко, и пишут о ней мало и редко²⁸. Кроме того, в сознании среднего южного корейца достаточно размыта грань, отделяющая нынешнюю Россию от Советского Союза. Так, по сообщению военного переводчика А. Ролина, во время визита российских военных кораблей в Инчхон в 2004 г. представители корейской стороны в разговорах не раз называли их «советскими».

Слабое знание корейцами мировой истории проявилось, например, в том, что в 1997 г. по корейскому телевидению прошла реклама с участием Адольфа Гитлера. На его пафосную речь с размахиванием руками наложили призыв покупать жевательную резинку. Получается, что имя Гитлера не имеет для корейцев ту негативную ауру, которую, казалось бы, оно заслужило у всего мира²⁹.

²⁵ Валиев А.

²⁶ Ланьков А.Н. Мир в зеркале корейской печати. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, рубрика «Статьи».

²⁷ Hyeon-Dew Kang. С.63.

²⁸ Готовя статью о «мире в зеркале корейской печати», А. Ланьков произвел такой подсчет по материалам весенних (1998 г.) номеров газеты «Чосон Ильбо»: чаще всего упоминалась Америка (975 статей и заметок), за ней следовала Япония (676), потом - Китай (341). Россию за три весенних месяца упомянули только в 134 публикациях.

²⁹ Breen M. The Koreans... С. 21.

Чем культура Севера отличается от культуры Юга

При сравнительном анализе пропаганды следует отдельно рассмотреть очень часто звучащее обвинение северокорейского режима в разрушении национальной культурной традиции. Эндрю Нам, которого можно считать типичным представителем южнокорейских историков -пропагандистов, специально отмечает, что культ личности в Северной Корее был возможен только благодаря тому, что коммунисты специально полностью уничтожили все существовавшее до них культурное наследие. В качестве примеров он обращает внимание на отказ от китайских иероглифов и переход исключительно на *хангыль*, отмену традиционных сельскохозяйственных праздников и замену их новыми вроде дней рождения Ким Ир Сена и Ким Чен Ира и ликвидацию конфуцианских обрядов почитания предков (*чеса*)³⁰.

Это не совсем так. Большая часть жителей северных районов Кореи, отошедших к КНДР, имела невысокий культурный уровень, а представители либеральной интеллигенции, как правило, уже мигрировали на Юг в ходе Корейской войны 1950-1953 гг. или до нее. Поэтому необходимость в культурных чистках и воздвигании искусственных барьеров на пути культуры прошлого была ниже.

Нет на Севере и характерного образа «гнилой интеллигенции». Эмблема ТПК включает в себя на равных серп, молот и кисть, а на политических плакатах наряду с рабочим и колхозницей почти всегда присутствуют или солдат, или интеллигент-*самувон*, или они оба.

С другой стороны, необходимость создания своих культурных символов стояла достаточно остро, потому, что традиционная для страны символика уже использовалась на Юге (РК провозгласила себя на месяц раньше), а логика фракционной борьбы препятствовала ее использованию «по немецкому образцу», когда к традиционным флагу и гербу просто добавили дополнительные элементы.

Что же тогда такое чучхэйская культура? Конституцией КНДР специально отмечена роль государства в развитии «самобытных и революционных литературы и искусства, национальных по форме и социалистических по содержанию» (статья 52), а также – в защите родного языка и письменности (статья 54)³¹.

Процесс формирования новой культуры прошел те же ступени, что и процесс формирования структуры вообще. Сначала – активное заимствование советского опыта вплоть до создания Ассоциации Пролетарских Писателей, затем создание собственного стиля, опирающегося на народные элементы традиции. Так, большая часть дворцов науки, учебы и т. п. построена в традиционном архитектурном стиле, но в их внутреннем убранстве присутствует достаточно много элементов, относящихся скорее к советской культуре, включая, например, большие мозаичные панно. Вообще

³⁰ Nahm, Andrew C. A Panorama of 5000 Years: Korean History. Seoul, 1990. С. 123.

³¹ Булычев Г. Б. С.96.

же, по утверждениям респондентов, архитектурный облик Пхеньяна не вызывает у советского человека ощущение пребывания за границей, так как внешне городская застройка очень напоминает нашу 1970-х - 1980-х гг.

Советский подход преобладает и в подаче новостей, которую современная пресса называет «утаиванием правды». Так, о железнодорожной катастрофе в уезде Ёнчхон в прессе не было никакой информации, и лишь четыре дня спустя на последней полосе *«Нодон Синмун»* появилась короткая заметка о том, что произошло серьезное дорожно-транспортное происшествие, и ведутся восстановительные работы. В разговоре на эту тему северяне объяснили моему респонденту, что задача прессы – показывать хорошие новости, чтобы у людей было хорошее настроение, а современная российская пресса порицалась именно за то, что в ней преобладает негатив, который дурно влияет на умонастроение народа и закладывает в него пораженческую установку «У нас все плохо».

Характерным элементом новой северокорейской культуры является жанр так называемой революционной оперы. Официальная идеология трактует ее как самобытное проявление национального искусства, уходящее корнями в те театральные постановки, которые партизаны под руководством товарища Ким Ир Сена ставили сами для себя по его сценариям. Сюжеты таких опер относятся, как правило, к периоду антияпонской борьбы, а тип представления, с одной стороны, активно насыщен национальными музыкой и танцами, а с другой – чем-то напоминает советский мюзикл образца 1930-х гг. вроде фильмов Александрова, но на революционную тему.

Северокорейская традиция общения с журналистами не включает в себя участие лидера в ток-шоу или пресс-конференциях, на которых ему задают острые и неловкие вопросы. С другой стороны, в КНДР достаточно развит принцип «внедренных журналистов», которые постоянно сопровождают вождя в его поездках по стране, наблюдая за его повседневной работой и, как бы находясь на переднем крае, имеют возможность прочувствовать ситуацию изнутри³².

Одним из культурных символов является язык, и здесь разделение между Севером и Югом проявляется, пожалуй, более выпукло, чем в том, как трансформировался русский язык в сообществе эмигрантов и в Советском Союзе. В. П. Ткаченко упоминает, что под давлением КНДР из советских русско-корейских словарей был выведен большой лексический пласт слов, употребляемых только на Юге.

Разделение лексического пласта северного и южного диалектов происходит как по линии использования разных слов для обозначения одного и того же термина, так и в наделении одного и того же слова разными значениями. Например, в северокорейском языке слово «народ» обозначается как *«инмин»*. Однако на Юге это слово вообще не употребляется. Вместо него используется слово *«кунмин»*, которое на Севере имеет более узкое значение – «граждане» (и более четко, кстати, соотносящееся со значением

³² Breen M. Kim Jong-il... С. 46-47.

иероглифов, образующих это слово). В результате при переводе южнокорейских текстов иногда происходит терминологическая путаница, так как, например, «права народа» и «гражданские права» записываются одинаково.

Свою окончательную форму отличия обрели после изменения структуры корейского алфавита. Теперь северный и южный словари отличаются друг от друга как последовательностью слогов, так и формой записи.

Политика информационного контроля на Севере и на Юге

Человек может быть уверен в том, что живет хорошо, до тех пор, пока не знает, что можно жить лучше. Информационный контроль – карниз, на котором держится железный занавес.

В КНДР методика контроля информации ориентирована на прямые запреты, направлена на изоляцию общества от внешних, враждебных источников информации и во многом аналогична ранней советской. На территории КНДР практически невозможно получить негосударственную информацию, а любой разговор иностранца с северокорейцем, не имеющим полномочий на контакты с иностранными гражданами, становится поводом для расследования³³.

Иностранцев прослушивают, причем, по словам М. Брина, для работы такого рода используют студентов-филологов, для которых эта работа является своего рода языковой практикой³⁴. Утверждается, что информационный кокон силен настолько, что истории, напоминающие анекдоты в стиле «Товарищ майор, принесите нам кофе», действительно имели место³⁵. Камингс также отмечает атмосферу тотального контроля, на который жаловались иностранные дипломаты: всё прослушивается, а все, с кем разрешено встречаться, являются агентами.

Прием программ радио и телевидения возможен только на строго определенных частотах, на местных приемниках нет коротковолнового диапазона, а на привозимые из-за рубежа ставят специальные пломбы, так что все продаваемые в стране приемники имеют фиксированную настройку на волну официального вещания³⁶. Владение радиоприемником со свободной настройкой само по себе является уголовно наказуемым деянием, и полиция регулярно проводила рейды по частным домам и квартирам, стремясь выявить владельцев подпольных приёмников. В случае разоблачения владельцу устройства грозило до пяти лет тюремного заключения³⁷.

Существует запрет на распространение иностранных газет и журналов. В 1960-е гг. северокореец мог попасть в тюрьму даже за чтение газеты «Правда». Вся иностранная литература (и художественная, и общественно-

³³ Ланьков А. [http://www. Agentura.ru](http://www.Agentura.ru), 5.04.2001.

³⁴ Breen M. Kim Jong-il... С. 114-116.

³⁵ Интересный момент заключался в том, что высказанное пожелание прозвучало на датском языке.

³⁶ Ланьков А. <http://www. Agentura.ru>, 5.04.2001.

³⁷ Ланьков А. Слабое звено северокорейской пропаганды. // Русский журнал, <http://www.russ.ru>, 13.08. 2003.

политическая)³⁸ за исключением технической справочной, периодика, а также северокорейские издания со сроком давности более 10 лет, находятся только в спецхранах общественных библиотек, доступ в которые по особому разрешению могут получить только благонадежные граждане.

Не существовало и регулярного международного почтового обмена: власти пропускали только абсолютно невинные или сугубо деловые сообщения³⁹, да и писать за рубеж по личной инициативе было достаточно рискованно.

Не так давно мир обсуждал запрещение на территории КНДР сотовых телефонов. Само по себе это не совсем верно. Сотовая связь (как минимум GSM) есть, но только местная. Мобильный телефон достаточно дорог, он встречается только у номенклатуры высшего и среднего звена. Запрет касается иностранцев (на границе телефон отбирают и возвращают при выезде из страны), но и здесь бывают исключения: некоторые респонденты смогли провезти телефоны без вопросов со стороны пограничников.

Впрочем, ограничение на использование иностранцами техники такого рода продиктовано вполне конкретными соображениями безопасности. Современный сотовый телефон, оснащенный беспроводным выходом в интернет и цифровой фотокамерой, - это уже хорошее шпионское средство, позволяющее мгновенно фиксировать и передавать информацию. Он относительно незаметен, и отследить момент съемки с его помощью значительно сложнее. Не случайно на Западе, да и в РК, уже обсуждается вопрос о том, насколько телефоны такого типа изменяют понятие о личном жизненном пространстве, а ряд корпораций, в том числе Intel, из соображений экономической безопасности ввели жесткий мораторий на пользование любыми сотовыми телефонами на территории принадлежащих им объектов. Поэтому опасения властей КНДР, привыкших воспринимать свою страну как один большой секретный объект, обоснованны.

Впрочем, не следует думать, что в КНДР новых информационных технологий нет вообще. Интерес к этой сфере отмечен с 2000 г., когда Ким Чен Ир просил у М. Олбрайт ее электронный адрес. Но понятно, что доступ к всемирной паутине имеет только узкий круг высших чиновников, а сайты, которые распространяют северокорейскую пропаганду, пока располагаются за границей, в основном - в Японии⁴⁰.

Северная Корея старается развивать информационные технологии, сочетая это с жестким контролем доступа к ним. Для разъяснения своей политики в этом вопросе КНДР использует образ «москитной сетки» (употребленный Дэн Сяопином в 1978 г.), которая пропускает воздух, но задерживает комаров⁴¹. Локальный Интернет доступен школьникам или студентам из здания библиотеки Университета имени Ким Ир Сена, причем

³⁸ При этом, согласно А. Ланькову, с середины 1960-х до начала 1980-х иностранная литература не издавалась.

³⁹ Ланьков А. Слабое звено...

⁴⁰ Ланьков А. Интернет по-корейски. // Русский журнал, <http://www.russ.ru>, 6.11.2000.

⁴¹ Cumings B. North... С. 191.

сайтов достаточно много. В школах есть компьютерные классы, оборудование в них на уровне Pentium 4, а операционная система – Windows 2000, но собственной локализации. Беглые программисты с Севера пользуются большим спросом на Юге.

На Юге, где идея свободы прессы включена в список формальных элементов демократии, методы прямого контроля использовались только для противодействия пропаганде со стороны КНДР и вызывали бурные протесты при попытках использовать их внутри страны. Ужесточение политики в этой области наблюдалось в конце правления Ли Сын Мана и Пак Чжон Хи.

Еще в начале 1990-х на большинстве выпускаемых на внутренний рынок радиоприемников также отсутствовал коротковолновый диапазон, а иностранную прессу (даже американскую) было практически невозможно найти на прилавках. Любая книжная продукция из коммунистических стран, включая ноты классической музыки, была запрещена⁴². В 1978 г. несколько филателистов были признаны виновными в нарушении Закона о национальной безопасности за то, что добавили в свои коллекции северокорейские марки. До 1968 г., в котором в РК стало возможным глушить программы с Севера, включивший радио человек, который случайно «набрел» на запретные частоты, тоже мог стать объектом репрессий⁴³.

Запрета на контакты с иностранцами вообще не было, но в правление Пак Чжон Хи существовали списки иностранных журналистов, в которых оговаривались допустимые уровни общения с ними: с одними можно общаться на любые темы, с другими – по предварительному разрешению, третьих рекомендовалось избегать и ни под каким видом не давать им интервью. Человек, который хранил дома левые зарубежные издания или посмел дать иностранному корреспонденту слишком смелое интервью, мог подвергнуться репрессиям⁴⁴.

Что же до возможности узнавать информацию о КНДР, то доступ к материалам ЦТАК в правление военных имел очень узкий круг приближенных журналистов. Всем остальным, в рамках Закона о национальной безопасности это было просто запрещено.

В условиях цензуры южнокорейские газеты нередко печатали о своей стране только то, что уже было опубликовано за рубежом, и потому сначала сбрасывали важные или проблемные новости зарубежным коллегам, а когда те публиковали их у себя, «получали право» повторить их.

Еще в 1982 г. «чтение между строк» было распространено в РК не меньше, чем в Советском Союзе. Информация на последней странице газеты «Korea Herald» о том, что за распространение листовок было арестовано двое студентов, означала, что прошла большая демонстрация⁴⁵. Люди боялись

⁴² Сеульский вестник, № 80, ноябрь 2003 г., с. 13.

⁴³ Breen M. The Koreans... С. 225.

⁴⁴ По сообщению Р. Халлорана.

⁴⁵ Breen M. The Koreans... С. 222.

говорить по телефону о происходящем в стране, будучи уверены в том, что их разговоры прослушиваются.

Кстати о самиздате, точнее о том, что к нему относилось. Книга Б. Камингса «Истоки Корейской войны» ходила в РК нелегально даже по-английски. Затем она была пиратским образом переведена на корейский, немедленно запрещена Чон Ду Хваном и продавалась из-под полы в книжных магазинах студенческих городков. Вскоре после этого, в 1987-1988 гг., Камингса не раз просили дать для публикации в Корее интервью, в котором ученый должен был выступить с критикой неправильного толкования его книги студенческими радикалами. К чести Камингса, он на это не согласился⁴⁶.

Сейчас контроль информации в РК остается не менее плотным, но охватывает меньшее количество направлений, сохраняясь в вопросах, связанных с пропагандой коммунизма как философии, характерной для КНДР и отчасти – там, где речь идет о необходимости затушевать грехи прошлого или некоторые концепции, которые похожи на Севере и на Юге. Так, с ростом «демократизации» большая часть сочинений Пак Чжон Хи, особенно посвященных *чучхэсон* и административной демократии, была изъята из открытого доступа.

Цензура распространяется и на Интернет, где существует своего рода «черный список» сайтов, не только северокорейских или посвященных КНДР. Правда, как сказал представитель органов в интервью агентству «Ёнхап»: «Мы не классифицируем южнокорейские веб-страницы в качестве имеющих отношение к Северу на том лишь основании, что на них могут оказаться материалы, в которых выражена симпатия к северокорейской идеологии». Иначе говоря, чтобы попасть в «черный список», надо для этого специально постараться. Вместе с тем, представитель полиции добавил: «Мы, однако, тщательно следим примерно за 800 сайтами в нашей стране и за границей, которые размещают пропхеньянские материалы»⁴⁷.

Обычный просмотр пропагандистских сайтов КНДР в Южной Корее сам по себе не запрещен. Однако по Закону о национальной безопасности⁴⁸ регистрация на таком сайте или распространение взятых оттуда материалов – это прямая дорога в тюрьму.

Мониторинг прессы осуществляется по западному образцу. Политическому давлению предпочитается финансовое, хотя на часть левых изданий (таких, как «Хангёре синмун») сохраняется минимальное давление для того, чтобы была видимость плюрализма, и на их страницах могли бы высказываться желающие «выпустить пар». Взаимоотношения прессы и властей отличаются скорее сотрудничеством, чем конфликтностью. Многие в эту модель было заложено Пак Чжон Хи, который в 1970-х гг. выдвинул

⁴⁶ Cumings B. Korea's place... С. 385, 386.

⁴⁷ Полиция Южной Кореи в заботе об идеологическом здоровье нации // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 30.01.2004.

⁴⁸ Полиция Южной Кореи в заботе...

тезис об ответственности прессы⁴⁹, пытаясь превратить ее из традиционно оппозиционно настроенного «застрельщика беспорядков» в советника при государственной системе.

Изменение общего настроения прессы, которая стала более жестко критиковать правительство, произошло только в правление нынешнего президента. Целый ряд ведущих ежедневных газет, включая «*Чосон Ильбо*», занимает явную антиправительственную позицию. Ричард Халлоран отмечает, что поводом к этому отчасти стало и поведение Ро Му Хёна, чье общение с журналистами очень часто сводилось к достаточно двусмысленным или резким высказываниям⁵⁰ с последующим обвинением прессы в том, что он был не так понят ею.

Контроль информации / цензуру в неполитической сфере осуществляет Комиссия по классификации аудиовизуальной продукции (ККАП), которая является полуправительственной организацией, присваивающей возрастные рейтинги кино- и видеофильмам, компьютерным играм, концертам, шоу и прочим представлениям, а также аудиопродукции.

Комитет по этике информации и связи Кореи ввел понятие «вредные СМИ», причем вредные не обязательно политически. В соответствии с решением Комитета доступ к «вредному» интернет-сайту может быть закрыт из всех общественных заведений страны: школ, библиотек, государственных учреждений и интернет-кафе. Для домашних пользователей сайт по-прежнему доступен. Доступ на «аморальные сайты» запрещен и Законом о защите молодежи⁵¹.

В критической ситуации интернет достаточно быстро подвергается более жесткой цензуре. Например, летом 2004 г. была блокирована вся «неавторизованная» информация относительно казни южнокорейского заложника в Ираке. Представителей молодежи, которые «скачали» из интернета видеозапись его казни, обвинили в распространении идеологически вредной информации, подрыве норм морали и подвергли значительному штрафу. Заблокировали и целый ряд программ, нацеленных на свободное общение в сети, в том числе «живой журнал» (livejournal).

Бум сотовых телефонов в Южной Корее, по имеющейся информации, также наступил только тогда, когда спецслужбы нашли способ контролировать частоты, на которых они работают, и обеспечить эффективные способы прослушки и контроля.

Более подробно об информатизации и развитии интернета в РК

Сдвиг в массовом сознании произошел, по мнению С. О. Курбанова, именно благодаря всеобъемлющему развитию интернета, - скорость

⁴⁹ Hyeon-Dew Kang. С.160.

⁵⁰ Автор имел возможность убедиться в этом лично во время выступления Ро Му Хёна в МГУ 22 сентября 2004 г. Как собственно речь президента, так и его ответы на явно оговоренные заранее вопросы из зала, оказались хорошей иллюстрацией того, «как не надо выступать перед публикой».

⁵¹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 306.

коммуникации резко возросла, а способность государства контролировать лавинообразно растущие потоки информации осталась старой.

В начале XXI в. Южная Корея стала одной из наиболее урбанизированных и «информатизированных» стран мира – еще на конец 2000 г. в стране на 46 млн. населения приходилось около 35 млн. компьютеров⁵² и 27 млн. сотовых телефонов - практически столько же, сколько стационарных аппаратов⁵³.

Мобильники имеет 70 % населения, в том числе 67,1 % учащихся средней и высшей школы. При этом 70 % школьников пользуются ими 5-6 раз в день для передачи как голосовой информации, так и текстовых сообщений. 20 % звонит по телефону более 10 раз в день. 49,5 % разговаривают по телефону менее 10 минут в день, 20,5 % - с 11 до 20 минут, 14,1 % - 21-30 минут и 15,9 % - более получаса. Среднемесячная плата за такие разговоры составляет 31400 вон (примерно 25 долларов США). Больше половины опрошенных приобрели сотовые телефоны, учась в средней школе⁵⁴.

Нынешнюю молодежь РК часто называют поколением N (от слова «net», то есть интернет). Несмотря на нынешний бум интернета, Глобальная Сеть появилась в Корее довольно поздно, около 1995 г., когда корейское правительство пришло к выводу, что интернет является стратегически важной отраслью и нуждается в государственной поддержке - и юридической, и финансовой. Быстрой интернетизации способствовали малая территория страны при высокой плотности населения, и если в 1997 г. к глобальной сети было подключено всего около одного миллиона человек⁵⁵, то на конец августа 2000 г. в Корее имелось 16,4 млн. пользователей интернета⁵⁶, а по иным сведениям, число пользователей Интернета в РК достигло 20,9 миллиона еще в 1999 г.⁵⁷

Число пользователей высокоскоростным интернетом превысило 10 млн. человек в 2002 г.⁵⁸ во многом благодаря тому, что в этом году Министерство информации и связи потратило на развитие скоростного интернета 250 млн. долл. государственных средств⁵⁹.

Ким Дэ Чжун лично пропагандировал развитие интернета⁶⁰, однако интересно то, что введение его в государственных учреждениях произошло относительно поздно, и первое официальное электронное письмо из администрации президента правительству было отправлено только 2 февраля 2000 г.⁶¹

⁵² Ланьков А. Интернет по-корейски.

⁵³ Толорая Г. Д., О Ён Иль.

⁵⁴ Korea Herald, 27.11.2001.

⁵⁵ Сеульский вестник, № 88, с. 7.

⁵⁶ Ланьков А. Интернет по-корейски.

⁵⁷ Korea Times, 17.04.2001.

⁵⁸ Сеульский вестник, № 76, с. 6.

⁵⁹ Чосон Ильбо, 10.10.2000.

⁶⁰ Breen M. The Koreans... С. 255.

⁶¹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 305.

Важную роль сеть сыграла и в победе нынешнего президента. М. Брин утверждает, что к полудню дня выборов, когда стало ясно, что Ро Му Хён проигрывает, его сторонники «ринулись» в интернет и стали рассылать сотни тысяч писем с призывами проголосовать за их кандидата⁶².

На интернет ориентированы многие элементы культуры. Так, новая латинская транскрипция, раскритикованная большинством ученых-филологов, имела своей главной целью уничтожение диакритических знаков над буквами с тем, чтобы текст можно было набирать на стандартной клавиатуре с латиницей⁶³.

По данным министерства информации и связи за 2004 г., каждый кореец старше 6 лет проводит сейчас в сети в среднем 11,5 часов в неделю⁶⁴. Практически это означает, что к интернету подключено подавляющее большинство корейских семей⁶⁵. Примерно 10 миллионов южных корейцев сегодня активно участвуют в интернет-чатах⁶⁶.

Средняя продолжительность разового выхода в сеть в 2001 г. составляла 46 минут 25 секунд в целом и 2 часа 26 минут у студентов. Такие данные связывают с любовью корейцев к общению on-line. Обзор, предпринятый компанией Alta Vista, показал, что наиболее часто корейские пользователи посещали в интернете сетевые игры. Затем следовали сайты с финансовыми новостями и порнография. Практическую информацию искали гораздо реже⁶⁷. Похожую статистику приводят и данные за 2003 г., собранные среди сеульских подростков - 38,3 % играют в компьютерные игры по сети, 21,8 % смотрят кино и слушают музыку, 15,1 % общаются в чатах. Относительно полезно используют сеть только 12,4 % опрошенных⁶⁸.

Южная Корея стала пионером специальных сетей, посвященных онлайн-компьютерным играм, и оказалась первой страной, которая начала проводить в этом новом виде поддерживаемого сверху «национального спорта» специальные соревнования (чемпионат мира по Starcraft-у, ежегодные Сеульские Кибер-Игры и т. п.) с международным составом участников и большими призовыми фондами⁶⁹.

Понимая опасность бесконтрольной информационной лавины, власти предпринимают первые шаги по ограничению сетевого проникновения. На интернет, как мы уже говорили, распространяется система ограничений «вредных СМИ», причем действительное беспокойство вызывают две области: Северная Корея и порнография. Власти накладывают определенные ограничения на материалы эротического свойства на сайтах корейских провайдеров, но это не мешает десятку интернетских телестанций вести

⁶² Breen M. The Koreans... С. 254.

⁶³ Breen M. The Koreans... С. 256.

⁶⁴ Сеульский вестник, № 88, с. 7.

⁶⁵ Breen M. The Koreans... С. 250.

⁶⁶ Breen M. The Koreans... С. 250.

⁶⁷ Korea Times, 12.03.2001.

⁶⁸ Сеульский вестник, № 76, с. 6.

⁶⁹ Breen M. The Koreans... С. 250.

трансляцию программ «только для взрослых»⁷⁰.

Новая редакция Закона об информационных сетях и телекоммуникациях включает в себя специальные и достаточно жесткие правила рассылки рекламы по интернету. В 2003 г., правда, эти правила касались только внутрикорейского пространства, и с иностранных адресов и на адреса иностранных провайдеров спам продолжает поступать⁷¹.

КНДР и РК в зеркале взаимных обвинений

Идеологическая пропаганда прочно вошла в жизнь корейцев, и оголтелость взаимной контрпропаганды сторон была примерно одинаковой. Однако если Север ориентировал свою агитацию на страны третьего мира или советского блока, Юг в большей степени обращался к Европе.

Можно обратить внимание на то, что набор взаимных обвинений, а также методы, которые при этом используют Север и Юг, достаточно похожи, хотя структурной критике систему соседа, как правило, не подвергают. Там, где критика касается именно государства, а не его лидера, внимание обращается не столько на элементы авторитаризма, принадлежащие к традиционной культуре, сколько на то, в чем можно углядеть советское или американское заимствование. На Севере также очень любят искать в том или ином нововведении Юга японские корни. Таким образом, каждое из корейских государств стремится представить себя наследником национальной традиции в противовес разбазаривающим ее марионеткам.

Обе стороны активно обвиняют друг друга в подрывной деятельности и разжигании войны, как подчеркивая факты, которые имели место в действительности, так и интерпретируя в нужном ключе иные действия идеологического врага. В этом смысле очень характерно отношение КНДР к совместным военным маневрам США и РК, которые всегда трактуются как прямая подготовка к вторжению.

Пассаж о «нарушениях прав человека» тоже используют обе стороны, нередко опираясь на документы нейтральных сторон - как правило, международных правозащитных организаций, у которых было достаточно претензий как к Югу, так и к Северу.

Другие направления обвинения связаны со сформировавшимся в мировом сообществе образом КНДР как страны-изгоя. Например, на фоне окончательного признания международной наркоторговли общественным злом, на режим Ким Чен Ира немедленно повесили обвинение в том, что он причастен к этой торговле, что существуют целые плантации, на которых заключенные возделывают мак для производства героина.

Контрпропаганда северян в подобной области сводится, в основном, к рассказам о царящей на Юге коррупции и массовом падении нравов. Как

⁷⁰ Ланьков А. Интернет по-корейски.

⁷¹ Сеульский вестник, № 75, с. 8.

правило, в КНДР ссылаются не на закрытые отчеты правозащитников или сообщения перебежчиков, а на открытые данные южнокорейских или международных СМИ, которые лишь соответствующим образом комментируются.

Еще одно направление критики ведется с традиционалистских позиций. Так, учитывая внимание конфуцианства к понятию «справедливость», обе стороны активно обвиняют друг друга в ее нарушении. КНДР нередко упрекают и в разрушении традиционного культурного наследия, ставя ей в вину то, что кроме некоторых сооружений в Кэсоне, в КНДР практически не осталось архитектурных памятников прошлых эпох, хотя разрушены они были не Ким Ир Сеном, а американской авиацией во время Корейской войны 1950-1953 гг.

Как отдельное направление условно можно выделить критику с использованием паттернов христианства. К ней относятся как рассказы о гонениях христиан на Севере, так и любовь к рассказам о «пострадавших за веру», в которых жертвы подвергаются репрессиям не за активную деятельность против строя, а только за то, что придерживались иной идеологии.

Набор обвинений вождей не очень отличается от тех ярлыков, которые навешивают друг на друга в борьбе за власть внутри страны политики РК. Лучше всего это видно на примере обвинений в адрес Ким Чен Ира, который, как и подобает «образцовому недостойному правителю», довел страну до крайней бедности, но при этом сам погряз в роскоши и сомнительных удовольствиях. Более того, некоторые критики режима даже поддерживают представление о том, что Ким Ир Сен был, конечно, негодяй, но к моменту его смерти Северная Корея представляла собой вполне стабильное государство, плачевное положение которого сегодня – «заслуга» исключительно Ким Чен Ира⁷².

С конца 1990-х в антикимченировской пропаганде появилась новая тенденция: сделать его не страшным, а мерзким, опустить его до уровня бытового неприятия. Вместо анализа его деятельности как политика упор делается на какие-то черты его характера или привычки, которые должны вызывать отвращение. Смакуются его гастрономические вкусы, его манера одеваться, его внешний вид⁷³. Методика написания таких статей напоминает не пропаганду старого образца, а манеру современных журналистов, копающихся в чужом грязном белье.

Важным элементом пропаганды была информация о перебежчиках, естественно подаваемая под лозунгом «они выбирают свободу». Кроме того, беглецы были идеальными свидетелями обвинения: информация из их уст обычно не подвергалась сомнению, но Б. Камингс специально подчеркивает, что многие «показания» северокорейских диссидентов, в том числе и тех, кто

⁷² Панин А., Альтов В. С. 5.

⁷³ Хорошим примером материала такого рода является статья в интернет-газете Утро.ru от 16.03.2004 под названием «Ким Чен Ир - патологический чревоугодник» (www.utro.ru/articles/2004/03/16/288789.shtml).

сбежал в СССР, противоречили фактам и историческим документам⁷⁴.

«Живых свидетелей» использовали для пропаганды, направленной не только во внешний мир, но и внутрь страны. Самая большая организация перебежчиков в РК была сформирована в 1965 г. и называлась «Союз сокрушения коммунизма». Ее члены активно ездили по стране и выступали с лекциями, особенно – перед молодежью, рассказывая о голоде и страданиях народа на Севере, которому запрещено иметь даже кожаную обувь.

Одной из знаковых фигур этой пропаганды был Ким Син Чжо, единственный оставшийся в живых участник нападения северокорейского спецназа на резиденцию Пак Чжон Хи. Согласно официальной версии, он был единственным, кто не покончил с собой при задержании, но Б. Камингс упоминает, что он выжил только потому, что так хотели власти, а 9 других пленных казнили. В течение многих лет Ким был одним из главных орудий южнокорейской пропаганды и достаточно известным алкоголиком. Позднее он пытался перебежать обратно на Север⁷⁵.

Однако ни один из перебежчиков/диссидентов не оказал такого пропагандистского влияния, как Сахаров или Солженицын⁷⁶. А когда речь заходит о бегстве высокопоставленных лиц, такая информация часто оказывалась уткой. Так, в течение 2003-2004 гг. южнокорейская и американская пресса периодически «извещали» о бегстве за границу представителей северокорейской элиты, но в каждом случае через один-два месяца информация об этом объявлялась ошибочной⁷⁷. Как правило, это происходило после того, как КНДР предъявляла убедительные доказательства.

На Юге эту тему развивали более грамотно, играя на различии реальной ситуации и северокорейского образа своей страны. В этом смысле достаточно интересна история Ким Хён Хи, осужденной за взрыв самолета в 1987 г. Южнокорейская пропаганда утверждает, что ее признание было вызвано тем, что увиденная ею Южная Корея разительно отличалась от ее образа, насаждаемого официальной пропагандой КНДР.

Демонизируя своего врага, обе стороны не особенно церемонились в выборе эпитетов. Так, в северокорейском журнале «Корея сегодня» серия материалов, посвященных прошлому Чон Ду Хвана, неприглядным моментам его политической биографии или коварным планам по отношению к КНДР, публиковалась под общей шапкой «Урод Чон Ду Хван». Вплоть до середины 1980-х гг. для северокорейской пропаганды были очень характерны пафосные заголовки типа «Подлинное лицо национального предателя Пак Чжон Хи» или «Политика пыток, взрыв гнева».

Такая черно-белая риторика настолько вошла в политическую культуру, что стала использоваться не только в пропагандистских текстах, но и в

⁷⁴ Cumings B. North... С. 219.

⁷⁵ Cumings B. North... С. 153.

⁷⁶ Breen M. The Koreans... С. 127.

⁷⁷ Сеульский Вестник, № 77, июль 2003, с. 3-4.

документах для служебного пользования. Так, приказ МОБ КНДР от 11 ноября 1981 г. № 11, посвященный интенсификации мер, направленных на борьбу с вражеским проникновением и поощрением бдительности, начинается с пассажа: «Заклятые враги нашего народа, американские империалисты-захватчики и южнокорейская военно-фашистская клика беснуются в своём стремлении развязать новую агрессивную войну в нашей стране»⁷⁸.

Такая же риторика применялась на Юге и официальными властями, и представителями оппозиции. Как признаются сейчас 30-летние корейцы, в детсадовском возрасте под влиянием расхожего штампа «красная нечисть» они на полном серьезе думали, что северяне - это полузвери со злобными мордами красного цвета и дьявольскими рожами на голове⁷⁹.

Интересно, что в такой «черно-белости» Юг опережал Север, представляя послушными зомби на службе у режима всех граждан КНДР. Каждый северянин представлялся врагом, действующим только в интересах своей страны и ее коммунистического руководства. Разглагольствования о мучениках были привилегией не официальной пропаганды, а правозащитных организаций. Между тем Пхеньян, метая молнии в сторону властной верхушки Юга, представлял его народные массы протестующими «против тирании и присутствия американских войск на корейской земле», мечтающими об объединении и поглядывающими на Север.

Ярлыки нередко употребляются некорректно. Так, в качестве негативной характеристики южнокорейского режима часто используются слова «фашизм» или «фашистский», хотя при всей авторитарности режима на Юге он никогда не обладал теми признаками, которые были характерны для гитлеризма. Впрочем, на Юге не менее некритично применяют понятия «сталинизм» и «сталинистский», которые используют для характеристики Севера.

Понятно, что с ростом глобализации и распространения в регионе более «цивилизованных» правил ведения информационной войны оскорбления в стиле «письма запорожцев турецкому султану» начинают считаться моветоном, и при Ро Тхэ У в пропагандистский аппарат Юга было введено ограничение, запрещающее употреблять слова, оскорбляющие честь и достоинство северокорейских оппонентов.

Ни Север, ни Юг не дают друг о друге позитивную информацию. То, что, давая гневную отповедь агрессивным планам США, Пхеньян сейчас почти не клеймит их южнокорейских приспешников, уже надо рассматривать как знак готовности к переговорам. А смена отрицательно окрашенной информации на протокольно-нейтральную или отказ от использования особенно оскорбительных ярлыков вообще является существенной подвижкой.

⁷⁸ Сборник приказов и указаний МОБ КНДР, ч. I. С.47-50.

⁷⁹ Штефан Е. Две свежести в одной.

Так, после первого успешного витка межкорейских переговоров 1972 г. в РК, наконец, начали употреблять название «Северная Корея», временно воздержавшись от выражений типа «коммунистические марионетки», однако при этом использовали не оригинальное название КНДР, а термин «пукхан», означающий северную часть ханского этноса. Впрочем, на Севере про южан тоже говорят «нам чосон», используя северокорейское название страны.

Присутствует и табуирование имени руководителя. Имя Ким Ир Сена минимально фигурирует в учебниках истории РК, а когда в южнокорейских фильмах появляются северяне с их неизменными значками, портрет на значке оказывается или размытым, или очень мало напоминающим реальный. Более узнаваемые черты его лица можно было увидеть лишь на многочисленных и достаточно злобных карикатурах. Единственный период, когда в южнокорейской печати даже на короткое время появились фотографии Ким Ир Сена, был связан с событиями лета 1972 г., после первых попыток наладить диалог в правление Пак Чжон Хи⁸⁰.

К этому направлению следует отнести и изыскания южнокорейских историков о том, что покойный Ким Ир Сен не имел отношения не только к тому Ким Ир Сэну, в честь которого он взял себе это имя, но и к Ким Сон Чжу, который атаковал Почхонбо⁸¹.

Впрочем, проявлением табу можно считать то, что, приветствуя президента Ким Дэ Чжуна во время Пхеньянского саммита, население столицы КНДР ни разу не выкликнуло имя южнокорейского лидера⁸².

Пересмотр некоторых элементов информационной политики РК в «эпоху глобализации»

Проникновение в РК европейских представлений о свободе художественного самовыражения заставляет власти пересмотреть действующую систему цензуры: в процессе работы режиссерам предоставляется полная свобода самовыражения, однако в случае, если постановку сочтут наносящей вред молодежи, будут применяться карательные меры⁸³.

Доля иностранного участия в средствах массовой информации, в том числе - в широкоэвещательных программах, будет увеличена с 15 до 30 %. Вместо государственной цензуры фильмов планируется ввести следующие их градации: «для всех возрастов», «детям до 12 лет (рекомендуется сопровождение взрослых)», «детям до 15 лет», «только для взрослых». Фильмы последней категории будут показывать исключительно в

⁸⁰ Cumings B. Korea's place... С. 359, 360.

⁸¹ Эта тема, в частности, проявляется у Andrew C. Nahm. A History of the Korean people. Korea. Tradition & Transformation. Seoul, 1989, с. 320-321.

⁸² Валиев А. В. Влияние межкорейского диалога на внутреннюю ситуацию в КНДР. // Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. Материалы V научной конференции. Москва, 21-22 марта 2001 года. М., 2002.

⁸³ Korea Times, 03.07.1998.

определенных кинотеатрах, открытие которых будет сопряжено с дополнительными трудностями. Видео или музыкальные программы, отличающиеся повышенным уровнем секса и насилия, будут сопровождаться дополнительным налогообложением и проходить в условиях ограниченной рекламы⁸⁴.

Как распределяются фильмы по градациям? 43,8 % из 352 кинолент (из них 117 работ корейских кинематографистов), одобренных к показу в кинотеатрах РК в 2003 г., получили возрастной градацию «от 15 лет и старше». Приблизительно четверти фильмов корейские цензоры присвоили градацию «от 12 лет и старше». Остальные картины были предназначены либо для всех возрастов (17,6 %), либо для зрителей старше 18 лет (16,8 %) ⁸⁵.

Интересно, что, открывая доступ различным направлениям поп-культуры, правительство таким способом как бы перекрывает его той ветви молодежной культуры, которая берет свое начало в студенческих городках. Этот социокультурный пласт, отличающийся повышенным уровнем социальной активности, по-прежнему вызывает настороженность властей. Не ограничивая свободу студенческого самовыражения в пределах кампуса, ей стараются не дать выплеснуться наружу. Отсутствуют в РК пока и протест и самовыражение в форме актов вандализма, будь то сломанные телефонные кабины или «граффити» на стенах.

Меняется и отношение к запрету на проникновение японской культуры. На текущий момент в идеологической стратегии РК позитивное впечатление о Японии, связанное с достижениями японской культуры, в том числе – и массовой, сдерживается как за счет ограничения японского культурного влияния, так и за счет периодических скандалов или публикации материалов, призванных напомнить о том, сколько горя принесло стране японское иго. Пересматривать этот постулат националистической идеологии власти пока не собираются.

Проблема состоит и в том, что независимо развившейся собственно корейской массовой культуры попросту не существует. Программы передач радио и телевидения организованы по японскому образцу, многие направления корейской мультипликации, популярной музыки, молодежных и не только телепрограмм во многом скопированы с японских аналогов, и открыть двери японской культуре – значит определенным образом признать свою вторичность по отношению к ней.

Усиливается и внимание к новым информационным технологиям. Даже политические партии начали включать в свою программу как заявления о своей поддержке дальнейшего развития интернета, так и использование новых информационных технологий в работе с избирателями⁸⁶ для обеспечения быстрой обратной связи и проведения своего рода он-лайн

⁸⁴ Korea Times, 15.07.1998.

⁸⁵ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 14.01.2004.

⁸⁶ С. О. Курбанов отмечает, какая война разгорелась в интернете по поводу импичмента Ро Му Хёну.

конференций, которые обходятся гораздо дешевле, чем традиционные многотысячные массовые митинги.

Изменения в пропагандистской машине КНДР в начале XXI века

В последнее время пропагандистское давление, вроде бы, стало ощущаться меньше. Большинство респондентов, бывавших в КНДР в 2002-2004 гг., отмечало, что объем государственной пропаганды в форме лозунгов, плакатов, песен и т. п. давит на психику гораздо меньше, чем агрессивная реклама в современной Москве, и даже тон выступлений дикторов на радио и телевидении стал более похож на принятый в остальном мире. Репродукторы на улицах не работают, включаясь только в критических ситуациях. Так, из них играла музыка во время железнодорожной катастрофы в Ёнчхоне.

Во внешних проявлениях культа вождя и посвященных ему ритуалов особенных изменений нет. Правило, по которому ни один кореец не может выйти из дома без приколотого к одежде значка с портретом вождя, никто не отменял⁸⁷. Вывешивание его портретов во всех жилых помещениях тоже остается обязательным.

Торжественные мероприятия, посвященные прославлению обоих Кимов, по-прежнему проходят в обстановке, напоминающей съезды КПСС середины 1970-х с их длинными речами и продолжительными аплодисментами, возникающими как по команде в нужных местах выступления очередного докладчика.

С другой стороны, северяне усвоили руководящие указания Ким Чен Ира о том, что иностранцам надо показывать не только хорошее, и элементы ухудшения жизни страны, связанные с катаклизмами 1995-1997 гг., стали затушевывать гораздо меньше: как сказал Ким Чен Ир, «в прошлом иностранцев водили только в лучшие места, и мы учили людей говорить, что они живут хорошо. Но сейчас, в условиях экономической изоляции, в которую нас ввергли враги, нам нужна иностранная помощь, и нам нужно рисовать мрачные картины для иностранных гостей».

Стала признаваться роль гуманитарной помощи. Точнее, если ранее факт получения такой помощи всячески затушевывался, вплоть до стирания на советских станках сведения о производителе, то телевизионные репортажи, касавшиеся визита госсекретаря США в детский сад «Чанбэк», продемонстрировали всему миру складированные продукты американского происхождения.

Немного изменилась атмосфера в общественных науках. За исключением сферы, относящейся к государственной идеологии, дискуссии между учеными проходят без предварительной подготовки. По сообщению С. Курбанова, ученые-обществоведы могут гораздо свободнее высказывать свое мнение, чем это может представляться из-за рубежа. Научный мир КНДР активно желает сотрудничества с внешним миром, однако чрезмерная

⁸⁷ Ланьков А. Слабое звено северокорейской пропаганды.

централизация системы принятия решений значительно затрудняет проявление личной инициативы ученых в организационной сфере⁸⁸.

Есть изменения и в сфере культуры. На открытии Дворца спорта, построенного на средства «Хёндэ», выступало несколько молодежных музыкальных групп из РК⁸⁹, а по ТВ иногда показывают голливудские мультфильмы⁹⁰.

Эти нововведения северокорейской пропаганды вызывают какое-то странное ощущение. Наблюдается как бы некое выстраивание торжественного фасада, который должен соответствовать всем нормам традиции, но то, что скрыто за этим фасадом, уже не до такой степени волнует компетентные органы. Культ все больше ритуализуется, и на фоне развития двоемыслия форма постепенно теряет содержание и духовную наполненность.

Изменение в тактике пропаганды друг против друга

С изменением ситуации на Юге и на Севере уровень взаимного шельмования и его характер несколько изменились. Особенно это касается изменения образа КНДР в массовом сознании южнокорейцев: образ северного врага не потерял актуальности, но произошли интересные подвижки.

Уже при Ро Тхэ У, на фоне обмена визитами премьер-министров в 1990-1991 гг., на южнокорейском телевидении появилась еженедельная передача под названием «Окно в Северную Корею», где с минимальными комментариями демонстрировались северокорейские выпуски кинохроники. При этом предпочтение отдавалось материалам, демонстрирующим общий уровень экономической или культурной жизни.

При Ким Ён Саме и, особенно, при Ким Дэ Чжуне освещение Северной Кореи все больше и больше проникалось духом гласности. В июле 2000 г. на волне эмоций, связанных с межкорейским саммитом, был принят Указ президента об информационной политике, который снял многие ограничения на информационный обмен с Севером (в том числе, и в интернете). Доступ был закрыт только к тем источникам, в которых содержались «чрезмерно и неоправданно идеологизированные материалы», а также «заведомая ложь и клевета в отношении Республики Корея и ее истории»⁹¹.

Сегодня практически каждая телевизионная программа хотя бы раз в неделю рассказывает о положении дел на Севере, цитируя программы новостей КНДР и минимально их комментируя. Это породило определенную открытость Севера для понимания его реалий Югом и подрубило его

⁸⁸ Курбанов С.О. Краткое сообщение...

⁸⁹ Сеульский вестник, № 79, ноябрь 2003 г., с. 5.

⁹⁰ Cumings B. North... С. 161.

⁹¹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 304.

притягательный образ коммунистической утопии. Даже в глазах левой оппозиции он воспринимается не как пример для подражания, а как бедный младший брат, нуждающийся в поддержке.

В сентябре 2000 г. было предложено провести ревизию школьных учебников, а агрессивный тон в отношении КНДР практически исчез из средств массовой информации, и, более того, стал считаться моветоном. Когда несколько чиновников подвергли критике политику Севера и его медлительность в отношении осуществления совместных программ, одному из них даже было предложено сменить работу, а газета «Korea Times» опубликовала осторожную статью, лейтмотивом которой было «Может быть, не стоит уж совсем закрывать глаза на то, что там творится?».

Изменился и образ северокорейца в кино и в литературе. В этом смысле особенно характерен боевик «*Свири*» (в российском прокате шел под названием «*Шири*»), где представители врага показаны живыми людьми, наделенными пусть отрицательным, но обаянием.

Еще одно явление последнего времени в пропаганде РК - отделение правительства Северной Кореи от ее народа. Если раньше рядовые граждане Севера воспринимались как монстры-зомби на службе у армии и вождя, то теперь картинка больше напоминает классический взгляд европейского правозащитника: всё упирается в обеспечение интересов правящей верхушки, в то время как народ осознает свое угнетение, тоскует по лучшей доле, но ничего не может сделать.

Несколько иная ситуация на Севере. После саммита 2000 г. негативная информация о Юге на время исчезла, но на смену ей ничего не пришло. «*Нодон Синмун*» почти перестала печатать новости с Юга, а на недоуменный вопрос корреспондента ТАСС представителю местных информационных кругов было сказано, что совместная декларация предусматривает отказ от взаимных упреков и критики. В ответ на возражение, что можно писать и хорошие заметки, собеседник сказал: «Что может быть хорошего в Южной Корее?»⁹².

Можно вспомнить и то, как освещался в КНДР Чемпионат мира по футболу 2002 г., когда матчи с участием РК не транслировались, а в строке турнирной таблицы ее место было пустым.

Одночасовые передачи Международного радио Корея по-прежнему глушатся в радиусе 50 км вокруг столицы (там, где на руках у людей сосредоточено больше всего приемных устройств), а эпитет «марионеточный» до сих пор ставится в текстах перед названиями южнокорейских газет и радиостанций, - периодически его замазывают, но место для него отводится постоянно⁹³. С другой стороны, северокорейские СМИ постоянно напоминают, что объединение выше идеологии, а

⁹² Валиев А.

⁹³ Валиев А.

осуждающие РК лозунги, содержащие оскорбительные эпитеты в адрес страны или ее руководства, почти исчезли⁹⁴.

То же самое касается ТВ. В 1980-х гг. по нему показывали преимущественно схватки студентов с полицией или забастовки рабочих в РК, но с середины 1990-х даже эти кадры практически исчезли. Одним из немногих случаев, когда на экранах своих телевизоров жители КНДР могли в массовом порядке увидеть эпизоды жизни в Южной Корее, была демонстрация встреч родственников из разделенных семей⁹⁵.

Выводы

Подводя итоги, можно обратить внимание на то, что, несмотря на достаточно похожие технические приемы пропаганды, стратегия пропагандистской работы на Севере и на Юге различна. Северная основана на недостатке информации и ее строгом дозировании, южная – на ее избытке, при котором неудобная информация может просто раствориться в общем потоке.

Впрочем, изначально контроль информации практиковали оба корейских государства. В Южной Корее информационные барьеры были сняты как раз тогда, когда средний уровень жизни населения относительно сравнился с окружающим миром. На Севере же жесткий информационный контроль продолжается и поныне.

Однако надо помнить, что до середины 1970-х падение информационных барьеров было более выгодно Пхеньяну, чем Сеулу, так как относительно процветавший в то время Север был для южнокорейской оппозиции хорошим примером. Сейчас картина обратная, и на открытии информации настаивает Юг.

Рассмотрим, какая из стратегий работает лучше. Представляется, что каждая из них рассчитана как на общий уровень массового сознания, так и на плотность информационного потока, который стал таким насыщенным только в последнее время. До этого традиционная/северокорейская модель работала совсем неплохо. Неспособность же вовремя переключиться на новую технологию суть один из структурных недостатков традиционного общества, не ориентированного на быстрый темп изменений. А. Ланьков считает, что даже в 1993-1994 гг. пропаганда в КНДР была достаточно эффективной, хотя скептическое восприятие официальных установок было распространено среди элиты и студенчества.

Слабость системы запретов в том, что они формируют позитивное отношение к запрещенной информации. Ибо как показывает практика, в том числе – и СССР, в похожих условиях возникает комбинация синдрома запретного плода и отторжения официальной пропаганды, которая восприниматься как нечто, навязшее в зубах.

⁹⁴ Дмитриева В. Н.

⁹⁵ Валиев А.

Кроме того, в ситуации, когда у официальной пропаганды нет ни внешних, ни внутренних соперников, и даже подробное упоминание об иной точке зрения с последующим ее развенчанием воспринимается как потенциальная опасность, у идеологов развиваются косность и отсутствие навыка в контрпропаганде. Но ослабление напряженности на границе означает и ослабление информационного контроля, а значит – просачивание компрометирующей режим информации, против которой надо принимать контрмеры. В результате, как только престиж государства в глазах общества начинает падать, доверие к оппозиционной пропаганде стремительно растет.

Южный путь тоже чреват утратой контроля, но контроля иного рода. Когда у прессы быстро возникает иллюзия всевластия и вседозволенности, на первое место выходит не пропаганда каких-либо ценностей, а «голый рейтинг», который достигается за счет игры на низменных чувствах аудитории. Вот тут и появляются и телекиллеры, и копание в чужом грязном белье как основной тип новостей, и падение ответственности и добросовестности журналистов. Идет всеобщее сползание в грязь, сопровождающееся общим падением доверия к СМИ, которые «все врут».

Что же касается взаимных обвинений, то, не затрагивая структурные элементы режима, анализ которых может заставить аудиторию задуматься о наличии их аналогов в своей стране, обе стороны акцентируют внимание на тех моментах, которые представляются им «выпадением из традиции». При этом к местным штампам добавляются элементы, заимствованные из арсенала советско-американской информационной войны, в использовании которых Южная Корея проявляет большую гибкость.

В результате сформировалась очень интересная тенденция. Критикуя Север, южнокорейская пропаганда шельмует наиболее одиозные черты тоталитарной системы, но стержневые элементы, которые есть в авторитарной системе и Севера, и Юга, замалчиваются. Более того, достаточное количество «прогрессивных» южнокорейских политологов вроде Ян Сын Чхоля сравнивают Север и Юг, пытаясь провести разделительную черту между недостатком свободы и ее полным отсутствием. При этом подчеркивается, что на Юге, невзирая на авторитарный режим, хоть какая-то свобода, но есть. Такое сравнение натянуто, но оно очень хорошо показывает то, насколько сложно бывает политологам РК «не замечать» тот общий фундамент, на котором строится авторитарный режим по обе стороны 38-й параллели.

Глава двенадцатая. Место «альтернативных структур» и формы протеста

Быть студентом и не принимать участия в демонстрациях было таким же нонсенсом, как потом, после окончания университета, не осуждать митингующих студентов, которым непонятно что надо.

Ким Сон Док, студент университета Ёнсе в первой половине 1990-х гг., в интервью автору.

Создав государственный аппарат, взяв на вооружение государственную идеологию и стремясь сформировать «нового человека», авторитарное государство пытается распространить свое влияние на все общество, в котором помимо него существуют и другие институты со своим комплексом внутренних отношений, будь то семья, церковь, крестьянская община или любая иная автономная структура. В связи с этим остановимся на «альтернативных структурах» и на степени их подавления в каждом из корейских государств, рассматривая как «активную» оппозицию, декларирующую своей целью изменение системы, так и иные параллельные государству структуры.

Легальная оппозиция

Одной из форм политической оппозиции являются партии, выпадающие из традиционной партийной системы.

В КНДР таковых просто нет. И ТПК, и вторящие ей теоретически существующие малые партии «монолитны» (в значении «в них нет фракций»¹), что предполагает отсутствие любой альтернативной точки зрения. Даже сравнительно безобидные критические замечания в адрес властей наказываются немедленно и крайне сурово, что привело к отсутствию в КНДР диссидентского движения в любой форме и крайне затрудняет деятельность иностранных разведок².

Конечно, некоторые южнокорейские источники пытаются доказать наличие там оппозиции, опираясь на рост в КНДР числа политических преступлений³ и упоминая о том, что в декабре 1996 г. на ступенях мемориального дворца Кымсусан, где покоится тело президента КНДР Ким Ир Сена, были обнаружены антикимченировские листовки⁴, однако вопрос о правдивости этой информации остался открытым.

М. Брин тоже упоминает о нескольких попытках сопротивления. В 1970-е гг. капитану японского судна передали письмо, в котором «группа

¹ Cumings B. Korea's place... С. 414.

² Ланьков А. <http://www.Agentura.ru>, 5.04.2001.

³ К. Михайлов приводит данные о том, что если до кончины Ким Ир Сена в год по всей стране насчитывалось до 10 случаев распространения листовок против Ким Ир Сена и Ким Чен Ира либо позорящих их надписей, сейчас их число выросло до 20.

⁴ Тхониль Хангук. Сеул, 2000, № 9, с.79 (на корейском языке).

повстанцев» просила помощи из Японии. В 1980 г. были сведения о том, что против назначения Ким Чен Ира многие возражали. Была непроверенная информация о попытке взорвать монумент Ким Ир Сена в Вонсане, а перебежчик Кан Мён До утверждал, что в апреле 1992 г. группа северокорейских военных во главе с заместителем начальника штаба армии Ан Чжон Хо намеревалась во время военного парада открыть огонь по правительственной трибуне и совершить военный переворот. Впрочем, и здесь, по его собственному признанию, это лишь показания перебежчиков, не подкрепленные иными уликами⁵.

Непроверенные источники утверждают, что когда Ким Чен Ир руководил личной охраной отца, охрана предотвратила несколько покушений⁶. Но даже этот факт подается антикимченировской пропагандой с намеком на то, что покушения были фальшивыми, и этим Ким Чен Ир просто зарабатывал авторитет в глазах отца.

Традиционная политическая оппозиция в Южной Корее развивалась в общих рамках консерватизма. Хотя в те или иные периоды наблюдалось появление отдельных радикальных политических образований или группировок, но они, не успев появиться, моментально превращались в объект всеобщих нападков и преследований, и потому жизнь их была коротка.

Против создания массовой левой партии работала и отличающаяся от западной концепция репрезентативной власти. Мы уже говорили о том, что народовластие воспринималось не как власть народа, а как власть от имени народа, который представляет наиболее богатый и властный его представитель. Более того, выходец из низов не может рассматриваться как представляющий всех⁷.

До недавнего времени партию прогрессивного толка, способную выжить в этих жестких условиях, создать не удавалось, и хотя советские справочники периодически упоминали Южнокорейский Национально-Демократический Фронт, который «действует в подполье»⁸, данных о сколько-нибудь серьезной политической активности левых не на уровне студенческого или профсоюзного движения в период правления военных найти не удалось. Единой коммунистической партии в стране не было. Разрозненные группы существовали в подполье, но информация о них всплывала только тогда, когда какая-то из групп попадалась. Более того, далеко не все «пойманные коммунисты» действительно были коммунистами - военные трактовали этот термин очень широко, и коммунистами называли многих профсоюзных активистов 1970-х гг.

Единственной настоящей коммунистической ячейкой была Революционная Партия Объединения, созданная северокорейским агентом Ким Чжон Тхэ, который сумел сформировать определенный кружок

⁵ Breen M. Kim Jong-il... С. 138.

⁶ Панин А., Альтов В. С. 116.

⁷ Henderson. С. 286.

⁸ Страны Мира. М. Выпуски за 1983-1987 гг.

интеллектуалов, который был выявлен и уничтожен на волне усиления бдительности, последовавшей за покушением на Пака в 1974 г.⁹

Как считает А. Ланьков, левое движение в Южной Корее прекратило свое существование в середине 1950-х и возродилось только на рубеже 1980-х, когда хватка диктатуры стала слабеть. В своей статье в «Сеульском вестнике» он указывает на то, что слабость левого движения после Корейской войны была связана с целым рядом факторов. Во-первых, в условиях массового перемещения людей до и во время войны те, кто хотел жить при социализме, перебрались на Север. Во-вторых, форсированные методы установления своего порядка, применявшиеся КНДР на временно захваченных территориях, оттолкнули от коммунистической идеи многих, особенно – образованных горожан, большая часть которых попала в число реакционных элементов. В-третьих, сыграл свою роль репрессивный аппарат¹⁰. В течение десяти лет после войны левое движение было практически уничтожено.

Возрождение интереса к марксизму было связано как с расстрелянными во время восстания в Кванчжу надеждами на демократическое развитие, так и с тем, что новое поколение студентов уже не реагировало так остро на призрак Корейской войны. Подобно тем, кто в начале 1950-х приветствовал северокорейские войска, устав от коррумпированности неэффективности режима Ли Сын Мана, или российским диссидентам 1960-х - 1970-х гг., новое поколение отличалось неприятием власти и «комплексом диссидента», при котором любая официальная пропаганда априори воспринималась как ложь, а все, что приходило с Севера – как информация, заслуживающая внимания. Новое поколение уже не помнило времена той нищеты, из которой Пак Чжон Хи вытащил страну, и более обращало внимание на те проблемы, которые стали следствием подобного рывка.

Подъем в экономике и улучшения в финансовой сфере позволили Пак Чжон Хи перейти от прямого подавления оппозиции к иным формам контроля над ней. Допуская существование легальной политической оппозиции, режим сильно ограничивал возможности ее реальной победы. На его стороне были и достигнутые успехи, лишавшие оппозицию основания для конструктивной критики и выдвижения альтернативной программы, и особенности корейской политической культуры, в том числе регионализм и фракционная борьба в стане противника, которые сильно мешали созданию единого фронта. Кроме того, зависимость от государственных кредитов пресса лишилась возможности публиковать материалы, направленные против режима, а работа спецслужб позволяла заранее нейтрализовать действительно опасные для режима тенденции. Наконец, ряду политиков, которые могли бы стать конкурентами Пак Чжон Хи, было запрещено заниматься политической деятельностью.

⁹ Breen M. Kim Jong-il... С. 30.

¹⁰ Сеульский вестник, № 80, ноябрь 2003 г., с. 13.

Может сложиться впечатление, что целью Пака даже в этот период было не столько уничтожение оппозиции, сколько желание загнать ее в безопасные для режима рамки. Усиление авторитарной хватки¹¹ часто сменялось послаблениями, которые могли быть не только следствием внешнего давления со стороны тех, кому был нужен демократический фасад, но и внутренней политики самого режима. Например, неоднократно осуждаемый и приговариваемый к большим срокам тюремного заключения Ким Дэ Чжун, как правило, через какое-то время переводился по болезни в Центральный Сеульский Госпиталь, а затем отправлялся под домашний арест или в эмиграцию в США, а как только он возвращался оттуда, его немедленно арестовывали снова. Массированные чистки, облавы, аресты проходили под лозунгом «Лучший способ поймать четырех кроликов - поймать десять, а потом отпустить шесть». «На первом месте стоит защита жизни и свободы тридцати миллионов человек от грозящей им агрессии с Севера, поэтому не может быть и речи об обеспечении прав и свобод отдельных граждан»¹².

Эта тенденция продолжилась даже на тоталитарном этапе Четвертой Республики. В 1973 г. Пак объявил об амнистии и восстановлении в учебных заведениях всех студентов, репрессированных в течение этого года, а в августе 1974 г. действие Чрезвычайных Декретов было временно приостановлено, и из 203 арестованных студентов 167 были освобождены. Чон Ду Хван закручивал гайки более жестко, и лояльное отношение к левым силам стало ярким признаком нового времени.

В сентябре 1999 г. была создана Демократическая Трудовая Партия (ДТП), программа которой была достаточно леворадикальной и включала в себя разрушение *чеболь*, отмену Закона о национальной безопасности, разоружение Севера и Юга и направление высвобождающихся бюджетных средств на социальные нужды. Создатели ДТП рассчитывали на достаточно широкий электорат - в первую очередь, на рабочие массы, поддержку которых должно было обеспечить лояльное по отношению к партии профсоюзное движение, а также на тех, кто устал от регионализма и манипуляций ограниченных политических сил. Учтем, что само название партии - Демократическая Трудовая напоминает Трудовую Партию Кореи¹³, а некоторые аналитики РК открыто говорят, что программа этой «прогрессивной» партии во многом сходна с программой умеренных западноевропейских (французских или итальянских) коммунистов.

Представляется, что появление партии с такой программой наложилось на планы Ким Дэ Чжуна создать левую реформистскую партию в рамках кампании по экономической реструктуризации и разрушению *чеболь*. При этом считалось, что ДТП избежит ошибок своих предшественников,

¹¹ Введение военного (1964 и 1972 гг.) и чрезвычайного (1971 г.) положения, закрытие университетов (1964, 1965, 1969, 1971, 1972, 1973 гг.) и предоставление президенту особых полномочий (1974 г.).

¹² Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. С. 24.

¹³ Напомним, что название ТПК в свое время тоже было вызвано табу на слово «коммунистический».

делавших ставку на радикализм и выступавших с программами, которые можно было бы назвать заведомо нереалистичными.

Главным действующим лицом в новой партии был Квон Ён Гиль, 60-летний бывший журналист и активист профсоюзного движения, пытавшийся в 1997 г. баллотироваться на пост президента страны от широкой коалиции левых групп и набравший тогда 1,2 % голосов.

Путь ДТП во власть можно охарактеризовать как медленное, но верное укрепление своих позиций на фоне изменяющихся требований времени. Перед парламентскими выборами 1999 г. создатели ДТП рассчитывали на минимум 9, максимум 24 места в Национальной Ассамблее. Им казалось, что новая обстановка в стране будет способствовать укреплению политической толерантности и станет началом действительных политических реформ¹⁴. Однако, они разделили судьбу мелких партий и не получили ни одного места, а сам Квон проиграл Чон Мон Чжуну в Ульсане: трудовые массы, на которых он делал ставку, предпочли голосовать за свое начальство.

На местных выборах 13 июня 2002 г. ДТП наконец заняла третье место по популярности среди политических партий, став, таким образом, первой среди малых ппартий, а на президентских выборах 2002 г. Квон баллотировался в президенты и набрал почти 4 % голосов. Программа его при этом была достаточно левой: «Намереваюсь стать президентом, чтобы построить новое общество, руководимое рабочими»¹⁵.

Следующим этапом и большим рывком вперед были итоги парламентских выборов 2004 г. Демократическая Трудовая Партия не только попала в парламент и получила 10 мандатов, но и обогнала по числу мандатов остальные малые парламентские фракции. При этом количество проголосовавших за ДТП по партийным спискам превысило число тех, кто голосовал в регионах, хотя сам Квон прошел в парламент как одномандатник. Такой успех был связан как с общей ситуацией, так и с тем, что радикально настроенная молодежь, которую не устраивает курс Ро Му Хёна, отдала свои голоса Квон Ён Гилю и его соратникам.

Понятно, что процесс внедрения левой оппозиции в политическую жизнь будет длительным. Корейский обыватель-традиционалист пока не доверяет леворадикалам, которые в его сознании слишком сильно ассоциируются с Севером. Связанная с ними риторика и терминология вызывают отторжение, и когда в интервью газете «New York Times» один из руководителей Корейской федерации промышленников назвал Ро Му Хёна социалистом, тот потребовал извинений, так как это слово слишком связано с Севером и было воспринято им как своего рода оскорбление¹⁶.

Кроме этого, уже существующая система региональных связей той или иной партии, построенная по принципу патрон-клиент, пока является для корейца более действенным олицетворением выгоды, которую он получит,

¹⁴ Korea Times, 08.09.1999.

¹⁵ Korea Herald, 10.08.2002.

¹⁶ Сеульский вестник, № 81, январь 2004 г., с. 17.

поставив на «правильного» кандидата. Серьезный успех левых возможен только в случае преодоления этих препятствий.

Студенческая оппозиция

В правление военных именно студенчество составляло ядро оппозиции режиму, и две трети репортажей об РК в советское время были посвящены частым и бурным студенческим демонстрациям, ибо в 1980-е гг. сражения студентов и полиции с применением слезоточивого газа и бутылок с зажигательной смесью происходили чуть ли не еженедельно, у ворот университетов постоянно ощущался запах корейского варианта «черемухи», а у каждого известного своими буйными студентами колледжа постоянно дежурил ОМОН¹⁷.

Студенческая оппозиция была достаточно организованной силой, начиная с Демократического молодежного студенческого союза (*Минчхонханнён*) периода *Юсин*. Когда в ноябре 1974 г. оппозиционные деятели организовали Ассоциацию за продвижение демократизации (*Минчхухен*), студенты были ее основой. В апреле 1985 г. в качестве объединенной организации студентов ВУЗов было образовано Студенческое объединение всей страны (*Чонханнён*). Затем в этой роли выступала основанная в 1987г. *Чондэхён* («Общенациональная ассоциация студенческих представителей»), в качестве представителя которого Лим Су Ген посещала фестиваль молодежи и студентов в Пхеньяне. С 1993 г. студенческая организация называется *Ханчхоннён* («Корейская федерация молодежи»)¹⁸.

Оппозиция создала свои традиции и свою культуру, важным элементом которой являются песни протеста «*минчжун каё*». Был и свой пантеон мучеников, хотя смерть большинства студентов, погибших во время таких демонстраций, относилась к категории случайных. Ли Хан Нель в 1985 г. был убит попаданием в висок газовой гранаты. Ким Гви Джон, судя по характеру ее травм, была не забита ногами, а упала и была затоптана во время массового отступления. Исключением является только Кан Гён Дэ, погибший в 1991 г. Он не успел убежать и был забит группой молодых полицейских из спецподразделения «Белая кость», которым нужно было продемонстрировать старослужащим служебное рвение.

Такая деятельность студентов имеет несколько причин. Во-первых, за студентами конфуцианских учебных заведений всегда была закреплена роль стражей общественной справедливости, против нарушений которой они часто выступали. Внедрение европейской системы образования подстегнуло эту тенденцию, познакомив студентов с новыми революционными идеями и относительно демократическими принципами управления, царящими в организованных европейцами университетах. Высшие учебные заведения

¹⁷ Breen M. The Koreans... С. 213.

¹⁸ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 122.

стали как бы рассадником протестной идеологии, и Г. Хендерсон проводит очень важные аналогии между корейскими студентами, китайскими студентами, которые составляли основу китайских реформаторов XIX в., и революционно настроенными студентами России и Германии начала XX в.¹⁹

Во-вторых, это особенности корейской системы образования. Благодаря ее особенностям «у школьников нет времени взрослеть», и потому средний студент отличается большим инфантилизмом и поведенческими моделями, характерными для подростка, а не для человека 20 и старше лет. Это, в частности, означает высокую подверженность чужой идеологии.

В-третьих, это влияние Запада. На фоне информационного взрыва конца 1970-х гг. в Корею проникло значительное количество западной неомарксистской литературы, и к середине 1980-х левые симпатии были для молодого сеульского интеллигента так же типичны, как диссидентство в той или иной степени - для интеллигента московского. Советские студенты перестроечных лет немало бы удивились, узнав, что одним из самых популярных произведений в среде их южнокорейских сверстников был тогда роман Горького «Мать»²⁰.

А. Ланьков считает, что сочетание новых тенденций с расширенной сетью учебных заведений (высшее образование стало главным пропуском наверх как раз в 1980-е) оказало очень сильное влияние на новое поколение корейских интеллектуалов²¹. Добавим к этому и то, что левизна пустила прочные корни и в преподавательской среде. Для большинства выпускников с получением диплома она уходила в прошлое, однако те из левых, которые не нашли себе места в бизнесе, начали формировать интеллектуальную элиту, которая в соответствии с тенденцией противостояния режиму стала ускоренно леветь.

Место университетского преподавателя часто оказывалось нишей обделенного властью оппозиционера, транслирующего свои идеи на подрастающее поколение. При этом на страже интересов профессор-диссидентов стояли традиции университетского самоуправления. Так, в начале 1990-х гг. полиция могла войти внутрь кампуса университета Ёнсе, только если ректор университета даст письменное разрешение начальнику полиции Сеула, причем сделавший это ректор считается потерявшим лицо и обязан подать в отставку. Внутри кампуса, который имел права экстерриториальности, плакаты «Долой фашистскую диктатуру Ро Тхэ У!» висели через каждые 30 м, и большинство еженедельных столкновений случалось в выходные дни тогда, когда студенты пытались выйти за территорию кампуса.

На этом же этапе в студенческом движении произошла смена поколений, и новое поколение бунтующей молодежи находилось под влиянием не Студенческой Революции 1960 г., а диктатуры *Юсин* и бойни в Кванджу. Главной целью стала уже не либеральная демократия, а более

¹⁹ Henderson. С. 171.

²⁰ Ланьков А. Два источника и две составные части корейского национализма.

²¹ Ланьков А. Антиамериканизм в Южной Корее. С. 71.

серьезная перестройка системы. Кроме того, к идеологии студентов добавились яростный антиамериканизм и борьба против неоколониализма США.

К тому же идеологического плюрализма в корейских университетах не было. Действовали только левые организации, влияние остальных сил было крайне невелико, а «политическая обработка» столь насыщена, что драки с полицией по воскресеньям и чтение запрещенной литературы воспринимались как неотъемлемая часть студенческой жизни²².

Начало 1990-х по-прежнему было отмечено активностью студентов, и хотя студенческие демонстрации 1990-1991 гг., которые я наблюдал лично, не сравнятся с теми, которые бывали в правление Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана, они оставили в моей памяти неизгладимое впечатление. Однако на фоне начинающейся демократизации, «ослабления гаек» и нового всплеска информационной волны (в 1990-е гг. в Корее было переведено море литературы, и на прилавках книжных магазинов можно было найти и Гитлера, и Ельцина) противостояние режиму начало превращаться в определенную деталь студенческого «истеблишмента». «Не бороться» было «не положено», и принуждение студентов младших курсов к участию в демонстрациях было достаточно распространено.

Можно сказать, что студенческое движение отчасти выполняло такую роль как бы по инерции. Поэтому при наблюдении стычек студентов и полиции, которые во время моей первой стажировки в РК действительно происходили почти каждые выходные, у меня возникало ощущение своего рода игры. Игры опасной, очень рискованной, но, тем не менее, игры, в которой каждая сторона выступает в определенной роли, знает правила и старается играть по ним. Действительно серьезные столкновения случаются именно тогда, когда какая-то из сторон эти правила нарушает.

Существовал, например, определенный паритет, касающийся применения спецсредств обеими сторонами (студенты используют бутылки с зажигательной смесью, полиция - гранаты со слезоточивым газом). Поэтому, например, до рукопашной дело доходило не часто, и даже когда это случалось, студенты не предпринимали сложных тактических маневров по прорыву «вражеского» строя, стараясь не доводить ситуацию до дающей полиции право применять огнестрельное оружие.

В связи с этим у автора возникли определенные аналогии как со старороссийскими кулачными боями деревенских мужиков, носившими характер еженедельного развлечения, так и с упоминаемыми М. Брином частыми стычками между профессиональными сообществами и жителями различных кварталов, которые продолжались до первого тяжелораненого или убитого с каждой стороны²³.

Кроме того, как только студенты замахивались на более серьезные элементы традиции, отношение к ним со стороны общественного мнения

²² А. Ланьков. Антиамериканизм в Южной Корее. С. 71.

²³ Breen M. The Koreans... С. 89.

резко менялось на негативное. Истерия вокруг смерти Кан Гён Дэ закончилась как раз тогда, когда студенты перегнули палку - их нападение на премьер-министра Чон Вон Сика, который, будучи университетским преподавателем, приехал прочитать им последнюю лекцию, было воспринято всеми как нарушение конфуцианских норм почтения к старшему и уважения к учителю²⁴.

Насколько студенты были при этом идеологически подкованы? По утверждению И. Толстокулакова, леворадикальный студенческий экстремизм родился в конце 1970-х гг. на базе идеологии «чусанха» («школа идей чучхэ»), представители которой выступали за вывод американских войск с территории полуострова и скорейшее объединение страны на основе идей Ким Ир Сена²⁵, однако откровенных чучхэистов среди студентов всегда было немного. По материалам опроса, проведенного в РК Г. Рябковым в 1990-1991 гг., политические воззрения студентов того времени распределялись так: демократия (достаточно аморфное понятие, под которым понималось в основном достижение политических свобод) - 85 % общей массы и 45 % активистов; социал-демократия (в том числе, марксистско-ленинское учение) - 10 % общей массы и 35 % активистов; коммунизм (под которым понималась исключительно северокорейская модель) - 5 % от общей массы и 20 % активистов.

Заметим, что «наступление демократии» вбило клин между студенческими радикалами и официальной оппозицией во главе с Ким Дэ Чжуном. В мае 1991 г., когда Ким Дэ Чжун недостаточно четко выразил свою позицию в связи с убийством Кан Гён Дэ, группа студентов объявила его изменником демократии и устроила погром в офисе его партии, откуда их удалили только с помощью полиции.

Естественно, режим предпринимал определенные контрмеры, и меры эти были направлены не столько на то, чтобы изменить имидж студента как стража ценностей, сколько на то, чтобы отвлечь его от участия в политике и направить его активность в нужное режиму русло.

Так, ряд университетских комплексов, в первую очередь Сеульский Национальный Университет, были перенесены из центра города на дальние окраины для того, чтобы демонстрации не могли достигнуть центра и не портили картину. В вузах постоянно находилась полиция, а в апреле 1975 г. в дополнение к ней были созданы «группы защиты учащихся», сформированные из бывших солдат, отправленных на учебу в вузы «для оздоровления» обстановки и внедрения в студенческую среду своего рода штрейкбрехеров. Отменили их только в 1984 г., одновременно с официальным разрешением студенческого самоуправления и снятием полицейских постов. Однако в основном воздействие правительства на студентов сводилось к силовым акциям или заявлениям о том, что их главная задача - учиться, а не митинговать.

²⁴ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 156.

²⁵ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 109.

Собственно, именно падение ответной реакции правительства повлияло на то, что отношение общества к утратившим роль жертвы режима студентам начало меняться. Окончательная перемена произошла в 1997-1998 гг. после того, как общественное мнение всколыхнуло несколько неприглядных историй. Сначала вскрылся ряд случаев, когда старшекурсники силой и угрозами заставляли младшие курсы участвовать в демонстрациях и подвергали травле тех, кто отказывался это делать. Затем в кадры хроники попала сцена, когда во время очередной драки у стен Ёнсе группа студентов избивала лежащего на земле молодого полицейского. Эти растиражированные кадры лишили студентов поддержки общественного мнения и сократили количество радикалов в самих студенческих городках.

В результате сейчас студенческое движение отошло на второй план. Число студентов-радикалов составляет от 0,2 % до 0,5 % от общей их численности. Хотя у тех, кто митингует, энтузиазма не убавилось, у студентов уже нет ни образа благородной жертвы, ни серьезных тем для претензий.

Что же до движения на Севере, то единственным примером университетской оппозиции можно счесть недовольство политикой партии в конце 1950-х, которое было заметным среди профессоров и студентов ВУЗов, особенно тех, кто получил образование за границей. Реакцию вызвали и выступления венгерского студенчества. Северокорейские студенты, принимавшие участие в венгерском движении за свободу и независимость, были отправлены на родину и подверглись репрессиям, хотя некоторым удалось бежать в Западную Германию и Австрию²⁶.

Профсоюзное движение

На момент, когда я пишу эти строки, основным собирающим многочисленные демонстрации оппозиционным движением является профсоюзное, и сейчас, говоря о лице оппозиции, мы имеем в виду именно профсоюзного активиста.

Конечно, профсоюзы принимали участие в оппозиционной деятельности и ранее. Кризис, который привел к смерти Пак Чжон Хи, также начался с разгона мирной демонстрации одного из женских профсоюзов²⁷, но первую скрипку они начали играть только после кризиса 1997 г.²⁸. До этого только 12 % рабочих были членами профсоюза²⁹.

Структура профсоюзного движения достаточно аморфна. Существуют как отраслевые профсоюзы, так и профсоюзы, объединяющие представителей различных профессий - работников одной конкретной компании. Такой профсоюз может насчитывать от нескольких сотен до

²⁶ Син Хё Сук.

²⁷ Cumings B. Korea's place... С. 374.

²⁸ Точнее, после 1996 г., когда власть пыталась провести социальные реформы, в ходе которых был произведен пересмотр трудового законодательства.

²⁹ Breen M. The Koreans... С. 173.

нескольких десятков тысяч членов и является просто объединением работников компании для защиты собственных прав.

Многочисленные и разномастные профсоюзы объединены в две основные организации - Корейскую Конфедерацию Профсоюзов (КСТУ) и Федерацию Корейских Профсоюзов (ФКТУ). Обе организации являются как бы «надпрофсоюзами», и в англоязычной прессе для их обозначения часто применяется термин «umbrella labor group».

КСТУ - более молодое и более левое образование, которое было официально признано властями только в конце 1999 г., причем с пятой попытки. КСТУ чаще хватается за «горячие поводы», тяготеет к проведению больших массовых митингов и шествий, которые в большинстве случаев кончаются драками между ОМОНОм и членами профсоюза или носят несанкционированный характер.

ФКТУ, как это видно из ее названия, претендует на основное представительство, и ее позиция отличается меньшей воинственностью, более взвешенным подходом и большей нацеленностью на диалог с властями. Некоторые средства массовой информации даже называют ее консервативной, а в советской прессе ее именовали «желтой».

Министерство труда и сами профсоюзы приводят несколько отличающиеся друг от друга данные относительно их численности. Так, ФКТУ утверждает, что имеет в своих рядах 1,03 млн. членов, в то время как, по сведениям Министерства труда, их 890 тыс. Точно так же с КСТУ. По ее данным, общее число ее членов составляет примерно 600 тыс., а по правительственным данным - 582.

Принципиального отличия в требованиях двух федераций нет - сокращение продолжительности рабочей недели, выплаты жалованья освобожденным профсоюзным руководителям, остановка реструктурирования экономики, преобразование налоговой системы и увеличение государственных инвестиций в социальный сектор.

В основном «надпрофсоюзы» занимаются выработкой соглашений между руководством компаний, их профсоюзными организациями и правительством. Важную роль в этом играет практика трехсторонних консультаций, введенная администрацией Ким Дэ Чжуна. Теоретически эти консультации проходят между представителями правительственных структур, профсоюзными группами и предпринимателями, которые тоже объединены в несколько организаций лоббистского типа.

Можно, однако, отметить один интересный момент. Б. Камингс находил в деятельности профсоюзов много общего с тем, что делала в свое время в Польше «Солидарность» (одновременно отмечая, что в корейском случае Запад встречал активность профсоюзов гробовым молчанием), но по словам южнокорейского политолога Ом Гу Хо, профсоюзы не столько действительно выступают посредниками во внутренних конфликтах рабочих с руководством компании, сколько выносят их вовне и своими «шумными» действиями (массовые митинги, забастовки, судебные иски) пытаются

привлечь внимание государства, дабы оно вмешалось в конфликт и решило проблему за них.

Деятельность профсоюзов воспринимается политологами двояко. С одной стороны, на фоне необходимости выхода страны из кризиса и неизбежности жертвенных мер профсоюзное движение часто оказывается палкой в колесе развития страны - многие либеральные специалисты (тот же Ли Чжэ Ён) считают, что объективно сопротивление профсоюзов замедляет реформу. С другой, условия жизни корейского рабочего не могут не вызывать желание их улучшить. Поэтому сейчас профсоюзы являются как бы смазкой или противовесом, который позволяет сделать процесс реструктуризации менее болезненным для трудовых масс.

Там, где профсоюзы выдвигают политические требования, можно обратить внимание на то, что в вопросах, касающихся Севера, они достаточно осторожны. Даже их борьба за отмену Закона о национальной безопасности связана не столько с тем, что закон является препятствием на пути межкорейского диалога, сколько с тем, что он мешает профсоюзному движению.

В наборе дежурных лозунгов обеих федераций КНДР особенно не фигурирует. Скорее всего, это делается сознательно, так как следует учитывать определенную «аллергию на красное». Тем более что почти любая активность левого толка ранее воспринималась как просеверокорейская. Следует напомнить, что обвинение в связях с Севером или в работе на него и сегодня считается достаточно серьезным, и поэтому руководство профсоюзного движения старается не давать властям повод для подобных обвинений.

Внутренние проблемы Республики Корея имеют для профсоюзного движения большее значение, чем межкорейский диалог, и реакция профсоюзов на него, по сути, двоякая. С одной стороны, профсоюзы не могут не поддерживать диалог, но проблемы южнокорейских тружеников, достаточно серьезные сами по себе, стоят у них на первом месте, и они не намерены допускать, чтобы государство решало внешнеполитические проблемы за их счет.

С другой - выразить желание объединения и «потворствовать» диалогу Севера и Юга есть неременная черта любой левой оппозиции. Тема объединения, безусловно, является «священной коровой», ибо любой шаг навстречу друг другу вызывает бурю положительных эмоций. Профсоюзы достаточно часто проводят мероприятия, направленные на сбор средств в помощь Северу или на закупку для него гуманитарной помощи. В рамках этого же направления деятельности устанавливаются демонстративные контакты. Так, в апреле 1999 г. два представителя КСТУ посетили Северную Корею, чтобы обсудить проведение состязания (футбольного матча) между рабочими двух государств, и получили «восторженный» прием. Министерство Объединения Южной Кореи одобрило их посещение Пхеньяна. Информация об этом была даже передана в сообщении ЦТАК, хотя акцент был сделан на словах, которые сказал по прибытии вице-

председатель КСТУ Ли Кю Джа: «Я прибыл сюда с ощущением миссии, что я представляю 70 миллионов корейцев, добивающихся национального согласования и единства».

Что же касается роли профсоюзов на Севере, то там они по-прежнему остаются «приводным ремнем для работы с массами»³⁰.

Роль церкви и религиозная оппозиция

Оба корейских режима не испытывали проблем с традиционными верованиями. Буддизм со времени династии Ли не был государственной религией и формально был лишен высокого статуса, не представляя идеологической опасности, а конфуцианство было в основном инкорпорировано в официальную систему, хотя сама конфуцианская идеология активно критикуется за отсталость.

Впрочем, по данным Б. Камингса, в свое время Ким Ир Сен был так опечален смертью младшего сына, что приглашал шаманов и буддийских монахов для проведения церемоний там, где он утонул³¹.

Если буддизм и неоконфуцианство постоянно критикуются как отжившие, но при этом их мораль и этика или неосознанно заимствуются или реинтерпретируются, с христианством дело обстоит иначе, ибо данная религия является для культурного конфуцианского региона привнесенной и содержит достаточное количество идей, противоречащих традиционной конфуцианской ментальности, положенной в основу авторитарного режима.

На Севере ситуация отчасти напоминает советскую. Буддизм и христианство формально не преследуются, но им не дают развиваться выше определенного уровня, а объединяющая верующих структура находится под жестким госконтролем и готовит скорее специалистов по связям с верующими этого толка за рубежом, нежели священников, ведущих прозелитическую работу внутри страны. Ситуация во многом аналогична положению до сих пор существующих в КНДР «альтернативных политических партий», состоящих из проверенных членов ТПК. Попытки выйти за дозволенные рамки и вести христианскую пропаганду без разрешения властей достаточно жестко преследуются, основанием для чего служит статья 68 Конституции: «Религию нельзя использовать как средство для проникновения внешних сил и нарушения государственного, общественного порядка».

Единственным религиозным учением, существовавшим в КНДР практически на всём протяжении её истории, является *чхондогё*. Партия *Чхондогё-чхонудан*, созданная из последователей этого религиозного учения, была и остается одной из «братских партий», а конец 1990-х гг. ознаменовался активными контактами между представителями религии *чхондогё* Севера и Юга. С середины 1990-х гг. и начала распространения

³⁰ Панин А., Альтов В. С. 47.

³¹ Cumings B. North... С. 138.

культа Тангуна *чхондогё* стало проводить ежегодные жертвоприношения у его гробницы³², чем обеспечило себе дополнительную поддержку государства.

Южнокорейские правозащитные организации протестантской направленности любят ставить знак равенства между геноцидом евреев при Гитлере и «уничтожением христианских мучеников» режимом Ким Ир Сена, но описания попытки властей заставить христиан отказаться от «вредных суеверий» и связанного с этим мученичества отдают традиционной мифологией³³.

Дело в том, что громить, собственно, было нечего. Христианская церковь в Северной Корее изначально была относительно слабой. Протестантские священники действовали, в основном, в южной части Кореи, а на Севере – среди тех, кто к моменту начала формирования культа личности уже перебрался на Юг. В дополнение к этому в ходе Корейской войны большинство церковных общин прекратило свое существование, а многие церковные постройки были уничтожены.

А. Ланьков, однако, придерживается несколько иной точки зрения. По его словам, именно Северная Корея была главной опорой протестантов, составлявших более трети населения Пхеньяна в 1945 г.³⁴ Сначала христиан пытались привлечь на сторону новой власти (особенно старался Кан Ян Ук, на которого Сеул даже организовал покушение), однако официальный атеизм и антиамериканизм власти раздражал сообщество, имевшее с Западом тесные связи. Поэтому во время Корейской войны христианские активисты нередко сотрудничали с оккупационными властями, а с конца 1950-х в стране началась активная антихристианская и антиклерикальная кампания.

Есть ли в КНДР катакомбная церковь, определить сложно. Представляется, что какое-то количество христиан в стране действительно есть, однако насколько они организованы и насколько они считают свое вероисповедание способом сопротивления режиму – вопрос. Хотя А. Ланьков закономерно отмечает, что в случае поглощения Севера Югом следует ожидать не только рывка христианизации, но и появления нового блока мифов о сопротивлении тоталитарному режиму, в котором тайные христиане будут играть ведущую роль³⁵.

С ростом христианизации Юга отношение к христианству на Севере несколько смягчилось. В настоящее время в Пхеньяне есть два протестантских храма, один православный и один католический, в каждом из которых официально насчитывается около 150 прихожан. Вполне вероятно, что они прошли специальную подготовку и были отобраны по аналогии с членами «братских партий».

В РК христианское вероисповедание считается признаком хорошего тона в политическом истеблишменте, однако практика поощрения того или

³² Курбанов С. О. Элементы традиционной...

³³ Breen M. Kim Jong-il... С. 134-135.

³⁴ Сеульский вестник, № 83, март 2004 г., с. 16.

³⁵ Сеульский вестник, № 83, март 2004 г., с. 16.

иного религиозного направления, пожалуй, отсутствует. Ким Ён Сам – протестант-пресвитерианин, Ким Дэ Чжун - католик. При этом Республика Корея занимает в христианском мире второе место по числу канонизированных святых - там к их лику причислили всех пресвитеров, казненных в ходе гонений со времен Тэвонгуна.

Впрочем, надо отметить, что еще в 1960-е - 1970-е гг. доминирующей религией в РК был буддизм, широко распространенный как среди сельского населения, так и в окружении Пак Чжон Хи. Буддийское духовенство поддерживало его деятельность и отчасти помогало сдерживать волну социального протеста против нее. После смерти Пака влияние буддистов стало падать, так как Чхве Гю Ха ориентировался на мнение христианских кругов, а Чон Ду Хван был атеистом³⁶.

Отсутствие государственной религии и отделение церкви от государства конституционно закреплены, и военные власти стремились не отдавать предпочтения тому или иному учению. Пак Чжон Хи неоднократно выступал арбитром в спорах между различными конфессиями, проводил казенные молебны, поощряя практику молений о благополучии и процветании страны. Остальные президенты Третьей - Пятой Республик (включая Чхве Гю Ха), проводили консультации с ведущими церковными деятелями, стремясь наладить диалог с ними³⁷.

Иногда государству не удается решить межконфессиональные противоречия мирным путем. В 1989 г. полиция была вынуждена использовать слезоточивый газ для того, чтобы разогнать столкновение между протестантами и мунитами, которые собирались превратить духовную семинарию в городе Чхонан в свой университет³⁸.

Но традиционная роль христианской церкви как заступницы привела к тому, что, как и во времена японского господства, сопротивление режиму нередко осуществлялось под эгидой христианских организаций, а диссиденты часто искали убежища в церквях, хотя среди них были и католики, и протестанты (Мун Ик Хван). Вламываться в церкви на танках побаивалось даже ЦРУ. Именно с этого времени католический собор в районе Мёндон стал главным убежищем радикально настроенных студентов или членов профсоюзов.

Интересно, что после освобождения ведущей силой в церковной оппозиции снова стали не протестанты, а католики, которые при японцах практически не проявляли подобной тенденции из-за давления Муссолини на Ватикан³⁹. Более того, созданная под влиянием латиноамериканской «теологии освобождения» теология *минчжун*, которую правильнее переводить как «теология простого народа», обеспечила оппозиции некоторую идеологическую базу⁴⁰. Вобрав в себя элементы традиционного

³⁶ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 115-116.

³⁷ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 116-117.

³⁸ Breen M. The Koreans... С. 41.

³⁹ Henderson. С. 430.

⁴⁰ Cumings B. Korea's place... С. 371.

фольклора и крестьянского движения XIX в., *минчжун* напоминала раннее христианство борьбой против социального неравенства и за моральное совершенствование⁴¹.

Однако христианская оппозиция режиму не была единой - как в силу конфессиональных различий, так и потому, что у католиков и протестантов направления критики режима были разными: для первых главным было соблюдение прав человека, для вторых – ослабление государственного регулирования и развитие рыночного хозяйства⁴².

Ограниченной поддержкой государства пользуются такие корейские религии, как *чхондогё* или *тэчжонгё*, проповедующие идеи национальной исключительности или первородство корейской нации. Хотя их паства немногочисленна, государству выгодна их пропаганда.

Не менее интересно с данной точки зрения такое образование, как Церковь Объединения Мун Сон Мёна (кор. *Тхонъиль кёхве*), которая помимо своей яркой антикоммунистической направленности, также пропагандировала национальную исключительность корейцев. Лозунг о том, что после освобождения от японского ига корейцы являются богоизбранным народом, впервые выдвинул именно преподобный Мун.

Говоря о роли этой организации, Б. Камингс обращает особое внимание не столько на одиозную личность самого Муна, сколько на его правую руку и переводчика Пак Бо Хи, который в начале 1960-х был представителем корейского ЦРУ в Вашингтоне. Этот человек засветился во время «Кореягейта», а также присутствовал в Пхеньяне на похоронах Ким Ир Сена⁴³. Последнее особенно интересно, так как заставляет предположить, что эта церковь была создана не только для пропаганды антикоммунизма и национализма среди корейцев, но и как негосударственная организация, чья одиозность как бы не давала заподозрить, что она - пятая колонна правительства, рассчитанная не только на деятельность вне Кореи и зарабатывание денег, но и на установление неформального диалога в тех случаях, когда официальный был невозможен. Так, преподобный Мун пытался выступить инициатором проектов туристического освоения Кымганских гор для оживления конкуренции между южнокорейскими бизнесменами и представителями *Чхонрёна*⁴⁴.

Однако не следует думать, что Мун был уникален. В начале 1960-х таких сект, во главе которых стояли самопровозглашенные «мессии», насчитывалось около 70, причем Церковь Объединения Мун Сон Мёна, несмотря на ее большую международную активность, на территории РК была не самой многочисленной. Гораздо более известным был Пак Тхэ Сон, основатель Движения Оливковой Ветви, исключенный из пресвитериан за ересь и сидевший при Ли Сын Мане за убийство и прокоммунистическую

⁴¹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 271

⁴² Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 117.

⁴³ Cumings B. Korea's place... С. 357.

⁴⁴ Breen M. Kim Jong-il... С. 160.

деятельность⁴⁵. При Пак Чжон Хи, отличавшемся веротерпимостью, Пак Тхэ Сон активно вкладывал деньги в развитие тяжелой промышленности и построил два города, в каждом из которых поселилось по 20 тыс. его последователей.

Что же касается сект некорейского происхождения, то отношение к ним жестче. Запрещен въезд в РК членам секты разлитов, известных своими экспериментами по клонированию человека и верой в то, что человечество было создано инопланетянами⁴⁶.

Формально, если догматы данного учения как-либо противоречат установкам государства, граждане должны делать выбор не в пользу веры. Характерно решение суда по делу некоего гражданина Ли, который, будучи свидетелем Иеговы, пытался отказаться от участия в военных сборах. Вердикт можно было свести к двум фразам: «религиозная вера Ли в то, что он не должен исполнять свой гражданский долг, противоречит фундаментальной обязанности мужчин служить в армии» и «только когда в стране будет порядок, и ей не будет угрожать вторжение извне, станет возможным осуществление прав человека»⁴⁷. С другой стороны, 21 мая 2004 г. сеульский суд оправдал трех иеговистов, посчитав, что декларируемая Конституцией страны свобода совести – достаточное для этого основание. Минобороны выступило с резкой критикой этого решения⁴⁸.

Интересно, что наибольшей «нетерпимостью» по отношению к религиям отличались не военные, а правительство Ким Ён Сама. В 1994 – 1995 гг. между администрацией президента и крупнейшей буддийской сектой *чоге* разгорелся конфликт, в ходе которого на территорию ее центрального храмового комплекса были введены полицейские силы. Не менее значимы и события июня 1995 г., когда для того, чтобы схватить укрывавшихся в храмах профсоюзных лидеров, полиция вломилась не только в буддийские храмы, но и в католический собор Мёндон, неприкосновенность которого не нарушалась военными даже в худшие времена Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана⁴⁹.

Боевые искусства

Как утверждает специалист по истории боевых искусств Востока А. А. Маслов, традиционный Дальний Восток знал три основных социально-политических института, которые вели друг с другом достаточно жесткую конкуренцию: государство, крестьянские общины и школы боевых искусств. Вокруг последних, особенно в Китае, достаточно часто формировались тайные общества или криминальные структуры. Поэтому авторитарный режим всегда старался, с одной стороны, разогнать кланы и сделать

⁴⁵ Breen M. The Koreans... С. 44-45.

⁴⁶ Сеульский вестник, № 83, март 2004 г., с. 7.

⁴⁷ Сеульский вестник, № 81, январь 2004 г., с. 7.

⁴⁸ Сеульский вестник, № 85, май 2004 г., с. 6.

⁴⁹ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 239.

искусство массовым, но не опасным, с другой - использовать боевые искусства не только в военно-прикладных целях, но и в качестве своего рода брэнда стран Дальнего Востока во второй половине XX в.

В Корее дело обстояло так. Историки боевых искусств очень любят рассказывать о том, что до аннексии страна была богата традицией, но все уничтожили злые японцы, однако это достаточно спорная точка зрения⁵⁰. К началу XX в. занятия боевыми искусствами не были популярны и существовали или на уровне, близком к народным играм (*тхэккён*), или в качестве закрытых школ.

С другой стороны, частью программы японской системы образования были занятия боевыми искусствами, вследствие чего количество корейцев, изучавших в школе *каратэ-до*, дзюдо или *кэндо*, или ставших учениками более серьезных традиционных школ *кэндзюцу* или *дзюдзюцу*, было достаточно высоким.

По окончании войны 1950 - 1953 гг. в Корее существовало очень много школ (*кванов*), в которых практиковались боевые искусства с самыми разными названиями. Большая часть из них или являлась «адаптированным» вариантом *каратэ-до* или была близка к *субак*, уделяя особое внимание технике ног и высоких ударов ими.

Дело в том, что, во-первых, на волне поднявшихся после освобождения националистических и антияпонских настроений преподавать японское боевое искусство в чистом виде было невозможно, а во-вторых, корейские мастера, как и создатель *хапкидо* Чхве Ён Соль в свое время, пытались слить полученные в Японии знания с собственно корейской традицией.

Тем не менее, до начала 1960-х государство не пыталось осознанно направлять развитие традиции боевых искусств. Перелом в политике по этому вопросу наступил с приходом к власти Пак Чжон Хи. В этот период впервые возникает стремление поставить боевые искусства на службу режиму, создав «единое» боевое искусство, которое находилось бы под контролем государства, в отличие от разрозненных направлений, которые могли служить прикрытием для беспощадно разогнанной Пакком организованной преступности или каких-либо оппозиционных движений. Кроме того, новое боевое искусство явилось бы политическим орудием, символизирующим дух нации.

В 1964 г. корейское правительство попыталось объединить все школы в Ассоциацию единого боевого искусства, которому было дано название «*тэсудо*». Однако идея эта провалилась, поскольку многие мастера (например, Хван Ки, руководитель школы «*Мудоккван*») считали, что это приведет к утрате индивидуальности их направлений и падению престижа их школ. Тем не менее, в следующем году «единый стиль» был создан.

Ведущую роль в его создании сыграл генерал Чхве Хон Хи, занимавшийся ранее *тхэккён* и имеющий также черный пояс по *каратэ-до*

⁵⁰ Более подробно об истории корейских боевых искусств см. книгу «История боевых искусств. Неизвестный Восток» (М., 1996), написанную К. В. Асмоловым в соавторстве с Г. К. Панченко, а также - многочисленные публикации автора на эту тему в периодических изданиях.

школы *Сётокан*. Новое искусство после долгих споров нарекли «*тхэквондо*», хотя многие отдавали предпочтение названию «*субак*». Однако перевес оказался на стороне «*тхэквондо*» не только потому, что так называлось боевое искусство, которое преподавал сам Чхве, но и потому, что буквально слово это означает «путь ноги и кулака», тем самым как бы вбирая в себя все разновидности боевых искусств и являясь собирательным названием вроде нашего «рукопашный бой», под которым можно понимать все, что угодно. Стремясь как можно выше поднять престиж *тхэквондо*, а, следовательно - и свою славу как его создателя, в 1966 г. Чхве Хон Хи даже встречался с Масутацу Ояма (создателем стиля *кёкусинкай каратэ-до*, корейцем по происхождению), предлагая ему объединить школы под общим названием «*тхэквондо*».

Чхве Хон Хи возлагал на единое боевое искусство большие надежды и даже считал, что оно может стать способом объединения страны. Поэтому в 1972 г. он посетил КНДР, был обвинен властями Южной Кореи в государственной измене и вынужден эмигрировать в Канаду.

Будучи руководителем уже созданной к этому времени Международной федерации *тхэквондо* (ИТФ), он перенес центр своей деятельности в Торонто, но большинство школ и инструкторов не поддержало его, оставаясь верными сеульскому руководству, образовавшему Всемирную федерацию *тхэквондо* (ВТФ), для которой, чтобы подчеркнуть отличие от ИТФ, даже были созданы самостоятельные комплексы формальных упражнений.

30 ноября 1972 г. был открыт *Куккивон* - громадный комплекс, объединяющий стадион, штаб-квартиру ВТФ и Академию *тхэквондо*. Процесс объединения школ завершился, ибо был создан единый учебный центр, так что разница между *кванами* сейчас практически стерта. Одновременно была создана и официальная история *тхэквондо*, напоминающая «Краткий курс истории ВКП(б)» своим стремлением представить все многогранное развитие корейских боевых искусств как развитие именно *тхэквондо* и только *тхэквондо*.

Такое положение напоминает ситуацию в нашей стране во времена застоя, когда единственными разрешенными видами боевого искусства были самбо и *дзюдо*, или политику китайского правительства, активно пропагандирующего «чиновничье *ушу*» и запрещающего преподавать за пределами Китая традиционные прикладные системы боя⁵¹.

Другие боевые искусства на юге периодически запрещались, а многие не прошедшие унификацию (как, например, *тансудо*) стали считать разновидностью *тхэквондо*, и преподавание их за пределами страны было связано с очень большими трудностями.

Впрочем, уже с первой половины 1990-х на фоне определенной интернационализации *тхэквондо*, на волне национализма возродился интерес к традиционным боевым искусствам, как рукопашным, так и фехтовальным.

⁵¹ Подробнее о «китайском варианте» см. в многочисленных трудах того же А. А. Маслова.

Криминальные структуры

Авторитарная система Северной Кореи оставляет очень мало возможностей для развития уголовной преступности. Во-первых, нормированное распределение ставит всех в равные условия и нивелирует роль свободных денег, ради которых и совершается большая часть преступлений. Во-вторых, при тотальной системе контроля над проживанием и передвижением человека, совершившему преступление, чрезвычайно сложно скрыться. В-третьих, суровая система наказаний даже за незначительные преступления, исключающая возможность оправдаться, является хорошим профилактическим средством.

Что же касается наиболее часто встречающихся типов преступлений, совершаемых в КНДР, то по косвенным данным можно выяснить, что самыми частыми являются экономические. Вообще количество экономических преступлений, всякого рода хищений и ранее было немалым. Недаром преступления этого рода преследуют примерно 40 % статей УК КНДР. Встречаются разбой, грабёж, проникновение капиталистической культуры (южнокорейских песен, видеоматериалов)⁵².

Хотя проблема молодежной преступности в КНДР стоит не столь остро, как в Южной Корее, однако и там число преступлений, совершаемых молодыми людьми, растёт.

РК также значительно «отстает» от нас по уровню развития в стране преступности, проституции, наркомании и т. п. Это видно по тону заметок в прессе. То, что у нас уже воспринимается как нечто не так, чтобы само собой разумеющееся, но ставшее уже привычным, там - сенсация, повод для серии проблемных статей. И факт, что в 1998 г. крупномасштабная полицейская операция по поиску в черте Сеула сбежавшего преступника, некоего Син Чхан Вона, осужденного на пожизненное заключение за грабеж и убийство, продолжалась несколько дней и все это время широко освещалась в прессе, говорил о том, что такое событие для Кореи было нерядовым явлением. А. Ланьков также отмечает, что убийство и разбой встречаются на Юге редко, бытовое воровство или уличный вандализм отсутствуют практически полностью (сказывается конфуцианское воспитание!), а основную долю преступлений составляют бытовое хулиганство, мошенничество и должностные преступления.

Конечно, по сравнению с 1970 г., в 1999 г. число преступлений увеличилось в 5,2 раза – 1,73 млн. по сравнению с 330 тыс. тогда. Значительно возросло и количество тяжких преступлений (убийство, разбой, поджог и изнасилование), а также преступлений в сфере экономики, однако ощущение полной безопасности, о котором с удивлением говорят многие приезжающие в Корею иностранцы, отнюдь не является иллюзией. В 1991 г. в Корее на 100 тысяч человек населения приходилось только 896 уголовных

⁵² Тхониль Хангук. Сеул, 2000, № 9, с.78 (на корейском языке).

преступлений, в то время как даже в Японии этот показатель составил 1377, а в Германии, тоже отнюдь не самой опасной стране мира - 6649. По наиболее опасным видам преступлений сравнение выглядит еще более впечатляющим. Достаточно сказать, что в 2000 г. во всей Корее произошло 964 убийства. Стабильной остается и доля лиц, находящихся в заключении: на протяжении 1965-1995 гг. она колебалась между 0,11 и 0,14 % от численности населения страны. Для сравнения - в России этот показатель составляет 0,73 %, в США - 0,68 %.⁵³

Согласно данным Главного полицейского управления РК, за первые 7 месяцев 2003 г. в стране было совершено 1071547 преступлений, однако тяжких среди них очень мало. Так, например, число убийств на душу населения в 1,5 раза меньше, чем в Великобритании, и в 4 раза меньше, чем в США. Интересно, что изнасилования, разбойные нападения и грабежи встречаются чаще, чем кражи⁵⁴.

Достаточно важной характеристикой действующей Конституции РК является статья 30, согласно которой гражданин этой республики может получить помощь от государства в случае телесных повреждений или смерти родственника, произошедших из-за криминальных действий. Такая государственная поддержка жертв уголовной преступности говорит, на мой взгляд, о том, что эта преступность очень низкая.

Главной причиной столь низкого уровня преступности, как и на Севере, является суровая система наказаний и пришедшего из Японии жесткого социального контроля, проявляющихся как в действиях местных «участковых», так и в постоянном стимулировании гражданского сознания⁵⁵. Один из лозунгов середины 1990-х гласил: «Если сегодня ты увидел преступника и отвернулся, завтра он придет в твой дом».

Что же касается преступности организованной, то уничтожение классического гангстеризма во многом - заслуга Пак Чжон Хи, ибо до его прихода к власти оргпреступность в Южной Корее была достаточно сильна и тесно связана с правящими кругами. При Ли Сын Мане большая часть подобных банд действовала под патронажем полиции или правящей партии. Так, например, ичхонская группировка, известная своим нападением на Университет Корё, занималась не только тем, что контролировала рынки и избивала оппозиционеров по месту жительства, но и делилась награбленным с региональным отделением Либеральной партии, спонсируя ее деятельность.

Один из таких «авторитетов», Ко Хый Ду, убитый полицией в 1948 г., был, согласно его визитной карточке, председателем регионального землячества, председателем местного отделения одного из Молодежных Корпусов и даже руководителем регионального Общества поддержки полиции. Этот человек мог выставить на улицы больше тысячи человек

⁵³ Ланьков А. Сеул: город ангелов...

⁵⁴ Сеульский вестник, № 78, сентябрь 2003 г., с. 8

⁵⁵ Ланьков А. Сеул: город ангелов...

вооруженной молодежи, контролировавшей один из центральных районов Сеула.

По мнению Г. Хендерсона, ОПГ того времени были организованы скорее по японскому, чем по чисто корейскому образцу⁵⁶. Банды носили звучные имена. Одна из преступных группировок, занимавшаяся рэкетом и связанная с полицией, в 1945 г. в Тэгу носила название «Общество любви к соседям», или Общество «Возлюби соседа своего»⁵⁷. Контролировали они отдельный рынок или квартал, очень хорошо зная, кто есть кто. При этом их руководители могли быть депутатами Национальной Ассамблеи (Ким Ду Хан) или были бывшими сотрудниками полиции. Но Док Суль, наиболее известный из главарей такого рода, был дознавателем в японской военной полиции и в 1948 г. таинственно исчез перед тем, как на него было заведено уголовное дело по обвинению в пытках и убийстве. Затем он появился как человек, проводивший для Либеральной Партии промышленные ярмарки⁵⁸.

Сейчас «чинчча санаи» (кор. «настоящий мужик») занимают в системе место, похожее на нишу японских якудза, чей внешний вид и манеры (включая цветные татуировки на всем теле) они стараются копировать. При молчаливом согласии полиции они «крышуют» те сферы бизнеса, на которые власти смотрят сквозь пальцы, хотя формально они считаются запрещенными (игорное дело, проституция и т. п.)⁵⁹.

В меньшей степени их присутствие прослеживается в шоу-бизнесе, хотя здесь представители криминалитета также занимаются не столько банальным рэкетом, сколько раскруткой того или иного исполнителя, с деятельности которого они затем стригут купоны. Опять-таки, это относится в основном к масс-культуре или тем видам развлечений, которые считаются сомнительными и малодостойными внимания официальных властей.

Еще одной областью, в которой в Корее заметно присутствие оргпреступности, являются вопросы неплатежей и невозврата (обычно частных) кредитов. В случае невозврата кредита заимодавец в принципе может решить дело через суд, однако юридическая процедура часто затягивается, стоит немалых денег и нервов, так что иногда заимодавец, если ему не удастся уладить конфликт «по-хорошему», предпочитает выйти на нелегальные силовые структуры⁶⁰.

Участие организованных преступных группировок в этих двух видах деятельности, по-видимому, не вызывает особых возражений у властей. Однако когда «корейские якудза» пытаются выйти из этих рамок, следует достаточно жесткий удар, и потому вероятность столкновения коммерсанта, не занимающегося сомнительным бизнесом, и криминальных кругов, крайне мала.

⁵⁶ Henderson. С. 233-243.

⁵⁷ Henderson. С. 421.

⁵⁸ Henderson. С. 421

⁵⁹ Ланьков А. Сеул: город ангелов...

⁶⁰ Ланьков А. Сеул: город ангелов...

Корейская организованная преступность занимается и «чисто противозаконными» вещами, в том числе торговлей наркотиками и оружием, но эти виды заработка, мягко говоря, не являются для нее профилирующими. Контроль за огнестрельным оружием в РК очень суров, и даже в своих внутренних разборках «чинчча санаи» предпочитают рукопашный бой или холодное оружие. Настоящего рынка наркотиков в американском и даже европейском понимании в Корее тоже пока нет. Подобными препаратами лишь изредка пользуются некоторые представители богемных кругов и «золотой молодежи», а также немногочисленные в корейском обществе маргиналы⁶¹.

Еще одним аспектом является «киберпреступность». С 1997 г. по 2000 гг. число киберпреступлений выросло в 6 раз - с 133 до 802, а число преступников – с 233 до 1074. Число случаев собственно хакерства выросло в 19 раз⁶², причем более половины компьютерных преступлений совершается подростками. По данным прокуратуры, за период с января по апрель 2001 г. из 327 преступлений 183 были совершены лицами моложе 20 лет⁶³. Наиболее известным было дело 17-летнего жителя Тэджона по фамилии Ким, которому было предъявлено обвинение во взломе 46 сайтов и получении несанкционированного доступа к личной информации 3 млн. пользователей при помощи изобретенной им программы «IP scanner». С июля 2002 г. введен новый закон, по которому преступления этого рода караются 100-миллионным штрафом или тюремным заключением на срок до 10 лет.

25 января 2003 г. состоялось почти полное отключение интернета по всей стране. Хотя неясно, это было следствие атаки хакера или перенапряжения сети⁶⁴, в прессе снова обсуждались проблемы «кибертерроризма». Впрочем, когда в знак протеста против публикации пресловутого японского учебника по истории южнокорейские хакеры взломали сайты министерства образования Японии, правящей там Либерально-демократической партии и издательства, выпускающего эту книгу, на столь патриотическое проявление чувств смотрели сквозь пальцы.

Авторитаризм, семья и секс

Уделим внимание и «семейным ценностям», под которыми на Западе понимают не столько иерархию традиционной дальневосточной семьи, сколько ячейку общества, чувства и обязанности членов которой по отношению друг к другу обычно ставятся выше, чем долг перед государством. Однако в авторитарном государстве режим декларируется как одна большая семья, и любовь к одному близкому человеку не может быть больше любви к народу и, тем более, любви к вождю.

⁶¹ Ланьков А. Сеул: город ангелов...

⁶² Korea Times, 19.03.2001.

⁶³ Korea Herald, 22.08.2001.

⁶⁴ Сеульский вестник, № 75, с. 8.

Кроме того, говоря о соотношении любви к семье и любви к стране/вождю, отметим, что в дальневосточной конфуцианской традиции «ситуация Павлика Морозова» имеет меньшую негативную эмоциональную окраску, ибо выбор между отцом и правителем надлежит делать все-таки в пользу правителя. Понятно, что это сопряжено с трагизмом и посылкой о том, может ли непочтительный сын быть образцовым подданным. Но принятие «решения Павлика» в такой ситуации воспринимается как мучительный выбор между долгом и чувством в пользу долга, а не как потрясающее основы морали предательство самого близкого человека.

Контроль государства над семьей на Севере и на Юге различен в методах, но сходен в главном. Государство позиционируется как одна большая общность, семья-общество, и обычная семья является лишь его составным элементом. Разница же в том, что на Юге это облечено в форму традиционных ценностей и конфуцианского пиетета в семье, в то время как на Севере предпочитается советская фразеология и взгляд на семью как на ячейку общества.

Более четко видна разница в контроле сексуальности. Здесь в КНДР подчеркивают приоритет моральных обязательств партнеров друг перед другом и духовной близости над интересами плоти, а также «революционизирование женщин» путем освобождения их от тяжелого домашнего труда и привлечения к работе вне дома. Воспитание детей, таким образом, ложится на ясли и детские сады, где дети обычно находятся всю неделю, и идеологическая обработка человека начинается буквально с пеленок.

Не забудем и то, что в брак желательно вступать только по получении высшего или профессионального образования (в возрасте 26-27 лет). К этому возрасту человек или успевает отслужить в армии или получить специальное образование. Так как семья является базовой, социальной и экономической ячейкой общества, сочетание семейной жизни с получением образования не приветствуется. Вообще, с северокорейской точки зрения, запись акта гражданского состояния призвана зафиксировать не определенный уровень отношений между мужчиной и женщиной, а появление новой самостоятельной семьи как ячейки общества.

По данным Э. Нама, закон КНДР 1976 г. установил брачный возраст с 32 лет для мужчин и с 29 лет для женщин, однако в данном случае Нам намеренно сгущает краски. По мнению Б. Камингса, до 28-32 лет большинство северокорейцев практически не живет регулярной сексуальной жизнью⁶⁵, но этот порог является неформальным, установленным не государственными нормами, но общественной моралью и условиями жизни: раздельным обучением, длительной службой в армии, отсутствием провоцирующих развлечений вроде вечеринок с танцами. Даже в интуристовских гостиницах при жизни Ким Ир Сена сексуальным обслуживанием дорогих гостей занимались не корейки, а специально

⁶⁵ Cumings B. North... С. 173.

приглашенные тайки и филиппинки⁶⁶.

На Юге же прибегли к такому же способу, как и при контроле информации – любовь к стране и пуританизм внутрисемейной жизни пытались отделить от физиологического секса, и потому в удовлетворении своих физиологических потребностей в нем глава семьи пользуется полной свободой. Что же касается корейских жен, то многие западные специалисты, проживавшие в корейских семьях, становились «объектами домогательств» со стороны хозяек дома⁶⁷.

Что же касается собственно «падающих нравов», то рассказ о них – в следующей главе.

Выводы

И на Севере, и на Юге принципиальная оппозиция подавляется, однако если в КНДР можно говорить о подавлении любых альтернативных структур вообще, на Юге действует модель «пока вы не трогаете государство, оно не трогает вас». Власть стремится не давить, но держать эти структуры на таком уровне, чтобы они могли заявлять о себе и даже периодически возмущать спокойствие, но были бы бессильны сотворить нечто более серьезное.

Особенности «экологической ниши» принципиальной оппозиции не позволяют ей оказывать влияние на выработку политических решений, но поднимаемый ею уровень шума по тому или иному поводу вынуждает власти считаться с ее мнением и корректировать свои решения в соответствии с ним.

Кроме того, далеко не всегда то, что выглядит принципиальной оппозицией, является ею в полной мере. Авторитарная система, не имеющая возможности добиться полного единомыслия, должна иметь своего рода клапан для выпуска пара. В Южной Корее роль такого клапана отчасти выполняло студенческое движение.

Отсутствие четких представлений о демократии и аналогичная официальным структурам авторитарная иерархия говорят о том, что корейская оппозиция представляет собой не столько антиправительственное, сколько параравительственное образование.

Кроме того, в условиях иерархичности и авторитарности даже протест во многом подчиняется общим правилам игры. Обычно он не направлен против системы в целом и очень часто имеет своего рода ритуальную форму.

⁶⁶ Ланьков А. Эпитафия обществу контроля.

⁶⁷ Cumings B. North... С. 172.

Глава тринадцатая. Социально-психологические последствия изменения традиционной политической культуры и связанные с этим проблемы

Сегодня «страна утренней свежести» превратилась в страну неоновых реклам и автомобильных пробок¹.

«Korea Times», 1998 г.

Предыдущие главы монографии были посвящены анализу тех элементов, которые существовали в корейской политической культуре и подверглись трансформации в новейшее время. Однако новые времена вызвали к жизни целый комплекс новых проблем, которых в традиционной политической культуре практически не было. В основном это изменения, которые происходят в социально-психологической сфере, отражаясь на целом ряде аспектов жизни общества, будь то изменения внутри семьи, конфликт поколений, социальное расслоение, падение нравов и т. п.

11 апреля 1998 г. газета «Korea Times» опубликовала результаты опроса, который в рамках своей дипломной работы, посвященной туристскому имиджу страны, проводила среди корейцев и иностранцев одна из студенток университета *Кёнхи*. Вопрос был достаточно простой: «Считаете ли вы соответствующим действительности название Кореи «Страна утренней свежести»? Газету поразило то, что 63 % опрошенных корейцев и более половины иностранцев сочли такое определение неверным², а наиболее яркое выражение одного из журналистов, писавших эту статью, автор вынес в эпиграф к данной главе.

Действительно, общество Южной Кореи переживает сегодня этап, очень сложный с психологической точки зрения. В первую очередь речь идет о трансформации классических моделей взаимоотношений. Так, система взаимных моральных обязательств превратилась в систему оказания друг другу взаимных услуг, извращающих и разъедающих традиционную модель³, а на смену построенным по иерархической модели отношениям «сонбэ-хубэ» приходит «дедовщина».

С другой стороны, под влиянием идей эгалитаризма и прав личности, «низы поднимают голову». В стандартной жесткой системе человек, находящийся на ее подножии, воспринимает ограничение своих прав относительно спокойно, понимая, что потом, когда его статус поднимется, он также сможет рассчитывать на помощь, уважение и услуги со стороны «младших». Однако, познакомившиеся с концепцией равенства «младшие» начинают бунтовать и отстаивать свои права.

¹ Korea Times, 11.04.1998.

² Korea Times, 11.04.1998.

³ Korea's Self-Identity. С. 110.

Затем следует отметить, что материальные стимулы начинают преобладать над нематериальными: такие понятия, как долг или энтузиазм, вызванный работой за идею, утрачивают свой блеск.

Можно отметить и иные узловые точки изменения политической культуры:

1. Отношение к ценности отдельно взятой человеческой жизни. Таковая повысилась, и многие элементы традиционной культуры начали восприниматься как посягательство на личную свободу гражданина.

2. Отношение к собственности и материальным благам. Сравним конфуцианское презрение к торгашу и трансформацию образа создателя *чеболь* в образ патриота, который таким образом крепит могущество страны. Сюда же – переориентация престижных профессий: вместо чисто гуманитарных престижными становятся находящиеся на стыке нескольких профессий и связанные с менеджментом или информационными технологиями.

3. Отношение к верности и к членам своей команды, проявляющееся в отходе от принципов пожизненного найма и защиты «своего сукиного сына». Из текущей политической жизни, заметим, видно, что это еще не означает принятия новой политической этики, но позволяет «предать старых соратников», руководствуясь требованиями времени.

4. Отношение к традиции как к культурному слою. Разрушение его традиционных ячеек, в первую очередь патриархальной семьи и связанных с ней социальных институтов далеко не всегда сочетается с выработкой государством эффективных мер по замене традиционной практики внутрисемейной взаимопомощи системой государственного страхования и/или социального обеспечения.

5. Увеличение информационной проницаемости общества, куда входит не только большее проникновение культуры глобализации, но и большая подверженность информационному влиянию. Последнее не только облегчает манипуляции массовым сознанием, но и в определенной мере способствует «падению нравов», навязывая массам более свободные стандарты морали.

6. Отношение к роли и месту образования. Постепенный отход от культа образованности и больший упор не на общую начитанность, а на развитие основного профессионального навыка. Противоречия между конфуцианским подходом и американским образом человека, который сам себя сделал, где упор делается не на диплом, а на счётку, и отсутствие образования, наоборот, подчеркивается.

Изменения в семье

Постепенное разрушение патриархальной семьи началось не одновременно с «наплывом» глобализации. Сначала свою роль сыграли японские мобилизации трудоспособного населения, которые разбивали традиционные большие семьи. Затем «добавила» Корейская война, в ходе которой многие семьи также были разбросаны или разделены.

В середине 1970-х гг. семьи, состоящие из трех поколений, составляли около 30 %, но с началом «модернизации» Кореи патриархальная семья и связанная с ней система ценностей начали быстро разрушаться. Изменились как состав и численность корейской семьи, так и отношение корейцев к браку и их взгляд на семейные отношения. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного среди 200 студенток университета *Вонгван*, провинция Чолла-пукто.

Если еще недавно вопрос о том, обязательно ли выходить замуж, звучал в Корее чуть ли не кощунственно, сейчас 38 % студенток заявляют, что брак - вещь совсем не обязательная. При этом 46 % респонденток не стремятся замуж просто потому, что хотят жить одни, 34 % не желают быть зависимыми от мужа, а 20 % не нравится патриархальная, на их взгляд, семейная система в Корее. Если перед современными корейским студентками встанет вопрос выбора между карьерой и любовью, 67 % отдадут предпочтение карьере, да и среди достоинств жениха на первом месте стоит материальная обеспеченность будущего мужа, за ней следуют характер и социальное происхождение, и только потом внешность. 52 % опрошенных студенток заявили, что после замужества намерены иметь двоих детей, а 40 % собираются ограничиться одним ребенком. Всего лишь 8 % хотели бы завести троих детей, и никто из опрошенных не пожелал иметь больше⁴.

Гендерный вопрос и домашнее насилие.

Еще в начале 1990-х рассказ о том, что в российской семье жена может хвататься за скалку и задавать мужу вопрос «Где ты был?» не после 10 лет супружеской жизни, вызывал у корейцев шок. Есть даже поговорка, которую можно приблизительно перевести так: «Жену и подушку надо хотя бы раз в день выбивать». Изменившей жене по традиции ломали ноги, и на с. 63 своей книги «Корея. Место под солнцем» Б. Каммингс приводит ряд примеров того, насколько неодинаково карались преступления, совершенные мужем и женой⁵. До 1994 г. супружеская измена считалась в РК уголовным преступлением, за которое давали до 2 лет тюрьмы.

Теперь, под воздействием идей феминизма ситуация становится не столь однозначной⁶. Согласно материалам президентского Комитета по женским проблемам, 18,5 % мужчин, потерявших работу после начала кризиса, или разведены, или живут на грани развода (в середине 1990-х разводом заканчивалась 1/3 браков⁷). Вообще, число браков по стране сократилось на 2

⁴ Корейские студентки предпочитают любви карьеру // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 10.12.2003.

⁵ Cumings. Korea's place... С. 61.

⁶ Габрусенко Т. Корейский сериал...

⁷ Breen M. The Koreans... С. 58.

%, а число разводов выросло на 12 %. Если в 1991 г. в Сеуле на 10000 жителей заключалось/ приходилось 104 брака, то в 2001 г. – всего 75⁸.

Опрос, проведенный журналом «Time» и посвященный сексуальному поведению жителей Кореи, Гонконга, Сингапура, Таиланда и Филиппин, показал, что 47 % корейцев и 25 % кореянок не один раз изменяли своему супругу. Сохраняли верность только 35 %⁹. По материалам иного отчета, лишь 55 % мужчин и 34 % женщин назвали секс с супругом удовлетворительным.

Одновременно, по результатам опроса, проведенного банком *Кунмин*, более 30 % замужних женщин в РК работает, разбивая привычный стереотип этой страны как «страны домохозяек»¹⁰. Показатель занятости женщин в экономической сфере вырос с 34,4 % в 1965 г. до 48,1 % в 1999 г., повысился их образовательный ценз. Теперь нередко женщины и после замужества продолжают работать. Однако устои еще сильны и уровень разводов ниже, чем в других развитых странах¹¹.

На размышления наводит и результат опроса японского педагогического центра «*Хитоцубаси бунгэй кёйку синкокай*», проведенного осенью 2003 г. в нескольких странах, в том числе в РК. На вопрос «Должны ли женщины всегда быть женственными и вести себя соответствующим образом?» в Южной Корее ответили положительно 47,7 % опрошенных, а положительный ответ на аналогичный же вопрос про мужчин дало 54,9 %.

Отмечается и диспропорция в гендерном балансе, связанная с тем, что на фоне появления дешевых и надежных способов определения пола будущего ребенка женщины стали прерывать беременность, если плод оказывался женского пола. В результате в 1994 г. решением Министерства здравоохранения определение половой принадлежности эмбриона было запрещено, после чего демографическая ситуация начала постепенно выравниваться: если в 1993 г. на 100 девочек приходилось 115 мальчиков, в 2001 г. их стало уже 109¹². В 2002 г. женщины составляли 49,78 % населения¹³ РК.

По результатам опроса 1300 служащих компании «*Колон*», сотрудникам мужского и женского пола приходится сталкиваться в своей служебной деятельности с совершенно разными проблемами. Мужчинам больше всего омрачает жизнь проблема продвижения по службе (31 % респондентов), а женщины испытывают трудности в отношениях с сослуживцами (30 %): 34 % опрошенных женского пола сталкивались с дискриминацией по половому признаку, а 35 % были свидетелями такого отношения¹⁴.

⁸ Сеульский вестник, № 75, с. 5-6.

⁹ Korea Times, 12.03.2001.

¹⁰ Сеульский вестник, № 81, январь 2004 г., с. 6.

¹¹ Толорая Г. Д., О Ён Иль.

¹² Сеульский вестник, № 81, январь 2004 г., с. 6.

¹³ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса... С. 329.

¹⁴ Мужчины и женщины сталкиваются на работе с разными трудностями // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 19.03.2003.

Движение за женское равноправие началось в РК в 1980-х. 1 апреля 1988 г. был принят государственный Акт о равной возможности найма. Но серьезные подвижки в этом направлении произошли только в правление Ким Дэ Чжуна, при котором был создан специальный правительственный орган в ранге министерства, занимающийся борьбой за права женщин и решением гендерного вопроса.

28 октября 2003 г. Кабинет министров РК принял решение внести поправки в гражданское законодательство и разрешить женщине быть официальной главой семьи. Кроме того, этот же закон разрешает детям брать фамилию матери или отчима¹⁵.

Всплыла и характерная для американского общества проблема домашнего насилия, 90 % жертв которого, естественно, составляют женщины. Согласно данным американских этнографов, работавших в Корее в 1980-е, примерно 50-60 % семейных пар имеют напряженные отношения, сопровождающиеся актами домашнего насилия по принципу «если женщину бьют, значит, она это заслужила». При этом полиция обычно не придает значения семейным распрям вне зависимости от того, до чего дошло рукоприкладство, и в каком состоянии женщина, хотя 0,2 % таких семейных «разборок» заканчивается убийством¹⁶.

Если раньше насилие в семье практически не преследовалось существующим уголовным законодательством, то по специальному Закону о домашнем насилии, принятому Национальной Ассамблеей 18 ноября 1997 г. и вступившему в силу 1 июля 1998 г., оно рассматривается как серьезное социальное преступление. В рамках этого закона дети, например, могут жаловаться на бьющих их родителей. Заметим, правда, что, в отличие от Европы, где подобные дела рассматриваются в обычных судебных инстанциях, в Корее пошли на определенные полумеры, создав суд по семейным делам - самостоятельную инстанцию для рассмотрения таких дел¹⁷. Суд может приказать ответчику «оставить истца в покое и держаться от него подальше» на срок до 6 месяцев, воздерживаться от проявлений родительской власти или посещать назначенного судом советника-психолога.

Полиции рекомендовано отслеживать рапорты о случаях домашнего насилия и немедленно принимать меры по ним. Психологи или врачи, узнавшие о случаях домашнего насилия по роду своей работы, обязаны сообщать об этом по инстанции. В противном случае к ним будут применены дисциплинарные меры.

Государство пытается разрешить проблемы женщин и методом более широкого привлечения их на госслужбу. В 2000 г. квота для них была увеличена с 15 до 20 %, причем речь идет и о привлечении женщин на достаточно значительные посты. Убираются и более курьезные препоны. Так, 22 января 2003 г. женский университет *Ихва* снял запрет на замужество

¹⁵ Сеульский вестник, № 79, ноябрь 2003 г., с. 8.

¹⁶ Korea Times, 16.05.1998.

¹⁷ Korea Times, 13.07.1998.

студенток. В свое время этот запрет был принят потому, что те, кто выходил замуж, немедленно бросали обучение и превращались в домохозяйек. Однако сейчас этот запрет стали рассматривать как дискриминацию замужних женщин, Комиссия по правам человека начала расследование, и ректорат принял отменяющий запрет Указ, имеющий обратную силу¹⁸.

Конфликт поколений. Проблемы стариков и детей

В 2003 г. Центр по изучению культуры вещания, действующий при телерадиокомпании KBS, провел исследование с целью выяснить, какими представляют друг друга молодое и старшее поколения корейцев, то есть те, кому сейчас 20 – 30 и 50 – 60 лет.

Представители старшего поколения отметили, что в корейской молодежи им не по душе отсутствие должной учтивости (27,6 %), эгоизм (26,9 %), легкомыслие (24,3 %) и расточительность (10,1 %). Со своей стороны в представителях старшего поколения молодым людям не нравятся такие черты, как боязнь перемен (35,5 %), скрупулезное следование заведенному порядку (25,6 %), инертность мышления (22,1 %) и то, что они привыкли делать все с оглядкой на других (8,0 %).

Представителям обоих поколений также был задан вопрос, в чем они завидуют друг другу. Большинство людей старшего возраста завидует, прежде всего, самой молодости поколения «детей» (39,6 %). В числе других ответов были названы откровенность (28,6 %) и то, что они росли, не зная трудностей (28,5 %). Молодежь же завидует жизненной мудрости «отцов» (53,4 %) и стабильности их жизни (33,9 %), хотя 12,7 % опрошенных молодых людей не нашли у представителей старшего поколения ничего, чему можно было бы позавидовать.

Что же касается способов сгладить противоречия между поколениями, то большинство опрошенных – 62 % - считает, что для этого необходимо, прежде всего, принимать друг друга такими, какие они есть. 28,6 % респондентов считает, что конфликт отцов и детей должен решаться путем диалога и взаимного убеждения¹⁹.

Согласно данным другого анкетирования, проведенного среди подростков, 34 % опрошенных считают, что отношения между родителями и детьми вообще нуждаются в переменах. 51,9 % чувствовали желание сбежать из дома, при этом 44 % из них назвали в качестве причины отсутствие взаимопонимания²⁰.

Однако развитие ситуации создает все меньше возможностей для диалога. Зависимость стариков от детей в традиционном обществе строится на том, что старик остается главой семьи и пользуется и уважением и

¹⁸ Сеульский вестник, № 75, с. 6.

¹⁹ Что думают друг о друге молодое и старшее поколения корейцев? // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 19.03.2003.

²⁰ Korea Herald, 03.07.2001.

почитанием, выраженным и в материальной форме. Это проявляется и в традиции «позднего совершеннолетия», которое фактически наступает только тогда, когда отец семейства как бы передает главенство в ней сыну. Учитывая, что такое очень часто происходило только тогда, когда главе семьи переваливало за 60, «дети» 30 – 40 лет могут испытывать определенные психологические проблемы²¹.

Считается правилом, что к моменту ухода отца в отставку по возрасту у старшего сына должны быть своя семья и свое дело. Однако в настоящее время эта традиция подтачивается с обеих сторон: сыновья чувствуют себя менее связанными былыми представлениями, а многие родители и сами не хотят утруждать детей дополнительными заботами, считая, что могут справиться с проблемами своего возраста сами.

Меняется и отношение к умершим. Т. М. Симбирцева отмечает, что в последние годы поминовение предков перестало быть обязательным элементом в жизни корейца, и сейчас в РК появились туристические агентства, предлагающие краткосрочные зарубежные путевки именно на те нерабочие дни, которые предназначены для поминовения предков.

Распад традиционной семьи таит в себе и мину, связанную с проблемой пенсионного обеспечения стариков. Раньше государство могло «оставить пенсионеров без внимания», понимая, что о родителях позаботятся взрослые дети, но когда традиционная семья распадается, власти должны думать о пенсионной программе. Нынешняя система социального обеспечения неразвита. Выходящие на пенсию получают либо выходное пособие, либо выплаты на протяжении ограниченного числа лет, так что надо успеть заработать «на старость» и на лечение и себе, и близким²².

Правда, сейчас эта тема в РК еще не является предметом обсуждения. Между тем что-то делать надо. Южнокорейское общество в последние годы стремительно стареет. Согласно недавним данным Национального статистического управления, доля населения в возрасте младше 18 лет в настоящее время составляет 25,1 %. Если в 1965 г. дети и подростки младше 18 лет составляли более половины (51,1 %) населения страны, к 1980 г. их доля сократилась до 43,3 %, в 1990 г. - до 33,8 %, а в 2000 г. детей и подростков было всего 27,5 % от общего числа жителей РК.

Еще данные, опубликованные 26 января 2003 г. Сеульской мэрией. По состоянию на конец 2001 г. население Сеула сократилось на 0,4 % по сравнению с 2000 г. и составило 10 331 244 человека. Одновременно количество семей составило 3570228 и выросло на 0,8 %. Трудоспособное население сократилось на 0,3 %, а доля граждан старше 65 лет составила в 2001 г. 5,71 % от общего числа жителей столицы²³.

Одной из главных причин стремительного сокращения доли молодого населения в Южной Корее является наблюдавшееся в последние годы

²¹ Cumings B. Korea's place... С. 69.

²² Толорая Г. Д., О Ён Иль.

²³ Сеульский вестник, № 75, с. 5-6.

снижение темпов рождаемости. Если в 2000 г. на 10 000 человек населения приходилось 128 новорожденных, то в 2001 г. – 110. Сейчас в среднем на семью приходится 1,3 ребенка²⁴. Если в 1970 г. на 10 женщин приходилось 45,3 новорожденных, то в 2002 г. – всего 11,7. Другой причиной является рост продолжительности жизни. В 2001 г. она составила 76,5 лет (80,0 лет у женщин и 72,8 года у мужчин), увеличившись с 1992 г. почти на 4,8 года. Для сравнения: в 1971 г. среднестатистический кореец доживал только до 59 лет, а кореянка – до 66²⁵.

Причинами этого называют как стремление к малой семье (среднее число членов семьи сегодня – 2,87 чел., в то время как в 1981 г. их было 4,53 чел²⁶), так и то, что выматывающий ритм работы негативно сказывается на сексуальной потенции²⁷. Специалисты объясняют это и сокращением числа женщин, способных рожать, и повышением общего возраста вступления в брак²⁸.

Такая демографическая ситуация может стать причиной острого кризиса системы социального обеспечения, в особенности пенсионного, и негативных изменений на рынке труда.

Изменения в обществе негативно сказались и на отношении к детям. В 1997-1998 гг. корейское общество было шокировано двумя случаями беспрецедентно жестокого поведения родителей по отношению к малолетним детям. В первом мелкий бизнесмен отрубил палец своему сыну для того, чтобы получить страховку, и представил это как действия бандитов, похитивших его ребенка. Во втором человек отравил йогурт, введя в него с помощью шприца средство от насекомых, и дал своему ребенку, рассчитывая после возбудить судебный процесс против фирмы – производителя йогурта и получить компенсацию.

Начали поднимать и тему инцеста. По данным Центра предотвращения сексуального насилия, в 1997 г. из 663 зафиксированных случаев изнасилования примерно 1/5 была совершена членами семьи²⁹.

Нарушилась традиция непременно обеспечить ребенку возможность учиться. Вскоре после кризиса от 10 до 12 % семей были вынуждены прервать школьное образование своих детей из-за невозможности платить за обучение, и выпавшие из привычного ритма и лишенные духовной опеки подростки оказались предоставлены сами себе.

Южнокорейская молодежь на рубеже веков

12 декабря 2002 г. «Korea Herald» опубликовала статью под названием «Моральный кризис наших детей», написанную по материалам серии

²⁴ Толорая Г. Д., О Ён Иль.

²⁵ Южная Корея заметно постарела // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 16.05.2004.

²⁶ Сеульский вестник, № 75, с. 5-6.

²⁷ Breen M. The Koreans... С. 58.

²⁸ Сеульский вестник, № 75, с. 5-6.

²⁹ Breen M. The Koreans... С. 59.

опросов, проведенных Transparency International среди 1005 учащихся старших и средних школ Сеула.

Газету шокировал не столько «аморальный облик» молодежи, сколько то, как она воспринимает современное ей общество. 91 % опрошенных заявили, что корейское общество насыщено коррупцией, но 41,3 % воспринимают ее как приемлемый способ выживания и считают естественным нарушать закон, если тебя никто не видит. 28,4 % готовы дать взятку, если это позволит решить их личные проблемы, а 33 % предпочтут, столкнувшись с проявлениями коррупции, из соображений личной безопасности сделать вид, что ничего не заметили.

16 % заявили, что они готовы «погрязнуть в коррупции» и отсидеть 10 лет в тюрьме за 1 млрд. вон, а 22,7 % сказали, что ничего не имеют против нарушения закона, если это принесет пользу их родственникам или друзьям. В ответ на вопрос о причинах распространения коррупции 64 % назвали неадекватные наказания, а 29,9 % сослались на распространенное утверждение том, что жить, не нарушая закон, нельзя.

Еще один показательный опрос был проведен ЮНИСЕФ в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона среди примерно десяти тысяч детей и подростков в возрасте до 17 лет. Представленные данные продемонстрировали чрезвычайно низкий уровень пиетета, который корейская молодежь испытывает по отношению к старшим. Уважение к старшим испытывает всего 13 % опрошенных (для сравнения - в Гонконге этот показатель был равен 39 %, а во Вьетнаме - 92 %) , что говорит о чрезвычайно растущем отчуждении между поколениями и падении престижа родителей и учителей в глазах молодых. Тот же опрос показал, о чем предпочитают разговаривать между собой корейские школьники. 35 % их разговоров занимают интернет и компьютерные игры (в среднем по региону – 4 %) и 15 % (в среднем по региону – 53 %) - школьная тема.

Как молодежь воспринимает мир, особенно с политической точки зрения? В 2001 г. «Korea Herald» опубликовала гневное письмо, с которым обратился в корейскую прессу некий американец³⁰. Его ужасно возмутило то, что 42,6 % школьников (младшеклассники) считают, что северяне – такие же корейцы, и что КНДР относится к Югу дружелюбно; только 39 % считают, что Соединенные Штаты сыграли историческую роль в освобождении Кореи от японского ига и становлении РК как сильной региональной державы, а более 60 % полагают, что Соединенные Штаты препятствуют национальному воссоединению. По данным еще одного анкетирования, проведенного структурами при администрации президента среди молодежи 15-19 лет, 94,4 % опрошенных считают, что отношения между РК и США строятся на неправомерной основе, хотя при этом 60 % опрошенных сочли, что присутствие американских войск в РК по-прежнему необходимо³¹.

По мнению тех, кто анализировал результаты опросов, это

³⁰ Korea Herald, 27.2004 и 01.05. 2001.

³¹ Сеульский вестник, № 78, сентябрь 2003 г., с. 9.

демонстрирует очень опасную тенденцию. Критика коррупции и лицемерия взрослых сочетаются со слабыми моральными принципами, - а ведь это то поколение, которое через пять лет начнет работать и внедряться в бизнес, а еще через пять-десять лет – во власть.

Кроме того, дети конца 1990-х оказались более предоставлены сами себе. В условиях распада патриархальной семьи, большого числа разводов родители не могут адекватно воспитывать детей, служа им примером³². На это накладываются подвижки в изменении системы образования, в результате чего престижность высшего образования понизилась, и выпускные классы уже не превращаются в предэкзаменационный марафон. У подростков появляется свободное время, которое они не знают куда деть.

Надо учитывать и более высокий уровень корейского инфантилизма. Сравнивая физический и ментальный возраст корейца, можно заметить своего рода «20 %-ное отставание». Это проявляется и в определенных социальных аспектах. Так, то, что у нас возбраняется «детям до 16 лет», в Корее запрещено тем, кому нет 20 - 21.

В результате всего вышеперечисленного дети стали меньше слушаться старших, убегают из дома или вовлекаются в преступную деятельность. По словам Кан Джи Вона, экс-председателя Комитета по защите молодежи при канцелярии премьер-министра, каждый год из дому убегает 20 тыс. подростков. В 70-80 % случаев вина за это лежит на родителях, - «если дети воспитываются в любви, они не станут убегать, какими бы серьезными ни были бы их проблемы».

Детское курение и потребление алкоголя растет. По данным газеты «Хангёре Синмун», в Корее самый высокий процент курящих в мире³³, но согласно данным Комитета по Защите Молодежи, хотя по сравнению с 1997 г. процент курящих учеников старшей школы в 2000 г. упал с 35,3 до 27,6 %, процент курильщиков в средней школе поднялся с 3,9 до 7,4. Увеличилось и число курящих девушек - старших школьниц - с 8,1 до 10,7 %, а также - среди учеников младшей школы, где табак пробовали 12,3 % мальчиков и 3,4 % девочек³⁴. А половина учеников элементарной школы (5-6 класс по нашим меркам) уже пробовала алкоголь³⁵.

В последние несколько лет резко подскочил и уровень детской преступности, который особенно возрос по числу грабежей, изнасилований и убийств. По данным Корейского Института Криминологии, хотя общее количество преступлений сократилось, детская и подростковая преступность составляет 6-7 % от общего их числа и процент этот постепенно растет, а 36 % молодежи, осужденной за различные преступления, совершают рецидив³⁶.

³² Breen M. The Koreans... С. 50.

³³ Хангёре синмун, 03.05. 2001.

³⁴ Korea Herald, 04.01.2002.

³⁵ Хангёре синмун, 28.04. 2001.

³⁶ Korea Herald, 26.10.2001.

Молодежная преступность резко возросла в середине 1990-х гг., достигнув в 1997 г. 150 тысяч случаев, а средний возраст малолетнего преступника снизился на 2-3 года.

Что делает власть для преодоления этого? Государство и Комитет по защите молодежи при аппарате премьер-министра активно разрабатывают программы по трудоустройству молодежи³⁷, стараясь обеспечить им от 100 до 150 тысяч рабочих мест преимущественно в сфере образования, обслуживания и перспективных технологий. В 2002 г. на эти программы выделено 295,6 млрд. вон. Идет создание центров молодежного досуга, специально рассчитанных на несовершеннолетних, а для жертв насилия открыт специальный центр, где они могут получить не только консультацию психолога, но и бесплатную медицинскую помощь.

1 июня 1997 г. был принят Закон о защите молодежи. Закон стремился регламентировать сферу молодежного досуга, старался повлиять на проникновение западной масс-культуры, установил «вредные темы», пропаганда которых должна быть ограничена, и запретил продажу молодежи алкоголя, табака и некоторых лекарств, которые могут быть использованы в качестве наркотиков.

30 апреля 2001 г. Национальная Ассамблея наконец-то опустила планку, и 18-летние уже не считаются несовершеннолетними. Теперь им разрешено смотреть то, что у нас входило в категорию «Детям до 16-ти лет не разрешается», а также самостоятельно расплачиваться за серьезные покупки. При этом голосуют в РК с 18 лет, большинство законов совершеннолетними считает 19-летних, в ночные клубы пускают обычно, начиная с 20-ти, а вступать в брак разрешается с 21 года.

2002 г. был объявлен годом борьбы с потреблением в молодежной среде никотина и алкоголя. А в 2003 г. Сеульский городской комитет по образованию ввел еще более строгие санкции против курения, запретив его в младшей и средней школе как школьникам, так и учителям, и вводя дополнительные курсы, направленные на борьбу с табаком.

Положение дел в школе

Становятся значительно более открытыми для средств массовой информации и внутришкольные проблемы, причем особенное внимание обращается на изменение стандартного паттерна взаимоотношений ученика и учителя, особенно в случаях «бунта на корабле». В апреле 2003 г. был проведен опрос школьников, который показал, что 46,6 % опрошенных стали относиться к учителям с меньшим уважением. Среди причин – падение авторитета учителей в глазах школьников, их низкая квалификация и непродуманная политика властей в сфере образования³⁸.

³⁷ К 24 апреля 2001 г. в стране было более миллиона молодых безработных.

³⁸ Сеульский вестник, № 77, июль 2003, с. 6.

Здесь показательной является история о группе учеников 6 класса начальной школы, которые «подняли восстание» против своего 57-летнего классного руководителя. 4 представителя класса вручили руководству школы петицию, в которой учитель обвинялся в том, что наказывает учеников «неправильно»³⁹.

«Героиней» другой истории стала 60-летняя учительница начальных классов, дело которой было передано в дисциплинарную комиссию министерства образования⁴⁰. Те дети, чьи родители не делали ей подношения, подвергались ею избиениям и издевательствам, которые были настолько болезненными, что дети сами просили родителей «умаслить» ее.

Другой блок проблем касается взаимоотношений между самими учениками, в первую очередь «неустановных». По данным Korea National Statistical Office, 3 % подростков подвергались насилию или оскорблению одноклассников более раза в неделю, а 1,3 % являются жертвами постоянной травли⁴¹.

Однако, только 35,4 % считают «неустановные отношения» в школе серьезной проблемой: о случаях насилия родителям рассказывали только 26,5 % (50 % делились со своими друзьями или *сонбэ*) и более двух третей (67,7 %) не сообщали о факте по инстанциям, опасаясь мести или того, что школьные власти спрячут неприятную статистику⁴².

Среди причин этого явления 54,1 % называют влияние общей культуры и упавших нравов, 20,5 % – семейные проблемы, а 16,7 % – отсутствие направляющего влияния со стороны школы, выраженное в неспособности приструнить хулиганов⁴³.

Начиная с 1997-1998 гг., в газетах периодически всплывают материалы о случаях самоубийств тринадцати - четырнадцатилетних школьников, причиной которых был прессинг со стороны коллег по школе. В прессе широко освещалось вынесение приговора по делу, в котором 16 учеников второго класса высшей школы систематически издевались над своим одноклассником. Жертва травли неоднократно обращалась с жалобами к руководству школы, однако то не предпринимало каких-либо жестких дисциплинарных мер. Жалоба в судебные органы поступила в мае 1995 г., а в феврале 1996 г. все 16 участников травли были отправлены в спецшколу для несовершеннолетних под строгое наблюдение. Компенсацию в размере 150 млн. вон суд обязал выплатить не только семьи ответчиков, но и мэрию Сеула: «городским властям необходимо загладить вину перед жертвой и компенсировать ей ущерб за свою неспособность осуществлять над школой должный контроль»⁴⁴.

³⁹ Korea Times, 29.06.1998.

⁴⁰ Korea Times, 3.06.1998.

⁴¹ Middle School Principal Kills Himself Over Internet Video // Чосон Ильбо, 23.02.2004.

⁴² Korea Times, 28.03.2001.

⁴³ Сеульский вестник, № 77, июль 2003, с. 6.

⁴⁴ Korea Times, 31.10.1998.

2001 г. был объявлен «годом резко возросшего насилия в школе», жертвами которого по информации Министерства образования, стали 160 тысяч учащихся. По данным опроса, проведенного при участии полиции среди 8353 школьников, 11,6 % сталкивались с насилием в школе. А по данным негосударственной организации «Фонд предотвращения молодежного насилия», каждый год жертвами становятся 20,5 % учащихся элементарной школы, 18,8 % средней и 5,5 % старшей⁴⁵.

В 2004 г. пресса активно обсуждала другую историю - классный руководитель средней школы в г. Чханвон, провинция Северная Кёнсан, покончил с собой после того, как в интернет просочилось видео с записью, на которой группа 16-летних учеников этой школы издевалась над своим одноклассником⁴⁶.

Беспокоит общественное мнение и общее состояние здоровья учащихся. Согласно медицинского обследования 120 тысяч учащихся южнокорейских школ, проведенного в 2002 г., из-за акселерации и изменение пищевого режима дети стали выше и полнее, но общее состояние их здоровья ухудшилось. Восемь из каждой тысячи школьников страдают ожирением, а количество школьников, страдающих близорукостью, за 10 лет выросло с 18,4 % до 42,3 %. Доля тех, кто носит очки, составила в младших классах 12,7 %, в средних – 30,1 %, в старших – 34,1 %. У 59,4 % обследованных школьников были выявлены кариес, заболевания десен или полости рта.

Индивидуальное самовыражение.

Можно сказать, что происходит некое перенаправление молодежного самовыражения – в новых условиях нонконформизм начинает проявляться на индивидуальном уровне и не в социальной, а в бытовой сфере.

Если еще пять лет назад молодой человек с перекрашенными волосами или прической до плеч был редкостью, то в начале XXI в. среди молодежи обоего пола это было очень модно, равно как и сережки в ушах, популярные не только у девушек, но и у парней. Между тем в семидесятые годы блюстители порядка РК отлавливали модниц в мини-юбках и с помощью линейки проверяли, не превышает ли расстояние между их коленками и краем юбки разрешенные 15 см. В тот же период велась активная кампания против моды на длинные волосы, когда полицейские задерживали длинноволосых молодых людей прямо на улице и насильно их остригали. Начали появляться такие музыкальные жанры, как панк и хардкор, соотносимые с европейским молодежным протестом и контр-культурой.

Замечу, что сделать себе нестандартную прическу в корейской парикмахерской можно было и в начале 1990-х, но красить волосы в яркие цвета тогда считалось моветоном, и делали это, в основном, иностранные студентки, в том числе – и российские.

⁴⁵ Korea Times, 19.03. 2001.

⁴⁶ Middle School...

К 2003-2004 гг. внешний вид молодежи как бы стабилизировался. С одной стороны, «экстремальных причесок» и прочих вариантов подобного личного самовыражения стало значительно меньше по сравнению с 2001 г., с другой – короткие юбки среди девушек встречаются гораздо чаще и уже не воспринимаются как что-то из ряда вон выходящее.

Психологическое состояние общества после финансового кризиса 1997 г. и в последующие годы. «Болезнь МВФ»

Неуверенность в завтрашнем дне и постоянное психологическое напряжение вызывают у большого числа людей погружение в пограничные психические состояния, сопровождающиеся расстройствами сна, тревожностью, депрессией, нервными срывами и психосоматическими заболеваниями. По словам Чон Чжэ Вона, журналиста из газеты «*Чунан Ильбо*», в 1998 г. люди боялись телефонных звонков начальства, за которыми могут последовать разговор наедине и увольнение⁴⁷.

На 30 % выросло число обращений в медицинские учреждения по поводу бессонницы, раздражительности, усталости, тревожности и депрессии. Возросло число семейных проблем, сексуальных расстройств и самоубийств (в том числе и среди подростков, включая даже детей в возрасте 11-12 лет) на почве депрессии⁴⁸.

В своем интервью, занявшем в газете целую полосу, Син Сан Чхоль, руководитель одной из наиболее известных психиатрических лечебниц в Сеуле, с тревогой говорил о ментальном кризисе, который переживают люди из-за потери веры в светлое будущее в сочетании с изматывающим ритмом жизни. Син называл все это «болезнью МВФ» или «синдромом МВФ», проявляющимся в массовом распространении депрессии и невротических расстройств⁴⁹.

По мнению психиатра Ли На Ми, эти проблемы имеют «финансовые корни». Большинство их происходит или от ощущения собственной никчемности, или от страха не выполнить взятые на себя обязательства. Доктор Ли привел в пример самоубийство матери, испугавшейся, что из-за повышения курса доллара в ходе кризиса, что она больше не будет в состоянии оплачивать обучение сына в престижном колледже за рубежом, однако чаще счета с жизнью сводил потерявший работу глава семьи, не знавший, как объяснить детям свое внезапное увольнение.

У детей набор причин несколько иной. Четыре из десяти молодых людей, испытывавших желание совершить самоубийство, обвиняли в своем состоянии родителей, показал результат опроса 1431 школьника⁵⁰. В остальных случаях причинами были их стрессовые состояния в связи со

⁴⁷ Chung Jeh-won IMF syndrome: where is Korean Society Heading? // Korea Focus, 1998, vol.6, no. 3.

⁴⁸ Chung Jeh-won IMF syndrome...

⁴⁹ Korea Times, 12.07.1998.

⁵⁰ Korea Herald, 03.07.2001.

школьной нагрузкой, школьное насилие и иные проблемы, связанные с «неуставными взаимоотношениями», проблемы личного характера, связанные с противоположным полом⁵¹.

Заметим, что до финансового кризиса число самоубийств в РК было низким. Так, в 1991 г. это было 6593 чел. Однако в 1998 г. насчитывалось уже 12458 чел., в 1999 г. – 11713 чел., в 2000 г. – 11794 чел., в 2001 г. – 12277 чел. Интересно, что это число почти в два раза выше количества жертв ДТП (в 2002 г. – 7090 чел)⁵². Согласно данным Главного полицейского управления, в 2002 г. самоубийство совершили 13055 чел., что на 6, 4 % больше, чем в 2001 г. Из них 39 % - из-за депрессии, около 27 % - вследствие неизлечимой болезни.

Ситуация усугублена проблемой, связанной с так называемыми сайтами для самоубийц. По данным газеты «Korea Herald», таких сайтов в РК существует около 500. Хотя их владельцы утверждают, что в основном они нацелены на то, чтобы «путем взаимного консультирования» подростки избавились от такого желания, полицейские считают, что людей с неустойчивой психикой такое общение, наоборот, может спровоцировать на самоубийство. Тем более что на таких сайтах можно получить массу практических советов о том, как лучше и безболезненнее покончить с собой, и даже нанять себе киллера.

Одним из поводов ускоренного создания отдела по расследованию преступлений, связанных с интернетом, послужило убийство 19-летним юношей своего сверстника по объявлению на «страничке для самоубийц». Молодой человек объяснил полиции, что сделал это не из-за денег, а чтобы помочь товарищу совершить самоубийство, причиной которого стала смерть его девушки.

Определенным вариантом эскапизма считают интернет-зависимость. Заведен даже специальный сайт по борьбе с этим явлением, где можно получить консультации по «лечению»⁵³. Ким Хён Су, глава Ассоциации психологов, специализирующихся на интернет-зависимости, утверждает, что этим недугом страдает 10 % всего населения страны и 40 % подростков⁵⁴, а устроенный еще в 2001 г. опрос среди 396 старшекурсников показал, что в их среде страдают 44,2 %, в том числе 4,2% в критической стадии. По данным за 2003 г., зависимость от сети испытывают 27,5 % учеников средней школы и 23,8 % старшеклассников. 24,3 % проводят в сети от 2 до 3 часов в день и еще 25 % - более 3 часов в день. Более половины опрошенных считают, что без такого отвлекающего фактора их успеваемость в школе была бы гораздо выше, и более 20 % настолько привязаны к интернету, что не согласились бы прожить без него даже неделю⁵⁵.

При этом практика решения личностных проблем с помощью

⁵¹ Korea Herald, 03.07.2001.

⁵² Сеульский вестник, № 78, сентябрь 2003 г., с. 8.

⁵³ Korea Times, 31.01.2001.

⁵⁴ Breen M. The Koreans... С. 250.

⁵⁵ Сеульский вестник, № 76, с. 6.

профессионального психолога или психиатра отсутствует. Психиатрия в Корее - явление достаточно молодое, и общественное мнение воспринимает человека, нуждающегося в такой помощи, как социально опасного.

Между тем, как подметил южнокорейский политолог Ли Сын Чхоль, современные корейцы очень быстро изнашиваются физически и психически. В 40 человек уже выглядит на 60, и Ли полагает, что это из-за изматывающего темпа жизни. Есть даже корейский анекдот: если муж пришел с работы в 7 часов, значит сегодня воскресенье.

В определенном смысле с синдромом МВФ связаны и проблемы нравственно-социального плана, в том числе проблема людей, лишившихся крыши над головой. По словам Ким Гён Су, чиновника министерства здравоохранения и социального обеспечения, курирующего эту проблему, деградация внешнего облика бездомных идет достаточно быстро, и в оборванного бомжа человек превращается за 2-3 месяца. Однако гораздо более опасна деградация психологическая. Все большее число бездомных теряет желание выбраться из этого круга и волю к работе. Они предпочитают питаться на бесплатных кухнях и не ночевать в государственных ночлежках, где запрещают курить и заставляют подчиняться правилам, тем более, что многие из них не питают теплых чувств к государству как виновнику их нынешних бед⁵⁶.

По словам Кима, прожившего в исследовательских целях среди лишенных крова несколько дней, число бездомных, обитающих в метро или на сеульских вокзалах, достигает двух тысяч. При этом 70-80 % из них - мужчины в возрасте от 30 до 40 лет⁵⁷.

С начала XXI в. число бездомных растет, они больше бросаются в глаза, но реакция на них становится более спокойной. Если в 2000-2001 гг. они занимали свои «места ночлега» в метро и подземных переходах только поздно ночью, то в 2004 г. подземные переходы и коммуникации метрополитена они заполняли гораздо раньше – размещаясь на разостланных на полу картонных коробках еще до того, как спадет пассажиропоток. Менее агрессивным стало и отношение к ним полиции, так как рост их числа воспринимается как закономерное следствие безработицы.

Иная форма выражения протеста – криминал. Сотрудники Главного полицейского управления отмечают рост преступлений, связанных с расслоением общества. В первую очередь, это поджоги, которые служат способом выражения протеста⁵⁸. Правда, пока большинство связанных с кризисом преступлений все-таки относится к экономическим и являет собой различные виды мошенничества. В основном, это махинации с кредитными карточками, выдача необеспеченных кредитов и создание финансовых пирамид.

⁵⁶ Korea Times, 24.09.1998.

⁵⁷ Korea Times, 16.05.1998.

⁵⁸ Ibid.

Наркомания и алкоголизм

Среднестатистический кореец выпивает в день 5,4 г алкоголя, мужчина в возрасте от 30 до 49 лет – 14,4 г, что равноценно примерно 1,5 рюмкам *сочжу*⁵⁹. В 1999 г. количество употребленного *сочжу* достигло 59 бутылок на душу населения. Но если исключить детей и в основном не потребляющих этот алкоголь женщин, то получится, что средний кореец выпивает две бутылки *сочжу* в неделю, не считая пиво и виски (Корея занимает 4 место по его импорту). Активнее всего молодежь начинает употреблять алкоголь в институте, окончательно привыкая к нему во время «корпоративных пьянок», когда отказаться от выпивки практически невозможно.

Относительно наркотиков можно сказать, что, судя по прессе, ситуация с этим социальным злом в РК отличается от российской. Во-первых, заливать свое горе в Корею все-таки предпочитают алкоголем, во-вторых, наиболее распространенным видом наркотиков служит хиропон, препарат из группы метаамфетаминов. В Корею, как и в Японии, он стал популярным после Корейской войны 1950-1953 гг., будучи завезенным туда американскими войсками.

Согласно полицейским отчетам, хиропон употребляют представители самых разных слоев общества. Полиция периодически проводит облавы, результаты которых публикуются в прессе, хотя, на наш взгляд, сведения о том, что, например, на его употреблении поймали 17 человек (притом потребителей, а не продавцов), не говорят о больших масштабах явления. Как правило, арестованных или выпускают после уплаты ими штрафа в размере около 10 млн. вон, или определяют на принудительное лечение, которое может сочетаться с содержанием под стражей⁶⁰.

Что же касается изготовления или каналов сбыта иных наркотиков, то производство наркотиков в самой РК претерпело кризис после событий 1998 г.⁶¹, зато возросло число конфискованной марихуаны – с 4 до 44,3 кг, а равно число задержанных наркокурьеров. В 2000 г. в РК было ввезено (в основном из Китая) около 460 кг метаамфетаминов на общую сумму в 950 млн. долларов, из которых было перехвачено около 10 %. Это значит, что в последнее время распространение наркотиков превратилось в РК в определенную проблему, с которой приходится считаться⁶².

Сексуальная революция по-южнокорейски

Если 10 лет назад парочка, обнимающаяся в темном закоулке парка, была редкостью, а появление детей богатых родителей, не стесняющихся демонстрировать свое богатство и оккупирующих определенные элитные бары, рестораны и клубы в поисках партнерш для «быстрого секса», широко

⁵⁹ Сеульский вестник, № 76, с. 6.

⁶⁰ Korea Times, 9.05.1998.

⁶¹ Korea Times, 23. 04.2001.

⁶² Ланьков А. Сеул: город ангелов...

обсуждалось в прессе как признак безусловного падения нравов и забвения традиций⁶³, то сейчас давно появились таблоиды, специализирующиеся на молодежной культуре, половых проблемах и шокирующих новостях, причем азарт, с которым они срывают покрывала с чьей-то личной жизни, пугает корейское общество.

Однако определенный консерватизм сохраняется до сих пор. Данные опроса, проведенного в Южной Корее службой Гэллапа, свидетельствуют о том, что среди большинства юных респондентов господствуют весьма консервативные взгляды на секс. Только 41,5 % согласились с тем, что влюбленным подросткам можно целоваться. Держаться за руки и прилюдно обниматься готовы позволить юным парочкам лишь 25,7 % и 21,3 % респондентов⁶⁴. Только 5,9 % опрошенных считают, что несовершеннолетние (точнее, «дети до 18») имеют право на половую связь. Примерно половина подростков (48,2 %) согласна с тем, что аборт может быть оправдан как средство от нежелательной беременности, - сообщает «Ёнхан»⁶⁵.

С наступлением глобализации картина изменилась. Опрос старшеклассников, проведенный в 2001 г. при содействии министерств Образования и Управления человеческими ресурсами среди 2543 старшеклассников Сеула и иных крупных городов показал, что 13,5 % юношей и 8,1 % девушек уже вступали в половую связь⁶⁶. 10,8 % девушек после этого забеременели, и в 77 % это закончилось абортом. 17,8 % парней и 13,6 % девушек предохранялись, но 33 % не пользовались этим из-за психологических трудностей, связанных с покупкой контрацептива, а 9,1 % - из-за незнания того, как это делается.

По данным иного общенационального опроса, проведенного в Южной Корее службой Гэллапа в 2002 г., в половую связь вступали 6,4 % учеников средних и старших классов. Чаще всего «потеря невинности» происходила в 16 лет (38,5 %). В 15 лет это случалось у 23,7 % подростков, в 14 лет – у 11,9 %, а в 17 лет и старше – у 10,4 %. Около 60 % юношей и девушек сообщили, что первый половой акт у них был не со случайным партнером, а с подругой (другом)⁶⁷.

Следствием такой непросвещенности является то, что 60 % из совершаемых в РК ежегодно двух миллионов абортов приходится на долю несовершеннолетних. При этом если 33 % из них объяснили свою беременность неудачным предохранением, то 29,4 % забеременели в силу своей неосведомленности. Институт здравоохранения и социальных проблем приводит данные о резком росте числа несовершеннолетних матерей,

⁶³ Breen M. The Koreans... С. 58-59.

⁶⁴ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 21.05.2002.

⁶⁵ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 21.05.2002.

⁶⁶ Korea Times, 07.02.2001.

⁶⁷ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 21.05.2002.

обращавшихся за социальным пособием: их % возрос с 24,3 в 1991 г. до 47,9 в 1997 г.⁶⁸

В качестве альтернативного варианта просвещения озабоченные этим вопросом негосударственные организации пытаются читать лекции или заводить свои собственные телефоны доверия. Так, Христианская ассоциация молодых людей имеет свой консультационный центр, получающий от 20 до 40 звонков в день⁶⁹. И все же основным «источником знаний» о сексе остается интернет. 57 % мужчин и 31 % женщин признали свой интерес к порнографии и занимались ее поиском в интернете. Как выяснила группа социологов университета Корё, проводившая опрос в нескольких высших школах, 66,3 % опрошенной молодежи впервые посмотрели порнографию в интернете в средней школе, а 27,3 % - в старших классах элементарной школы (5-6 класс по нашим меркам). 15 % опрошенных заявили, что смотрят порно более трех раз в неделю, а 6,5 % тратят только на это более двух часов в неделю. 69,9 % смотрят это у себя дома, 17,6 % - у друзей, остальные – в компьютерных классах школы или в интернет-кафе⁷⁰.

Внедрение западных норм сексуальной культуры привело к тому, что изрядное количество традиционно нормативных практик межполового общения были причислены к сексуальным домогательствам. С 1999 г. каждое предприятие обязано заниматься воспитанием морального облика своих сотрудников и уделять особое внимание десексуализации.

В июле 2000 г. был принят специальный Закон о предотвращении сексуальных домогательств, включавший в себя наказание не только за половой акт, но и за «сексуальные действия с применением предметов и частей тела». Результат не заставил себя ждать. В том же году созданный на данной волне Центр помощи жертвам сексуального насилия заявил, что число преступлений на сексуальной почве, совершенных на работе, выросло в период между 1998 и 1999 гг. на 72,4 %, увеличившись с 340 случаев до 586. Из них 167 – обвинения в попытке изнасилования, 25 действительных попыток изнасилования, известных не только со слов потерпевших (возможно, речь идет об изнасиловании и понуждении к половым отношениям), 35 – сексуальные домогательства, сопровождавшиеся угрозами или насилием, 359 – классические «сексуальные домогательства» в американской трактовке этого явления. Из последних 167 – поцелуи, объятия или прикосновения; 136 – словесные оскорбления сексуального характера, содержащие в том числе «чрезмерно подробное описание половых актов», излишне сальные шутки или обсуждение мужчинами своих постельных подвигов в присутствии женщин. В 17 случаях жертвами были мужчины, которых пытались склонить к гомосексуальному контакту⁷¹.

⁶⁸ Korea Times, 17.01.2000.

⁶⁹ Korea Times, 17.01.2000.

⁷⁰ Korea Herald, 21.01.2002.

⁷¹ Korea Times, 30.05.2000.

По данным Министерства труда, в 2001 г. оно получило 363 жалобы, содержащие обвинение начальства в сексуальных домогательствах.

Замечу, что ситуация воспринималась неоднозначно, и, анализируя результаты собранных данных, директор Центра Чхве Ён Э отмечала, что многие обвиненные в домогательствах абсолютно не понимают, что их действия в отношении подчиненных являются преступлением. В основном, речь шла о физическом контакте или словесных оскорблениях, причем 56 % случаев происходили в рабочее время, а 41,3 % - на корпоративных мероприятиях после работы⁷².

Как карают нарушителей? Вот данные об итогах расследования за 1999 г.: 39 обвиненных были уволены, 8 переведены на другую работу, 9-ти снизили жалование и 20 получили предупреждение. Кроме того, в Министерстве труда существует своего рода черный список, в котором фиксируют предприятия (обычно мелкие и средние фирмы с неразвитым профсоюзом), которые пока не препятствуют подобной практике⁷³.

26 апреля 2004 г. Верховный Суд РК постановил, что прикосновение к плечу женщины и его массаж также являются сексуальными домогательствами, наказание за которые может включать штраф на сумму до 8130 долларов США или даже до двух лет тюремного заключения.

Такое резкое расширение перечня преступных действий сексуального характера привело к увеличению статистики преступлений. Так, опираясь на данные от 2002 г., специалисты корейского Института криминологии пришли к выводу, что жертвой преступления ежегодно становится каждый десятый житель РК⁷⁴. Представляется, что это было связано именно с тем, что к преступлениям были отнесены и вышеперечисленные «сексуальные домогательства».

Впрочем, преступления сексуального характера в РК совершаются чаще, чем разбой или кражи. По данным корейского Института криминологии, 19,9 из ста тысяч представителей молодежи совершили преступления на сексуальной почве (от насилия до распространения материалов порнографического характера)⁷⁵. Замечая, что этот показатель в три раза выше, чем в Японии, криминалисты относят данный факт за счет господства двойных стандартов и недостатка сексуального образования.

358 тысяч мужчин в Южной Корее ежедневно покупают сексуальные услуги. Примерно 20 % мужчин в возрасте от 20 до 64 лет навещают проституток 4-5 раз в месяц, оставляя каждый раз «жрицам любви» в среднем 154 тысячи вон⁷⁶. Сексом за плату занималось около 1 % юношей и 1,5 % девушек старшего школьного возраста, а еще менее 1 % платили за него сами⁷⁷.

⁷² Korea Times, 30.01.2001.

⁷³ Korea Times, 30.01.2001.

⁷⁴ Сеульский вестник, № 85, май 2004 г., с. 6.

⁷⁵ Korea Times, 06.12.2000.

⁷⁶ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 09.02.2003

⁷⁷ Korea Times, 07.01.2001.

В 1980-е гг. на волне движения за права женщин тема проституции впервые выплеснулась в прессу, а в конце XX в. окончательно перешла в категорию горячих. Отдельные протестантские активистки утверждали, что в Корее насчитывается от 1 млн. до 1 млн. 200 тысяч проституток, что составляет 10 % всего взрослого женского населения и вдвое больше численности армии РК⁷⁸, в то время как данные, опубликованные Корейским институтом криминологии, говорят «только» про 330 тысяч женщин, что составляет более 4 % женского населения РК в возрасте от 20 до 40 лет и примерно 8 % всех работающих женщин данной возрастной группы⁷⁹.

Завышенные данные связаны с тем, что в число проституток включают не только тех, у кого торговля телом является основным видом заработка, но и всех тех, кто теоретически мог бы этим заниматься, работая официантками, барменшами, и т. п.

Специалисты Института криминологии оценили стоимость услуг, оказанных представительницами древнейшей профессии в прошедшем году, в 24 триллиона вон, то есть около 20,4 миллиарда долларов США и 4,1 %⁸⁰ от ВВП страны, а количество «злачных мест» в Сеуле и в шести других городах страны - в 5,5 тысяч⁸¹.

В последнее время в Корее идут оживленные дебаты на тему легализации проституции. Сторонники такой меры утверждают, что легализация поможет властям наладить контроль над секс-индустрией, защитить права и здоровье проституток. Противники же послаблений (их больше) считают, что торговлю женским телом нельзя поощрять ни под каким предлогом.

В сентябре 2004 г. был принят очередной закон «О запрете на продажу сексуальных услуг», ужесточивший наказание за содействие проституции. Согласно ему, содержатель публичного дома может получить до 10 лет тюрьмы или заплатить штраф в размере до 100 млн. вон, а рядовой сутенер – соответственно до 1 года тюрьмы и до 3 млн. вон штрафа.

Принятие закона сопровождалось очередными облавами, проводимыми, по обычаю, не в районах красных фонарей, а в мотелях, караоке-барах и прочих заведениях подобного плана. Было широко объявлено, что задержано более 4000 человек, подавляющее большинство которых составляли потребители секс-услуг. 45 % из них – люди в возрасте 30-40 лет, 27 % - 20-30 лет, 18 % - 40-50 лет. 80 % задержанных оказались конторскими служащими или бизнесменами. Власти поступили как обычно, опубликовав ошарашивающую статистику, в то время как действительному судебному преследованию из этих 4000 подверглось меньше сотни, а именно те, кто

⁷⁸ Breen M. The Koreans... С. 180-181.

⁷⁹ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 09.02.2003.

⁸⁰ Получается, что проституция оказывается более важной отраслью экономики, чем, индустрия электро-, газо- и водоснабжения, которая дает всего 2,9 % ВВП и лишь немного уступает сельскому хозяйству, производящему 4,4 % ВВП.

⁸¹ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 09.02.2003.

насильственно вовлекал девушек в проституцию или любители несовершеннолетних.

Отдельно следует выделить и «любительскую сферу», - полуофициальную подростковую проституцию. Речь идет не столько о насильственном вовлечении несовершеннолетних во «взрослую» проституцию, сколько о ситуации «*вончжос кёчжес*» («сексуальные отношения в обмен на помощь»), весьма точно показанной в фильме Ким Ки Дока «Самаритянка». Именно она рассматривается общественным мнением как наиболее яркий пример падения нравов, поскольку такие сексуальные отношения покушаются на традиционные взаимоотношения отцов и детей или учителя и учеников.

Масштабы этого явления трудно оценить количественно, так как в прессе обычно всплывают лишь отдельные скандальные истории, однако, когда в 2001 г. полиция развернула особо активную кампанию по борьбе с подростковой проституцией, писали, что несовершеннолетних проституток в Южной Корее около 500 тысяч⁸².

По данным опросов, проводимых Специальной Комиссией по детской проституции, примерно 1/10 опрошенных ими учеников средней школы чувствовала желание подзаработать таким образом, а 4,8 % заявили, что имели подобный опыт. При этом 88,2 % опрошенных малолетних проституток-любительниц сказали, что занимаются этим, чтобы заработать на жизнь, и только 5,9 % сослались на любопытство⁸³.

Что же касается тех, кто работает «официально», то в период между сентябрем 1997 г. и августом 1998 г. прокуратура выявила 5048 девочек-подростков, работающих в барах и иных заведениях, в которых запрещено использовать их труд, в том числе 804 именно в борделях. 1051 из них были школьницами, из которых 311 не достигли 16 лет⁸⁴.

Любопытно, что пока РК не знает «презумпции возраста» - ситуации, когда незнание действительного возраста партнерши освобождает от ответственности. Одно из громких дел, которое в 2003 г. обсуждалось в прессе, было связано с тем, что 17-летняя поклонница некоего популярного певца выдала себя за 21-летнюю и вступила с ним в связь. Когда это раскрылось, певца, не знавшего ее реальный возраст, собирались посадить в тюрьму.

Впрочем, общество и так осуждает не столько девушку, сколько ее клиентуру. Даже при перечислении причин явления главными называются «извращенные сексуальные пристрастия корейских мужчин, которые обычно предпочитают «молоденьких» и готовы заплатить за них подороже. И когда 30 октября 2003 г. полиция арестовала 34 человека, которые пользовались сексуальными услугами 18-летней школьницы, искавшей клиентов через интернет, саму девочку при этом не задержали, так как, по мнению

⁸² Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 09.02.2003.

⁸³ Korea Herald, 08.08.2001.

⁸⁴ Korea Times, 17.01.2000.

полицейских, она зарабатывала деньги для семьи из-за того, что ее отец был безработным⁸⁵.

Если до 2000-2001 гг. о «*вончжо кёчжэ*» говорили как о неприятной практике, с которой не совсем понятно как бороться, то, начиная с этого времени, явлению была объявлена официальная война. Сказались как западные скандалы, связанные с педофилами, так и рост числа учениц старшей школы, прибегающих к подобному заработку. С этого времени Корея активно участвует в международных программах, посвященных борьбе с детским сексом, одновременно увеличив наказания за платный секс с малолетними с трех лет лишения свободы до более серьезного срока. Заметим, что эта кара касается потребителей, в то время как организатору таких отношений (сутенеру и владельцу «отелей любви», которые нанимают несовершеннолетних) могут дать до 13 лет тюрьмы.

С «*вончжо кёчжэ*», однако, остается некоторая проблема. Дело в том, что с юридической точки зрения эти отношения нельзя рассматривать ни как отношения проститутки и клиента, ни как изнасилование. Однако, согласно Дополнению к Закону о защите молодежи, взрослые, вступающие в подобные отношения, могут быть осуждены на срок до одного года⁸⁶.

Недавно парламентом были приняты поправки к Закону о защите молодежи, согласно которым в качестве профилактической меры правоохранительные органы могут предавать гласности список лиц, совершивших сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних и малолетних.

Сведения о первой такой группе были помещены на сайте Комитета по защите молодежи 31 августа 2001 г. и насчитывали 169 человек, из которых 60 (35 %) обвинялись в «сексуальных домогательствах» по отношению к детям моложе 12-ти лет, 47 (28 %) совершили насильственные действия сексуального характера, 27 (16 %) были задержаны непосредственно за «*вончжо кёчжэ*», 20 (12 %) – за покушение на насилие и 15 (9 %) – за секс с несовершеннолетней проституткой⁸⁷. Вторая подобная информация появилась в 2002 г. и состояла из 443 человек, совершивших преступления этой группы в первой половине 2001 г. Из них 150 были осуждены за изнасилование (включая его попытку), 123 - за сношение с малолетней за деньги, 120 - за растление малолетних, 49 - за содействие проституции. 63 % преступников - лица в возрасте 20-30 лет, при этом 70 % совершали подобные действия неоднократно. В этот список попали и 18 женщин (все - «мамки»). Из жертв 41,8 % составляли дети в возрасте 16-18 лет, 32,5 % - в возрасте 13-15 лет и 25,7 % - дети младше 13-ти. Более трети находились с преступниками в близком контакте (учителя, соседи, наниматели и т. п.)⁸⁸.

⁸⁵ Сеульский вестник, № 79, ноябрь 2003 г., с. 8.

⁸⁶ Korea Times, 4.09.1998.

⁸⁷ Korea Herald, 24.09.2001.

⁸⁸ Korea Times, 18-19.03.2002.

В отличие от российских геев, у которых процесс самоидентификации был связан со 121-й статьей УК и необходимостью ее отмены, в Корее никогда государство не преследовало однополую любовь, и даже в правление военных гомосексуализм не рассматривался как преступление. Первый гей-бар был открыт 22 года назад, но первая передача, где вообще была затронута тема сексменьшинств, состоялась в 1992 г. по локальному Сеульскому каналу. В 1993 г. в университете Ёнсе появилось первое интернет-сообщество, объединявшее гомосексуалистов из числа аспирантов и студентов этого вуза, а 8-9 сентября 2000 г. все в том же Ёнсе прошел «всекорейский фестиваль «извращенцев», в котором участвовали представители различных организаций, объединяющих сторонников однополый любви.

На 2003 г. в гей-движении насчитывалось 15 организаций геев и лесбиянок. Можно выделить три его источника: филиалы каких-то межнациональных (правозащитных) организаций, группы, сформировавшиеся вокруг того или иного популярного сайта, и комитеты при различных университетах.

Среди социальных или студенческих групп такого рода были более активны лесбиянки. В отличие от геев, им в Корее есть за что бороться, хотя связано это не столько с борьбой за право заниматься любовью друг с другом, сколько - за улучшение статуса женщины и уравнивание ее в правах с мужчиной.

Что же до освещения данной проблемы в СМИ, то так как тема секс-меньшинств не является ни проблемной, ни скандальной, материалов по ней немного. Иногда об этом говорят по ТВ, но, как правило, в связи с чем-то еще. Впрочем, если в 2000-2001 гг. эта тема стала появляться на страницах газет просто потому, что перестала быть закрытой, то теперь начали говорить о преследованиях геев или проведении ими шумных мероприятий на американский манер и тех элементах западной гей-культуры, которые в странах Дальнего Востока вызывают негативную реакцию⁸⁹.

Случаев открытой гомофобии почти нет, однако более трех четвертей опрошенных школьников назвали гомосексуальность «противоестественной»⁹⁰. Это соотношение распространяется и на более старшее поколение, где гомосексуальность назвали приемлемой только 23 % корейцев. В результате в своих явных проявлениях гомосексуализм и трансвестизм по-прежнему встречаются очень редко.

Политика властей в этой сфере сводится к тому, чтобы, не ставя палок в колеса движению в целом, ограждать от него несовершеннолетних. Закон о защите молодежи расценивает однополую любовь как «тлетворную для молодого поколения», а Комитет по защите молодежи зачисляет гомосексуализм в один ряд с групповым сексом, инцестом, садизмом,

⁸⁹ Breen M. The Koreans... С. 59.

⁹⁰ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 21.05.2002.

мазохизмом, проституцией и другими типами «ненормального полового поведения», а сайты гомосексуалов отнесены к разряду «вредных СМИ».

Более тревожащая общество проблема связана с тем, что постоянное пребывание в относительно закрытом мужском коллективе является благоприятной средой для так называемого ситуационного гомосексуализма. Осенью 2000 г. в РК была сенсация, когда в передаче типа нашего «Взгляда» показали посвященные «неуставным сексуальным взаимоотношениям», кадры, снятые скрытой камерой в средней школе. При этом дама, сделавшая репортаж, заявила, что, по ее сведениям, 70 % корейцев подвергаются такому насилию в школах как элементу неуставных взаимоотношений, просто не все в таком возрасте, чтоб понимать, что с ними делали.

Другой источник ситуационного гомосексуализма – армия. Проведенное Национальной комиссией по правам человека исследование показало, что каждый седьмой южнокорейский солдат подвергается сексуальным домогательствам со стороны сослуживцев. Из 670 опрошенных 15,4 % стали жертвами сексуальных домогательств. Чаще всего (70 % случаев) имели место домогательства со стороны старослужащих. И только в 4,4 % случаев солдаты сообщали о приставаниях к ним командиров⁹¹.

Что касается сведений о СПИДе, занесенном в страну американскими военными, то эта статистика является закрытой, и в обществе присутствует спидобоязнь. Тем не менее, по неофициальным данным, в 2001 г. количество зараженных составило 333 чел., что на 52 % выше, чем в 2000 г. Общее число инфицированных составляет 1613 чел.⁹², и 65 % из них - лица в возрасте между 20 и 30 годами⁹³, заразившиеся во время сексуального контакта⁹⁴.

Вместе с тем, ситуация с ВИЧ-инфекцией в Корее продолжает медленно, но верно ухудшаться: по состоянию на конец 2003 г. в стране было зафиксировано всего 2008 инфицированных, из них 400 - в 2002 г., а по официальной информации Национального института здравоохранения, за три первых месяца 2004 г. обнаружено 139 новых случаев заражения – это на 21 % больше, чем в январе-марте 2003 г. 97 % заразились половым путем. Случаи заражения при переливании крови крайне редки⁹⁵.

Все это вызывает тревогу, и в 2004 г. Министерство обороны решило ускорить введение обязательного тестирования призывников на ВИЧ-инфекцию. Раньше тесты планировалось проводить с 2007 г., но теперь Минобороны собирается начать тестирование на год раньше⁹⁶.

Северяне на Юге: проблема адаптации перебежчиков из КНДР к реалиям РК

⁹¹ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 12.04.2004.

⁹² По иным данным - 1209 носителей, из них 1157 инфицированы половым путем.

⁹³ Korea Herald, 05.07.2001.

⁹⁴ Korea Herald, 11.01.2002.

⁹⁵ Сеульский вестник, № 77, июль 2003., с. 7

⁹⁶ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 12.04.2004.

Социально-психологические проблемы нового типа, с которыми сталкиваются люди «традиционного» воспитания, хорошо иллюстрируются и целой серией материалов, посвященных тому, как адаптируются к современным южнокорейским реалиям те представители КНДР, которым удалось попасть на Юг в последнее время.

Подавляющее большинство бывших жителей КНДР, прибывших в Республику Корея после 1995 гг. - это выходцы из северокорейских низов, не отличающиеся образованием и не способные предоставить властям ценной разведывательной информации.

Как правило, им не удается получить образование, и они оказываются на низших ступенях общественной лестницы. По данным корейских социологов, в 2000 г. из 924 обследованных перебежчиков 55,8 % были безработными, 9,1 % - независимыми предпринимателями и 1,7 % работали в научно-исследовательских центрах и вузах. 82,9 % семей перебежчиков заявили, что «сильно не удовлетворены» своими доходами, ибо в начале 2001 г. среднемесячный доход семьи перебежчиков был почти в три раза ниже дохода средней южнокорейской семьи⁹⁷.

Однако главные проблемы - это культурно-психологические или, скорее, социально-психологические. Первые сложности вызваны непривычным укладом жизни. Это незнание в «местном» объеме английского и иероглифики⁹⁸, неумение обращаться с южнокорейским оборудованием любого вида, отсутствие требуемого в условиях Юга образования.

Согласно недавно опубликованному исследованию профессора Ли Бу Ми, почти половина (48,1 %) детей из Северной Кореи не ходит в школу⁹⁹. Трудности вызывают не только непривычные структура контрольных и содержание учебников, но и то, что в связи с упадком системы образования на Севере в последние годы юные северяне сидят за партами вместе с теми, кто на 5-6 лет младше них. Учитывая строгую возрастную иерархию, которая существует в школах РК, у новичков пропадает желание заниматься и развивается комплекс неполноценности¹⁰⁰.

Затем наступают более серьезные трудности, связанные с собственно взаимоотношениями разных менталитетов и вытекающим из них культурно-психологическим отчуждением пришельцев от «местных». С точки зрения живущих на Юге северян южане «эгоцентричны, корыстны, холодны и высокомерны к бедным и неудачливым». Как сказал по этому поводу А. Ланькову один из его респондентов, «Север живет бедно. Но насколько он беден, настолько же и внимательны его люди друг к другу. Там нет здешнего бессердечия»¹⁰¹.

⁹⁷ Ланьков А. Выходцы из КНДР В Южной Корее...

⁹⁸ Ланьков А. Выходцы из КНДР В Южной Корее...

⁹⁹ <http://vestnik.tripod.com>, 08.12.2003

¹⁰⁰ <http://vestnik.tripod.com>, 08.12.2003.

¹⁰¹ Ланьков А. Выходцы из КНДР В Южной Корее...

Выходцы с Севера, живущие на Юге, жалуются на дискриминацию, на то, что к ним относятся как к гражданам второго сорта, на сложности с трудоустройством и стремятся покинуть РК в поисках «еще более лучшей доли». Согласно исследованию, проведенному в сентябре газетой «*Сеге ильбо*» среди 100 перебежчиков, находящихся в Южной Корее, 69 % опрошенных сообщили, что хотят уехать за границу. Более того, 33 % респондентов заявили, что вернулись бы и обратно в Северную Корею, будь у них такая возможность¹⁰². А. Ланьков в своей статье по данной проблеме приводит историю о человеке, который долго добирался на Юг, чтобы через некоторое время попытаться сбежать на Север¹⁰³, и случай этот не единственный.

Не следует думать, что в данном направлении ничего не делается. С августа 1999 г. в стране действует специально созданный учебно-реабилитационный центр для вновь прибывших перебежчиков, известный под сокращенным названием «*Ханавон*», лекции в котором читают как штатные преподаватели, так и специально приглашенные профессора сеульских вузов. Программа обучения рассчитана на два (по другим сведениям три) месяца: примерно половина отводится на изучение особенностей южнокорейской культуры, остальное время занимают практические занятия, призванные помочь адаптации северян к южнокорейской действительности: основы компьютерной грамотности, ускоренные водительские курсы и т. п.

Однако по признанию большинства выпускников центра, эффективность обучения оставляет желать лучшего. Преподаватели не могут приспособиться ни языку слушателей, ни к их невысокому культурному уровню. Как заметил бывший выпускник центра в разговоре с корреспондентом журнала «*Чосон чуган*» весной 2001 г.: «Знаменитые профессора читали нам какие-то лекции, но, честно говоря, я совсем ничего не понимал».

Социальные проблемы и социальное расслоение в КНДР

Сходные проблемы проявляются и на самом Севере. По утверждению ряда респондентов, работавших в Пхеньяне длительное время, практика бартера или обмена услугами становится более распространенной. В решении проблем материальные стимулы преобладают над морально-идеологическими, а роль денег как способа накопления материальных благ и средства общения резко возросла.

По моему личному мнению, массовый голод может очень сильно повлиять на традиционную ментальность, ибо те, кто и в этой ситуации будет пытаться оставаться честными и принципиальными, могут просто умереть с голоду. В этих условиях на смену «верности строю» приходит психология

¹⁰² <http://vestnik.tripod.com>, 15.11.2004.

¹⁰³ Ланьков А. Выходцы из КНДР в Южной Корее...

выживания: важно урвать сегодня, потому что завтра может не наступить. Люди начинают существовать по законам социал-дарвинизма. При этом переменам подвергается наиболее социально активная категория населения: голод особенно сильно бьет по горожанам, в отличие от элиты, которая в состоянии себя обеспечить, или деревенских жителей, которые могут хоть как-то обходиться подножным кормом.

Сокращение субсидий бюджетникам говорит о рождении новой проблемы, ибо существующее положение дел превращает получаемые ими взятки в неотъемлемый элемент выживания, что способствует перерождению системы, падению престижа власти в глазах номенклатуры и т. п.

Ситуация бьет и по молодежи, которая вынуждена выживать или помогать выживать семье вместо того, чтобы учиться. Известно, что среди юных перебежчиков с Севера на Юг 22 % вообще не учились, 19,4 % не получили даже полного начального образования, а 44,6 % бросили свои школы, когда учились в средних или старших классах¹⁰⁴. Данная подборка достаточно репрезентативна, чтобы говорить о кризисе системы образования в целом, который сказывается не только на ослаблении индоктринации, но и на снижении общего культурного уровня.

М. Брин упоминает о разных аспектах влияния голода: и о тех, кто морил себя голодом, уступая свою долю близким, и о группах детей, сбивавшихся в банды для того, чтобы добыть еду, и даже о случаях каннибализма¹⁰⁵.

Социальные процессы в обществе, вызванные перестройкой, дали толчок новому для страны типу социального/имущественного расслоения, уже заметного внешне¹⁰⁶. Наверху оказались те, кто имел доступ к валюте или родственников за границей, способных ее прислать, принимал участие в лицензировании или распределении помощи, «красные директора». Среди потерявших - военные, пенсионеры, крестьяне и большинство бюджетников.

Очень важно при этом то, что среди «новых корейцев» Севера оказались не только представители партноменклатуры. В стране начинает формироваться новая социальная группа, состоящая из дельцов полулегального рынка и работников сферы элитных услуг. Эти «новые корейцы» существуют как бы в порядке исключения, и, теоретически, к любому из них может быть применен комплекс репрессивных мер, что только дополнительно подчеркивает криминализацию этой прослойки и ее установку на «хапать, пока не прикрыли».

Последний момент я отношу к потенциально очень сильной предпосылке идеологического или нравственного кризиса. Ибо новый тип неравенства возникает вне государства и, во многом, вопреки ему. В качестве наиболее явного примера этого А. Ланьков указывает на роль репатриантов

¹⁰⁴ Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 08.12.2003.

¹⁰⁵ Breen M. Kim Jong-il... С. 149-150.

¹⁰⁶ Курбанов С.О. Краткое сообщение о поездке в Пхеньян 03-07 августа 2004 г.

из Японии, которых вместе с их местными родственниками сейчас насчитывается примерно 150-200 тысяч¹⁰⁷. Отношение к этой социальной группе всегда было весьма двойственное. С одной стороны, их воспринимали как полезный источник поступления валюты и технологической информации, с другой – эти люди, получившие иное воспитание, обладали «идеологически сомнительной» репутацией и находились под колпаком компетентных органов. Сейчас политические риски отодвинуты на второй план, и репатрианты играют в северокорейском обществе все более заметную роль.

Насколько силен вызванный этим расслоением внутренний протест, по косвенным данным определить непросто. Однако, по утверждению А. Мацегоры, еще в конце XX в. многие «новые северокорейцы» вели достаточно роскошный образ жизни, зачастую делая это напоказ. Это, конечно, должно вызывать вполне определенную реакцию у беднеющей части населения.

Протест, однако, пока проявляется лишь на индивидуальном уровне, и агрессия выплескивается на тех, кто доступен, а не на тех, на кого хочется. А. Мансуров, опираясь на свидетельства врачей из международных организаций, работавших в КНДР в 1999-2000 гг., приводит информацию о большом числе драк или конфликтов на бытовой почве среди населения, включая даже воинские части¹⁰⁸.

Как не прямое признание наличия расслоения можно представить замечание Ким Чен Ира, который еще в 1998 г. говорил, что урезание продовольственных пайков для жителей Пхеньяна сопровождалось повышением их для представителей остальных регионов. Не означает ли такое выравнивание попытку властей выправить или остановить процесс расслоения регионов на богатые и бедные или признать тот факт, что жители большого города имеют возможность прокормить себя сами, пусть и не совсем легальным образом?

Выводы

Так как набор понятий, характерных для американской административной культуры (эгоизм, рационализм и т. д.), почти полностью противоположен традиционной конфуцианской ментальности, параллельно процессу реструктуризации государства в РК идет процесс трансформации традиционного общества, который вызвал к жизни целый ряд новых проблем в социальной и нравственной сферах.

В основном, проблемы эти касаются развала традиционных структур, построенных на конфуцианском типе взаимоотношений. Суть искажения заключается в том, что «старший в паре» начинает злоупотреблять своей властью, ничего не давая взамен, в ответ на что вооруженный идеей гражданских прав младший начинает требовать изменения традиции.

¹⁰⁷ Ланьков А. Эпитафия обществу контроля.

¹⁰⁸ Breen M. Kim Jong-i... С. 114.

Безработица и бездомность, определенный рост преступности и различных форм эскапизма (от наркомании до суицида) также связаны с «потрясением духовных основ».

Однако, этот комплекс проблем, невзирая на его широкое обсуждение в прессе, пока еще не представляет серьезной угрозы для общества РК. Его результаты могут сказаться через поколение, когда люди, чье мировоззрение сформировалось не в период «ломки», отойдут от активной деятельности.

Насколько противоречие между конфуцианским принципом подчинения авторитетам и американскими духом независимости и культом практичности найдет благополучное для Кореи разрешение, покажет время. Но, являющаяся наиболее подверженной западному влиянию страной Дальнего Востока, РК, вероятно, окажется примером для других стран региона, которые смогут в дальнейшем учесть как ее опыт, так и ее ошибки.

Представляется, что очень многое будет зависеть от того, насколько власти хватит политической мудрости не стремиться форсировать изменение ситуации, ибо ретивые действия в этой сфере могут обернуться комплексом новых и серьезных проблем, равных по вероятному масштабу удара финансовому кризису 1997 г. Особенно с учетом того, что ментальность народа несколько изменилась, и, по мнению Ом Гу Хо, случись сейчас повторение кризиса, поднимать страну за счет рядовых граждан, как это было в 1997 г., может не получиться.

Похожие явления сейчас происходят и на Севере, где, как представляется автору, менталитет народа также претерпел значительные изменения, связанные с тем, что из-за трансформации командно-административной системы Северная Корея уже не является «идеальной антиутопией». Соответствующий этому нравственный кризис, скорее всего, имеет место, однако ресурсов режима хватает на то, чтобы держать его под контролем, и в случае если режим не будет резко «освобождать гайки», эти процессы также не будут пока представлять структурную угрозу для системы.

Глава четырнадцатая. Вместо заключения

Если мастерство политика, согласно определению Черчилля, заключается в том, чтобы подробно описать, что будет завтра, а наавтра подробно объяснить, почему так не произошло, то задача российских ученых - уметь действительно предсказывать ситуацию.

М. Л. Титаренко

Подводя итоги этой работы, автор считает необходимым не только суммировать результаты своего исследования, но и указать на те уроки, которые может извлечь наша страна из изучения данной темы.

Основные направления эволюции корейской политической культуры.

Начиная со времени насильственного открытия страны, корейская политическая культура во многом развивалась под влиянием традиционных моделей, продиктованных конфуцианской политической культурой. После воцарения в Китае маньчжуров в стране распространилось мнение, что именно Корея теперь является местом, где сохранилась истинно конфуцианская традиция. В результате Корея стала своего рода заповедником старины, причем дополнительную роль в консервации традиции сыграл высокий уровень культурной и этнической однородности.

История Кореи до ее аннексии в значительной степени состояла из борьбы различных фракций патриотов и демократов, причем за каждой из группировок прогрессистов стояла та или иная сверхдержава. Тем не менее, на данном этапе на Корейском полуострове пустило корни достаточно большое число разрозненных элементов западной политической культуры. Период колониального гнета также способствовал консервации традиционных элементов внутри страны: хотя завоеватели пытались привнести в Корею свою административную культуру, внедрить ее там удалось далеко не полностью.

Освобождение страны в 1945 г. и начало холодной войны привели к разделу Кореи по американской инициативе и последующему ее расколу на два лагеря, закреплённому и усугубленному Корейской войной. С этого времени в дальнейшем развитии политической культуры корейских государств можно выделить три этапа, характерные как для КНДР, так и для РК. На первом этапе сформировавшиеся под влиянием своих «сюзеренов» корейские государства следовали той идеологии, в угоду которой они были созданы. Внешние элементы как бы наложались сверху на традиционную основу – на уровне институционального заимствования.

На втором этапе под влиянием стремления высвободиться из-под опеки внешнего мира, сделав ставку на национальную идею, традиционная

политическая культура как бы абсорбировала внешние элементы, и от пришедшей извне идеологии остались только внешняя форма и некоторые социально-политические институты.

Практически все основные элементы конфуцианской политической культуры – иерархичность, коллективизм, меритократия, внимание к совершенствованию человеческой природы, приоритет морали над законом и т. п. – нашли свое отражение и в строительстве командно-административной системы на Севере и в организации политической культуры на Юге.

Впрочем, если на Юге авторитаризм пытался в большей степени идти в ногу со временем, Север фактически вернулся к традиционной модели. С точки зрения «строительства антиутопии» северокорейская модель, построенная не столько за счет внедрения концептуально новых элементов, сколько за счет удачного наложения определенных частей структуры сталинской командно-административной системы на традиционный конфуцианский культурный слой, представляла собой не столько «ужасное будущее», сколько возвращение к традиционному прошлому.

На третьем этапе под влиянием изменившейся международной обстановки трансформироваться стала уже не внешняя надстройка, а традиционный базис: процесс пошел разными путями благодаря различному набору условий внешнего давления – двоемыслия и постепенного истощения сил командно-административной системы на Севере, глобализации и расширения информационного поля на Юге.

На Севере общество пошло по пути бывшего СССР эпохи застоя, значительная часть партийного аппарата во многом переродилась в номенклатуру, зараженную двоемыслием и коррупцией, и на смену традиционной психологии «верности строю» пришла маргинальная психология выживания. Аберрация традиционной ментальности на Юге связана с тем, что после относительно демократических преобразований, стартовавших в начале 1990-х, РК стала более открытой для проникновения западной ментальности, которая начала агрессивно завоевывать корейские умы. Можно сказать, что если на Севере идет процесс распада традиционной системы, на юге – распад традиционных ценностей, но в обоих случаях кризис больно ударил по моральному климату в обществе, создав новый для традиционного общества набор проблем нравственно-социального плана.

По обеим сторонам 38 параллели люди активно начали усваивать новые системы ценностей, которые по ряду ключевых моментов (отношение к человеческой жизни, Закону и государству, собственности и т. п.) противоположны не только старой традиции, но и друг другу. Это может стать причиной серьезных социально-психологических проблем, ибо если раньше можно было говорить о единой структуре, прячущейся за разными фасадами, то теперь внешне одинаковый фасад «демократии и глобализации» станет скрывать две разные структуры.

Миф о современной КНДР как «идеальной антиутопии»

Последнее замечание особенно касается Северной Кореи, которая уже в середине 1990-х более напоминала СССР эпохи Брежнева, нежели СССР эпохи Сталина. Более того, можно сделать вывод об определенных попытках правящих кругов Пхеньяна сохранить власть за счет некоторых изменений административной системы, носящих характер «ползучей перестройки».

Придерживающимся иных точек зрения стоит просто обратить внимание на некоторые стержневые моменты. Всякая успешно функционирующая командно-административная система держится на нескольких опорах. Одна из них – это страх перед мощью репрессивного аппарата и неадекватностью наказания. Другая – сила традиций, благодаря которым существующий порядок воспринимается как нечто незыблемое. Третья – высокий моральный дух функционеров системы и их энтузиазм. Не менее важными опорами являются информационный контроль, позволяющий поддерживать пресловутый «железный занавес», и государственная система распределения.

Посмотрим, насколько эффективны эти рычаги влияния на массы в современной КНДР. Страх перед репрессивным аппаратом меняется на умение грамотно «соблюдать правила игры», не привлекая внимания к себе, и направлять внимание органов в другое русло. Армия и силовые структуры начинают прорастать корпоративными интересами, а в организации спецслужб явно видны элементы системы сдержек и противовесов. Бегство за пределы системы уже не является преступлением, за которое всегда следует неотвратимое возмездие.

Энтузиазм и моральный дух функционеров системы упали и уступают место психологии выживания. Государственная функция распределения фактически не функционирует. Значение руководящей и направляющей роли партии, равно как и влияние «гражданской» партийной номенклатуры, существенно сократилось. Нововведения принесли новые проблемы: инфляцию, 80 %-ную безработицу среди женщин, социальное расслоение.

Это значит, что система работает по инерции. Она достаточно сильна, чтобы противостоять внешнему нажиму или иной критической ситуации подобного рода, но на бытовом уровне способность государства контролировать народ заметно снижена. Лишенное опеки государства, большинство жителей КНДР сейчас в той или иной мере живет по законам маргинальной психологии, и только сохранившаяся и функционирующая карательная система держит их в узде.

Такая ситуация говорит о том, что нам следует отказаться от восприятия современной Северной Кореи как «цитадели сталинизма». Созданная Ким Ир Сеном система проявила чудеса выносливости, но жизненный ресурс ее исчерпался, и северокорейская верхушка ищет иные варианты развития страны, соответствующие требованиям времени.

Влияние социальной дивергенции Севера и Юга на межкорейский диалог и перспективы объединения страны

Раньше можно было говорить о наличии на Корейском полуострове двух авторитарных режимов, имеющих сходную организацию структуры власти и отличающихся главным образом ее идеологическим наполнением. Сегодня речь идет не об идеологических, но о концептуальных противоречиях. Двум людям с очень разным менталитетом и разной системой ценностей будет очень сложно договориться и еще сложнее в течение длительного времени сосуществовать друг с другом.

Для того чтобы понять конкретику этих «точек несоприкосновения», заострим внимание на отличающихся элементах этих систем. Потому резюмируем то, о чем мы говорили, и сравним ключевые элементы традиционной модели с происходящим сейчас на Юге и на Севере.

Разрушение традиционной системы взаимоотношений и преобладание индивидуализма. На Юге этот процесс был связан с осознанием массами своих гражданских прав и появлением такого явления, как «privacy». На Севере нарастание индивидуализма вызвано не столько расширением представлений о правах человека, сколько ситуацией, в которой государство уже не может выполнять в полной мере свою распределительную функцию, и для того, чтобы выжить, человек вынужден крутиться сам. Ясно, что в этом случае индивидуалистические тенденции на Севере приобретают даже более острую форму.

Такая ситуация влияет и на **отношение к власти**. Определенное «отделение государства от общества» происходит в обеих частях страны. Но если на Юге это худо-бедно приобретает форму строительства гражданского общества, то на Севере речь идет о своего рода «отчуждении власти» как неприятной силы, с которой лучше не иметь дело, но приходится считаться.

Сие, в свою очередь, влияет на **престиж закона** и отношение к нему. Два разных типа правового сознания в одной стране - очень серьезная «мина», так как Закон должен быть для всех один.

Отношение к ценности отдельно взятой человеческой жизни. Можно заметить, что на Севере и на Юге планка ценности отдельной человеческой жизни неодинакова. В случае конфликтов северяне прибегают к физическому насилию с гораздо большей легкостью, чем южане в той же ситуации¹. Среди перебежчиков с Севера, несмотря на небольшие размеры этой группы, % совершенных преступлений выше, чем в среднем по РК.

Отношение к собственности и материальным благам. Роль материального стимула. Пересмотр отношения к коллективу и снижение морального элемента присутствует и в КНДР, и в РК. Потерпеть сейчас ради счастливого будущего уже не желают ни там, ни тут. Однако на Юге, при всей развитости профсоюзного движения, уважение к нажитому очень велико. На Севере же постепенно формируется менталитет, при котором работа воспринимается как средство личного обогащения, и с нее тащат, как

¹ Ланьков А. Выходцы из КНДР в Южной Корее.

бы «добирая натурой» то, что, как считает человек, государство ему недоплачивает

Если на Юге благодаря жесткой политике Пак Чжон Хи, режим практически миновал период формирования «дикого капитализма» и соответствующей ему морали, на Севере власть пытается направлять процесс, но преобразование северокорейской экономики в значительной степени носит характер борьбы за существование, что негативно сказывается на моральных устоях.

Отношение к традиционным ценностям. Экономический кризис больно бьет по нравственному климату, создав новый для традиционного общества набор проблем нравственно-социального плана, в том числе проблему бездомных, преступности, нелегальной проституции, наркомании, полицейского произвола и т. п. Похожие проблемы могут возникнуть и на Севере, как только репрессивный аппарат ослабеет, а социальное расслоение возрастет.

Учтем, что разрушение традиционных ячеек, в первую очередь патриархальной семьи и связанных с ней социальных институтов, далеко не всегда сочетается с выработкой государством эффективных мер по замене традиционной практики внутрисемейной взаимопомощи системой государственного страхования и/или социального обеспечения. К этому не готовы и Север, и Юг.

И если на Юге падение нравов в определенной степени было вызвано «избытком свободы» на фоне экономического достатка, на Севере его причиной, наоборот, является элементарный недостаток средств к существованию.

Примерно то же самое можно сказать об **отношении к роли и месту образования.** Постепенный отход от культа образованности и соответствующее снижение культурного уровня/уровня запросов на Юге связан с введением «туннельного образования», а на Севере - с общим недостатком средств и сменой приоритетов, которая еще более чем на Юге подрывает статус человека ученого по сравнению с человеком богатым.

Таким образом, на пути межкорейского диалога стоит очень важная проблема, которая может особенно остро проявиться уже после объединения. Граждане двух корейских государств по своему менталитету не являются единым целым. Конфуцианский базис начал разрушаться и трансформироваться и там, и тут, но можно сказать, что если на Юге идет процесс распада традиционных ценностей, на Севере идет разрушение традиционной системы, причем темпы изменения старого менталитета более высоки.

Процесс этот кажется необратимым как на Юге, так и на Севере, хотя там власти пытаются держать его под контролем. Однако даже очень осторожное отодвигание железного занавеса не имеет обратного хода - знакомство с положением дел вовне изменит психологию народа и «закрыться», вернувшись к положению дел до осени 2000 г., уже не выйдет.

Процессы постепенного расхождения общественного сознания Севера и Юга страны несут в себе большую угрозу существованию объединенного корейского государства. Разница между общественным сознанием южан и северян может оказаться так велика, что объединенная страна быстро погрузится в целое море социально-психологических проблем, следствием которых станет как экономическая нестабильность, так и политическая напряженность. Можно представить, какова в случае объединения будет реакция нынешних жителей КНДР, с одной стороны – на значительно более мягкое южное законодательство, а с другой – на большой выбор запрещенных им ранее удовольствий.

Не забудем и про «двойное правосознание». Объединение может привести к тому, что эта тенденция только усилится, и будет разрастаться напряженность не только между северными и южными корейцам, но и между гражданами и государством. Страна может оказаться не готовой к массовой маргинализации населения.

Не случайно большинство специалистов считает, что со скорейшим объединением сегодня не торопятся. Обе стороны понимают, что для преодоления указанных выше проблем нужен срок, равный жизни примерно целого поколения.

За этот период на Севере может пройти первая волна «дикого капитализма», а с южнокорейской помощью несколько вырастет уровень жизни, в результате чего психология «бедного родственника» или, что еще более важно, менталитет, основанный на выживании любой ценой, уступят место «более цивилизованным правилам жизни». На Юге же северяне окончательно превратятся из врагов в братьев, нуждающихся в поддержке. Кроме того, и на Севере, и на Юге из жизни или хотя бы из структур власти уйдет поколение, в сознании которого как незаживающая рана живет Корейская война, тень которой препятствует укреплению доверия.

Наконец, к этому времени трансформация традиционной политической культуры, которая идет сейчас и на Юге, и на Севере, сможет приобрести относительно законченную форму и создать новую основу для объединения страны на неких общих принципах.

В этом случае возникает вопрос: «На каких общих принципах? Что обеспечит идеологическую прочность нового государства?». Конфуцианская основа, которая по обе стороны 38 параллели была очень похожей и потому создавала определенный структурный потенциал для объединения, разлагается и трансформируется и на Севере, и на Юге, причем – в разных направлениях.

По мнению Чон Бён Чжэ, и коммунизм, и капитализм, несмотря на их противостояние, являются учениями, порожденными промышленной революцией и аморальными с конфуцианской точки зрения. Результатом было то, что корейский национализм превратился в движение, освоившее современную политическую культуру и расколовшееся на два крыла – левое, коммунистическое, и правое, капиталистическое. Конечно, оба течения

сохранили в себе элементы национальной традиции, став коммунизмом или демократией с корейским колоритом. Однако под воздействием описанных выше процессов этот колорит выцветает, в то время как возможность для объединения страны существует именно благодаря ему².

Ряд ученых, в том числе и российских (В. Ф. Ли) пытаются доказать не только тотальную несовместимость экономической и социальной систем двух Корей, но и антагонизм общественной психологии двух стран. При этом В. Ф. Ли утверждает, что единственным способом их сблизить является теория конвергенции, которая заключается в том, что противоречия постиндустриальной цивилизации неизбежно приводят к постепенному сближению различных социальных систем. Вопрос в том, как долго и насколько тяжело будет проходить этот процесс.

В этом случае ведущей идеологией новой страны, скорее всего, останется национализм, несколько более левый по сравнению с современным южнокорейским. Конфуцианская основа не будет демонтирована полностью, но уступит место господствующему элементу «демократии», каковую, невзирая на громкие заверения об интеграции в международное сообщество, будут строить с определенной региональной спецификой, которая может напоминать *чучхэсон* по Пак Чжон Хи. Отстаивание национальных интересов осуществится не за счет поддержания автаркии, а за счет интеграции в международные процессы плюс использование технических достижений окружающего мира при сохранении национальной традиции, национальных корней и вытекающих из них элементов политической культуры.

Именно поэтому я могу предполагать, что при определенном развитии событий слово «чучхэ» не исчезнет из политического лексикона страны после ее объединения, хотя смысл этого понятия станет несколько иным.

Вопрос об уничтожении старой структуры и мифов старой идеологии, относящихся к «династии Кимов», достаточно сложен, и прогнозировать что-либо конкретное я пока не берусь. Рискну представить себе, что «декимирсензация» может оказаться гораздо более болезненным процессом для общества КНДР, чем десталинизация у нас. Люди могут иметь претензии, но престиж вождя-основателя и уважение к нему вытравливаются гораздо сложнее. Потому многое будет зависеть от того, каково будет отношение к Ким Ир Сёну, его заслугам и созданной им системе у того руководства КНДР, которое будет править страной на момент объединения, обстоятельств этого объединения, а также – политического курса РК. Ясно одно – «денацификации» по немецкому образцу в чистом виде не будет.

Россия и Корея. Параллели развития и исторические уроки

Выделив общие тенденции развития политической культуры Юга и Севера, обратимся теперь к тому, какие элементы корейского опыта полезны

² Чон Бёнджэ.

для России в качестве урока или примера.

В основном, мы, конечно, будем говорить о том, что роднит РФ и РК, однако, кое-чему, как ни странно это может звучать, нам стоит поучиться и у Севера. В первую очередь, с моей точки зрения, - умению отстаивать свой суверенитет в условиях более чем жесткого давления, противостоять неоглобализму Вашингтона, защищая свои национальные интересы и традиционные ценности. Северная Корея существует более полувека, при этом последние 10-15 лет – в условиях экономического кризиса, вызванного ее экономической изоляцией. Между тем, несмотря на голод и стихийные бедствия, КНДР до сих пор не взорвалась, что свидетельствует о значительном запасе ее прочности.

Не менее интересным для нас может быть и то, как будет выглядеть северокорейская перестройка в дальнейшем. Если Ким Чен Иру удастся избежать тех проблем, которые сопутствовали этому процессу в России, северокорейский опыт может оказаться очень любопытным уроком.

Что же касается сходства Российской Федерации и Республики Корея, то главным общим моментом изменения политической культуры двух стран является переход от традиционного общества, которое теперь принято называть тоталитарным, к демократии европейского образца и «общечеловеческим ценностям». При этом в обоих случаях «тоталитарная» система находилась на излете и отчасти сама обеспечила относительно мирный и бескровный характер перехода.

И в РФ, и в РК переход не закончился до сих пор и сочетается с комплексом проблем, преодоление которых затрудняет тяжелое экономическое положение стран, с недостаточным функционированием административной системы и противодействием определенных кругов, которые рассматривают существующую нестабильную ситуацию как способ личного обогащения или удовлетворения политических амбиций.

Подобно РК, РФ является страной, где, несмотря на внешнюю вестернизацию, стереотипы традиционной политической культуры сидят достаточно крепко. А это влечет за собой непонимание смысла некоторых понятий или не всегда верную адаптацию этих понятий к традиционным условиям России или Кореи.

Перейдем к более конкретным аналогиям. Многие моменты в структуре политической борьбы и политических партий сегодняшней России, в том числе возникновение крупных финансовых агломератов, срачивающихся с теми или иными политическими структурами, в значительной мере напоминают южнокорейскую ситуацию 25-30 лет назад. Более того, пытаясь оздоровить экономику и общество, руководство нашей страны частично применяет меры, подобные тем, которые использовались для вывода страны из кризиса в РК (в частности, в период правления Пак Чжон Хи). Но только внимательное исследование особенностей корейской модели поможет нам правильно учесть корейский опыт, не пытаясь механически переносить его на нашу почву.

С точки зрения «качества демократии» по западным меркам, и Россия, и РК еще не достигли «должного уровня». Внедрение новой политической культуры, как и комплекс мер по общему оздоровлению административной системы, осуществляются в обеих странах, в основном, старыми методами, и следя за российскими реалиями и наблюдая усиление авторитарной или, если угодно, этатистской тенденции, некоторые российские и западные авторы периодически проводят параллели между курсом Путина и политикой Пак Чжон Хи, стараясь заострять внимание не столько на том, какое влияние оказали эти правители на экономику своих стран, сколько на применявшихся ими «недемократических» методах.

Однако здесь уместно вспомнить то, что многие методы Пака, включая госзаказ, пятилетние планы, термин «чучхесон» или некоторые особенности политики в области идеологии и культуры, отражали его увлечение социалистическими идеями, которое он «перерос» и сумел творчески приспособить к требованиям времени, заимствовав у социалистического способа хозяйствования и управления действительно полезные элементы.

Кроме того, на время переходного периода нам поневоле придется возвращаться к относительно авторитарному обществу, поскольку перестройка системы в условиях демократии по-российски чревата полным развалом страны. Здесь конечно, важно соблюдать меру, и история последних лет Пак Чжон Хи показывает, как легко можно, начав с авторитарных мер, скатиться к тоталитаризму.

Впрочем, положение потенциального «диктатора России» сложнее, чем положение Пака. У последнего была хорошая поддержка армии и многочисленных сторонников твердой руки и наведения порядка, и он мог опереться на силу традиции, построенной на социальной иерархии. Другая проблема связана с отсутствием новой идеологии, вокруг которой сплотились бы массы.

В Корее роль такой идеологии в значительной степени играет национальная традиция, и не случайно и на Севере, и на Юге идеологией системы стала смесь национализма и традиционализма. Однако, в отличие от корейского, российское общество гораздо менее патриархально, и власть традиции в нем близка к нулю. К тому же, не всегда ясно, что считать традицией – то ли дореволюционные ценности, которые нам, в основном, известны понаслышке и литературным штампам, то ли наследие советского времени, в котором выросла и жила большая часть населения страны.

Но такие направления деятельности государства Республика Корея периода Пак Чжон Хи, как национальное возрождение, пропаганда чувства национальной гордости, укрепление национального самосознания и подъём национального духа, установление основ здоровой национальной этики, революционное преобразование человека, актуальны и для современной России. Представляется, что корейский способ восстановления утраченных элементов национального самосознания, к которому прибегали как после

освобождения страны в 1945 г., так и после кризиса 1997 г., может представлять для России определенный интерес.

Здесь, правда, есть одна важная деталь, касающаяся национализма, который во многом послужил основой для мобилизации корейской нации. Понятно, что разговоры о национальном самосознании в такой многонациональной стране как Россия могут вызвать непонимание. Однако хочется обратить внимание на то, что процесс национальной самоидентификации человека не обязательно равен его этнической принадлежности. Ярким примером этого было понятие «советский народ», в рамках которого этническая принадлежность уходила на второй план по сравнению с воспитанием чувства гражданственности и связанного с этим чувством патриотизма.

В Корее как мононациональном государстве национализм и патриотизм во многом накладываются друг на друга, и это даже вызывает некоторые негативные явления вроде пресловутого «мелкодержавного шовинизма». Однако пример таких перегибов может стать стоп-сигналом тем, кто излишне ретиво ставит знак равенства между «русским» и «российским». Если традиционалисты начнут разыгрывать национальную карту в масштабах России, в нашей многонациональной стране это чревато новым витком осложнений, ибо существует опасность решать проблемы одних народов за счет других или раздувать образ «врага» применительно к его национальной принадлежности. Так что российской идеологией вполне мог бы стать аналог «чучхэ» - сочетание идей самоусиления и традиционализма, привязанное к эндемике многонациональной /поликультурной страны.

Если с политической стороны Россия чем-то похожа на Корею в период Второй Республики, то по уровню социальной проблематики Южная Корея напоминает Россию периода СССР конца 1980-х гг.

Социальный кризис, вызванный аберрацией традиционной культуры, уже дает о себе знать. Новая, внедряемая с Запада, модель поведения с ее ставкой на индивидуализм косвенно провоцирует асоциальность, и многие элементы традиционного общества, в том числе семья и школа, начинают видоизменяться, и не всегда в лучшую сторону. Так, например, из системы взаимной заботы принцип «сонбэ-хубэ» начал превращаться в систему эксплуатации младших старшими и издевательств над ними. Экономический кризис больно ударил по нравственному климату в обществе, создав новый для традиционного общества набор проблем нравственно-социального плана.

Хотя сейчас в РК эти процессы еще не приобрели такого размаха, который они имеют в современной России, общество уже признало факт наличия наркомании, бездомности, полицейского произвола. И благодаря более высокому уровню распространения информационных технологий (особенно – интернета), темп развития этой тенденции может быть гораздо выше, чем в России.

Таким образом, сравнивая накопления двух наших стран, я наблюдаю много общих черт в их развитии, при этом каждая из стран выступает для другой и в качестве учителя, и в качестве ученика.

Для Кореи российский опыт отчасти является примером того, «как не надо»: не совсем удачный опыт российской гласности может послужить интересным уроком того, как опасно разрушать старые традиции, не задумываясь о последствиях. Если под давлением излишне рьяных сторонников немедленной американизации страны конфуцианская традиция будет слишком быстро расшатана и девальвирована, социальный кризис может оказаться сильнее, чем в России.

Для России корейский опыт является показательным примером того, насколько длительным является процесс правильного осмысления некоторых понятий и перехода к демократии в стране с укоренившейся иерархической традицией. России сейчас могут быть полезны и некоторые методы из арсенала президента Пак Чжон Хи или президента Ким Дэ Чжуна. Речь, конечно, идет не о механическом заимствовании, так как без внимательного учета местных условий и исследования политической и идеологической системы любой другой страны переносить на нашу почву ее опыт не следует.

Очень хочется верить в светлое и счастливое будущее наших стран, и я надеюсь, что, внимательно изучив опыт друг друга, Россия и Корея сумеют избежать повторения уже совершенных ошибок и преуспеют в построении модели общества, соответствующей требованиям нового тысячелетия.

Соображения общего характера

Помимо анализа собственно эволюции корейской политической культуры и попыток провести исторические аналогии между определенными аспектами истории России и Кореи, итог данной работы позволяет сделать несколько выводов общего характера, выходящих за означенные рамки корейской или корейско-российской темы.

В первую очередь, это ответ на вопрос о том, всегда ли плох авторитаризм. Распространенная в последнее время точка зрения вообще отказывает этому варианту построения общества в праве на существование. Между тем корейский опыт дает важный пример соотношения демократии и модернизации: мы не можем уйти от признания того факта, что стремительный прорыв из бедности и развала к стабильности и процветанию был невозможен без «мобилизации нации» и связанного с ней усиления роли государства, неизбежно сопровождающегося ограничением свобод отдельных граждан.

Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, такие особенности авторитарной системы, как высокое быстродействие, дисциплина или способность быстро перебрасывать силы и ресурсы, хорошо подходят для управления в кризисной ситуации. Во-вторых, определенный

уровень принуждения позволяет управлять ситуацией, вызванной противоборством двух тенденций. С одной стороны, тяжелое положение страны, как правило, требует жестких по выходу из кризиса, в ходе исполнения которых граждане будут вынуждены жертвовать частью своего личного благосостояния ради блага страны. С другой стороны, концепция гражданских прав и приоритета интересов личности над интересами государства препятствует этому. К тому же большинство людей по природе консервативно и не хочет перемен – их относительно устраивает сытое спокойствие без необходимости отдавать что-то на нужды страны.

Вообще, авторитаризм представляется автору строем, который в большей степени подходит традиционному обществу, позволяя держать под контролем процессы, способствующие сползанию государства в состояние «fallen state», - в отличие от западной демократии, при которой ее институты лишь наполняются местным содержанием и косвенно благоприятствуют такому, например, явлению как трайбализм.

Можно обратить внимание и на важность государственного аппарата и административной системы, развитость которых и отличает авторитаризм от деспотизма как неограниченной личной власти диктатора, подмявшего под себя слабо функционирующий аппарат. Наличие административной культуры и укрепленной вертикали власти является скелетом, на котором держится государство.

Критики данной точки зрения приводят в пример страны Восточной Европы, которые смогли преодолеть кризис в экономике и без закручивания гаек, однако следует отметить, что а) бывшие члены СЭВ не переживали такую разруху, как Корея 1960-х; б) темпы их экономического роста несравненно ниже достигнутых тогда Кореей. Не является позитивным примером и Аргентина, где комплекс либеральных преобразований после иллюзии роста привел к весьма плачевным экономическим последствиям. В пользу точки зрения автора говорит и то, что, став президентом РК и выводя страну из последствий кризиса 1997 г., Ким Дэ Чжун был вынужден закрутить некоторые гайки и принять ряд мер, которые, будь он лидером оппозиции, он, скорее всего, критиковал бы.

Опасность в другом - «есть гражданские методы управления во время мира и военные во время войны» и их не стоит смешивать. Когда чрезвычайная ситуация заканчивается, необходимо постепенно перейти к более мягкой модели управления. Задержка этого процесса чревата перерождением в диктатуру, а сохранение авторитаризма вне чрезвычайной ситуации может принести не меньше проблем, чем проявление либерализма во время войны или острого социального кризиса. Не случайно большая часть проблем авторитарных систем начинается тогда, когда на фоне улучшения экономического положения у масс возникает несколько иное представление о своем месте и своих правах. Попытка давить нарождающийся протест оказывается неконструктивной и, как еще раз подтвердил корейский опыт, ведет к социальному взрыву.

Исследование темы традиционной политической культуры в современном корейском обществе, или, если угодно, места пережитков тоталитарной системы в современной общественной и политической жизни, дает неоднозначный ответ и на вопрос о сочетаемости западной демократии с особенностями конфуцианского культурного региона, о том, насколько народные массы Кореи готовы воспринять идеи демократии в понимании людей европейской культуры. А похожий опыт изменения авторитарной системы, предпринятый в Китае и во Вьетнаме (в определенном смысле в этот перечень можно добавить процессы, происходившие в ряде республик советской Средней Азии) позволяет поставить чрезвычайно важный вопрос о том, возможно ли воплощение западной демократии в полном объеме в странах конфуцианского культурного региона, и является ли эта демократия универсальной системой, показанной к применению на всех континентах вне зависимости от региональных реалий.

В современном мире, особенно – в третьем, число стран, готовых к восприятию западной демократии в полной мере, совсем не так велико. Для осуществления в стране демократических преобразований на более высоком уровне, чем просто заимствование западных институтов, необходимо появление определенного типа ментальности населения и соответствующего типа политической культуры. Насажение демократии экспресс-методом в надежде получить в течение трех лет то, к чему цивилизованная Европа шла десятилетиями, чревато тем же, чем попытки тянуть ростки вверх, чтобы ускорить получение урожая. При этом в дальневосточном случае высокий риск изначального недопонимания привносимых извне ценностей связан не просто с неверной интерпретацией западной идеологии, а с подменой понятий, происходящей вследствие особенностей «иероглифического» перевода терминологии.

Опыт Южной Кореи в преодолении тех социально-психологических проблем, которые возникают там сейчас, может оказаться важным предметным уроком как того, к чему может привести стремление в кратчайший срок внедрить у себя ценности западной цивилизации, так и того, как власти страны решали связанные с этим проблемы и насколько успешным оказалось подобное решение.

Тем более что даже в такой огульной вестернизации можно углядеть корни традиции. Стремление Кореи заимствовать как можно больше «прогрессивного», нередко доводя у себя эти нововведения до логического абсурда, можно сравнить со «служением старшему» прошлого. Только сегодня роль сюзерена вместо Китая выполняют Соединенные Штаты.

Вывод этот очень важен в контексте ведущейся не только у нас борьбы между «демократами», ориентирующимися на внедрение «прогрессивной» системы государственного управления и политической культуры без оглядки на традиционный менталитет или систему ценностей, и «патриотами»/традиционалистами, говорящими об особом национальном пути развития.

Более того, в настоящее время откорректированный с учетом требований времени конфуцианский идеал меритократии может оказаться для Кореи реальной альтернативой западной системе ценностей. Можно заметить, что набор так называемых «азиатских ценностей» был одним из составных элементов экономического прорыва, охватившего не только Корею, но и иные «новые индустриальные страны» (Гонконг, Тайвань, Сингапур), в каждой из которых конфуцианский субстрат развит достаточно сильно.

К выводам общего характера относится и ответ на вопрос «Чем кроме политической воли должен обладать лидер государства для того, чтобы осуществить перестройку?».

Во-первых, поскольку власть заключается не только в том, чтобы издать закон, но и в том, чтобы проконтролировать его исполнение на местах в любой инстанции, правителю нужно иметь достаточно большую команду единомышленников, которые могли бы помогать ему формулировать идеи и проводить их в жизнь. Без них все его инициативы будут или саботированы, или извращены. Эта команда должна быть и определенной силовой опорой, способной защитить новый курс. Отсюда вывод – повышенное внимание к кадровому вопросу как подготовке прослойки (теоретически, многочисленной и состоящей из достаточно новых, но компетентных, людей), представители которой могли бы стать скелетом будущей административной системы.

Во-вторых, сама административная система должна функционировать относительно слаженно и быть эффективным механизмом воплощения решений власти в жизнь. В условиях разваленного государственного аппарата реформы не идут, легко выходят из-под контроля или искажаются. Отсюда вывод: если система не работает, значит, она нуждается в оздоровлении и перестройке, которая может даже принять форму создания структур, параллельных существующим административным, дублирующих их функции и постепенно подменяющих их.

В-третьих, совершенствование структуры государства должно осуществляться параллельно с выработкой национальной идеи. Создание идеологического стержня чрезвычайно важно для масс, ибо когда его нет, для человека вообще нет ничего святого. Представляется, что многие проблемы сегодняшней России связаны именно с тем, что после 1991-1993 гг. в стране наступил идеологический вакуум, который повлиял и на распад традиционных ценностей, и на формирование недоверия к власти или отчуждение от нее, и на поляризацию отдельных небольших заинтересованных групп при политической апатии основной массы населения.

Пожалуй, необходимость одновременного совершенствования государственной системы и административной/политической культуры (как функционирующего механизма управления) вместе с совершенствованием морали масс и выработкой соответствующего типа социальной ментальности или хотя бы новой государственной идеи является одним из наиболее

важных уроков корейского опыта. Не случайно именно конфуцианская политическая культура, уделяющая особое внимание кадровому и идеологическому вопросам, обеспечила Корею славу наиболее удачного примера перехода страны из третьего мира во второй.

Вот, собственно, и все. Один из немецких философов перед смертью сказал: «Если мои книги заставили хотя бы десять человек задуматься о смысле жизни и изменить свою позицию, я умру счастливым». Мне тоже очень хочется, чтобы этот труд позволил тем, кто его прочел, по-новому взглянуть на актуальные проблемы современной Кореи.

А возможно – и не только Кореи.

К. В. Асмолов
Москва, 2001-2005 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке:

1. Ан Чжун Гын и антияпонское освободительное движение на территории России. // Корейско-российская международная конференция, посвященная 92 годовщине подвига Ан Чжун Гына. Владивосток, 2001.
2. Асмолов К. Резензия на книгу Пак Б. Д., Пак Тхэ Гын. Первоапрельское движение 1919 года в Корее глазами российского дипломата. М.-Иркутск, 1998 // Проблемы Дальнего Востока, 5/1998, с. 150-154.
3. Асмолов К. В. Восприятие в России политических стратегий соседних государств в отношении Корейского полуострова. // Тенденции развития обстановки на Корейском полуострове и возможные альтернативы российской политики. Глава 3. М., 1999, с. 60-94.
4. Асмолов К. В. Корейский полуостров в геополитических стратегиях соседних государств. // Россия и Корея на пороге нового столетия. Материалы III научной конференции. Москва, 25-26.03.1999. М., 1999, с. 21-41.
5. Асмолов К. В. Социально-психологические изменения в современном южнокорейском обществе. // Корейский полуостров: мифы, ожидания, реальность. Часть 1. Материалы IV научной конференции. Москва, 15 – 16.03.2000 г. М., 2001, с. 8-52.
6. Асмолов К. В. Социально-психологические проблемы межкорейского диалога. // Перспективы межкорейского диалога Внутренние и внешние аспекты. Материалы V научной конференции. Москва 21-22 марта 2001 г. М., 2002, с. 121-132.
7. Асмолов К. В. (под псевдонимом Волгин Н. Б.). Межкорейский диалог и принципиальная оппозиция. // Перспективы межкорейского диалога Внутренние и внешние аспекты. Материалы V научной конференции. Москва 21-22 марта 2001 года. М., 2002, с. 13-20.
8. Асмолов К. Профсоюзное движение в Республике Корея. // Проблемы Дальнего Востока, 4/2002, с. 54-65.
9. Асмолов К. Борьба с коррупцией в Южной Корее. // Проблемы Дальнего Востока. 6/2002, с. 84-97.
10. Асмолов К. В. Корейская молодежь на рубеже веков. // Корейский полуостров и вызовы XXI века. // Доклады, представленные на VI научной конференции корейистов. Москва. 26-27 марта 2002 г. Российская Академия наук. Институт Дальнего Востока. М., 2003, с. 157-170.
11. Асмолов К. В. Социально-психологические изменения в современном южнокорейском обществе. // Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 5-6. 2003. СПб., 2003, с. 249-283.

12. Асмолов К. В. Основные характеристики административной культуры Южной Кореи. Часть 1. // Корус Forum, 2003/7 (№ 20), с. 20-32.
13. Асмолов К. В. Основные характеристики административной культуры Южной Кореи (2-я часть). // Корус Forum, 2003/11-12 (№ 21), с. 22-31.
14. Асмолов К. В. Политические партии в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока, 4/2003, с. 46-63.
15. Асмолов К. Генерал Пак Чжон Хи. Очерк политической биографии. // Сеульский вестник: № 77, июнь 2003, с. 14-14; № 78, сентябрь 2003, с. 14-15; № 79, ноябрь 2003, с. 14-15; № 80, ноябрь 2003, с. 14-16.
16. Асмолов К. Военные специалисты США об актуальных проблемах Корейского полуострова. // Проблемы Дальнего Востока, 5/2004, с. 74-92.
17. Асмолов К. В. Военные специалисты США об актуальных проблемах Корейского полуострова. // Корея в поисках мира и процветания. Доклады, представленные на VIII научной конференции корееведов. Москва, 25-26 марта 2004 г. М., 2004, с. 175-186.
18. Асмолов К. Основные проблемы российско-корейских взаимоотношений с точки зрения теории конфликтологии // Сеульский вестник, № 87, август 2004, с. 8-9, 15.
19. Асмолов К. КНДР сейчас – сталинизм, застой или ползучая перестройка? Часть I. // Проблемы Дальнего Востока, 2/2005, с. 44-56; Окончание // Проблемы Дальнего Востока, 3/2005, с. 61-73.
20. Большинство корейцев верит всему, что пишется в Интернете. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 01.03.2004.
21. Булычев Г. Б. Политические системы государств Корейского полуострова. МГИМО МИД России. Кафедра востоковедения. М., 2002.
22. Валиев А. В. Влияние межкорейского диалога на внутреннюю ситуацию в КНДР. // Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. Материалы V научной конференции. Москва, 21-22 марта 2001 года. М., 2002.
23. Ванин Ю. В. Некоторые вопросы предыстории и начала Корейской войны // Доклад на конференции «Война в Корее 1950-1953 гг.» Москва, Институт военной истории, 23.06.2000 г. Рукопись.
24. Верховный Суд Южной Кореи: У свободы слова должны быть пределы. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 24.05.2003.
25. Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар 2001. СПб., 2002.
26. Воронцов В., Кам Бён Хи. Россия и Корея (1945-1992). М., 1993.
27. Впервые в истории Южной Кореи верховным судьей будет женщина // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 23.08.2004.
28. Габрусенко Т. Ассимиляция в мягких перчатках (Ответ Лаврентию Киму) // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, рубрика «Статьи».
29. Габрусенко Т. Палка-палка, бей не жалко... // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, рубрика «Статьи».

30. Габрусенко Т. Миражи в центре Сеула, или размышления о корейском патриотизме. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, рубрика «Статьи».
31. Габрусенко Т. Корейский сериал глазами западного зрителя // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, рубрика «Статьи».
32. Госпожа Госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. При участии Билла Вудварда. (Madeleine Albright. Madam Secretary). М., 2004.
33. Государственные расходы на школьное образование в Южной Корее вновь выросли. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 15.01.2004.
34. Декларация Независимости // Приложение к сборнику статей «Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение». М., 1999.
35. День учителя как праздник, который стал обузой // Сеульский вестник, № 77, июль 2003, с. 6.
36. Дмитриева В. Н. Лозунги и идеологическое воспитание народных масс в КНДР. // Корея в поисках мира и процветания. Доклады, представленные на VIII научной конференции корееведов. Москва, 25-26 марта 2004 г. М., 2004.
37. Донгсунг Конг. Южная Корея: какая инфраструктура обеспечит эффективное управление. // Сервер «Заграница», http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ac1.shtml.
38. Ефимова А. Север и Юг: попытки самоидентификации. // Доклад на первой конференции молодых корееведов. Москва, Институт Дальнего Востока РАН, 2001. Рукопись.
39. «Ёллин ури» внесла в Национальное собрание новый вариант Закона о прояпонских элементах. // Международное радио Кореи, Сайт русской редакции <http://rki.kbs.co.kr/Russian/index.asp>, 09.09.2004.
40. Ён Сон Чжин. Современное состояние коррупции в РК и меры по ее предотвращению. // Доклад на Международном Криминологическом конгрессе 24-29 августа 1998 г., Сеул. Русский текст рукописи предоставлен автору Ким Сон Доком.
41. Жебин А. З. Некоторые механизмы социального контроля в КНДР // Проблемы Дальнего Востока, 6/1996.
42. Жебин А. КНДР – Итоги 2003 г. и вызовы 2004 года. // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22).
43. Забровская Л. Российские корейцы и их связи с родиной предков (1990-2003 гг.). // Проблемы Дальнего Востока, 5/2003.
44. Закон о национальной безопасности рекомендовано отменить // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 25.08.2004.
45. Иванив А. М., Князев С. Д. Создание, развитие и современное состояние конституционного права Республики Корея. // Материалы Международной научной конференции «100 лет корееведения в ДВГУ». Тезисы и доклады. Владивосток, 2000.

46. История боевых искусств. Неизвестный Восток. К. В. Асмолов в соавторстве с Г. К. Панченко. М., 1996.
47. Казарьян Р. Л. Роль и место крупного капитала в политической системе Республики Корея 1961-1997 гг. // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2001.
48. Камингс Б. Переосмысление истоков Корейской войны. // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22).
49. Кан Джордж. Неформальное эссе о корейской культуре. Внутри и снаружи. // Интернет-публикация по адресу http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ad.shtml.
50. Ким Дэ Чжун. Новое начало. М., 1998.
51. Ким Док Чу. Новая Корея. Президент Ким Ён Сам. СПб., 1993.
52. Ким Ир Сен. Избранные произведения в 5 томах. Пхеньян, 1970-1972.
53. Ким Ир Сен. Тезисы о социалистическом образовании. Пхеньян, 1981.
54. Ким Ир Сен. О социалистической педагогике. Пхеньян, 1981.
55. Ким Ир Сен. Тезисы о социалистическом образовании. Опубликовано на XIV Пленуме ЦК Трудовой партии Кореи пятого созыва 5 сентября 1977 года. // Ким Ир Сен. О социалистической педагогике. Пхеньян, 1981.
56. Ким Хон У. Проблемы соотношения политической и экономической реформы в России и в Корее. // Доклад на международной конференции «Корейцы и Северо-Восточная Азия». 27.06.2002, Москва, Институт Дальнего Востока РАН. Рукопись.
57. Ким Чен Ир. Выше поднимем знамя марксизма-ленинизма и идей чучхэ. Пхеньян, 1986.
58. Ким Чен Ир. Прочно установить чучхэйскую систему взглядов на революцию. Пхеньян, 1988.
59. Ким Чен Ир о повышении руководящей роли партии. Пхеньян, 1992.
60. Ким Чен Ир. Воспитать молодежь убежденным, надежным продолжателем нашего революционного дела. Речь перед ответственными работниками ЦК Трудовой партии Кореи 17 января 1990 г. // Ким Чен Ир. Избранные сочинения. 10. 1990. Пхеньян, 1999.
61. Ким Чен Ир. К некоторым вопросам об основах социализма. // Ким Чен Ир. Избранные сочинения. Т. 10. Пхеньян, 1999.
62. Ким Чен Ир - патологический чревоугодник // Газета «Утро.ru», 16.03.2004. Статья по адресу (<http://www.utro.ru/articles/2004/03/16/288789.shtml>)
63. Ким Чхан Су. Историческое значение подвига Ан Чжун Гына. // Корейско-российская международная конференция, посвященная 92 годовщине подвига Ан Чжун Гына. Владивосток, 2001.
64. Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1985.
65. Корейские народные изречения, сост. Лим Су. М., 1982.
66. Корейские студентки предпочитают любви карьеру // Сеульский Вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 10.12.2003.

- 67.Корейские школьники не мечтают стать инженерами и учеными // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com> , 23.03.2004
- 68.Корейские школьники стали выше и полнее // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 29.03.2003.
- 69.Корейский полуостров. Мифы, ожидания, реальность. Материалы IV научной конференции. Москва, 15-16.03.2000 г. Часть 1. , М., 2001; Часть 2, М., 2001.
- 70.Корея и США: две модели правосудия. // Сеульский вестник, № 74, декабрь 2002 г.
- 71.Круглый стол «Страницы прошлого» (Из истории политики Советского Союза на Корейском полуострове в 40-е – 80-е гг.). 26 сентября 2002 г.// Международный общественный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Проект «Российско-корейские отношения в архитектонике СВА и АТР» (при поддержке Фонда). М., 2002.
- 72.Кто он, 16-й Избранник в Президенты Республики Корея Ро Му Хён? Корейская служба информации, Сеул, 2003.
- 73.Курбанов С. О. Первомайское движение и буржуазно-демократическая революция в Кореи. // Первомайское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение. Сборник статей. М., 1999.
- 74.Курбанов С. О. Элементы традиционной дальневосточной общественной мысли в северокорейских идеях чучхе в 1980-х - 1990-х гг. // Доклад на конференции: Восточная Азия - Санкт-Петербург - Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. 2-6 октября 2000 г. Опубликовано в интернете по адресу http://north-korea.narod.ru/history_4.htm - и др.
- 75.Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. СПб., 2002.
- 76.Курбанов С.О. Краткое сообщение о поездке в Пхеньян 03-07 августа 2004 г. Рукопись.
- 77.Ланьков А. Н. Северная Корея: вчера и сегодня. М., 1995.
- 78.Ланьков А. Н.. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина. // Журнал «Восток», 1996, № 1. Интернет-версия статьи на личном сайте автора по адресу <http://www.okoree.narod.ru>.
- 79.Ланьков А.Н. Мир в зеркале корейской печати. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, рубрика «Статьи».
- 80.Ланьков А. Интернет по-корейски. // Русский журнал, <http://www.russ.ru>, 6.11.2000.
- 81.Ланьков А.. Эпитафия обществу контроля. К 55-летию образования КНДР. // Русский журнал, <http://www.russ.ru>, 09.09. 2003.
- 82.Ланьков А. Сеул: город ангелов, в котором практически отсутствует преступность. // Русский журнал, <http://www.russ.ru>, 9.06. 2002.
- 83.Ланьков А. Н. Корея: будни и праздники. М, 2000.

84. Ланьков А. Два источника и две составные части корейского национализма. // Сервер «заграница», <http://world.lib.ru/rating/top100/index-5.shtml>; Русский журнал, <http://www.russ.ru>.
85. Ланьков А. Выходцы из КНДР в Южной Корее: Проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока, 2/2002.
86. Ланьков А. Антиамериканизм в Южной Корее. // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22).
87. Ланьков А. Слабое звено северокорейской пропаганды. // Русский журнал, <http://www.russ.ru>, 13.08. 2003.
88. Левин З. И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999.
89. Лекции по истории Кореи. М., 1997.
90. Ли В. Ф. Заметка о социально-политической доктрине Ким Дэ Чжуна. // Сотрудничество. Материалы 6 международной конференции. Москва, 29-30 ноября 2000 г. М., 2001.
91. Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М., 2000.
92. Мазуров В. М. Южная Корея и США (1950 – 1970 годы). М. 1971.
93. Мальцева М. Панорама 50 лет южнокорейского кино. // Сеульский вестник, № 82, февраль 2004.
94. Мансуров А. Подходы Северной Кореи к Китаю: настороженность под маской поклонения. // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22).
95. Мацегора А. И., Асмолов К. В. Первая сессия Верховного Народного Собрания КНДР десятого созыва. Новый курс нового руководителя. // Российское корееведение. Альманах. Выпуск 1. М., 1999, с. 264-282.
96. Международное Радио Кореи - Radio Korea International, Сайт русской редакции <http://rki.kbs.co.kr/Russian/index.asp>, 25.06.2004; 07.09. 2004; 05.10.2004.
97. Михайлов К. Н. Гражданское самосознание и принуждение в северокорейском обществе // Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. Материалы V научной конференции. Москва, 21-22 марта 2001 года. М., 2002.
98. Мужчины и женщины сталкиваются на работе с разными трудностями // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 19.03.2003.
99. Нам С. Г. Корейский национальный район. Пути поиска исследователя. М., 1991.
100. О чем думают корейские старики // Сеульский Вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 22.11.2003.
101. Обзор по Корее. Пхеньян. Изд-во литературы на иностранных языках, 1982.
102. Овчинников В. Страна восходящего английского. Япония рвется в «царство личностей». // Российская газета, 18.03.2000.
103. Пак А. В. Оценка деятельности общества «Тоннип Хёпхве» в американской историографии. // Сотрудничество. Материалы 6 международной конференции. Москва, 29-30 ноября 2000 г. М., 2001.

104. Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). М., 1993.
105. Пак В. Г. Некоторые черты системы образования в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока, 2/2004.
106. Пак М. Н. Корейское национально-освободительное движение на территории России в период, предшествующий Первомартовскому движению. // Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение. Сборник статей. М., 1999.
107. Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. М., 1987.
108. Панин А., Альтов В. Северная Корея. Эпоха Ким Чен Ира на закате. М., 2004.
109. Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение. Сборник статей. М., 1999.
110. Переломов Л. С. Конфуций. Лунь юй. М., 1998.
111. Петров Л. А. Взлет и падение марксистской историографии в Корею. // Сервер «Заграница», <http://world.lib.ru/rating/comment/index-24.shtml>.
112. Пикитан М., Шлёнский Ю. О назначении Интернета. // Tertia Roma. Сайт авторов, <http://www.tertia-roma.ru>, 15.02. 2003.
113. Пироженко О. «Утерянная земля»: китайско-корейские разногласия в трактовке истории Когурё. // Проблемы Дальнего Востока, 6/2004. Политика пыток, взрыв гнева. Корреспонденции из Южной Кореи. Пхеньян, 1988.
114. Политический словарь. М., 1983.
115. Полиция Южной Кореи в заботе об идеологическом здоровье нации // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 30.01.2004.
116. Положение с правами человека в Северной Корею. // Из доклада Корейской Международной Лиги защиты прав человека (IHRLK). Internet-журнал «Карта», <http://www.karta.org> , № 28-29.
117. Правительство поплатится за исправительные лагеря. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 29.05.2003.
118. Проблемы Корейского полуострова и интересы России. // Материалы II научной конференции. Москва, 21-22 января 1998 г. М., 1998.
119. Прошин А. А., Тимонин А. А. Неоколониализм США и Южная Корея. М., 1985.
120. Ро Му Хён выступил за признание заслуг коммунистов в борьбе с японцами. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 26.08.2004.
121. Россия и Корея на пороге нового столетия. // Материалы III научной конференции. Москва, 25-26.03.1999. М., 1999.
122. Саблин В. Корейский регионализм: взгляд из Москвы. // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22).

123. Самсонов Д. А.. Основные идеологические установки системы «Юсин» (1972-1979) (по материалам исследований корейских авторов). // Дипломная работа. Рукопись. Цитируется с разрешения автора.
124. Сборник статей по изучению идей чучхе. Пхеньян. 1988.
125. Сервер «Заграница». Раздел «Корееведение». http://world.lib.ru/k/kim_o_i/.
126. Симбирцева Т. М. Современная южнокорейская историография о российско-корейских отношениях. // Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. Материалы V научной конференции. Москва, 21-22 марта 2001 года. М., 2002.
127. Син Хё Сук. Трансформация северокорейского общества и подготовка профессиональных кадров (1945-1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока, 5/2003.
128. Соболев П. Бродячая камера. КНДР // Сайт автора <http://enlight.ru/camera/dprk/>
129. Сопротивление продолжается. Корреспонденции из Южной Кореи. Пхеньян, 1975.
130. Сотрудничество. // Материалы 6 международной конференции. Москва, 29-30 ноября 2000 г. М., 2001.
131. Способ неплохо заработать: донеси на коммуниста и получи 30 миллионов. // Сеульский Вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 26.08.2002
132. Стеклов М. М. Конфуцианство как основа государственности в Корее.// Проблемы Дальнего Востока, готовится к печати.
133. СССР и Корея. Серия «СССР и страны Востока». М., 1988.
134. Страны Мира. М. Выпуски за 1983-1987 гг.
135. Суковицына О. Учебники истории. Досадный инцидент? // Доклад на первой конференции молодых корееведов. Москва, ИДВ РАН, декабрь 2001. Рукопись.
136. Суслина С.С. Промышленность Южной Кореи. М. , 1988.
137. Тебя посадят, а ты не воруй... // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 15.12.2003.
138. Тихомиров В. Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов) М., 1998.
139. Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. М., 2000.
140. Толорая Г. Д., О Ён Иль. Как живут южнокорейцы? // Сервер «Заграница», http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a960.shtml.
141. Толстокулаков И. А.. Начальный этап демократического процесса в Южной Корее. // Вестник Центра корейских исследований Дальневосточного государственного университета. № 1. 2000. Спецвыпуск. Материалы Международной научной конференции «100 лет корееведения в ДВГУ» 4-6 октября 2000 г. Тезисы и доклады. Владивосток, 2000.
142. Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток, 2003.

143. Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983.
144. Философский словарь. М., 1986.
145. Чон Бёнджэ. Проблема традиции и модернизации в современной Корее. // Материалы конференции «100 лет петербургскому корееведению». СПб., декабрь 1998 г.
146. Что думают друг о друге молодое и старшее поколения корейцев? // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 19.03.2003.
147. Цой Ге Сук. Ли Дон Хви как глава Временного корейского правительства в Шанхае (3 ноября 1919-24 января 1921 гг.). // Сотрудничество. Материалы 6 международной конференции. Москва, 29-30 ноября 2000 г. Выпуск 3. М., 2001.
148. Шипаев В. И. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986.
149. Штефан Е. Две свежести в одной. // Журнал «Политбюро», №10 (21), 10.03.2003, <http://idr.nns.ru/polit>. Текст статьи взят с личного сайта автора с его разрешения.
150. Энциклопедия преступлений и катастроф. Наркотики и яды. Минск, 1996
151. Югай Г. А. Этногенез корейцев в единой семье арьев: славян, тюрков... Алматы, 2003.
152. Югай Г. А. Общность народов Евразии - арьев и суперэтнсов - как национальная идея: Россия и Корея. М., 2003.
153. Южная Корея заметно постарела // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 16.05.2004
154. Юлин Б. В. Уроки Корейской войны: военный аспект. // Россия и Корея на пороге нового столетия. Материалы III научной конференции. Москва, 25-26.03.1999. М., 1999.

На английском языке:

155. American involvement in Korea. A retrospective summary. Donald N. Clark // Хрестоматия для студентов-историков университета Ёнсе. Сеул, 1990.
156. Ahn Byung Chul. Asian politic institutionalization // Хрестоматия для студентов-политологов университета Ёнсе. Сеул, 1990.
157. Balazs Szalontai. The Dynamic of Repression: The Global Impact of the Stalinist Model, 1944-1953// Russian History/Histoire Russe, 29, Nos. 2-4. Интернет-версия статьи по адресу <http://www.kimsoft.com/2003/balaz.htm>.
158. Breen, Michael. The Koreans. Who They Are, What They Want, Where Their Future Lies. New York, 1998, 2004.
159. Breen, Michael. Kim Jong-Il: North Korea's Dear Leader. Who He is, What He Wants, What to Do about Him. New York, 2004.

160. Chin-Wee Ching. Evolution of political institutions in North Korea. // Хрестоматия для студентов-политологов университета Ёнсе. Сеул, 1990.
161. Cho Yoon-je. A need for more Professionals. // Korea Focus, 1998, vol.6, no. 3.
162. Chung Jeh-won IMF syndrome: where is Korean Society Heading? // Korea Focus, 1998, vol.6, no. 3.
163. Craig S. Coleman. American Images of Korea. Seoul. 1997.
164. Cumings, Bruce. American Policy and Korean liberation. Without Parallel. The American-Korean relationship since 1945. // Хрестоматия для студентов-политологов университета Ёнсе. Сеул, 1990.
165. Cumings, Bruce. Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998.
166. Cumings, Bruce. North Korea. Another Country. New York, London, 2004.
167. Duncan John. Proto-nationalism in Premodern Korea // Sang-Oak Lee and Doo-Soo Park eds. Perspectives on Korea, Sydney, 1998.
168. East Asian Review. Volume 14. Number 1. Spring 2002. Seoul, Korea.
169. Eun Mee Kim. Big Business. Strong State 1960-1990. Albany, 1997.
170. Evolution of political institutions in North Korea. By Chin-Wee Ching // Хрестоматия для студентов-политологов университета Ёнсе. Сеул, 1990.
171. Former Daewoo Head Kills Himself Following Roh's Comments // Choson Ilbo , 11.03.2004.
172. Fulbright Student Advisory Service. News Letter, #14. Seoul.
173. Grayson , James Huntley. Korea. A religious history. Oxford, 1989.
174. Ha Yong-school. Are Koreans chauvinistic? // Korea Focus, 1998, vol.6, no. 3.
175. Hahm Chai-bong. Alarmist Talk about Foreign Dominance. // Korea Focus, 1998, vol. 6, No. 1.
176. Henderson, Gregory. Korea. The policy of the vortex. Cambridge, London, 1978.
177. Hyeon-Dew Kang. Media Culture in Korea. Seoul, 1991.
178. Joungwon Kim. Divided Korea. The politics of development. Seoul, 1997.
179. Journal of Asian Studies 49 No 4 (Nov1990).
180. Junn Sung-chull. Economic Crisis and Asian Values. // Korea Focus. 1998, vol. 6, No. 1.
181. Kang Chol-Hwan and Pierre Rigoulot. The Aquariums of Pyongyang. New York, 2001.
182. Kenneth B. Lee. Korea and East Asia: The Story of a Phoenix. London, 1997.
183. Keum Jang-tae. Confucianism and Korean Thoughts. Seoul. 2000.

184. Key-hiuk Kim. The Last Phase of East Asian World Order. Berkeley, 1980.
185. Kim Byung-kuk. Pres. Kim's Perception for 21st Century. // Korea Times, 8.07.1998.
186. Kim Chae-yun. Social Strata.// Хрестоматия для студентов-политологов университета Ёнсе. Сеул, 1990.
187. Korea Journal. Vol. # 4. Winter 2001. Korean National Commission for UNESCO.
188. Korea Old and New. A History. Seoul, 1990.
189. Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul, 2003.
190. Korean Politics in Transition. Cpt.1. The Politics of Democratic Experiment: 1948-1974. By Yuong-ho Lee. // Edward Rynolds Wright, Ed. Univ. of Washington press, 1975.
191. Korean Politics: Striving for Democracy and Unification. Seoul, 2002.
192. Korean Public Administration. Managing the uneven development. By Bun Woong Kim & Pan Suk Kim. Seoul, 1997.
193. Korea's Self-Identity. By Hong Yi-Sup. Seoul, 1973.
194. Korea's Syngman Rhee. An Unauthorized Portrait. By Richard C. Allen. Rutland, Tokyo. 1960.
195. Lankov, Andrei. Cigarettes, and Whiskey, and Wild, Wild... Diplomats// Рукопись предоставлена К. Асмолову автором и, по его сведениям, эта статья готовится к печати в Korea Times.
196. Letters from the Prison. Kwangju, 1984.
197. Looking at Each Other. By Marion E. Current. Seoul, 1989.
198. Maass Peter. The Last Emperor // The New York Times Magazine. October 19.10. 2003.
199. Middle School Principal Kills Himself Over Internet Video // Chosun Ilbo, 23.02.2004.
200. Nahm, Andrew C. A Panorama of 5000 Years: Korean History. Seoul, 1990.
201. Nahm, Andrew C. A History of the Korean people. Korea. Tradition & Transformation. Seoul, 1989.
202. Nahm.A. Introduction to Korean History and Culture. Seoul, 1993.
203. Northeast Asia Centered around Korea: Ch'oe Namson's view of history. Chizuko T. Allen // Хрестоматия для студентов-политологов университета Ёнсе. Сеул, 1990.
204. Oberdorfer, Don. The Two Koreas. A contemporary History. New York, 1997.
205. Pacific Century. The Emergence of Modern Pacific Asia. Mark Borthwick with contributions by selected scholars. Second edition. Australia, South Yarra, 1998.
206. Park Chung Hee. The Country, the Revolution and I. Seoul, 1970.
207. Park Chung Hee. To Build a Nation. Washington DC, 1971.
- 208.** Rationality and Politics in the Korean Peninsula. Hee Min Kim and

- Woosang Kim, Eds. Osaka, Michigan. 1995.
209. Samguk Yusa. Legends and History of the Three Kingdoms of Ancient Korea. Seoul, 1972.
 210. Seo Dae-sook. A preconceived formula for Sovetization. The Communist takeover of North Korea. Ed. Thomas T. Hammond. The Anatomy of Communist takeovers London, 1975.
 211. Sung Chul Yang. The North and South Korean Political Systems. A Comparative Analysis. Revised Edition. Seoul, 1999.
 212. The New York Times Magazine, 19.10. 2003.
 213. Two Koreas in Transition. Implications for U. S. Policy. United States, 1998.
 214. Wanki Paik. Korean administrative culture. Seoul, 1990.
 215. Washington ProFile // интернет-версия по адресу <http://www.washprofile.org/NEW%20ISSUE/p2.html>, 18.02.2004.
 216. Won-bok Rhie. Korea Unmasked. In Search of the Country, the Society and the People. Korea, 2002.
 217. Yang Jongsung. Cultural Protection Policy in Korea: Intangible Cultural Properties and Living National Treasures. Seoul, 2003.
 218. Yang Kun. Irrationality of Korea's National Crisis.// Korea Focus, 1998, vol. No3.
 219. Zhang Xiaoming. China's relations with Korean Peninsula. A Chinese view. Korea Observer. Vol 32, no.4, winter 2001.
 220. 20 South Korean men cut off fingers in anti-Japanese protest // Korea Times, 13.08.2001.

На корейском языке:

221. Ан Чхон. Манчжу-нын ури ттан (Манчжурия - наша земля). Сеул, 1990.
222. Ли Кю Тхэ. Хангукин-ый ыйсик кучжо: хангукин-ын нугу инга? (Структура сознания корейца: кто такой кореец?). Сеул, 1994.
223. Заметка Ли Сан Хо. Манчжу-нын ури ттан (Манчжурия - наша земля). // Сеге ильбо, 23.09.1993 г.
224. Ким Чен Ир. Чучхэ сасанный тэхаё (Об идеях чучхэ). Пхеньян, 1982.
225. Ким Чон Нём. А! Пак Чжон Хи. Чон чхонвадэ писосильчжан чийм. (А! Пак Чжон Хи. Воспоминания бывшего секретаря президента). Сеул, 1997.
226. Ли Кю Тхэ. Хангукин-ый ыйсик кучжо: хангукин-ын нугу инга? (Структура сознания корейца: кто такой кореец?). Сеул, 1994.
227. Сборник приказов и указаний МОБ КНДР. Ч. I. Пхеньян, 1990.
228. Син Хен Сик. Историограф истории Кореи. Сеул, 1998.
229. Уголовный кодекс КНДР. Пхеньян, 1987
230. Хан Сын Чжо. Пак Чжон Хи бум, уёинга, пхирёинга (Пак Чжон Хи бум, случайность или необходимость). Сеул, 1999

Периодика

На русском языке:

Сеульский вестник за 2001-2004 гг.

На английском языке:

Chosun Ilbo за 1999-2004 гг.

Korea Times за 1998-2003 гг.

Korea Herald за 1995-2003 гг.

На корейском языке:

Нодон синмун, 4 .01.2001.

Нодон синмун. 21.03.2001

Пукхан, Сеул, № 12, 2000.

Тхониль Хангук, Сеул, № 9, 2000.

Хангёре синмун, 28.04. 2001.

Хангёре синмун, 3.05. 2001.

Yahoo Korea, № 9,2000.

Основные интернет-ресурсы

<http://enlight.ru/camera/dprk/>

<http://idr.nns.ru/polit>.

<http://www.okoree.narod.ru>

[http:// rbc.ru](http://rbc.ru)

<http://rki.kbs.co.kr/Russian>

<http://vestnik.tripod.com>

http://world.lib.ru/k/kim_o_i

[http://www. Agentura.ru](http://www.Agentura.ru)

<http://www.karta.org>

<http://www.kimsoft.com>

<http://www.koreaherald.co.kr>

<http://www.koreatimes.co.kr>

<http://www.russ.ru>

<http://www.tertia-roma.ru>

<http://www.utro.ru>

<http://www.washprofile.org>